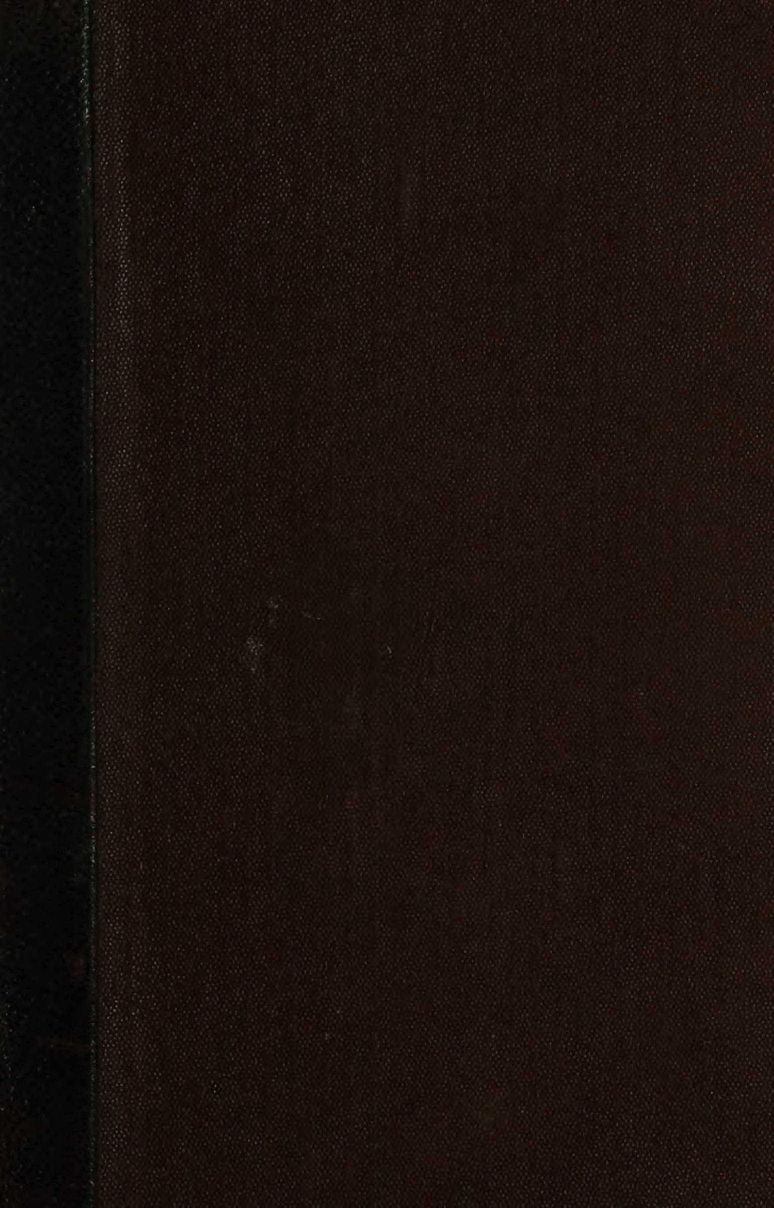
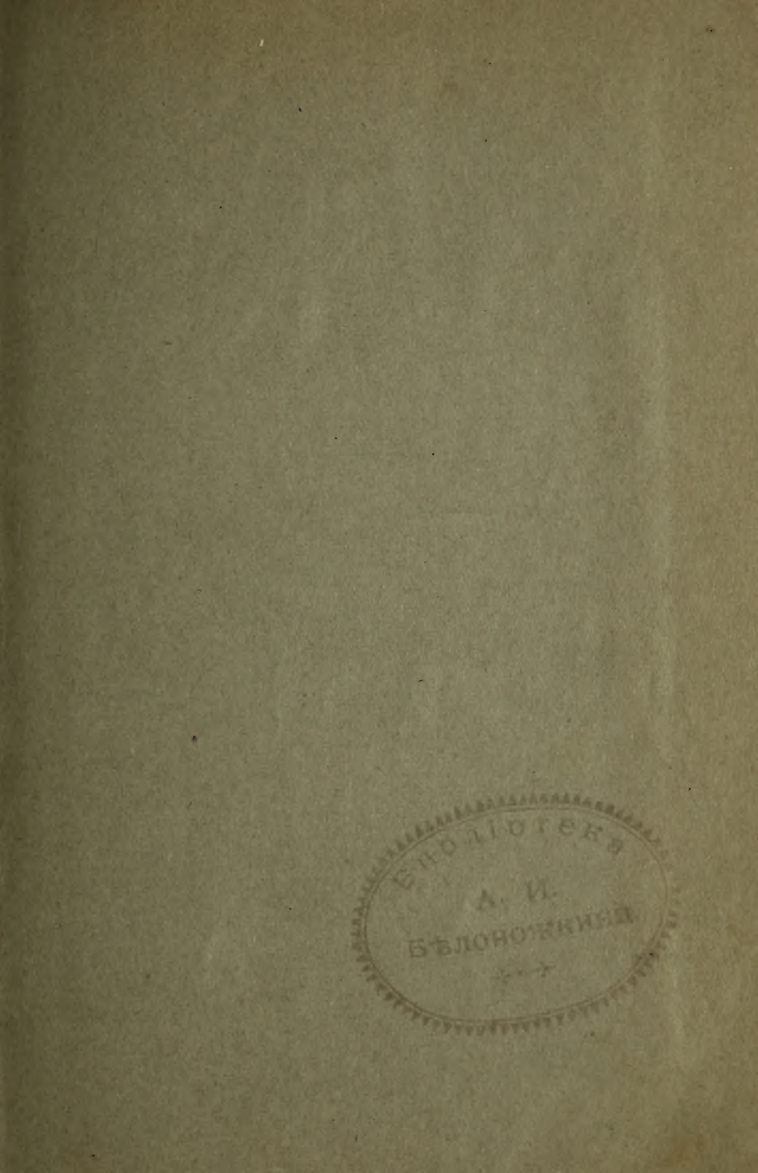

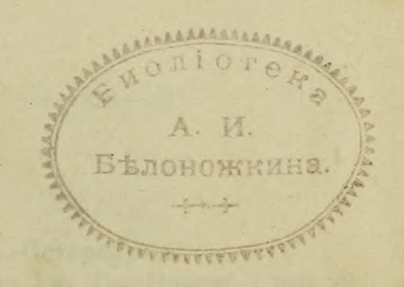

Sigillum Universitatis Dukensis
Eruditio et Religio

Сочиненія

А. А. Потѣхина.

Томъ второй.

Сочиненія

А. А. Потѣхина.

—

Томъ второй.

Повѣсти и разсказы.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Т-во „Просвѣщеніе", 7 рота, 20.
Городская контора: Невскій 50.

Бумага безъ примѣси древесной массы (веленевая).

Типо рафія Т-ва „Просвѣщеніе". Спб., 7 рота, соб. д. № 20.

Оглавленіе.

Крестьянка.

Романъ въ двухъ частяхъ.

Часть первая.

„Знай сверчокъ свой шестокъ".

Глава I.

Семейство Кнабе.

Усадьбою Тужиловкой, со всѣми принадлежащими къ ней помѣстьями, пахотными и сѣнокосными полями, лѣсными дачами и пр., лѣтъ пять уже управлялъ курляндскій уроженецъ, Августъ Карлычъ Кнабе. Онъ былъ нѣмецъ, какъ человѣкъ, и нѣмецъ какъ управляющій. Акуратенъ, честенъ, упрямъ, нѣсколько скупъ, одностороненъ и скученъ — вотъ его нравственныя черты; въ сельскомъ хозяйствѣ онъ отдавалъ особенное преимущество скотоводству, разведенію клевера и картофеля. Августъ Карлычъ преимущественно и посвящалъ свой надзоръ возращенію этихъ продуктовъ, хотя и прочія статьи хозяйства не ускользали отъ его вниманія.

Онъ былъ женатъ, имѣлъ дочь. Жена его Амалія Ѳедоровна была существо добрѣйшее, совершенно незлобное и совершенно сантиментальное: она часто восторгалась, и восторгъ не рѣдко вызывалъ слезы на ея глаза. Кнабе соединились бракомъ по любви, и любовь ихъ сохранялась, не измѣняясь и не ослабѣвая, до настоящей минуты; она укрѣпилась

и, такъ сказать, сосредоточилась на ихъ маленькой дочери, Анхенъ: это былъ предметъ ихъ постоянной заботливости, ихъ страстнаго поклоненія, какъ будто въ Анхенъ они оба сливались душою.

Ребенокъ былъ какъ двѣ капли воды похожъ на мать, и по тѣлу и по душѣ, но не по лѣтамъ былъ мечтателенъ, серьезенъ, задумчивъ. Одиннадцатилѣтній ребенокъ, Анхенъ, рѣдко когда рѣзвилась, и находила особенное удовольствіе сидѣть около матери, которую страстно любила, раздѣлять ея домашнія хлопоты, слушать и разговаривать съ нею.

Амалія Ѳедоровна нѣкогда была гувернанткою, и теперь сама занималась воспитаніемъ дочери: врожденная мечтательность и восторженность ребенка не пугала ее, но утѣшала. Амалія Ѳедоровна была чрезвычайно довольна скромностью и задумчивостью своей Анхенъ, и если посылала ее иногда гулять и требовала, чтобы она бѣгала и рѣзвилась, то единственно съ цѣлію укрѣпить тѣло ребенка, который бытъ очень слабъ физически.

Вся жизнь этого семейства была безконечная. однообразная идиллія. Вотъ какъ проходило время, И отецъ, и мать, и дочь поднимались со сна въ пять часовъ утра. Солнце уже сіяло и золотило верхушки деревъ, свѣжій благоуханный воздухъ утра врывался въ открытое окно.

— Какъ прелестно утро! говорила Амалія Ѳедоровна своей дочкѣ, какъ весело свѣтитъ солнце, какъ все очаровательно въ природѣ! Посмотри, Анхенъ, какъ хорошъ Божій міръ.

И Анхенъ смотрѣла на свѣтлое безоблачное небо, на позлащенныя солнечными лучами деревья, на зеленый лугъ, по которому какъ-будто разсыпались милліоны сверкающихъ алмазовъ, на блестящій вдали

крестъ колокольни, на работающихъ въ полѣ поселянъ; она прислушивалась къ веселому чиликанью птицъ, перелетающихъ съ дерева на дерево или вьющихся подъ самымъ небомъ, къ грустному мотиву пастушьяго рожка или спозаранку затянутой кѣмъ-то пѣсни, — и юной душѣ ея становилось и весело, и грустно; она глядѣла на мать, видѣла слезы на глазахъ ея, слезы сантиментальной любви и восторга— и, по сочувствію-ли то, или инстинктивно — на глазяхъ ребенка навертывались такія-же слезы. Анхенъ прижималась къ матери нѣжно, крѣпко, любовно, и спрашивала ее:

— Отчего, муттеръ, такъ свѣтло солнце и такъ все весело и хорошо?

— Оттого, отвѣчала мать, счастливая сочувствіемъ дочери и восторгаясь отъ ея вопроса еще болѣе, — оттого, что нашъ общій Отецъ, нашъ Богъ, съ улыбкой смотритъ на свою прекрасную землю и любуется ею, оттого, что и земля понимаетъ эту улыбку и отвѣчаетъ на нее своимъ восторгомъ, своей благодарностью. Ахъ, Анхенъ, читай и ты свою молитву благодарности къ Великому Творцу, люби и ты, какъ Онъ, все имъ созданное: люби природу, которая такъ прекрасна, но еще больше люби человѣка, который еще прекраснѣе. Не вѣрь, что есть зло на землѣ, не вѣрь, что есть злые люди, — это все неправда, все вымыселъ: въ созданьи Божьемъ не можетъ быть ничего дурнаго.

И Анхенъ слушала мать съ увлеченіемъ, не могла отдать себѣ яснаго отчета въ ея словахъ, но сердце ея наполнялось какимъ-то смутнымъ чувствомъ безпредѣльной любви, а головка еще болѣе смутнымъ, но полнымъ той-же любви представленіемъ о природѣ и людяхъ... Ребенокъ задумывался... потомъ говорилъ матери:

— Муттеръ, я люблю тебя, отца, всѣхъ люблю!..

Между тѣмъ Августъ Карлычъ собирался на поле, закуривалъ сигару и приходилъ прощаться съ женою и дочерью: крѣпко обнималъ и нѣжно цѣловалъ первую, еще крѣпче и нѣжнѣе вторую. Онъ отправлялся осматривать ближайшія работы, а Амалія Өедоровна, вырываясь изъ сантиментальнаго настроенія духа, принималась готовить завтракъ — обычный габеръ-супъ и сыръ изъ творога; Анхенъ помогала ей, либо читала въ это время вслухъ матери Библію.

Въ семь часовъ возвращался Августъ Карлычъ и завтракалъ вмѣстѣ съ женой и дочерью, которыя безъ него никакъ-бы не рѣшились прикоснуться къ завтраку.

Вслѣдъ за тѣмъ Августъ Карлычъ вновь закуривалъ сигару, снова прощался съ женой и дочерью, садился верхомъ на лошадь и уѣзжалъ вплоть до самаго обѣда, а Амалія Өедоровна начинала съ Анхенъ классъ. Тутъ она изрѣдка только, и какъ-бы невольно, увлекалась своимъ сантиментальнымъ настроеніемъ духа и говорила съ дочерью о предметахъ отвлеченныхъ, но большею частію старалась передавать ей серьезно и даже нѣсколько сухо и взыскательно все, что знала сама.

За часъ до обѣда классъ кончался, и Амалія Өедоровна отправлялась на кухню отчасти присматривать, отчасти сама приготовлять для мужа особенно любимыя имъ кушанья, а Анхенъ посыла въ садъ, гдѣ она должна была играть и бѣгать для моціона и аппетита, хотя дѣвочка всегда съ большею охотою желала-бы остаться возлѣ своей матери, тѣмъ болѣе, что у нея не было подруги, которая могла-бы возбудить къ веселости ея не по-дѣтски-скромную и унылую натуру.

Послѣ обѣда, совершенно нѣмецкаго, вся семья отправлялась обыкновенно гулять. Доходили до березовой рощи, росшей недалеко отъ усадьбы, выбирали тѣнистое мѣсто и располагались на немъ. Тутъ Амалія Ѳедоровна давала полную свободу своему воображенію, своей мечтательности: снова восторгалась, снова плакала. Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ и сочувствіемъ слушала Анхенъ свою мать, и ни на минуту не отводила отъ нея своихъ глазъ; съ нѣжной улыбкой слушалъ Августъ Карлычъ жену свою и сладкая усталость овладѣвала его тѣломъ и его душею: онъ задумывался, можетъ быть, переносился мечтою во времена своей юности, своего дѣтства, можетъ быть, погружался въ какія-нибудь сложныя и запутанныя хозяйственныя соображенія, и... засыпалъ.

Но вотъ яркое солнце склоняется къ горизонту, зажигаетъ своими лучами цѣлое полнеба, отъ него бѣгутъ розовыя огненныя полосы по землѣ и водѣ, зеленѣе и душистѣе кажется сосѣдняя зелень, мрачнѣе и темнѣе встаютъ отдаленные лѣса, кидаютъ отъ себя длинныя тѣни, между тѣмъ какъ верхушки ихъ еще золотятся послѣдними лучами солнца; природа запѣваетъ свою неясную, но мелодичную вечернюю пѣснь, слышится крикъ коростеля, свирѣль жаворонка, въ рощѣ раздаются уже, хотя и съ длинными паузами, отрывочныя, разсыпныя трели соловья... издали несется и доходитъ до слуха щелканье пастушьяго кнута, разноголосое мычанье возвращающагося стада... И Августъ Карлычъ со всей своей семьей отправляется на скотный дворъ: здѣсь онъ совершенно счастливъ; онъ знаетъ каждую корову, знаетъ даже кличку каждой изъ нихъ, хотя иногда, къ утѣшенію и веселому смѣху скотницъ, и ковер-

каетъ ихъ на свой ладъ, не совсѣмъ управляясь съ мудренымъ русскимъ языкомъ. Августъ Карлычъ весело ходитъ среди своихъ любимицъ: иную потреплетъ по головѣ, другую шутливо схватитъ за рога, и потѣшается, какъ она, недовольная этой шуткой, крутитъ головой, — иной поправитъ кормъ, другую осматриваетъ съ состраданіемъ, замѣчая, что она, не смотря на всѣ его заботы, все хирѣетъ съ каждымъ днемъ болѣе, Богъ ее знаетъ отчего.

— Домовикъ ее не любитъ! говоритъ обыкновенно въ этомъ случаѣ одна изъ скотницъ.

— О, пошоль ты: домовикъ! не люблю слушать!.. никакого нѣтъ!.. даже съ сердцемъ возражаетъ Августъ Карлычъ.

— Да, пожалуй, не вѣрь: прямой нѣмецъ! говоритъ про себя недовольная скотница. А вотъ замучитъ совсѣмъ скотинку-то, такъ ты и не будешь вѣрить... Нечего дѣлать: придется, видно, самой окурить...

Во время этихъ посѣщеній на скотный дворъ приносится обыкновенно корзинка картофелю, и Августъ Карлычъ заставляетъ жену и дочь собственноручно кормить картофелемъ особенныхъ своихъ любимицъ и съ удовольствіемъ смотритъ, съ какою охотою онѣ ѣдятъ его.

Послѣ этой операціи вся семья отправлялась домой и мирно, сладко засыпала...

Вотъ какую жизнь вело это нѣмецкое семейство — лѣтомъ. Зимою почти то-же самое, за исключеніемъ послѣобѣденныхъ прогулокъ. Кнабе никуда не ѣздили и ихъ тоже никто не посѣщалъ: они, такъ сказать, наслаждались сами собою. Среди этой однообразной жизни Анхенъ не скучала, но одинокость ея, отсутствіе сверстницы и подруги много по-

могали развитію въ ней мечтательности, между тѣмъ любящее сердце ея было вполнѣ способно къ самой горячей привязанности, и, можетъ быть, безсознательно чувствовало потребность другого сердца, съ которымъ могло-бы во всемъ дѣлиться. Мать не смотря на всю свою готовность раздѣлять съ дочерью каждое даже дѣтское впечатлѣніе послѣдней, все-таки была далеко отъ Анхенъ по своимъ лѣтамъ, по своимъ интересамъ; иногда умный ребенокъ даже стѣснялся обращаться къ матери съ нѣкоторыми вопросами, инстинктивно чувствуя, что они не могутъ быть интересны для матери... Наконецъ, самъ случай распорядился дать Анхенъ сверстницу и подругу.

Однажды она играла мячемъ въ свой урочный предъобѣденный часъ. Мячъ перелетѣлъ чрезъ ограду сада, въ которомъ была Анхенъ; какая-то крестьянская дѣвочка съ умными глазками, хорошенькая, хотя и грязная немного, изловила на улицѣ этотъ мячъ и чрезъ ограду подала его Анхенъ. Дѣвочка эта давно уже стояла у садовой рѣшетки и смотрѣла на играющую нѣмочку съ тѣмъ страннымъ участіемъ, съ какимъ обыкновенно крестьянскія дѣти заглядываются на своихъ барчуковъ, когда послѣдніе играютъ между собою... Я не знаю, что возбуждаетъ это вниманіе и участіе: приличіе ли и красота внѣшности, или просто дѣтскій интересъ игры, въ которую нельзя вмѣшаться...

Дѣвочка немного сконфузилась, подавая Анхенъ мячъ, но не закрылась рукавомъ и не готовилась бѣжать при первомъ вопросѣ... Въ ней было что-то милое, привлекающее.

— Какъ тебя зовутъ? спросила ее Анхенъ.

— Анной.

— И меня тоже! Ты чья дочь?

— Иванова.

— Какого это?

— А вотъ тамъ наша изба-то, крайняя.

— Ты зачѣмъ-же здѣсь?

— Ни зачѣмъ.

— Гуляешь что ли?

— Нѣту-тка: я такъ, на тебя смотрѣла.

— Что-же, ты развѣ меня любишь?

— Я-то?... люблю!...

— За что-же ты меня любишь?

— Такъ, ни за что.

— Хочешь со мной играть?

— Я-то?... нѣтъ, не хочу.

— Отчего-же не хочешь?

— Забранятся.

— Кто-же забранится?

— А вотъ кто-нибудь выйдетъ изъ дому-то изъ вашего, увидятъ, что я съ тобой-то играю, и забранятся.

— Такъ ты развѣ ни съ кѣмъ не играешь?

— Нѣту-тка, какъ не играть, играю.

— Съ кѣмъ-же?

— Съ нашими дѣвчонками.

— Отчего-же не хочешь со мной играть?

— А забранятся-то, что съ барышней играю.

— Ничего, поди сюда... Никто не забранитъ, да и не увидятъ.

Дѣвочка нѣсколько времени колебалась, потомъ вошла въ садъ; между дѣтьми началась игра, и Анхенъ очень скоро увлеклась веселостью своей маленькой знакомки. Она и не замѣтила, какъ пролетѣлъ ея часъ гулянья, который прежде, бывало, такъ долго тянулся: ей было очень весело.

— Приходи и завтра играть со мной! сказала она дѣвочкѣ.

На другой день дѣти играли такъ-же весело, но на третій Анхенъ вдругъ сдѣлалось скучно среди игры.

— Будетъ! сказала она, — не хочу больше.

— Что-же, барышня? полно, давай играть еще: вѣдь весело!

— Нѣтъ, мнѣ скучно что-то стало: не хочу.

— Чтой-то это, отчего? али нешто не здоровится?

— Нѣтъ, такъ! мнѣ хочется молиться Богу; давай, Аннушка, Богу молиться?

— Чтой-то, нешто здѣсь церковь?

— Такъ что-же, развѣ только въ церкви можно молиться? Богъ вездѣ. Ты любишь, Аннушка, свою мать?

— Кого?.. это, маму-то? какъ не любить: люблю!

— За что-же ты ее любишь?

— Маму-то?.. За то, что мама, за то и люблю. Да полно, барышня, что ты все-бы разговаривать; давай, что-ли играть — хошь въ хоронячки!

— Нѣтъ, Аннушка, мнѣ надоѣло играть... лучше разговаривать... ты, видно, никого не любишь?

— Какъ-же!... вотъ я тебя больно жалѣю.

— Отчего-же ты меня жалѣешь?

— А то и жалѣю, что люблю... Ты барышня добрая, вожеватая.

Анхенъ было это очень по-сердцу: она обняла и поцѣловала дѣвочку. Ей сдѣлалось весело, и игра снова возобновилась.

Мало-по малу Анхенъ сильно привязалась къ этой деревенской дѣвочкѣ, скучала безъ нея и на-

конецъ стала просить мать, чтобы она взяла къ себѣ ея подругу. Амалія Өедоровна сначала отвѣтила дочери:

— Ахъ, мой другъ, что за товарищъ тебѣ крестьянская дѣвчонка: тебѣ неприлично и играть съ ней!

Того-же мнѣнія былъ и Августъ Карлычъ. Но Анхенъ съ такою любовію защищала свою случайную пріятельницу, такъ хвалила ее, что Амалія Өедоровна, посовѣтовшись съ мужемъ рѣшилась взять дѣвочку въ горничныя къ своей Анхенъ, если только привязчивое сердце не обмануло ребенка въ выборѣ. Притомъ она понимала, что Анхенъ, постоянно одна, безъ товарища по лѣтамъ, могла скучать, и дѣйствительно она замѣчала не разъ, что время, назначенное дочери для моціона, послѣдняя проводила очень скучно, сидя гдѣ-нибудь въ саду, грустная и задумчивая, а моціонъ былъ необходимъ для слабой дѣвочки.

Амалія Өедоревна приказала привести къ себѣ Аннушку. Ее привела сама мать. Хорошенькая, миловидная, съ живыми глазками, Аннушка понравилась Амаліи Өедоровнѣ. Послѣ нѣсколькихъ фразъ съ нею, Амалія Өедоровна убѣдилась, что ея дѣтская, чистая, хотя и необлагороженная натура не могла составлять опаснаго общества для дочери. — А можетъ быть, мнѣ удастся развить и образовать ее, сдѣлать для нея величайшее добро, котораго она ни отъ кого не можетъ ожидать. Какъ пріятно быть орудіемъ подобнаго великаго дѣла! — подумала мечтательная нѣмка.

— Хочешь у меня жить? спросила она Аннушку.

— Нешто, пожалуй, коли мама будетъ ходить ко мнѣ; для-чего не жить!

— Да вѣдь тебѣ скучно будетъ безъ матери: вѣдь мамѣ твоей нельзя же каждый день ходить къ тебѣ?...

— Ну, да ужъ какъ быть-то... Съ барышней вашей буду.

— Да развѣ ты ее любишь?...

— Люблю... больно мнѣ ее жаль.

— А вотъ этакъ носа-то не надобно утирать. Какъ будешь у меня жить, такъ, вѣдь, ужъ я буду тебя учить: дѣвочкѣ должно быть опрятной.

— Ну такъ инъ ладно: я, пожалуй, не стану...

— И во всемъ будешь слушаться, что я тебѣ буду говорить?

— Буду... Что мнѣ не слушаться-то.

— Ну, а учиться хочешь?

— Чему это?

— Грамотѣ: читать, писать, рукодѣлью.

— Пожалуй, для-че не учиться.

— Вотъ, муттеръ, я говорила тебѣ: какая она умница! замѣтила Анхенъ.

— Да, да, умница!... Ну такъ, Арина, сказала Амалія Өедоровна, обращаясь къ матери дѣвочки: приводи къ намъ Аннушку свою.

Арина, которая съ самаго начала разговора управительши съ своей дочерью, готова была заплакать, тутъ не преминула пустить въ три ручья слезы. Не о томъ она плакала, что разлучается съ дочерью: вѣдь не Богъ знаетъ куда везутъ ее, всегда будетъ на глазахъ; не пугало ее и то, что будетъ жить дочка у нѣмки: нѣмка слыла доброй душой, никто не пожалуется на нее. О чемъ же плакала Арина? Отчасти о томъ, что вотъ хоть и въ добрыя руки попадетъ дочка, да, вѣдь, Богъ вѣсть, будетъ-ли каждый день такъ сыта, какъ была бы у нея: нѣмцы,

извѣстно, народъ тощій, жидкій, то ли ему нужно, что русскому человѣку? Отчасти боялась она той науки, которою с т р а щ а л а нѣмка ея дочку... а наконецъ Арина плакала потому, что ей казалось необходимымъ поплакать въ настоящемъ случаѣ.

— Слушаю, матушка, отвѣчала Арина со слезами и низкимъ поклономъ: приведу. Вы у насъ, вѣдь, что господа: что прикажете, такъ должны исполнять; только не оставь ты ее своей милостью.

— Не бойся, не бойся, будь покойна: ей будетъ хорошо у меня жить, ее вонъ дочка моя очень полюбила. Я буду учить твою Аннушку всему, чему и свою дочь учу.

— Слушаю, матушка... только ужъ вы и наукой-то ее тоже не больно притѣсняйте. Дѣвчонка глупая: гдѣ еще ей... иное что и не въ домекъ...

— Хорошо, хорошо! ужъ я знаю: не безпокойся!

— Слушаю, матушка. Такъ ужъ позволь и большаку-то моему придти проститься-то съ дѣвченкой.

— Пожалуй, пусть придетъ, только я не знаю, отчего ты такъ безпокоишься: вѣдь никуда не увеземъ ее.

— Вѣстимо, матушка, да все ужъ какъ-то...

Анхенъ была въ восторгѣ, что она не будетъ разлачаться съ своей подругой, которую такъ скоро полюбила.

— Благодарю тебя, муттерхенъ! говорила она. Ахъ, какъ я рада! я буду любить Аннушку, я вмѣстѣ съ ней стану учиться, бѣгать, играть, разговаривать. А ты ее любишь, муттеръ? да?

Но вечеромъ, въ тотъ-же день, къ Августу Карлычу пришелъ Иванъ Прохоровъ, отецъ Аннушки, мужикъ умный, благочестивый, но упрямый и старо-

вѣръ по понятіямъ. Онъ вѣкъ свой жилъ въ деревнѣ, не бывалъ нигдѣ дальше своего уѣзднаго города, не ходилъ въ Петербургъ, не имѣлъ никакого особеннаго промысла, но умѣлъ сколотить деньгу почти однимъ домашнимъ обиходомъ такъ, что слылъ по деревнѣ за одного изъ богатыхъ мужиковъ, смѣялся надъ тѣми крестьянами, которые пускались во всѣ тяжкія, чтобы нажить деньги, — и вѣрилъ только въ самого себя и свои убѣжденія, а послѣднія приводились у него къ одной формулѣ, что должно все быть такъ, какъ было. Разсказъ жены о томъ, что нѣмцы хотятъ взять у него дочь во дворъ,—огорчилъ его, а намѣреніе нѣмцевъ учить дочку разнымъ наукамъ — совершенно разстроило.

— Что тебѣ? спросилъ его Августъ Карлычъ.

— А вотъ, батюшка, наслышанъ я, что дѣвчонку мою хотите взять во дворъ, такъ пришелъ поклониться: нельзя-ли какъ ослободить?

— Да что же тебѣ не хочетъ что-ли отдавать намъ ее?

— Конечно, батюшка, вѣдь мы прекословить не можемъ твоей милости, а на томъ кланяюсь, чтобы ослободилъ.

— Амалія! закричалъ Августъ Карлычъ, вотъ Иванъ проситъ, чтобы не брать у него дочка.

— Отчего-же? спросила Амалія Өедоровна.

— Да, что вамъ матушка, въ ней за корысть?... Дѣвчонка-то маленькая, никакой послуги вамъ не можетъ предоставить.

— Ты, можетъ быть, боишься, что на ней дѣла будетъ много лежать, что съ нея взыскивать много станемъ. Не безпокойся. Мы ее хотимъ взять потому, что ее вотъ наша дочка очень полюбила, такъ чтобы она вмѣстѣ съ ней была.

— Да что она вамъ понравилась? Дѣвчонка-то совсѣмъ никуда негодная, такъ, мелюзга... вамъ-бы лучше побольше взять: все-бы присмотрѣть могла за барышенькой-то вашей, а эта еще что... себя-то еще не понимаетъ...

— Ахъ, какой ты! Да развѣ мы затѣмъ ее беремъ, чтобы она смотрѣла за нашей дочкой: она будетъ ей просто компаньонкой...

— Это что-жъ такое?... Я, вѣдь, матушка, извини: мужицкимъ дѣломъ этого нешто въ толкъ-то не возьму.

— То есть она будетъ всегда вмѣстѣ съ моей дочерью. Я ее всему учить буду.

— Хм... Какая ужъ она, матушка, ученица, идетъ-ли это нашему роду... да и гдѣ еще ей, такіе-ли ея года, чтобы... Нѣтъ, ужъ это вы ослободите.

— Да вѣдь я ее сначала не стану очень приневоливать, исподоволь.

— Да все, матушка... ученье-то большое къ нашему положенію нейдетъ...

— Да какое большое ученье? Я ее выучу только рукодѣлью, научу грамотѣ: читать, писать.

— Куда вы это, матушка, что вы? идетъ-ли это нашей деревенской дѣвчонкѣ?... зачѣмъ ей грамотѣ знать... этакъ умнѣе отца съ матерью будетъ...

— Что-же? это ничего, пусть будетъ умнѣе, лишь-бы любила, да уважала отца съ матерью.

— Да какое ужъ тутъ уваженіе?... Станетъ-ли она уважать отца съ матерью, коли умнѣе ихъ будетъ.

— Непремѣнно станетъ и еще больше, потому-что будетъ читать Св. Писаніе, которое учитъ уважать своихъ родителей.

— Да оно такъ, конечно, только все нашему-то роду ученье нейдетъ. Коли вамъ такая охота, такъ лучше-бы поповну какую взяли...

— Ахъ, какой ты! Да говорятъ тебѣ, что твоя дочка моей Анхенъ понравилась, для нея хотимъ взять.

— Да ужъ лучше деньгами примите, только освободите ее... Прими, батюшка, лучше деньгами! говорилъ Иванъ, обращаясь къ Августу Карлычу.

Послѣдній разсердился на такое предложеніе.

— Что? взятка?! закричалъ онъ. Развѣ я принимаетъ взятка, развѣ я притѣсняетъ васъ?.. О, дуракъ! Ему-же хотятъ добро сдѣлать, а онъ думаетъ — притѣсненіе.

— Да какое-же, батюшка, это добро? помилуй, скажи!... Пусть-бы къ какой работѣ приставить, а то дѣвчонка только баловаться будетъ... Ну-те-ка, статное-ли дѣло: грамотѣ учить!...

— О, пошоль, не понимаетъ... Кончено дѣло: приводи...

— Да сдѣлайте божескию милосгь: избавьте вы насъ.

— Ты ничего не понимаетъ! протяжно сказалъ заупрямившійся нѣмецъ. Нечего съ тобой и говорить.

— Да хоть отъ науки-то вы ее избавьте.

— Ну, пошоль: надоѣлъ!.. Сказано я... и кончено.

— Да ты не сердись, Августъ... Полно, поди, не безпокойся и приводи свою дочку: самъ послѣ будешь благодарить насъ! сказала Амалія Ѳедоровна.

— Да слушаю! нечего дѣлать!.. отвѣчалъ Иванъ Прохорычъ. Совсѣмъ испортятъ дѣвчонку, прокля-

тые нѣмцы! подумалъ онъ про себя, выходя изъ комнаты.

— Ахъ, какой дикой русской мужикъ! сказалъ Августъ Карлычъ. Ничего не понимаетъ!

— Да ему, просто, жалко было съ дочерью разстаться! возразила Амалія Ѳедоровна. Надобно быть великодушнымъ, Августъ, а ты разсердился на него.

— Нѣтъ, дикій, дикій мужикъ! ничего не понимаетъ! твердилъ Августъ Карлычъ. Книги боится.

— Ну, они необразованные, вотъ ихъ и надобно просвѣщать! замѣтила Амалія Ѳедоровна.

Глава II.

Ученье — свѣтъ, а неученье — тьма.

Сначала Аннушка поступила въ домъ управляющаго въ положеніе горничной дѣвушки. Ее умыли, причесали, перемѣнили сарафанъ на платьице, но держали вдалекѣ отъ Анхенъ, не равняли съ нею ни въ чемъ, не допускали весьма короткихъ отношеній и позволяли быть съ нею только во время ея передъобѣденныхъ прогулокъ. Такъ хотѣлъ Августъ Карлычъ, которому казалось неприличнымъ сближеніе его дочери съ крестьянской дѣвочкой. Но Анхенъ была недовольна такимъ распоряженіемъ: съ каждымъ днемъ она все болѣе и болѣе привязывалась къ своей подругѣ, она не хотѣла съ нею разставаться ни на минуту, она просила мать, чтобы Аннушка была также одѣта и причесана, какъ она

сама, чтобы она училась въ одно время съ нею, за однимъ столомъ . . . Мать не могла отказать дочери, и мало-по-малу Аннушка дѣлалась членомъ семейства Кнабе. Августъ Карловичъ сначала морщился, потомъ привыкъ и полюбилъ умную, скромную, послушную дѣвочку. Расположеніе-же къ ней со стороны Амаліи Ѳедоровны росло соотвѣтственно привязанности дочери. Анна Ѳедоровна вѣрила въ симпатію сердца, и, во взаимной любви дѣтей, случайно встрѣтившихся, видѣла ясное тому доказательство, тѣмъ болѣе, что выборъ Анхенъ оправдывался, ибо деревенская дѣвочка имѣла много нравственныхъ природныхъ достоинствъ и невольно располагала въ свою пользу.

Арина, мать Аннушки, сначала съ большимъ соболѣзнованіемъ смотрѣла на дочь. Бывало, придетъ къ ней, принесетъ подъ фартукомъ ячный колобъ или пирогъ съ лукомъ, и потихоньку отдастъ его дочери.

— На-ка, возьми, да пожуй когда! говоритъ она ей. Чай, тебя заморили у меня нѣмцы-то. Чай, больно тощо у нихъ, Аннушка? голодаешь, чай, иной разъ?

— Да, мама, иной разъ и больно хочется поѣсть, кажись-бы хлѣбца ломтикъ вотъ-бы какъ съѣла, а ужъ у нихъ нельзя: дожидайся, когда дадутъ. А нечего это сказать, чтобы голодно было, кормятъ-то хорошо . . .

— Ну, то-то, моя болѣзная, такъ на-ка вотъ возьми, да ты спрячь куда, вонъ сундучишка-то есть у тебя, такъ и спрячь, а то вѣдь, увидятъ, такъ пожалуй, отнимутъ, али и другія дѣвчонки съѣдятъ . . Да ты не жалѣй: я те еще принесу.

И Аннушка брала отъ матери приносимыя ею

яства, завернутыя въ какую-нибудь грязную тряпку, прятала въ сундукъ и тайкомъ вынимала иногда изъ него, когда дѣтскій желудокъ ея требовалъ пищи. Но когда, однажды Амалія Ѳедоровна, замѣтивши похожденія Аннушки въ сундучокъ, растолковала ей, что она дѣлаетъ не хорошо, что ее побуждаетъ ѣсть не голодъ, а только жадность, да глупая деревенская привычка что-нибудь поминутно жевать, что дѣлать потихоньку и украдкой неприлично, и что она недовольна этимъ поступкомъ ея, — то Аннушка перестала брать отъ матери ея гостинцы.

— Что ты, что ты, Аннушка, что не берешь? спрашиваетъ ее мать съ удивленіемъ. Али тебя нѣмцы-то ужъ больно закормили, что и материнской-то кусъ ужъ сталъ не сладокъ?

Аннушка разсказала матери замѣчаніе, сдѣланное ей Амаліей Ѳедоровной.

— Эка жидовка! а еще говорятъ добрая! сказала непонявшая смысла словъ дочери Арина, но уразумѣвшая изъ ея разсказа только то, что ей не велитъ нѣмка ѣсть, когда захочется. Не слушай ты ихъ, полно, возьми. Что ихъ слушать! то и здоровъ ребенокъ, коли ѣстъ. Знаю вѣдь я ихъ... жидкая вѣдь у нихъ ѣда, такъ на то они нѣмцы. Ну-тка, статное-ли это дѣло... Да ты только прячь хорошенько, чтобы не видали-то, а то что ихъ слушать. Да не барышенка-ли эта ей переводитъ, что вотъ самой хочется когда поѣсть-то, а ей не даютъ, а у тебя-то видитъ кусокъ-то, такъ ты и ей давай... ничего! я еще принесу.

— Нѣту, мама, она, почитай, ничего и не ѣстъ, ровно воробей. Да и такъ меня любитъ: что и самой-то дадутъ, такъ не съѣсть одна, а все со мной раздѣлитъ. Такая добрая!

— А-а, добрая?

— Ужасти какая добрая!

— Ну, а мать-то?

— И она така добрая, пальцемъ никогда не тронетъ.

— А-а! такъ развѣ не принести-ли мнѣ чего имъ на поклонъ, пряникъ, али баранковъ, чтобы они и ѣдой-то тебя не обижали?...

— Пожалуй, принеси; только вѣдь я, мама, сыта вѣдь это оттого мнѣ коли ѣсть-то захочется, что я привычку-то такую взяла.

— Полно-ка, полно, что ты, кака привычка, что ѣсть ребенку хочется... Такъ, на-тка, возьми это-то, спрячь докудова, а я завтра приду къ нимъ, принесу чего на поклонъ.

Но Аннушка, не смотря на всѣ убѣжденія матери, въ этотъ разъ, къ великому ея неудовольствію и немалому удивленію, не взяла гостинцевъ.

Когда потомъ Арина чрезъ нѣсколько времени увидѣла свою Аннушку въ хорошенькомъ платьицѣ, съ головкой, причесанной въ косички, подвязанныя розовыми ленточками, она пришла въ неизъяснимый восторгъ.

— Ахъ, красавица ты моя, какъ тебя вырядили! говорила она, поглаживая дочь по головѣ. И не узнаешь тебя, ровно барышня кака! Ну-ка куделечки-то какъ подвили, да развязали... Неужто ты завсегда такъ будешь ходить въ экомъ платьецѣ, да въ экомъ убранствѣ?

— Всегда, мама.

— Эки добрые, даромъ что нѣмцы! Дай имъ Господи! Слушайся ихъ, уважай имъ, Аннушка: они твои благодѣтели!... Только наукой-то не больно-ли они тебя притѣсняютъ, матушка моя? ровно ты

у меня похудѣла, да и изъ лица-то стала блѣднѣе?... спрашивала Арина, принимая унылый тонъ и подпирая щеку кулакомъ. Много, видно, тебѣ-ка ученья-то!...

Но Аннушка разсказала, что ей учиться очень весело, что она учится вмѣстѣ съ дочкой управляющаго у самой Амалія Ѳедоровны.

— Чему-же тебя учатъ-то, матушка? спросила Арина съ соболѣзнованіемъ,

— А грамотѣ: читать, писать.

— Неужто по-немѣцкому?

— Нѣтъ, по-русски!

— Ну, слава те Господи! А отецъ-отъ больно боялся, какъ-бы не стали учить тебя-ка по-нѣмецкому-то. А вѣдь у нѣмцевъ долго-ли до грѣха: всякой нехристи научатъ.

— Нѣтъ, мама, они все меня учатъ Богу молиться.

— Да какъ-же они учатъ: вѣдь они и сами-то не по нашему молятся. Гдѣ имъ учить, нѣмцамъ. На то батюшка попъ есть.

— Они говорятъ, мама, что Богъ все одинъ, что у насъ, что у нихъ, и что Ему нужно молитьсь каждую минуту.

— Да, а небось въ нашу-то церковь не ходятъ.

Аннушка не знала, что возразить на это.

— Нѣтъ, болѣзная, продолжала мать, ты ихъ не больно слушай, и коли станутъ учить по-нѣмецкому-то, такъ не больно понимай. Ну, ихъ! кто ихъ знаетъ! добры, добры, да вѣдь...

Иванъ Прохорычъ рѣдко видалъ свою дочь, а если и встрѣчался съ нею, то недовѣрчиво смотрѣлъ на перемѣну ея внѣшности.

— Такъ и есть, совсѣмъ дѣвку испортятъ! гово-

рилъ онъ. Не научатъ они ее, а дури въ нее набьютъ. Что она? ткать-ли будетъ умѣть? серпа въ руки не возьметъ... какая она будетъ дѣвка, какая баба?

— Да на что ей ткать-то? али неужто она въ поле пойдетъ жать? возражала Арина. Она у меня будетъ барышня.

— Ну, ладно! отвѣчалъ коротко и ясно Иванъ Прохорычъ. Вотъ какъ выучатъ ее по-нѣмецкому-то, такъ будетъ она тебѣ дочь!

— Чтой-то это? Ужь избави Господи, какъ и по-нѣмецкому-то! отвѣчала Арина.

Глава III.

Аннушка и Анхенъ.

Опасенія Ивана Прохорыча и Арины оправдались. Амалія Ѳеодоровна, увлеченная понятливостію дѣвочки, не остановилась на одной русской граматѣ, но мало-по-малу стала посвящать ее во всѣ таинства своихъ знаній. И Аннушка быстро развивалась подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ своей воспитательницы. Все нравственное богатство, вложенное въ нее самою природою, начало раскрываться, какъ подъ лучами солнца, при плодотворномъ дыханіи теплаго воздуха, крѣпко закрытый бутонъ развертывается въ пышный цвѣтокъ. Сначала стерлась внѣшняя грубость манеръ, языка, появилась грація, умѣнье держать себя, потомъ засверкалъ умъ остротой и раз-

умной понятливостію, явилась впособность сознавать отношенія людей и свои личныя нравственныя движенія, облагородилось сердце, освѣщенное этимъ сознаніемъ.

Аннушка росла дѣвочкой здоровой, хорошенькой, умной, любящей; она жила полной жизнію — и черезъ два года, которые пролетѣли однообразно, но незамѣтно — ее нельзя было узнать, трудно было предположить въ ней прежнюю дикую крестьянскую дѣвчонку. Родители смотрѣли на нее съ удивленіемъ и не вѣрили глазамъ своимъ: ихняя-ли это дочка, та-ли это Аннушка, которая прежде, бывало, бѣгала по деревнѣ въ одной рубашонкѣ или въ изорванномъ сарафанишкѣ, вся перепачканая, растрепанная, неумытая?

Конечно, больше всего поражало ихъ внѣшнее преобразованіе Аннушки, преобразованіе въ манерахъ, въ рѣчи, даже въ самомъ голосѣ. Имъ даже дѣлалось какъ-то дико и неловко, когда Аннушка начинала ласкаться къ нимъ, цѣловала ихъ руки и какъ-то особенно нѣжно обнимала ихъ, и какія-то, правда, сладкія, нѣжныя, но непривычныя ихъ слуху, слова говорила при своихъ ласкахъ.

— Барышня, барышня, какъ-есть! говорили они между собою: — и повадка совсѣмъ такая . . .

Впрочемъ, они не могли сказать ничего болѣе противъ этого воспитанія, которое получала ихъ Аннушка. Она была постоянно нѣжна, постоянно ласкова и почтительна передъ ними, такъ что ей, казалось, и въ голову не приходила та разница нравственнаго развитія, въ которой находилась онаи ея родители.

— Только что-то будетъ изъ всего этого? недовѣрчиво говорилъ обыкновенно Иванъ Прохорычъ, не находя, что сказать болѣе.

———

Такъ росла и развивалась Аннушка, но не таково было развитіе Анхенъ. Правда, сердце и умъ ея зрѣли не по годамъ: она начинала чувствовать этимъ сердцемъ и понимать этимъ умомъ болѣе, нежели сколько позволяется въ ея возрастѣ. Сначала Амалія Өедоровна восхищалась этою быстротою развитія ребенка, но скоро оно начало безпокоить ее: дитя уже равнялось матери, и послѣдней не оставалось, чему-бы она могла учить ее. Въ развитіи Анхенъ было что-то болѣзненное, ненормальное, душа ея казалась страдающею, больною. Эта болѣзнь души выражалась и въ постоянно усиливавшейся задумчивости или мечтательности дѣвочки, и въ этомъ, то не дѣтски-спокойномъ, то тоскливомъ выраженіи глазъ, и даже въ самой физической слабости.

Видали-ли вы такое явленіе? Вотъ выростаютъ два растенія рядомъ, на одной и той-же почвѣ, одно солнце ихъ грѣетъ, однимъ воздухомъ дышутъ они, одними соками питаются, одно и то же дерево служитъ имъ сѣнью отъ зноя; но посмотрите: вотъ это растеніе дышетъ жизнію и гармоніей, выростаетъ мѣрно, стройно, корень его крѣпокъ, силенъ, стебельки свѣжи и зелены, цвѣтокъ его ярокъ, душистъ и пышенъ, между тѣмъ какъ другое вдругъ выбѣжитъ быстро вверхъ, опередитъ первое въ своемъ ростѣ, но все въ немъ одна слабость, одна немощь: зелень его блѣдна, краски цвѣтка слабы, запахъ даже ароматнѣе перваго, но не такъ крѣпокъ, не такъ дышетъ жизнію. Отчего это? Мелко-ли запало сѣмя въ землю и слабо прикрѣпилось къ ея нѣдрамъ, или само сѣмя это носило въ себѣ источникъ слабости и безсилія произращеннаго изъ него растенія? . . Кто рѣшитъ? . .

Такъ и Анхенъ, рядомъ съ веселой, живой, здо-

ровой своей подругой, росла постоянно скучная, унылая, почти больная. Природная, или развитая матерью, мечтательность ея начала принимать какой-то мрачный оттѣнокъ; у четырнадцати-лѣтней дѣвушки рѣдко когда встрѣчали улыбку на губахъ, а если она и появлялась иногда въ угожденіе матери, то была какъ-то болѣзненна и горька, въ глазахъ ея не сверкала радость, потому-что не было ея въ душѣ; по-видимому, для Анхенъ не представлялось никакихъ интересовъ: ничто ее не утѣшало, не радовало, одна только любовь къ родителямъ, къ Аннушкѣ, къ людямъ и ко всей природѣ производила въ душѣ ея какое-то сладкое умиленіе, но эта любовь была безпредѣльна, и сердце Анхенъ какъ-то тоскливо тонуло въ этой безпредѣльности.

— Анхенъ, Анхенъ, что ты, мой ангелъ, стала какая скучная? съ участіемъ спрашивала ее мать.

— Ничего, муттеръ . . . я люблю тебя! я очень тебя люблю . . . мнѣ весело . . . я не въ силахъ разсказать, какъ люблю тебя . . . И она съ тоской, прижималась къ матери, и глазами, полными слезъ, смотрѣла на нее.

— Отчего-же ты такъ задумчива, моя liebe, спрашивала опять Амалія Ѳедоровна; ты, вѣрно, чѣмъ-нибудь нездорова и не хочешь сказать? Скажи, что ты чувствуешь, что у тебя болитъ?

— У меня, муттеръ, ничего не болитъ: я здорова, только слаба немного, какъ будто все устала.

— Это оттого, что моціона мало. Вѣдь вотъ я тебя прошу, уговариваю, чтобы ты хоть ходила больше, а ты не слущаешь меня.

— Я буду ходить, муттеръ! отвѣчала Анхенъ.

Но физическая слабость дѣвочки увеличивалась съ каждымъ днемъ. Болѣзненная блѣдность раз-

ливалась по лицу ея, тѣло какъ-будто сквозило, до такой степени кожа на немъ становилась бѣла и прозрачна, страшная худоба пугала при первомъ взглядѣ на нее, а слабость и безсиліе выражались во всемъ: и въ лѣнивой неровной походкѣ, и въ каждомъ жестѣ, и въ самомъ взглядѣ ея большихъ голубыхъ глазъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ развивалось въ ней и грустное расположеніе духа. Часто, уединившись куда-нибудь съ своей подругой, она вдругъ въ раздумьѣ спрашивала ее:

— Что лучше, Аннушка, жить или умереть? . .

— Конечно, жить! быстро отвѣчала послѣдняя.

— Да, хорошо жить тому, кого всѣ любятъ, кто всѣмъ приноситъ радость, кто всегда счастливъ и доволенъ . . . Ты не забудешь меня, Аннушка, не перестанешь любить, когда я умру?

— Да полно, что тебѣ за охота говорить объ этомъ? Мнѣ, право, страшно становится . . . Ну, зачѣмъ тебѣ умирать? тебя всѣ любятъ, ты никому не дѣлаешь зла, ты счастлива . . . Зачѣмъ ты все объ этомъ думаешь?

— Отчего-же мнѣ все такъ скучно, отчего я такая слабая?

— Да оттого, что ты все думаешь о смерти, оттого тебѣ и кажется, что ты больна и слаба . . .

— Нѣтъ, я не хочу думать, мнѣ грустно, когда подумаю, что не буду видѣть матери, отца, тебя, но я чувствую, что мнѣ не долго жить, что я скоро умру . . .

— Да полно . . . мнѣ право, тошно стало . . . перестань . . . ну, мнѣ жалко тебя . . . не говори этого . . .

Аннушка плакала и цѣловала Анхенъ.

— Ну, ну, не плачь, я не буду говорить... Охъ, Аннушка, мнѣ и васъ жаль... Ничего, ничего!.. я здорова... не сказывай только матери о томъ, что мы говорили...

И предчувствіе не обманывало Анхенъ, не обманывало, потому что она таяла, заживо носила въ себѣ начало смерти и чувствовала ее.

Слабость ея увеличилась наконецъ до такой степени, что она должна была лечь въ постель. Хотѣли тотчасъ-же послать за докторомъ, но она упросила мать и отца не дѣлать этого и не безпокоиться, увѣряя, что все это скоро пройдетъ, и говоря, что она никакъ не хочетъ лечиться, потому что чувствуетъ себя здоровою.

Въ самомъ дѣлѣ, Анхенъ не жаловалась ни на какую боль, глаза ея были ясны, только во всемъ тѣлѣ небольшой жаръ. Но на третій день этотъ жаръ усилился, на лицѣ заигралъ неественный, почти багровый румянецъ, глаза тоже какъ будто загорѣлись, вмѣстѣ съ тѣмъ слабость увеличилась до такой степени, что Анхенъ съ трудомъ могла поднять руки.

Амалія Өедоровна и Аннушка со слезами на глазахъ сидѣли около ея постели. Августъ Карлычъ послалъ за докторомъ.

— Что тебѣ, тошно? спрашивала Амалія Өедоровна.

— Нѣтъ, ничего, я только устала! отвѣчала Анхенъ.

— Вотъ, сейчасъ, мой ангелъ, пріѣдетъ докторъ: онъ поможетъ тебѣ.

— Зачѣмъ?... не надо... выговорила Анхенъ едва слышно.

— Какъ не надо, моя liebe? онъ поможетъ тебѣ, ты выздоровѣешь.

— Нѣтъ, не поможетъ! какъ-бы невольно сказала Анхенъ.

— Какъ не поможетъ? что ты говоришь? спросила мать испуганнымъ, полнымъ страха и отчаянія голосомъ.

— Ничего, ничего, муттеръ! . . . не бойся! . . . я такъ! . . . улыбнись мнѣ, муттеръ . . . Чего ты такъ испугалась? . . . я здорова! . . .

— Но страшно сжалось сердце у матери. Съ мучительнымъ чувствомъ смотрѣла она на дочь, и едва сдерживала рыданія.

Анхенъ дышала тяжело, но казалась спокойною и даже старалась улыбнуться, когда глаза ея встрѣчались съ глазами матери.

— А что, муттеръ, ты много будешь плакать, если-бы я умерла? спросила она съ веселой улыбкой, чрезъ которую просвѣчивала грусть.

— Да, что ты, мой ангелъ, къ-чему такъ отчаяваешься? Богъ милостивъ. . .

— Нѣтъ, ты скажи мнѣ. . .

— Полно, Анхенъ, избави Боже; я не перенесу! да полно, что у тебя за мысли! Ты будешь опять здорова, весела, всегда со мной . . .

— Да, муттеръ, да, я буду здорова, я не разстанусь съ тобой . . . только не плачь, муттеръ. . .

Анхенъ, какъ видно, было тяжело говорить: она умолкла, но не переставала смотрѣть въ глаза матери.

Потомъ она вспомнила объ Аннушкѣ, которая сидѣла въ ногахъ у ея постели, и попросила ее сѣсть у изголовья.

— Поговори со мной . . . сказала она ей . . . мнѣ скучно.

Аннушка была знакома съ предчувствіемъ своей

подруги, и, при настоящей болѣзни, это предчувствіе сообщилось и ей.

Аннушка не могла ничего говорить отъ тоски, которая стѣснила ея грудь, и молча, глазами, полными слезъ, смотрѣла на Анхенъ.

— О чемъ ты плачешь? спросила ее больная.

— Такъ! отвѣчала Аннушка, скрывая лицо въ подушкахъ, на которыхъ лежала Анхенъ.

— Не плачь, ничего! . . я люблю тебя . . . ты моя сестра . . . муттеръ, это моя сестра! . . Ахъ, Аннушка, помнишь, что я тебѣ говорила? помнишь?

— Полно, ты будешь здорова! отвѣчала Аннушка.

Амалія Ѳедоровна съ замираніемъ сердца вслушивалась въ этотъ разговоръ.

— Скоро, скоро! грустно сказала потомъ Анхенъ и задумалась: по лицу ея пробѣгали то грусть, то тоска, то вдругъ на немъ воцарялось какое-то спокойствіе, какая-то покорность и равнодушіе.

Но какъ только глаза ея встрѣчались съ глазами кого-либо изъ окружающихъ, мгновенно являлась въ нихъ тоска, печаль, и также мгновенно исчезала, замѣняясь улыбкой. . .

Неподвижность и молчаніе Анхенъ продолжались около часа; повидимому, ей было очень тяжело, но на всѣ вопросы отца, матери и Аннушки она отвѣчала улыбкой или слабымъ движеніемъ головы.

Амалія Ѳедоровна съ нетерпѣніемъ ожидала доктора, но онъ не могъ скоро пріѣхать изъ города. Молчаніе дочери пугало ее.

— Муттеръ! . . вдругъ оживившись, сказала Анхенъ: дай мнѣ твою руку, сюда, на грудь. . .

Амалія Ѳедоровна положила свою руку на горячую, съ трудомъ поднимающуюся грудь дочери.

Анхенъ крѣпко держала эту руку въ своихъ рукахъ и нѣсколько минутъ безмолвно смотрѣла въ глаза матери.

— Ты любишь меня? спросила она, много любишь?

— Люблю-ли я тебя, моя liebe? о, какъ я люблю тебя, ты знаешь. . .

Слезы показались на глазахъ Анхенъ, но скоро изсякли. Съ трудомъ перенесла она руки матери съ груди на свои губы, и крѣпко прижала къ нимъ.

— Не плачь, муттеръ, не плачь! . . я умру . . . не плачь-же, муттеръ, мнѣ тошно . . . такъ Богъ хочетъ . . . Вы всѣ любили . . . меня . . . и я всѣхъ любила . . . Мнѣ тамъ будетъ хорошо . . . не плачьте-же. . .

Но никто не былъ въ силахъ удержать своихъ рыданій: Амалія Ѳедоровна съ воплемъ обнимала свою дочь, Августъ Карлычъ, стоя у ея изголовья и наклонившись къ ней, горько плакалъ, Аннушка скрывала свои рыданія, прижавшись лицомъ къ ногамъ своей умирающей подруги.

— Охъ, не плачьте, мнѣ отъ этого хуже, мнѣ тошно . . . не плачьте . . .

И въ самомъ дѣлѣ Анхенъ заметалась на постели.

Всѣ подавили въ себѣ свое горе.

Анхенъ мало-по-малу успокоилась, но дышала все тяжеле, и какъ будто силилась говорить, но не могла; глаза ея были, впрочемъ, ясны и сохраняли, какъ видно, сознаніе.

Наконецъ она опять собралась съ силами и начала говорить слабымъ, едва слышнымъ голосомъ, обращаясь къ отцу и матери:

— Вы любите меня? . .

— Любимъ, любимъ! отвѣчали они ей, удерживая слезы.

— А Аннушку . . . любите? . .

— Любимъ! отвѣчали ей.

— Не плачьте-же . . . я умру . . . Богъ вамъ даетъ другую дочь . . . ее . . . Аннушку . . . Анхенъ . . . она вамъ . . . дочь . . . Поди ко мнѣ . . . продолжала она, смотря на Аннушку, — поцѣлуй меня . . . — Аннушка прильнула къ ней и долго не могла оторвать своихъ губъ отъ устъ умирающей . . .

Послѣ этого отъ Анхенъ слышали только одно слово: „благословите! . .“ Пріѣздъ доктора былъ уже безполезенъ: она отходила тихо, спокойно, только неудержанныя и невольно вырывающіяся рыданія окружающихъ какъ будто тревожили ее и производили въ ней безпокойство . . . Она умерла такъ, какъ будто уснула, и только послѣдній вздохъ совершенно помрачилъ сознаніе въ ея взорѣ . . .

Неожиданная смерть дочери поразила Амалію Ѳедоровну. Съ напряженнымъ вниманіемъ, неподвижными, не въ мѣру раскрытыми глазами смотрѣла она на умирающую Анхенъ, прислушивалась къ ея дыханію, съ болѣзненнымъ напряженіемъ ожидала каждаго новаго вздоха, и въ болѣе и болѣе длинные промежутки между этими вздохами сама замирала, оставалась неподвижною, бездыханною. Но вотъ вырвалось послѣднее дыханіе жизни изъ тѣла Анхенъ, но оно не шевельнулось, судорожная дрожь не пробѣжала по немъ . . . За то Амалія Ѳедоровна почувствовала какъ будто электрическій ударъ во всемъ своемъ существѣ . . . Она напрягала вниманіе, ожидала новаго вздоха дочери . . . но его не было . . .

— Зеркало, зеркало! съ неистовымъ воплемъ

закричала Амалія Өедоровна, припадая къ полураскрытымъ, неподвижнымъ, но еще не охладѣвшимъ устамъ дочери.

Подали зеркало, приложили къ губамъ Анхенъ... но, увы! ни слѣда дыханія не осталось на свѣтломъ стеклѣ зеркала.

— Анхенъ, Анхенъ! кричала мать, сжимая въ объятіяхъ трупъ дочери и какъ будто силясь вдохнуть въ него свою жизнь... Анхенъ!.. нѣтъ, не можетъ быть!.. ты жива... Анхенъ!.. liebe Анхенъ... проснись... неужели?.. нѣтъ, нѣтъ!.. за что?.. Анхенъ...— И голосъ ея терялся въ рыданіяхъ, въ вопляхъ, въ стонахъ...

Потомъ вдругъ Амалія Өедоровна замолкла, прижавшись къ трупу дочери... ни вопля, ни стона, ни слезъ: она лишилась чувствъ... Ее хотѣли поднять, но не могли, такъ крѣпко держала она и безчувственная — свою милую, но уже мертвую Анхенъ. Черезъ нѣсколько минутъ она поднялась; лице ея было блѣдно, искажено страданіями, но глаза оставались мутны и безсмысленны; дико смотрѣла она ими на дочь, потомъ изъ этихъ глазъ закапали слезы, и снова страшный, раздирающій душу вопль вырвался изъ ея груди, и снова она опустила голову на тѣло дочери: слышались тихія рыданія.

Въ это время она позволила себя отвести въ другую комнату, гдѣ посадили ее въ кресла. Казалось, она успокоилась, но ничего не обѣщали добраго эти дикіе блуждающіе глаза, эти вдругъ изсякнувшія слезы, это нервное и порывистое дыханіе... И въ самомъ дѣлѣ, припадокъ отчаянія снова возвратился къ Амаліи Өедоровнѣ. Она вырвалась изъ рукъ окружавшихъ ее, бросилась въ комнату дочери, гдѣ уже одѣвали ее въ загробное вѣнчальное платье.

— Прочь! закричала она женщинамъ, которыя суетились около умершей . . . Она еще жива! , . .

Но страшно поразила ее опущенная внизъ голова дочери, вытянутыя безъ движенія руки . . . Амалія Θедоровна упала передъ дочерью на колѣни и снова обхватила ее своими руками . . . Потомъ она пришла въ совершенное отчаяніе, рвала на себѣ волосы, ломала руки, бросалась передъ Распятіемъ и молила воскресить ей дочь, хватала доктора за платье, заклиная возвратить ей ея Анхенъ; наконецъ она упала въ страшныхъ истерическихъ судорогахъ.

На другой день докторъ долженъ былъ опять пріѣхать, потому-что у Амаліи Θедоровны открылась сильная нервная горячка.

Въ забытьи, въ безпамятствѣ она твердила одни и тѣ-же слова: „Анхенъ . . . нѣтъ . . . нѣтъ . . . она жива . . . я ей не дамъ умереть . . . Вотъ, вотъ она, моя добрая, милая Анхенъ . . . поди, поди ко мнѣ, поцѣлуй меня . . . вотъ такъ!“ Но потомъ наступали припадки почти бѣшенства, она металась на постели, рвала волосы, кричала раздирающимъ голосомъ: „да, да, умерла, нѣтъ ея! . . .“

Весь этотъ и другой день она провела въ безпамятствѣ и не видала, какъ унесли ея дочь на кладбище, не имѣла послѣдняго горькаго утѣшенія — проститься съ бездушнымъ тѣломъ ея.

Глава IV.

Жить тихо — отъ людей лихо. — Аксинья завидущіе глаза.

Аннушка была искренно огорчена смертью своей подруги. Она много теряла въ ней. Не говоря уже о томъ, что горячая любовь и дружба соединяла ихъ и укрѣплялась съ каждымъ днемъ болѣе, Анхенъ была такое существо для Аннушки, на которомъ сосредоточивались всѣ ея интересы, всѣ ея привязанности.

Положеніе Аннушки въ домѣ управляющаго и ея образованіе разъединяли ее съ той сферой, изъ которой она вышла, а къ семейству Кнабе она привязывалась только чрезъ Анхенъ. Жизнь ея въ этомъ семействѣ проходила не безъ огорченій, не безъ непріятныхъ столкновеній, и въ нихъ, съ самаго поступленія ея къ Кнабе, — Анхенъ постоянно являлась ея утѣшителемъ, ея защитникомъ, такъ что впослѣдствіи Аннушка уже не могла представить себя безъ своей подруги.

Разъединеніе съ своимъ прежнимъ бытомъ она очень ясно чувствовала, не смотря на свою молодость. Еще прежде, когда она только что начала сближаться съ семействомъ своихъ воспитателей, и когда, по желанію Анхенъ, ее одѣли одинаково съ нею, разъ какъ-то онѣ вдвоемъ гуляли по деревнѣ. Толпа деревенскихъ дѣвчонокъ превесело играла на лужайкѣ, которая великодушно была оставлена среди избъ не застроенною, не огороженною. При видѣ дочки управляющаго и Аннушки, дѣвочки перестали играть и начали переговаривать между собою.

— Глянь-на, глянь-ка! говорила одна другой: Анютка-то наша какъ разнаряжена . . . ха, ха, ха! ха, ха, ха! . . точно и взаправду не дѣвчонка, а барышня какая. . .

Это были все прежнія подруги Аннушки, ея друзья, ея товарищи въ веселыхъ играхъ. Аннушка была рѣзвая дѣвочка, по природѣ и натурѣ любящая: ее влекло въ прежній кружокъ, она уговорила Анхенъ подойдти къ толпѣ дѣвчонокъ и поиграть съ ними. Но вся дикая ватага пустилась отъ нея бѣжать, какъ-будто не узнала своей прежней Анютки, или чуждалась ея.

— Ариша, Маша, что вы бѣжите, куда? кричала имъ вслѣдъ удивленная Аннушка. . .

Но дѣвчонки бѣжали отъ нея со смѣхомъ, а нѣкоторыя издали дразнили ее и кричали: „у—у! баришна, баришна! у—у!“

Аннушкѣ сдѣлалось горько: она заплакала.

— За что онѣ разлюбили меня? что я имъ сдѣлала? спрашивала она Анхенъ.

— Ну, Богъ съ ними, пусть ихъ не любятъ! имъ стыдно! . . За то я тебя люблю, Аннушка! отвѣчала Анхенъ. Ты не сердись на нихъ и не плачь: Богъ съ ними! . . что тебѣ до нихъ? . .

Когда Аннушка начала болѣе и болѣе сближаться съ семействомъ управляющаго, ей приходилось не мало терпѣть отъ недоброжелательства и зависти дворовыхъ. Ее осыпали незаслуженными насмѣшками и упреками, умышленно показывали презрѣніе и ненависть. Противъ всѣхъ ихъ защищала ее Анхенъ, хотя не мало обезоруживали и ея собственное личное смиреніе и уступчивость. Былъ только одинъ неугомонный и неукротимый врагъ у Аннушки, противъ котораго ничего не значила и защита Ан-

хенъ; — этотъ врагъ — старая горничная дѣвка, Аксинья. Она была женщина не злая, но вздорная, сварливая и завистливая. Она не могла видѣть равнодушно никакого преимущества надъ собою среди своихъ собратій. Покажется-ли ей, что у другой горничной башмаки лучше, нежели у нея, что той дворовой женщинѣ сказали слово ласковѣе, нежели ей, дали кусокъ говядины вкуснѣе, — все это чрезвычайно ее возмущало, и отличенная становилась для нея врагомъ. Аннушка была постояннымъ предметомъ ея ненависти. Стоитъ, бывало, ей только попросить воды, напиться, даже и не у нея, а другаго кого-нибудь изъ прислуги, Аксинья сейчасъ поднимала голось:

— А сама-то что? не сбѣгала-бы что-ли за водой-то? Эка нѣжность, подумаешь! распорядительница еще какая выискалась! Лакейки мы что-ли тебѣ дались?

— Аксиньюшка, я вѣдь рада-бы и сама сходить, да вѣдь мнѣ не велятъ.

— Такъ ты это нами распоряжаться вздумала? У матки-то кто это тебѣ прислуживалъ, какіе лакеи? бѣгала, чай, босикомъ, да въ крашенинѣ, а тутъ вона какъ вырядили, мужичку экую! .. Ужь она думаетъ, что и нивѣсть что стала, а какъ была мужичка, такъ и есть! а мнѣ равнехонько, какъ наплевать.

— Ахъ, Аксиньюшка, за что ты бранишься? со слезами говорила обиженная дѣвочка: вѣдь я не тебя прошу.

— Еще-бы ты мной-то стала распоряжаться! Посмотрѣла-бы я . . . указала-бы я тебѣ, какъ мнѣ приказывать-то . . . Изволите видѣть, что ее нѣмцы-то съ дуру одѣваютъ, да обуваютъ, по-барски,

такъ она ужь и носъ вздернула, и знать никого не хочетъ. Да погоди, матушка, еще поклонишься: вѣдь родъ-то не Богъ вѣсть какой: мужичка есть, мужичка и останешься.

— Господи, да за что ты бранишься! Богъ съ тобой! — И Аннушка уходила, горько плача.

— Изволишь видѣть, госпожа какая: еще разгнѣвалась, расплакаться изволила, точно ее прибилъ кто! . . говорила ей вслѣдъ неугомонная Аксинья.

— О четъ тю плачешь? спрашивала Анхенъ свою подругу.

— Да вотъ все Аксинья бранится: проходу не даетъ!

— Ахъ, какая! ужь я, право, скажу про нее отцу . . . Ну, полно, Аннушка, не плачь, прости ее . . . не сердись на нее . . . муттеръ говоритъ, что не надобно зла помнить . . . Богъ ее накажетъ . . . Не плачь-же: я тебя люблю. Вѣдь ты знаешь, что я люблю тебя?

— Только ты меня и любишь! отвѣчала Аннушка, горячо обнимая своего искренняго друга, и успокоивалась.

Всего тяжеле было для доброй дѣвочки чувствовать отчужденіе родныхъ. Она замѣчала, какъ съ каждымъ днемъ они дѣлались съ нею, если не холоднѣе, то неискреннѣе. Она видѣла, что они какъ-будто стѣснялись, какъ держать себя съ нею, и все рѣже и рѣже посѣщали дочь, особенно отецъ ея, въ послѣднее время; когда-же она приходила къ нимъ, то мать обходилась съ нею не какъ съ дочерью, а какъ съ гостьей, отецъ-же какъ-то угрюмо и недовѣрчиво слѣдилъ за ея словами, движеніями, и почему-то былъ всегда необыкновенно молчаливъ при ней. Аннушка помнила одинъ случай. Разъ

какъ-то Иванъ Прохоровъ вошелъ въ прихожую въ то время, какъ въ ней никого не было, между тѣмъ какъ въ залѣ сидѣла его дочь съ Анхенъ и о чемъ-то разговаривали по-нѣмецки. Иванъ Прохорычъ долго стоялъ молча, слушалъ, потомъ покачалъ головой, махнулъ рукою и хотѣлъ уйдти, но въ это время его увидѣла Аннушка, бросилась къ нему и, по обыкновенію, хотѣла поцѣловать его руку, но отецъ смутился, и, ни слова не говоря, вырвалъ у нея свою руку, не допустивъ поцѣловать ее.

— Что ты, батюшка, не сердитъ-ли на меня за что-нибудь? спросила удивленная Аннушка.

— Давно-ли ты стала по-басурмански-то лаяться? вмѣсто отвѣта спросилъ ее въ свою очередь Иванъ Прохорычъ.

— Это по-нѣмецки, батюшка! я ужъ начинаю говорить: еще плохо, а ужь начинаю . . . а что-же?

— То-то, то-то! . . ничего! . . Эхма! . . проговорилъ Иванъ Прохорычъ, отвернулся и ушелъ, не простившись съ дочерью.

— Научили, какъ научили, нехристи проклятые! думалъ онъ про себя. Испортили дѣвку, совсѣмъ испортили!

Аннушка не могла понять, за что сердится на нее отецъ.

Въ тотъ-же день къ ней пришла мать, съ лицомъ озабоченнымъ и почти испуганнымъ.

— Ну-ка, Аннушка, голубушка, что отецъ-отъ говоритъ, что ты совсѣмъ по нашему и говорить-то разучилась! говорила она дочери.

— Какъ разучилась? спросила Аннушка съ удивленіемъ.

— Да такъ: чу, по нашему-то и не говоришь. а все по ихнему, по нѣмецкому-то.

— Да, матушка, я учусь по-нѣмецки, такъ что-же?

— Ахъ, Аннушка, какъ-же ты это, какъ это у тебя-ка на душѣ-то не лежитъ. А еще я тебя не безъ чего просила, чтобы ты этимъ-то не больно забиралась . . . ахъ, ахъ, аха-ха!

— Да отчего-же, матушка? вѣдь это ничего! . .

— Какъ ничего? чтой-то ты, дочка? Вотъ и дѣло отецъ-отъ говорилъ, что умнѣе отца съ матерью будешь и уважать насъ не станешь . . . Какъ-таки ничего! Статное-ли это дѣло? . . что ты? ни отецъ, ни мать грамотѣ не знаютъ . . . ну, да ужъ грамота куда не шло . . . мало-ли кто ее знаетъ, а это ужъ . . . чтой-то ты? полно! . . Какое ужъ дѣло, какъ ты да у насъ не по нашему и говорить-то будешь . . . Какого ужъ намъ ждать отъ тебя почтенья, да подлинно уваженья . . . И Бога-то позабудешь.

— Полно, матушка, да это, право, ничего! . .

— Какъ, что ты это, матка, ничего? что ты знаешь, велика-ли ты и вся-то? Посмотри-ка, отецъ-отъ вонъ и хлѣба-то совсѣмъ лишился, такъ ты его ошеломила . . . А то ничего . . . Нѣту, нѣту, и благословенья моего на это нѣтъ тебѣ, какъ хошь.

Аннушка огорчилась, не знала, что дѣлать, и разсказала все Анхенъ; та посовѣтовала обратиться къ матери. Амалія Өедоровна взялась убѣдить упрямыхъ стариковъ. Но сколько она ни говорила, сколько ни доказывала, могла поколебать только Арину, Иванъ-же Прохорычъ не показалъ никакого довѣрія къ ея словамъ, впрочемъ, сказалъ: „пожалуй, вся ваша власть: вы взяли у меня дочку, вы и дѣлайте съ ней, что знаете, только не было-бы худа . . . а я передъ Богомъ не отвѣчаю, коли выйдетъ какой грѣхъ!“

И послѣ этого онъ сдѣлался какъ-то еще неискреннѣе и еще неласковѣе съ Аннушкой.

Такимъ образомъ она оставалась совершенно одна послѣ смерти Анхенъ. Отдѣляясь своимъ образованіемъ и положеніемъ отъ роднаго крова, Аннушка потеряла единственное звено, которое связывало ее съ семействомъ управляющаго. Правда, Амалія Өедоровна любила Аннушку, но она любила ее потому, что любила свою дочь. Конечно, юная головка дѣвушки не могла понять всей неловкости ея настоящаго положенія, но она его чувствовала, и горько, горько плакала надъ тѣломъ Анхенъ. И въ первый-же день ея смерти ей помогли сильнѣе почувствовать всю великость потери, которую понесла она.

— Что плачешь? спрашивала ее язвительно неугомонная Аксинья. Али жалко пріятельницы-то? Поплачь, поплачь — есть о чемъ! Теперь ужъ нѣмцы то не больно станутъ рядить въ ситцевыя-то, да шерстяныя платьеца, въ домотканкѣ находишься, босикомъ набѣгаешься . . . Поклонишься еще и намъ… говорила, что поклонишься. . .

Аннушка ничего не отвѣчала, но сильнѣе чувствовала свое несчастіе и сильнѣе рыдала.

— Полно, Аксинья! боишься-ли ты Бога? говорили вздорной дѣвкѣ болѣе чувствительные изъ дворовыхъ.

— Ну, вотъ тебѣ на, а что-бы еще такое? не ревѣть-ли и мнѣ, коли она плачетъ . . . Ничего, пусть поплачетъ, пусть помается . . . Богъ-отъ всегда такъ дѣлаетъ: больно хорошо, да счастливо жила, такъ вотъ ей, чтобы не зазнавалась.

— Ахъ, ты какая, право! ну, что ты ее точишь, ровно червь? Что и вправь она тебѣ сдѣлала?

Смотри-ка, вѣдь она и безъ того изошла слезами. Пра, Бога въ тебѣ нѣтъ! . .

— Вотъ еще какіе защитители нашлись! Что больно приспичило? подслуживаться что-ли хотите? а я еще нѣтъ, — нѣтъ еще, голубушка, не стану, обождемъ! . .

И Аксинья ушла, довольная тѣмъ, что дала себя знать, а Аннушка бросилась на трупъ своего прежняго утѣшителя и защитника, и невольно спрашивала себя: что теперь будетъ со мной? отчего не я умерла? . .

Но сама судьба распорядилась будущимъ Аннушки.

На четвертый день болѣзни Амалія Ѳедоровна вышла изъ безпамятства, но не помнила, что случилось съ нею. Первый ея вопросъ былъ: гдѣ-же Анхенъ? пошлите ее ко мнѣ.

Августъ Карлычъ и всѣ окружающіе смутились и не знали, что отвѣчать больной,

— Что-же нейдетъ Анхенъ? позовите ее! настоятельно требовала больная.

Августъ Карлычъ, не зная, въ полномъ-ли сознаніи говорила жена, и чтобы успокоить ее, подвелъ къ постели Аннушку.

— Нѣтъ, нѣтъ! говорила Амалія Ѳедоровна, Анхенъ, мою Анхенъ . . . гдѣ-же она? . .

Тутъ она взглянула на мужа, на Аннушку, и какъ будто прочитавши въ ихъ глазахъ недавнее горе — все вспомнила. Она глубоко, тяжко вздохнула и заплакала тихими слезами. Эти слезы были предсказаніемъ ея выздоровленія! говорилъ докторъ.

— Да, да! я вспомнила: ея нѣтъ! Августъ, Анхенъ нѣтъ у насъ болѣе.

— Нѣтъ! со слезами отвѣчалъ Августъ Карлычъ.

— Давно-ли это случилось? спросила больная.

— Три дня.

— Только три дня, а я думала — очень давно... Три дня... стало быть, ея ужъ совсѣмъ нѣтъ, я ужъ не увижу ея болѣе, совсѣмъ не увижу?..

— Нѣтъ! отвѣчалъ опять Августъ Карлычъ, подавляя рыданія. Какъ ты себя чувствуешь, Амалія?

— Ничего... Я не увижу ея болѣе... Ангелъ мой... дочь моя!.. Да, да, помню: она это сказала... Помнишь, Августъ, она сказала... вотъ вамъ дочь... она назвала ее сестрой — помнишь, Августъ? говорила Амалія Ѳедоровна, указывая на Аннушку и какъ-бы собирая въ своей памяти всѣ подробности несчастнаго событія.

— Она любила ее... Помнишь, Августъ, какъ она любила ее? спрашивала Амалія Ѳедоровна.

— Помню, помню, мой другъ... да какъ твое-то здоровье? говорилъ мужъ, желая отвлечь воображеніе больной отъ печальныхъ представленій.

— Не говори обо мнѣ! возражала Амалія Ѳедоровна. Говори о ней... Послушай, Августъ, что я тебѣ скажу.

— Тебѣ вредно говорить, Амалія, докторъ не приказалъ

— Нѣтъ, ничего, ты только выслушай меня; она не совсѣмъ умерла, она намъ оставила сестру... Августъ, пусть Аннушка будетъ нашей дочкой, нашей Анхенъ... Слышишь, Августъ?

— Хорошо, хорошо! отвѣчалъ Августъ Карлычъ.

— Ты согласенъ, Августъ, чтобы она была нашей дочкой? Согласенъ?.. скажи: мнѣ легче будетъ, и нашей Анхенъ тамъ будетъ весело... согласенъ?..

— Согласенъ, согласенъ!..

— Добрый Августъ, благодарю тебя... Аннушка, ты наша Анхенъ, поди сюда, поди ко мнѣ... вотъ мнѣ и лучше: я не все потеряла, у меня есть другая дочка...

— Амалія тебѣ вредно говорить! твердилъ Августъ Карлычъ.

— Хорошо, хорошо, я не буду больше говорить... Анхенъ, слышишь-ли ты меня тамъ, на небѣ, довольна-ли ты?.. Аннушка, ты любила Анхенъ? ты будешь любить меня такъ, какъ она?

— Буду, буду! отвѣчала Аннушка, рыдая, и не могла больше выговорить ни одного слова, но цѣловала руку больной, между тѣмъ какъ та другою рукою гладила ея голову.

Такимъ образомъ Амалія Өедоровна рѣшилась взять Аннушку себѣ въ дочери. Мало-по-малу она выздоровѣла и утѣшала себя мыслію, что Анхенъ не совсѣмъ умерла, что она оставила послѣ себя существо, такъ много ею любимое, что это существо была та-же Анхенъ, только въ другой формѣ, но сердце, но кровь говорили иное: они безпрестанно заставляли Амалію Өедоровну вспоминать ея настоящую дочь, и тоскливое горе долго не оставляло души ея, долго не могла она забыть свою настоящую Анхенъ, и въ своихъ грустныхъ мечтахъ безпрестанно лелѣяла ея образъ.

Амалія Өедоровна, рѣшившись взять Аннушку вмѣсто дочери, ни на минуту не разставалась съ этой мыслью и безпрестанно твердила о томъ мужу. Августъ Карлычъ былъ не прочь исполнить желаніе страстно любимой имъ жены.

— Я согласенъ, Амалія, говорилъ онъ, только согласятся-ли ея отецъ съ матерью: надобно ихъ спросить.

— Разумѣется, мы ихъ спросимъ, но отчего-же имъ не согласиться?

— А ты знаешь, какой это дикій и упрямый народъ.

— Да вѣдь мы ей добро сдѣлаемъ: у насъ теперь нѣтъ никого . . . она будетъ наша единственная забота, наша радость, Августъ . . . мы ее воспитаемъ, вполнѣ разовьемъ.

— Такъ вѣдь ее ужъ надо и выкупить.

— Что-же, мы ее выкупимъ . . . мы все для нея сдѣлаемъ, что можемъ . . . потомъ выдадимъ замужъ за хорошаго и добраго человѣка . . . это все въ память нашей Анхенъ, Августъ.

— Да, надо выкупить! говорилъ Августъ Карлычъ и начиналъ ходить по комнатѣ . . . Онъ былъ немного скупъ, и этотъ вопросъ нѣсколько безпокоилъ его: надобно было тронуть завѣтныя деньги, накопленныя и сбереженныя акуратностью и лишеніями.

— Но для кого мнѣ беречь ихъ? . . Анхенъ моей нѣтъ больше! . . думалъ Августъ Карлычъ, и слеза катилась изъ-подъ его рѣсницы. Это будетъ въ память Анхенъ, говоритъ Амалія! . . да, Анхенъ называла ее сестрой. она ее любила, она этого хотѣла . . . милая Анхенъ! . . — И Августъ Карлычъ рѣшился.

— Я напишу письмо къ помѣщику о вольной, сказалъ онъ женѣ, а ты поговори съ родителями Аннушки, да позови сначала одну Арину: ее скорѣе можно убѣдить.

Арина явилась по требованію управительши.

— Чего изволишь, матушка?

— Вотъ, Аринушка, у меня не стало и дочки! говорила Амалія Ѳедоровна со слезами.

— Ахъ, голубушка ты наша, ужъ какъ мы-то жалѣемъ! какъ сказали намъ объ эвдакомъ вашемъ горѣ, такъ мы и не вспомнились, ровно своего дѣтища полишились... Барышня-то какая была! добрѣющая была барышня и изъ себя-то какая красавица!.. Что дѣлать-то, матушка, ты не больно убивайся: видно такъ Богу угодно. Богъ-отъ вѣдь все къ себѣ этакихъ-то хорошихъ беретъ!..

Амалія Өедоровна съ горькой радостью слушала эти похвалы своей уже не существующей Анхенъ; она хотѣла-бы слушать ихъ долго, не смотря на то, что онѣ растравляли ея, еще свѣжую, рану. Амалія Өедоровна тихо плакала и задумалась о своей Анхенъ; она даже позабыла, что передъ нею стоитъ Арина, забыла, зачѣмъ она позвала ее.

Послѣдняя, смотря на нѣмку, тоже расплакалась, но видя, что та о чемъ-то задумалась и не возобновляетъ разговора, какъ будто совсѣмъ не замѣчая ее, рѣшилась заговорить.

— Что-же, матушка, теперь съ Анюткой-то моей будете дѣлать?

— Чего? спросила Амалія Өедоровна.

— Что, молъ, съ дѣвчонкой-то моей будете дѣлать? чай, она ужъ вамъ больше не нужна: опять къ намъ что-ли ее возворотите?

— Ахъ, да!.. Нѣтъ, Аринушка, вотъ затѣмъ-то я тебя и призвала. Мы хотимъ просить васъ, чтобы вы ее намъ вовсе отдали.

— Какъ это, матушка, вовся?

— Такъ, чтобы она совсѣмъ ужъ у насъ осталась: мы хотимъ ее въ дочки къ себѣ взять.

— Какъ-же это въ дочки?... А мы-то при чемъ-же останемся?... Стало, мы ужъ и не отецъ съ матерью будемъ... ужъ и знати отъ нея не жди

себѣ никакой, не то что любви, да почтенья? . . . Нѣтъ, матушка, не дѣлайте вы этого. Мы этого не желаемъ, мы не вороги своему роду . . . Какъ-таки это ужъ и совсѣмъ взять, чтобы не знала, что мы ей отецъ съ матерью . . . » Да Богъ ей и счастья не дастъ, коли она на этакое дѣло пойдетъ!

— Вотъ вѣдь ты, Аринушка, сколько наговорила, а хорошенько еще не поняла, что я хотѣла сказать.

— Какъ, матушка, не понять, кому-же и понять, коли не материнскому сердцу? совсѣмъ хотите обидѣть: дочку отнять!

— Да послушай ты меня . . .

— Что тутъ, матушка, слушать... Во всемъ ваша власть, а это нѣтъ, никто вамъ этакой воли не далъ, чтобы силой дѣтей отнимать... Во дворъ дѣвчонку взять захотѣли — ну, мы и говорить не посмѣли, а это... чтой-то это... ужъ и ни на что не похоже.

— Арина, да дай-же ты мнѣ сказать... У тебя не отнимаютъ дочки, ты, какъ есть, такъ и будешь ей матерью, и любить и уважать она тебя будетъ, какъ теперь, только мы хотимъ ей добро сдѣлать и себѣ удовольствіе. Мы ее выкупимъ, будемъ воспитывать какъ родную дочку, и все, что ни имѣемъ, все ей оставимъ... вотъ вѣдь мы что хотимъ сдѣлать. Понимаешь-ли теперь?

— Понимаю, матушка, только какъ-же это... какъ-же и вамъ-то она дочка будетъ, и намъ-то?... Точно, бываетъ это и въ нашемъ родѣ, что пріемышей берутъ, такъ ужъ такъ онъ кого одного и знаетъ...

— Да, вы и будете ей настоящіе родители, а мы только по имени... Понимаешь-ли?

— Слышу, сударыня... отвѣчала Арина, но, оче-

видно, недоумѣвала и не понимала хорошенько, что говорила нѣмка.

— Ну, вѣдь вотъ она у насъ три года жила: сдѣлали-ли мы ей что-нибудь худое? А теперь хотимъ еще добра больше дѣлать, какъ будто-бы она была наша настоящая дочь... Вѣдь во все это время, что она жила у насъ, видѣли-ли вы отъ нея какое непочтеніе къ себѣ, учили-ли мы ее этому?...

— Да это что говорить: худаго слова не слыхали отъ нея... Это что Бога гнѣвить напрасно...

— Ну, такъ вотъ видишь! и теперь такъ-же будетъ... Ты подумай: пожелаю-ли я ей зла, за что мнѣ ей зло дѣлать? Не только ей, а я и всякому добра желаю...

— Ужъ супротивъ этого, матушка, никто и говорить не станетъ: ты у насъ добрая душа, это надо правду молвить.

— Вотъ она у насъ выростетъ, мы ее выучимъ, она хорошенькая, — можетъ быть, Богъ дастъ, и замужъ выдадимъ, кто знаетъ, можетъ еще и за благороднаго какого или за купца богатаго.

Послѣднія слова, не смотря на всю невѣроятность ихъ осуществленія, очень польстили материнскому сердцу Арины: она не могла не улыбнуться.

— А если вы возьмете ее теперь къ себѣ, продолжала Амалія Ѳедоровна, вы и ей добра не сдѣлаете, да и насъ огорчите: она ужъ теперь такъ воспитана, что ей тяжело будетъ привыкать къ вашей жизни . . . Правду-ли я говорю?

— Да, это точно, матушка, правда твоя настоящая. . .

Арина очевидно была почти побѣждена, только еще колебалась, не вполнѣ довѣряя самой себѣ и словамъ нѣмки.

— Ну, такъ какъ-же, Аринушка, согласна-ли ты?

— Да этакъ-то ровно-бы и хорошо, коли она отъ насъ-то не совсѣмъ отойдетъ, а будетъ дочь, какъ дочь, только я безъ большака-то своего не знаю, какъ сказать тебѣ, кормилица.

— Ну, такъ ты поди и посовѣтуйся съ нимъ, да растолкуй все, что я тебѣ говорила, растолкуй хорошенько, чтобы и онъ не подумалъ, какъ и ты-же, что мы хотимъ у васъ отнять дочку.

— Слушаю, матушка, вотъ я пойду, разскажу ему . . . отвѣчала Арина, и ушла.

Весь этотъ разговоръ слышала изъ сосѣдней комтаты Аксинья, и въ сердцѣ ея завозилась страшная злоба и зависть. Совершенно взбѣшенная, отправилась она въ людскую.

— Какова Анютка-то наша, какова! говорила она дворовымъ. Каково счастье-то ей? а? Нѣмцы-то въ дочки хотятъ взять? а? Сейчасъ сама своими ушами слышала: дура-то плаксивая съ Ариной разговаривала . . . Вотъ счастье людямъ! а! Мужичка этакая! да чѣмъ она насъ лучше? Вотъ-бы взяла да такъ-бы своими руками, кажись, и прихлопнула . . . Нутка, еще ей мало . . . въ дочки хотятъ взять! все, говоритъ, состояніе ей предоставляю . . . за дворянина говоритъ, выдамъ . . . Да, дожидайся: возьметъ ее, экую сиволапую, дворянинъ . . . Да что, чего добраго? пожалуй! . . . ей счастье! . . . За что экое счастье людямъ? . . . Пусть-бы что, а то ни съ того, ни съ сего взяли съ улицы, да на-поди! . . . Ну, ужъ только счастье! . . . да вѣдь, какъ? ровно и въ самъ-дѣлѣ родная дочка . . . Арина-то было и туда и сюда, а она такъ за нее, ровно за свою кровную . . . Не даромъ я ее не любила . . . Чуяло мое сердце . . .

— Да тебѣ-то что? Что тебѣ-то? спрашивали нѣкоторые изъ дворовыхъ.

— Какъ, что?... Да что она такое была? мужичка сиволапая — ничего больше, а теперь на-ка, чуть не барыня будетъ.

— Ну, такъ тебѣ-то что? али думала, что тебя въ дочки-то возьмутъ, анъ и нѣтъ!.. Эко дѣло, подумаешь! а! говорили насмѣшливо дворовые. — Ужъ золотцо ты только дѣвка, Аксинья!...

— Да, ладно, смѣйтесь: вотъ она вамъ сядетъ ужо на шею!... А я еще, нѣтъ еще, голубушка, ужъ барыней тебѣ у меня не быть... Ужъ пусть изобьютъ меня, истерзаютъ, а ужъ не быть тебѣ надо мной барыней, не бывать... Да погоди еще, погоди. Арина-то не больно согласилась, батька-то у тебя упрямъ... Ахъ!... сказала вдругъ съ необыкновенною радостью Аксинья, какъ будто какая свѣтлая мысль озарила ее... Погоди-жъ ты мнѣ... я тебѣ помогу...погоди, я тебѣ порадѣю!... — И проговоривши эти загадочныя слова, она выбѣжала изъ людской и быстро направилась къ избѣ Ивана Прохорыча.

Она входила въ избу въ то время, какъ Арина успѣла уже разсказать мужу весь разговоръ свой съ управительшей. Иванъ Прохорычъ былъ въ нерѣшимости, что дѣлать.

— А, вѣдь, можетъ быть, Иванъ Прохорычъ, говорила Арина, это Богъ ей счастье такое подаетъ.

— Нѣтъ, это что! отвѣчалъ въ раздумьѣ Иванъ, а вотъ то, что она, если взять-то ее, такъ къ дому-то будетъ не способна: совсѣмъ ужъ другую манеру-то получила — вотъ что... Ахъ, Аксинья Андреевна, сказалъ онъ вошедшей въ это время дѣвкѣ, добро пожаловать: что скажешь добренькаго?

— А что вамъ сказать-то? Я нарочно прибѣжала. Что, батьки, въ умѣ-ли вы? что вы съ дочкой-то даете дѣлать? что она у васъ, ваша-ли дочка-то?

— А что, матушка?

— Да какъ что? неужто не знаете? вѣдь нѣмцы-то хотятъ ее въ свою вѣру перекрестить?

— Какъ такъ? спросили отецъ съ матерью въ одинъ голосъ и переглянулись между собой испуганными глазами.

— Да такъ! доподлинно знаю, своими ушами слышала, какъ они ее уговаривали, а она — ну, ужъ, хороша-же и доченька-то у васъ — тотчасъ и согласилась. Хоть-бы поломалась, хоть-бы что, — нѣтъ, и горюшка мало: радехонька!

— Да ты вправду-ли говоришь? спросилъ Иванъ Прохорычъ.

— Такъ неужто нѣтъ! Не прибѣжала бы такъ. Какъ услышала, такъ меня ровно варомъ обдало, такъ и не вспомнилась... Бѣжать, молъ, сказать старикамъ-то: они, чай, вѣдь ничего не знаютъ.

Иванъ Прохоровъ и Арина совершенно растерялись.

— Они это вамъ и пыли-то нарочно въ глаза пустили, что вотъ молъ, въ дочки возьмемъ, да воспитаемъ, да все предоставимъ; — все пустое, только для того и говорили, чтобы какъ васъ обойдти... А вы и въ самъ-дѣлѣ подумали правда. Эко дѣло, какъ-же, дожидайтесь!... Ну, да ужъ дочка-же у васъ, хороша: никакого уваженія къ вамъ не знаетъ, совсѣмъ ее испортили нѣмцы-то... Какъ примется когда съ самой-то управительшей надъ вами зубы-то скалить, такъ только руками всплеснешь, да думаешь: какъ ее земля-то носитъ! И что вы ее дер-

жите у нѣмцевъ-то, что вы ее къ себѣ-то не возьмете? Неужто не жаль вамъ ее, что совсѣмъ дѣвка пропадетъ! вѣдь, дочь, кажись, она вамъ, не чужая!

Иванъ Прохоровъ былъ не отесанъ, дикъ, но уменъ и смышленъ. Чѣмъ больше говорила Аксинья, тѣмъ больше возбуждала въ немъ недовѣріе къ словамъ своимъ: онъ зналъ, что вся дворня звала ее— завидущіе глаза, зналъ и то, что она постоянно питала ненависть къ его дочкѣ, и потому невольно заподозрилъ ее въ какомъ-нибудь умыслѣ, а недоброжелательство и нелюбовь, съ которыми она и въ настоящемъ случаѣ отзывалась объ Аннушкѣ, еще болѣе убѣждали его въ основательности этого подозрѣнія.

— Спасибо тебѣ, Аксиньюшка, на твоей любви, что сказала намъ всю правду! проговорилъ Иванъ Прохорычъ. Вотъ мы сейчасъ пойдемъ съ женой, да спросимъ нѣмку-то, какъ она можетъ этакое дѣло затѣвать.

— Нѣтъ, вы ее и не спрашивайте — не скажетъ, а только пойдетъ разборъ, кто перенесъ вамъ, еще, пожалуй, послѣ мнѣ-же достанется, а вы просто скажите, что не хотимъ, молъ, отдавать дочку, да и возьмите ее къ себѣ назадъ.

— Нѣтъ, все-таки надо поспрошать ихъ...

— Такъ вы про меня-то не говорите, что я вамъ сказала: я вѣдь по секрету подслушала, а ваша-то же меня не любитъ за то, что иной разъ остановишь, такъ поѣдомъ съѣдятъ.

— Ладно, ладно, начто сказывать! говорилъ Иванъ Прохорычъ, и почти убѣдился, что Аксинья вретъ на дочь изъ зависти къ ней.

— А вы дочь-то, право, не оставляйте: быть грѣху, совсѣмъ она ни любви, ни уваженья къ вамъ

знать и не будетъ. Послѣ вспомянете меня, да поздно будетъ! говорила Аксинья.

— Да вотъ тамъ увидимъ! отвѣчалъ неопредѣленно Иванъ Прохорычъ, и еще больше убѣдился, что Аксинья покривила совѣстью. А впрочемъ, вѣдь кто ихъ знаетъ: нѣмцы—народъ неизвѣстный! думалъ онъ самъ про себя, отправляясь съ женой къ управительшѣ.

— А что, Иванъ Прохорычъ, не взять-ли намъ и взаправду дѣвчонку, покамѣсть ничего съ ней не надѣлали? говорила Арина, возмущенная больше мужа словами Аксиньи.

— А вотъ погоди, посмотримъ! отвѣчалъ Иванъ.

— Ну, что, Иванушка, пересказывала-ли тебѣ жена мое желаніе? спросила Амалія Ѳедоровна, когда крестьяне пришли къ ней.

— Сказывала, матушка.

— Ну, что же ты надумалъ?

— Да что, матушка, намъ думать? извели дѣвку, такъ теперь, можетъ, намъ и дѣлать съ ней нечего.

— Какъ извели? что это значитъ?

— А то и значитъ, что, можетъ, она теперь и Бога-то не знаетъ.

— А какъ-же это можетъ быть? Развѣ я не знаю Бога?

— Можетъ статься, и она знаетъ, да только не по нашему.

— Какъ не по вашему! Богъ все одинъ, что у васъ, что у насъ.

— Это точно правда, только вѣдь вы въ нашу-то церковь не ходите.

— Да я не хожу въ вашу потому, что мы дома молимся, а вашу дочь я, кажется, часто съ вами-же отпускала въ церковь.

— Да это точно, только теперича-то, можетъ статься, она въ нашу вѣру не принадлежитъ, потому что вы ее въ свою взять хотите.

— Что ты это? Богъ съ тобой! кто это тебѣ сказалъ? Я все равно уважаю, что вашу вѣру, что нашу. Я даже не позволила-бы вашей дочкѣ сдѣлать это, если-бъ она и сама захотѣла, потому что человѣкъ не долженъ перемѣнять ту вѣру, въ которой онъ родился. Кто-же это вамъ сказалъ?

— Да такъ, со стороны слухъ дошелъ.

— Какъ-же вамъ не стыдно было этому вѣрить?

— Да такъ, матушка, сумлѣніе этакое есть.

— Ну, теперь-то прошло-ли по крайней мѣрѣ это сомнѣніе?

— Да вотъ какъ-бы намъ дѣвчонку-то нашу повидать?

— Сейчасъ . . . Anchen, komm her, сказала Амалія Өедоровна.

— Gleich! отвѣчала Аннушка изъ другой комнаты.

Арина суетливо подтолкнула въ бокъ Ивана Прохорыча. Послѣдній поморщился, и сомнѣнія его возобновились.

Аннушка вбѣжала и, по обыкновенію, бросилась къ отцу съ матерью и поцѣловалась съ ними.

— Ну-ка, дочка, перекрестись! сказалъ вдругъ Иванъ Прохорычъ вмѣсто всякаго привѣтствія.

Аннушка посмотрѣла на отца съ изумленіемъ и перекрестилась.

— Ну-ка, прочитай: Отче нашъ.

Аннушка прочитала.

— А Богородицу . . .

Аннушка прочитала.

— Она и еще знаетъ много русскихъ молитвъ,

которымъ вы ее и не учили! сказала съ улыбкой Амалія Ѳедоровна.

Лица Ивана Прохорыча и Арины повеселѣли.

— Ну, какъ-же тебѣ не стыдно было повѣрить тому, что тебѣ сказывали? спросила Кнабе.

— Виноватъ, матушка, отцовское дѣло — понапугался. Ужь и стыдно, да нечего дѣлать: такое сумлѣнье напало.

— Ну, вотъ то-то же! будь увѣренъ, что я зла твоей дочери не пожелаю, и чему я ни учу ее, клонится къ ея пользѣ.

— Вижу, матушка, вижу, виноватъ.

— Ну, какъ-же, согласенъ-ли ты отдать мнѣ ее на полное попеченіе?

Иванъ Прохорычъ на секунду задумался, потомъ вдругъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Изволь, матушка!... ужъ коли былъ я такъ виноватъ передъ тобой, что такое на меня сумлѣнье напало, а ничего этого нѣтъ... возьми ее у насъ... Будь надъ ней мое и Божье благословенье... Мать, благословляй...

И Иванъ Прохорычъ, благословивши дочь, отвернулся и отеръ рукавомъ двѣ слезы, выкатившіяся изъ его глазъ.

Арина горько плакала и причитала, благословляя свою дочь, просила ее не забывать въ нѣгѣ, да въ холѣ, что у нея есть настоящіе отецъ съ матерью, не отрывать своего ретива сердца отъ ея сердца, не выкидывать ее изъ своей крѣпкой думушки, потомъ бросилась въ ноги Амаліи Ѳедоровнѣ, просила ее быть Аннушкѣ второй матерью, — радельщицей, да не отбивать ее у нихъ совсѣмъ, любить ее и жаловать, только въ свою вѣру не оборачивать, учить уму-разуму, да ужъ и не больно надсажать.

Аннушка плакала, увлеченная слезами матери, но съ любовью прижалась къ сердцу Амаліи Ѳедоровны, когда она сказала по уходѣ ея родителей:

— Ну, ты теперь совсѣмъ моя . . . моя вторая Анхенъ!

Глава V.

Слѣпой курицѣ все пшеница. — Знать птицу по перьямъ, а молодца по рѣчамъ.

Года три прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ Аннушка находилась въ домѣ Кнабе въ положеніи дочери, и если-бы кто взглянулъ на нее теперь, не зная ея прежде, тотъ затруднился-бы назвать ее нѣмочкой только по наружности и по сравненію съ самими Кнабе; немножко смуглая, съ лицомъ свѣжимъ, полнымъ жизни, съ темнорусыми волосами и карими глазками, Аннушка нисколько не напоминала совершенно-нѣмецкаго типа своихъ названныхъ родителей. Но, вглядываясь внимательнѣе въ ея физіономію, замѣчая ту искренность и доброту, которая разливалась по ея лицу и свѣтилась въ ея взорѣ, то облако неопредѣленной задумчивости и мечтательности, которое по временамъ какъ-бы туманило ея свѣтлые и живые глаза, вглядываясь въ ея манеры, ея привычки, прислушиваясь къ самой рѣчи ея — всякій легко-бы повѣрилъ, что она дочь Амаліи Ѳедоровны. Аннушкѣ было уже шестнадцать лѣтъ, и она развилась вполнѣ, стала дѣвушкой привлекатель-

ной и очень хорошенькой, чтобы не сказать — красавицей. Въ ней особенно понравилась-бы каждому эта полнота жизни, этотъ союзъ жизни физической съ жизнью душевной: съ перваго раза было видно, что дѣвушка пользовалась полнымъ здоровьемъ, но что въ то-же время она чувствовала, думала, подъчасъ безпричинно грустила, потому-что мечтала, подъ-часъ была порывисто весела и довольна всѣмъ окружающимъ и любила все, что было ей близко.

Амалія Ѳедоровна привязывалась къ ней съ каждымъ днемъ болѣе, она употребила всѣ свои силы, всю свою любовь, за недостаткомъ энергіи, на воспитаніе названной дочери — и потомъ сама почти подчинилась ей, какъ вообще слабость подчиняется силѣ. Подъ-часъ она, увлеченная веселостью Аннушки, выходила изъ своего мечтательнаго настроенія, подъ-часъ она сама задумывалась, замѣчая грусть въ глазахъ ея. Даже характеръ самой жизни Кнабе измѣнился отъ присутствія Аннушки: онъ потерялъ тотъ постоянно идиллическій оттѣнокъ, который мы видѣли въ началѣ нашего знакомства съ этимъ нѣмецкимъ семействомъ: и веселая шутка, и рѣзвый смѣхъ слышались иногда въ его бесѣдѣ; и угрюмый, всегда сосредоточенный въ самомъ себѣ, Августъ Карлычъ не рѣдко поддавался обаянію этого смѣха, этой веселости. Но, само собою разумѣется, искони заведенный порядокъ, акуратность въ распредѣленіи времени, оставались неизмѣнными.

Однажды впрочемъ Августъ Карлычъ заставилъ себя долго дожидаться къ обѣду: давно прошелъ уже урочный часъ. Было уже около трехъ часовъ, когда онъ явился.

— Что ты это, Августъ, такъ долго? спросила Амалія Ѳедоровна. Гдѣ ты былъ?

— А отгадай, гдѣ я былъ? спросилъ съ улыбкою Августъ Карлычъ, находившійся въ веселомъ расположеніи духа.

— Разумѣется гдѣ: на полѣ! подхватила Аннушка.

— А вотъ то-то и есть, что не на полѣ, а въ Горланихѣ.

— Какъ-такъ? что же ты тамъ дѣлалъ?

— Я познакомился съ прекраснѣйшимъ человѣкомъ, говорилъ Августъ Карлычъ съ удовольствіемъ. Туда пріѣхалъ недавно помѣщикъ, очень еще молодой человѣкъ. Какой умница, какъ знаетъ хозяйство, Амалія!

— Какъ-же ты познакомился-то съ нимъ?

— Мы встрѣтились на Гаряхъ: ты знаешь, вѣдь эта пустошь у насъ кругомъ въ его землѣ. Онъ смотрѣлъ за своими работами, увидѣлъ меня и поклонился . . . Очень вѣжливый! . . . я тоже поклонился и хотѣлъ-было ѣхать прочь, но онъ заговорилъ со мной, спросивши обо мнѣ у мужиковъ своихъ. Мнѣ очень пріятно познакомиться съ вами: вы, говорятъ, прекрасный хозяинъ, а я еще только учусь хозяйству; надѣюсь, что вы поучите меня! сказалъ онъ мнѣ очень ласково. Потомъ мы разговорились о хозяйствѣ, и онъ вдругъ сталъ просить меня ѣхать къ себѣ въ усадьбу; я отговаривался, потому-что нужно было смотрѣть за работой, но онъ очень просилъ меня и очень мнѣ понравился — я не могъ отказать и поѣхалъ. И вотъ мы до сихъ поръ все съ нимъ разговаривали . . . Отличный человѣкъ, много читалъ и знаетъ хозяйство . . . любитъ скотный дворъ . . . Обѣщался скоро къ намъ пріѣхать.

— Какъ-же его зовутъ? спросила Амалія Ѳедоровна.

— Димитрій Петровичъ Губовъ.

— Очень еще молодой человѣкъ?

— Я думаю, лѣтъ двадцати шести: очень еще молодой человѣкъ, а какъ уменъ!..

— Когда-же онъ хотѣлъ пріѣхать?

— Скоро, скоро!

— Ахъ, Августъ: я такъ отвыкла отъ людей, мнѣ конфузно будетъ.

— Ничего! вѣдь онъ такой вѣжливый!.. Впрочемъ, онъ и со мной однимъ будетъ разговаривать, очень любитъ хозяйство.

— Такъ ужъ я лучше не выйду!.. сказала Амалія Ѳедоровна.

— Нѣтъ, отчего-же? выйди.. Онъ очень умный человѣкъ.

— Право, очень сконфужусь! говорила Амалія Ѳедоровна.

Но напрасно они ждали гостя: онъ не ѣхалъ. Прошла недѣля, другая, началась третья, а его все не было.

— Что-же не ѣдетъ твой знакомый? спрашивала мужа Амалія Ѳедоровна.

— Не знаю! отвѣчалъ Августъ Карлычъ, пожимая плечами. Вѣрно, либо захворалъ, либо занимается хозяйствомъ.

— Да ты его не встрѣчалъ?

— Нѣтъ, видѣлъ раза два и просилъ его къ себѣ; онъ обѣщался.

— Можетъ быть, вовсе и не хочетъ быть у насъ...

— О, нѣтъ, онъ со мной такъ вѣжливъ... нѣтъ, я его непремѣнно попрошу пріѣхать.

И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней, въ часъ передъ обѣдомъ, Аннушка увидѣла въ окно при-

ближающагося къ дому Августа Карлыча и съ нимъ какого-то молодаго человѣка. Она сообщила Амаліи Өедоровнѣ, и, по общимъ соображеніямъ, это долженъ былъ быть Дмитрій Петровичъ Губовъ, потому-что и не могъ быть никто другой.

— Ахъ, неужели онъ будетъ у насъ обѣдать? сказала съ нѣкоторымъ испугомъ Амалія Өедоровна, зная, что на кухнѣ нѣтъ лишней провизіи для гостя.

— Анхенъ, Анхенъ! суетливо продолжала она, поди приготовь поскорѣе кофе, да дай мнѣ мантиль получше.

Дмитрій Петровичъ Губовъ былъ вотъ какой человѣкъ. Онъ воспитывался въ петербургскомъ университетѣ, по камеральному факультету, и окончилъ курсъ со свѣдѣніями разнообразными, но весьма неполными, между тѣмъ какъ самъ онъ вполнѣ былъ убѣжденъ въ огромности своихъ знаній. Само собою разумѣется, по окончаніи курса онъ тотчасъ-же поступилъ на службу, но служба не удовлетворяла его, особенно на той ступени, которую онъ долженъ былъ занять.

Онъ занимался въ университетѣ съ усердіемъ и даже съ любовію, онъ приготовлялъ себя къ поприщу блестящему, но вотъ проходитъ годъ, проходитъ другой, а онъ только еще помощникъ столоначальника. Что-же? кажется-бы, достаточно, но не такъ думалъ Дмитрій Петровичъ: вести настольный, писать исходящія и даже доклады — нѣтъ, не для такой дѣятельности приготовлялъ я себя, не такое узкое поприще мнѣ нужно! говорилъ онъ. Я человѣкъ практическій, не мечтатель, не думаю, что мнѣ можно дать вдругъ какое-нибудь важное назначеніе,

но чего-же и ждать мнѣ по службѣ? Я не извѣстенъ, связей не имѣю, притомъ-же я люблю заниматься, когда захочется, когда того требуетъ душа, а въ службѣ нужна акуратность, усидчивость, терпѣніе. Но между тѣмъ, я, во что-бы то ни стало, долженъ составить себѣ карьеру; какъ практическій человѣкъ, я не могу-же сидѣть сложа руки и ждать, чтобы самъ міръ увидѣлъ мои достоинства и поднялъ меня, вынесъ на своихъ рукахъ и озолотилъ, — нѣтъ, я долженъ трудиться, дѣйствовать. Гдѣ-же моя сфера, гдѣ поприще для приложенія моихъ знаній, моей энергіи? Конечно, я не такой человѣкъ, чтобы мечтать о славѣ, о почестяхъ, — я думаю болѣе о существенномъ, — вотъ къ чему стремится всякій современно-образованный человѣкъ, и не безъ смысла стремится онъ къ этому: онъ работаетъ, трудится для достиженія своей цѣли, а въ трудѣ-то этомъ и таится вся сила, онъ-то и есть то орудіе, посредствомъ котораго зиждется въ настоящее время все великое. Вдохновеніе — удѣлъ генія, а простой, здравый трудъ — обязанность каждаго образованнаго человѣка. И пусть преслѣдуетъ онъ свои личные интересы, пусть руководитъ имъ его личный эгоизмъ: трудясь для себя, онъ приноситъ пользу цѣлому обществу. Но къ чему-же приложить мнѣ свой трудъ, свои силы, свои знанія?... Чего лучше? У меня есть небольшое имѣніе; я поѣду въ него, изучу мѣстность, почву, климатъ; зная сельское хозяйство и технологію, я могу извлечь много пользы изъ своего имѣнія. Силы нашей земли велики, нуженъ только разумный трудъ, чтобы дать имъ благотворное направленіе: наша земля все-равно, что земля дикой Америки: одинъ участокъ ея въ состояніи озолотить человѣка, а я имѣю слишкомъ 200 душъ;

теперь получаю съ нихъ около 2,000 серебромъ, а при моихъ усиліяхъ легко могу получать втрое больше, — вотъ моя карьера. Лѣто буду жить въ деревнѣ, на зиму пріѣзжать въ Петербургъ. — Сказано — сдѣлано. Дмитрій Петровичъ вышелъ въ отставку и пріѣхалъ въ свою Горланиху...

Изъ всего этого видно, что онъ былъ современный, что называется, практическій человѣкъ.

Пріѣхавши въ свое имѣніе, онъ на другой-же день позвалъ старосту, собралъ всѣхъ своихъ крестьянъ и прочиталъ имъ рѣчь:

— Вотъ я пріѣхалъ къ вамъ, говорилъ онъ, чтобы самому заниматься хозяйствомъ, но не бойтесь, я не помѣшаю вамъ дѣлать своего дѣла, не буду тотчасъ-же вводить разныя новости; я сначала присмотрюсь ко всему, познакомлюсь съ вами, а вы со мной. Я не теорикъ, а практикъ: я ничего не буду дѣлать не обдумавши, не сообразившись съ своими средствами, не посовѣтовавшись съ вами. Я умнѣе, образованнѣе васъ, но не знаю мелочей вашего дѣла такъ, какъ вы, и потому мнѣ многому еще можно поучиться у васъ, и я прошу васъ приходить ко мнѣ смѣло, высказывать всѣ ваши замѣчанія; если я сдѣлаю какое распоряженіе, не сообразное вашему образу мыслей — говорите мнѣ прямо: скажете дѣло — я послушаю, вздоръ — растолкую вамъ. Я пріѣхалъ не для того, чтобы обогатиться на вашъ счетъ, но для того, чтобы улучшить наше хозяйство, чтобы трудиться общими силами: у васъ практика, у меня знанія, слѣдовательно, мы можемъ много сдѣлать. Знайте и помните, что я люблю васъ и желаю вамъ добра столько-же, сколько себѣ. Слышали вы, что я сказалъ?

— Слышали, батюшка! отвѣчали мужики.

— Поняли меня?

— Поняли, родной.

— Тобой я былъ доволенъ до сихъ поръ, продолжалъ Дмитрій Петровичъ, обращаясь къ старостѣ: конечно, ты мало доставлялъ дохода съ имѣнія, которое можетъ давать гораздо больше, но ты не виноватъ, потому что тебѣ не съ кѣмъ было посовѣтоваться, некому было указать тебѣ: теперь пойдетъ иначе; только ты ни въ чемъ не распоряжайся самъ, безъ моего вѣдома и согласія. Кто здѣсь въ сосѣдствѣ помѣщики хорошіе хозяева, у которыхъ-бы можно было поучиться, перенять что-нибудь?

— Да кто здѣсь, батюшка — кому быть? Никого нѣтъ изъ господъ-то, чтобы этакъ по сосѣдству; есть одинъ, да и то нѣмецъ.

— А хорошій хозяинъ?

— Да, хорошій человѣкъ!...

— Ну, а какъ у него идетъ хозяйство-то? Успѣшно, хорошо?

— Какъ не хорошо! худо-ли! вотчина большая!...

— Ну, я съ нимъ непремѣнно познакомлюсь: онъ намъ кое-что, можетъ быть, и растолкуетъ, посовѣтуетъ... Ну, теперь пока прощайте, ребята, продолжалъ онъ, обращаясь къ мужикамъ. Толпа шарахнулась.

— Да, постойте. Не имѣетъ-ли кто изъ васъ какой нужды до меня, не нужно-ли вамъ посовѣтоваться о чемъ со мною?

Изъ толпы мужиковъ отвѣта не было, но замѣтно было, что нѣкоторые переминались съ ноги на ногу, другіе шептались о чемъ-то между собою, посматривая на барина и поталкивая другъ друга въ бокъ.

— Что-же вы не говорите? говорите смѣло! Кому что нужно, выйди сюда и объясни.

Изъ толпы выдвинулись два мужика:

— Ну, тебѣ что надо? спросилъ онъ у одного изъ нихъ, рыжеватаго, худаго, маленькаго, который смотрѣлъ какъ-то жалко и весь держался на-бокъ.

— Да у меня лошаденки нѣтъ, батюшка! отвѣчалъ онъ.

— Отчего-же нѣтъ?

— Да такъ, батюшка: урожаишко-то о прошломъ году былъ плохой, хлѣбцомъ-то подошли, къ веснѣ-то ѣсть нечего стало, такъ и продалъ лошаденку-то.

— Отчего-же у другихъ мужиковъ есть лошади, а вѣдь урожай-то все одинъ, что у нихъ, что у тебя?

— Да такъ ужъ: бѣдность, батюшка!

— Нѣтъ, не то! ты не попиваешь-ли?... не пьетъ-ли онъ? спросилъ Дмитрій Петровичъ у старосты.

— Нѣтъ, батюшка, на замѣчаньѣ не былъ.

— Ну, такъ, вѣрно, лѣнивъ, плохо дѣломъ своимъ занимается... Какъ тебя зовутъ?

— Софоръ Николаевъ, батюшка.

— Ну, надо трудиться, братецъ, Софоръ, работать: будешь трудиться, будутъ и деньги, и бѣдности не будетъ. А тебѣ что? спросилъ баринъ у другого мужика.

— Коровенка-то у меня пала, батюшка.

— Такъ что-же дѣлать, другъ мой? надо другую купить.

— То-то, то-то, надо, родимой.

— Такъ купи.

— Радъ-бы купить-то, кормилецъ, да денегъ-то нѣтъ.

— Что-жъ мнѣ дѣлать съ тобой? Что, — здѣсь повальная болѣзнь что-ли была?

— Нѣтъ, никакой не было болѣзни.

— Такъ, значитъ, ты ходилъ плохо за своей коровой? вѣдь, у другихъ-же не падали. Скотъ—важное дѣло въ хозяйствѣ: за скотомъ надо ходить хорошенько... Тебя какъ зовутъ?

— Иванъ, батюшка!

— Такъ-то, Иванушка, за скотинкой надо хорошенько присматривать... Ну, еще у кого нѣтъ-ли какой нужды? еще кому не нужно-ли чего?

Но оказалось, что уже больше никому ничего не нужно.

— Такъ ступайте съ Богомъ!

Мужики разошлись, а Дмитрій Петровичъ съ самодовольствіемъ думалъ самъ про себя: о, вѣдь, я не дамся въ просакъ, я не такой, какъ иные молодые хозяева: пришелъ къ нему мужикъ, да расплакался, ужъ онъ ему сейчасъ и повѣрилъ. Нѣтъ, я сначала познакомлюсь съ каждымъ мужикомъ, войду въ бытъ каждаго, узнаю его характеръ, его положеніе, и тогда, если нужно, буду помогать, а до тѣхъ поръ — нѣтъ, голубчики, какъ разъ проведете...

И вотъ Дмитрій Петровичъ съ увлеченіемъ, съ жаромъ и толкомъ принялся за хозяйство. Первымъ дѣломъ его было осмотрѣть всѣ свои владѣнія: онъ объѣзжалъ свои лѣса, поля, луга, съ дѣятельностію неутомимою — и смотрѣлъ на все окомъ здравомыслящаго хозяина.

— Вотъ у насъ лѣса-то сколько, Яковъ, говорилъ онъ своему старостѣ, а что онъ стоитъ даромъ? Что ты съ нимъ дѣлалъ?

— Да что съ нимъ дѣлать-то? ничего не дѣлалъ! и дѣлать съ нимъ нечего.

— Вотъ то-то и есть: нечего! А вотъ я тебѣ скажу, что съ нимъ дѣлать: во-первыхъ завести лѣ-

сосѣки; не уничтожая лѣса безъ толку, каждый годъ можно продавать сажень по триста, по четыреста.

— Да куда его будешь продавать-то, сударь?

— Какъ куда? въ городъ возить.

— Да вѣдь городъ-то отъ насъ 40 верстъ: провези хошь полъ-сажени на возу, такъ подвода-то не окупится — не то что!

— Ну, хорошо! Въ такомъ случаѣ надобно завести поташный заводъ, жечь уголь, а вонъ тамъ я замѣтилъ глинистую почву: кирпичи можно дѣлать, кирпичный заводъ завести... На поташъ, уголь, да кирпичъ всегда можно найдти покупателей...

— Это какъ вамъ угодно...

— То-то вотъ и есть, всѣ вы мужики таковы: умный народъ, а смотрите недалеко.

Проѣзжая мимо рѣки, находившейся въ его владѣніяхъ, Дмитрій Петровичъ спросилъ старосту:

— А, что, вѣдь, у насъ нѣтъ, кажется, водяной мельницы?

— Нѣтъ, сударь, да и не нужно: вѣтряныхъ съ насъ будетъ, ими управляемся.

— Эхъ, ты, ты! сказалъ Дмитрій Петровичъ. А я такъ вотъ непремѣнно заведу водяную мельницу, да не для себя, а для сосѣдей, буду брать дешевле, чѣмъ другіе, такъ ко мнѣ всѣ бросятся...

— И никто къ вамъ, сударь, не пойдетъ! возразилъ упрямый Яковъ.

— Это почему?

— А потому, что здѣсь мѣсто не бойкое, чтобы этакъ села что-ли богатыя, да торговыя — этого, нѣтъ, а вѣтряныхъ-то мельницъ много по деревнямъ, и мужикъ-то назнати: все туда везетъ; а въ убытокъ-то вамъ брать за помолъ не придется . . . вотъ батюшка, что . . .

— Ну, хорошо! я, братецъ, за дѣльный совѣтъ всегда спасибо скажу! А что ты скажешь, если-бы завести здѣсь маслобойню.

— Это какъ вамъ угодно!

— Здѣсь по сосѣдству нѣтъ маслобоенъ?

— Нѣтъ, такъ чтобы очень близко — нѣтъ.

— Непремѣнно заведу маслобойню. Ты подумай: самъ я буду сѣять сѣмя, слѣдовательно оно мнѣ ничего не будетъ стоить, сбытъ маслу найдется вездѣ, а сверхъ того дуранда — это знаешь какой кормъ для скота... Да вотъ еще что, Яковъ: у насъ скота очень мало, а это важная вещь: непремѣнно нужно скота прикупить.

— Батюшка, Дмитрій Петровичъ, ваше благородіе, знамо дѣло, мало-ли что можно завести, да купить, да, вѣдь, купилъ-то нужно сначала достать, — вотъ, вѣдь, что, родной ты мой...

— А ты думалъ — я этого не знаю? ты думалъ — я полагаю, что можно что-нибудь сдѣлать безъ капитала? — напрасно, другъ, думаешь... Я не такой человѣкъ, чтобы сталъ заводить что-нибудь съ-плеча и не одумавшись; нѣтъ, не вдругъ, исподоволь: главное-то все въ томъ, чтобы не спать, не сидѣть сложа руки, а дѣйствовать...

— Нѣтъ, русскій мужикъ — плохой совѣтникъ, думалъ онъ потомъ: онъ понимаетъ только то, что у него подъ носомъ, чего не видалъ, о томъ и думать не смѣетъ... Нѣтъ, нѣтъ, надобно самому работать, учиться, соображать, а они могутъ быть только хорошими исполнителями.

И Дмитрій Петровичъ принялся за хозяйство свое съ увлеченіемъ. Каждый день ѣздилъ онъ на поле, наблюдалъ за работами, дома высчитывалъ и соображалъ заведенія, доступныя его средствамъ... Каза-

лось, этотъ молодой человѣкъ былъ созданъ хозяиномъ, и онъ самъ такъ-же думалъ о себѣ. И въ самомъ дѣлѣ: онъ занимался скучнымъ дѣломъ хозяйства усердно, не скучалъ, не задумывалъ предпріятій не по силамъ.

Мѣсяца два уже прожилъ Дмитрій Петровичъ въ деревнѣ, и любовь его къ дѣлу не охладѣвала; правда, подъ-часъ было скучновато ему по недостатку сосѣдства, но онъ побѣждалъ свою скуку мечтой о предстоящемъ удовольствіи столичной жизни зимою, разсчетомъ на увеличеніе своихъ денежныхъ средствъ: вѣдь онъ былъ практикъ, а не мечтатель. Къ тому-же онъ имѣлъ книги, ружье и собаку . . . Дмитрій Петровичъ чувствовалъ даже, что онъ начинаетъ толстѣть.

Давно уже намѣревался онъ съѣздить къ управляющему нѣмцу съ тѣмъ, чтобы потолковать съ нимъ о кое-какихъ своихъ намѣреніяхъ по хозяйству, но такъ былъ увлеченъ текущими занятіями, что не находилъ времени. И вотъ, наконецъ, онъ встрѣтился съ нимъ, какъ мы уже знаемъ, совершенно случайно.

Дмитрій Петровичъ не приминулъ воспользоваться этимъ случаемъ и пригласилъ къ себѣ Кнабе. Но мало что извлекъ Губовъ изъ этого знакомства. Нѣмецъ, увлеченный любезностью и теоретическими знаніями хозяина, приходилъ въ восторгъ отъ всего, что онъ ни говорилъ, и во всемъ соглашался.

— А у васъ въ имѣніи нѣтъ никакихъ особенныхъ нововведеній по хозяйству, или особыхъ заведеній какихъ нибудь? спрашивалъ Дмитрій Петровичъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ грустно Августъ Карлычъ.

— Отчего-же?

— Да вѣдь нужны деньги, — капиталъ.

Такъ что-же? При такомъ большомъ имѣніи, мнѣ кажется, можно-бы было удѣлить какую-нибудь незначительную сумму хоть на небольшое заведеніе.

— Да, да, можно! . . .

— Отчего-же вы этого не сдѣлаете?

— Такъ, страшно! . . думаешь — хорошо, а можетъ будетъ худо.

— Ну, для этого нужно разсчитать, сообразить, обдумать.

— А ошибка? . .

— При строгомъ разсчетѣ не можетъ быть ошибки.

— Нѣтъ, страшно! . .

— Э, братъ, такъ ты умѣешь только восхищаться чужими затѣями. Помечтать, пожалуй, а отъ дѣла прочь. Всѣ вы нѣмцы таковы: теорійку состроить — ваше дѣло, а осуществить страшно. Нѣтъ, плохіе вы учителя для русскато человѣка: десять разъ успѣетъ онъ сдѣлать дѣло, пока вы будете о немъ думать, да передумывать . . .

И Дмитрій Петровичъ не торопился ѣхать къ нѣмцу, хотя и обѣщалъ; онъ отправился къ нему только изъ вѣжливости и по неотступнымъ просьбамъ послѣдняго.

Августъ Карлычъ съ торжествомъ ввелъ своего гостя. Амалія Өедоровна сконфузилась, Аннушки не было въ гостиной; она хлопотала съ кофе въ сосѣдней комнатѣ.

— Это моя жена, Амалія! сказалъ Августъ Карлычъ, обращаясь къ гостю. Дмитрій Петровичъ! продолжалъ онъ, обращаясь къ женѣ.

— Очень пріятно! лѣниво проговорилъ Губовъ и небрежно развалился въ креслахъ.

На минуту воцарилось молчаніе: Августъ Карлычъ желалъ, чтобы въ разговоръ вступила жена; Амалія Ѳедоровна не успѣла еще собраться съ духомъ; Дмитрій Петровичъ молчалъ потому, что не хотѣлось говорить, а онъ не считалъ за нужное принуждать себя въ удовольствіе нѣмцевъ, къ которымъ не чувствовалъ никакой симпатіи.

— Давно-ли вы въ своемъ имѣніи? спросила Амалія Ѳедоровна по-нѣмецки.

— Около трехъ мѣсяцевъ! также по-нѣмецки отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ, потомъ обратился къ Августу Карлычу съ русскимъ вопросомъ: ваша жена не говоритъ по-русски?

— О, да, говоритъ! поспѣшно отвѣчалъ Кнабе: Амалія, Дмитрій Петровичъ не будетъ говорить по-нѣмецки . . . О, она очень хорошо говоритъ по-русски!

— Вы не говорите по-нѣмецки? спросила Амалія Ѳедоровна.

— Нѣтъ, вотъ видите: говорю, но не такъ свободно; я знаю языкъ хорошо, много читалъ на немъ, но говорить свободно не могу. . .

— Вѣрно оттого, что не имѣли практики?

— Да, можетъ быть, оттого. . .

— Это часто случается. . . Когда я была гувернанткой, я знала многихъ, которые читали свободно, безъ лексикона, но говорить не могли. . . Это отъ недостатка практики. . .

— Вы были гувернанткой?

— Да. . . но это такъ давно!

— А-а! . .

— Впрочемъ и теперь я не могу вспомнить о

томъ времени безъ особеннаго удовольствія: какъ пріятно посвящать всю себя на воспитаніе дѣтей, знать, что дѣлаешь человѣку пользу на всю его жизнь, развивая въ немъ прекрасные дары Божіи.

— Эге! подумалъ Дмитрій Петровичъ, скоро начала высказываться: мужъ не далекъ, жена не глупа, но страшно мечтательна, какъ чистая нѣмка: не совсѣмъ-то пріятная компанія.

Молчаніе снова возобновилось.

— Какъ вы проводите время? спросила Амалія Өедоровна.

— Ни скучно, ни весело! я всегда за дѣломъ.

— Вы, вѣрно, большой хозяинъ?

— О, Дмитрій Петровичъ, отличный хозяинъ, подхватилъ нѣмецъ, смотря съ любовію на гостя. Какъ вы хочетъ быть: четыре или пять поль? . .

— Не знаю еще . . . я, вѣдь не принадлежу къ числу тѣхъ хозяевъ, которые хотятъ все передѣлывать, все перемѣнять, что истари заведено . . . Я полагаю, сначала нужно все хорошенько сообразить, а потомъ рѣшиться дѣлать — и ужъ не откладывать въ дальній ящикъ . . . Но теперь еще я ничего не предпринимаю. . .

— О, прекрасно . . . я тоже самъ.

Дмитрій Петровичъ внутренно улыбнулся.

— Какъ пріятно видѣть молодаго человѣка, который такъ хорошо знаетъ хозяйство! сказала Амалія Өедоровна. Обыкновенно молодые люди любятъ разсѣяніе, удовольствія, а вы посвятили себя нашей немножко скучной, но, право, пріятной деревенской жизни! . . Вы составляете рѣдкое исключеніе изъ молодыхъ людей . . . Впрочемъ въ природѣ и деревенской жизни такъ много поэзіи . . .

Дмитрій Петровичъ наклонилъ голову съ едва

замѣтной насмѣшливой улыбкой, а самъ подумалъ: вѣкъ тебѣ не понять, мечтательная нѣмка, что привлекаетъ меня къ этой природѣ и къ твоей пріятной деревенской жизни: твой удѣлъ видѣть въ ней поэзію, а я вижу кое-что побольше. . .

— Вы, вѣроятно, любите природу? спросила Амалія Өедоровна.

— Да, когда она хороша.

— О, природа всегда хороша, надобно только умѣть наслаждаться ею.

Только ужъ не по твоему и не съ тобой, подумалъ Дмитрій Петровичъ, а то какъ разъ вся природа обсахарится . . .

— А вы какъ хочетъ клеверъ сѣять? спросилъ Августъ Карлычъ, желая склонить разговоръ на свой любимый предметъ.

— Право, не знаю-съ, можетъ быть . . . я, впрочемъ, предпочитаю полевой горошекъ. . .

— О, нѣтъ, клеверъ много лучше.

— Однако выгода полеваго горошка доказана множествомъ опытовъ.

Августу Карлычу это не понравилось.

— Ну, а картофель? . . очень хорошо для скота кормить. . .

— Зачѣмъ-же кормить картофелемъ, за которымъ такъ много ухода, когда есть сѣно: лишняя затѣя.

И это очень не понравилось Августу Карлычу.

— А вы думаетъ заводить большой скотный дворъ?

— Право, не знаю . . . А, послушайте, не знаете-ли вы: нельзя-ли гдѣ здѣсь достать хорошую лягавую собаку — щенка?

— Нѣтъ, не знаю . . . А вотъ тутъ въ имѣніи,

верстъ 30 будетъ, отличныя тирольскія коровы, вотъ купить... очень хорошо!.. много молока, и въ какой красотѣ...

— Нѣтъ, къ чему тирольскихъ коровъ? пока сначала русскихъ-то нужно прикупить...

Гость взялся за шляпу.

— Куда-же вы такъ скоро? спросила Амалія Ѳедоровна. Вотъ сейчасъ подадутъ кофе... Anchen, gieb schneller Kaffe, meine Liebe, продолжала она, приподнявшись и заглядывая въ сосѣднюю комнату.

—Gleich, gleich, Mutterchen! отвѣчала оттуда Аннушка.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я не могу теперь пить кофе: очень жарко... отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ... А вотъ я попросилъ-бы у васъ стаканъ воды, лимонаду или какого-нибудь морса!.. продолжалъ онъ, услыша голосъ изъ сосѣдней комнаты.

— Фатеръ-то съ муттеръ очень скучны, подумалъ онъ, какова-то дочка, голосокъ впрочемъ очень пріятный: любопытно посмотрѣть на бѣлокурое, вѣроятно, и еще болѣе мечтательное отродье этихъ бѣлокурыхъ, мечтательныхъ родителей. И онъ снова оставилъ свою шляпу.

— Сейчасъ подадутъ! сказала Амалія Ѳедоровна, возвращаясь изъ сосѣдней комнаты.

— Вы имѣете большое семейство? небрежно спросилъ Дмитрій Петровичъ.

— Нѣтъ, одну дочь! отвѣчала Амалія Ѳедоровна.

— Взрослая дѣвушка или еще маленькая?

— Семнадцати лѣтъ.

Дмитрій Петровичъ слышалъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ наливали въ стаканъ воды, клали сахару, мѣшали ложечкой; онъ ждалъ, что вотъ-вотъ появится въ дверяхъ бѣленькая ручка съ этимъ стака-

номъ, но, увы! его принесла вовсе не бѣленькая ручка горничной дѣвки.

„Что-же они, покажутъ-ли мнѣ свою Анхенъ?“ думалъ Дмитрій Петровичъ, и самъ уже вступилъ въ разговоръ съ Августомъ Карлычемъ.

— Что, у васъ скотный дворъ въ хорошемъ состояніи? спросилъ онъ.

— О, да! я ужаско любитъ скотину . . . И Августъ Карлычъ пустился въ длинное разсужденіе о пользѣ скотоводства въ хозяйствѣ, о разныхъ породахъ рогатаго скота, о мѣрахъ предохраненія его здоровья, о томъ, что лучше: держать-ли его на привязи, или пускать въ стадо. . .

Дмитрію Петровичу показалось страшно скучно это разсужденіе: обо всемъ этомъ давно уже слышалъ онъ отъ своего профессора сельскаго хозяйства.

— Вы не скучаете деревенской жизнію? спросилъ онъ Амалію Өедоровну.

— О, нѣтъ, я такъ привыкла къ ней, я очень люблю природу, притомъ всегда со мной наша Анхенъ, мы такъ ее любимъ. Когда нѣтъ Августа, я ни на минуту не разстаюсь съ ней.

— Да, конечно, семейная жизнь можетъ быть вполнѣ пріятна и въ деревнѣ . . . Но ваша дочь, какъ молодая дѣвица, вѣроятно, скучаетъ,

— О, нѣтъ, ей нельзя скучать: она родилась и воспитана въ деревнѣ, она и не знаетъ другой жизни, притомъ она такъ любитъ насъ.

— Вы сами занимались ея воспитчніемъ?

— О, да, конечно! когда я была гувернанткой, то и тогда учить дѣтей доставляло мнѣ величайшее удовольствіе, а ей я посвятила всю себя, я вся ей принадлежу: и надѣюсь, что она носитъ въ себѣ мое отраженіе.

— Ну, должна быть хороша! подумалъ Дмитрій Петровичъ, и хотѣлъ ѣхать, но его остановила фраза Августа Карлыча, обращенная къ женѣ:

— А что не выйдетъ сюда наша Анхенъ?

— Сейчасъ выйдетъ, мой другъ.

Дмитрій Петровичъ рѣшился подождать.

Аннушка давно уже стояла у дверей въ гостиную, нѣсколько разъ бралась за ручку дверей, но не могла собраться съ духомъ, чтобы отворить ихъ: въ первый разъ она видѣла порядочно образованнаго, свѣтскаго человѣка, въ первый разъ она должна была встрѣтиться съ нимъ и, можетъ быть, говорить, — сердце ея невольно стѣснялось, усиленный румянецъ покрывалъ ея щеки и распространялся на лобъ, шею и уши. Ея возрастъ былъ настоящая пора любви, а Дмитрій Петровичъ былъ очень недуренъ собой: она успѣла это замѣтить. И вотъ онъ говоритъ о ней, краска еще сильнѣе выступаетъ на лице, сердце еще сильнѣе бьется; мать сказала, что она сейчасъ войдетъ, — неловко медлить, но войдти страшно, стыдно; въ первый разъ она чувствуетъ себя неловко, надобно подождать, успокоиться, но гость, можетъ быть, скоро уѣдетъ... И Аннушка, сама того не сознавая, отворила дверь въ гостинную и вошла вся въ огнѣ, съ потупленными глазами, съ замирающимъ сердцемъ. Она дѣлаетъ очень неловкій реверансъ, ноги ея дрожатъ, грудь колышется, глаза какъ-то случайно встрѣчаются съ глазами молодаго человѣка, въ нихъ видно тоже нѣкоторое смущеніе, — Аннушка не чувствуетъ, какъ доходитъ до стула и садится на него.

Дмитрій Петровичъ смѣло и съ недовѣрчивой улыбкой предубѣжденія обратилъ свой взоръ къ дверямъ, когда онѣ стали отворяться, но встрѣтилъ

вовсе не то, что ожидалъ. Нѣтъ, это не та, это не ихъ дочь! была первая мысль его при видѣ вошедшей дѣвушки, но Амалія Өедоровна рекомендуетъ ее, называя своею Анхенъ. Неожиданность и красота дѣвицы смущаютъ его, и, можетъ быть, первый разъ въ жизни блѣдная краска выступаетъ на лицо молодаго человѣка, онъ медленно опускается въ кресло, съ котораго поднялся, не находится что сказать, и, чтобы скрыть свое смущеніе, обращается къ Августу Карлычу съ какой-то безтолковой похвалой въ пользу клевера.

— О, клеверъ, клеверъ! говоритъ обрадованный Августъ Карлычъ — безъ клевера ничего не возможно: онъ самая лучшая трава, онъ родится самой больше, какъ всякой другой хлѣбъ, его любитъ кушать скотъ, а безъ скота не есть хозяйство, отъ скота все зависитъ!

— Ну, и картофель полезенъ въ хозяйствѣ, если есть время и руки заняться имъ! говоритъ молодой человѣкъ: онъ уже желаетъ продолжать бесѣду, онъ желаетъ угодить скучному нѣмцу.

— О, да, и картофель въ большомъ прибыткѣ, отвѣчалъ снова довольный Августъ Карлычъ: знай землю, знай обработать — и онъ благодарно растеніе, его и человѣкъ любитъ кушать и для скота полезно!

Между тѣмъ молодые люди мало-по-малу успокоиваются. Аннушка начинаетъ блѣднѣть и съ улыбкою смотритъ на мать, которая тоже съ улыбкою качаетъ головой, смотря на нее, и какъ будто хочетъ сказать: „какая ты дикарка, моя Анхенъ!“

Дмитрій Петровичъ вдругъ, ни съ того, ни съ сего, дѣлается необыкновенно разговорчивъ и краснорѣчивъ, пускается въ длинное и необыкновенно

умное разсужденіе о пользѣ машинъ въ сельскомъ хозяйствѣ, впрочемъ съ язвительной ироніей отзывается о тѣхъ русскихъ помѣщикахъ, которые тратятъ послѣднія деньги, а иногда даже закладываютъ свои имѣнія для того, чтобы купить какую-нибудь вновь изобрѣтенную вѣялку или молотильню, тогда какъ у него ни вѣять, ни молотить нечего, или завести англійскіе плуги, которые поднимаютъ землю чуть не на аршинъ глубины, тогда какъ у него во всемъ имѣніи почва песчаная и ее достаточно взрыхлять обыкновенными косулей и сохой; потомъ переходитъ къ ирригаціи полей, отзывается о ней съ большою похвалою, съ восторгомъ разсказываетъ о совершенствѣ ирригаціи въ Китаѣ, какъ будто-бы онъ самъ подалъ китайцамъ первую мысль о прорытіи каналовъ, упоминаетъ и объ извѣстной машинѣ въ Англіи, которая можетъ вдругъ, какъ дождемъ, оросить нѣсколько десятинъ земли.

Августъ Карлычъ слушаетъ, улыбается, смѣется, придаетъ лицу глубокомысленное выраженіе, однимъ словомъ — приходитъ въ восторгъ, поднимается съ своего мѣста, подходитъ къ женѣ, шепчется съ нею, между тѣмъ какъ Дмитрій Петровичъ устремляетъ долгій и выразительный взглядъ на Аннушку, а послѣдняя, предчувствуя этотъ взглядъ, заблаговременно опускаетъ свои длинныя рѣсницы и краснѣя смотритъ въ землю; потомъ Августъ Карлычъ подходитъ къ гостю, садится около него, съ любовью смотритъ ему въ глаза, беретъ за руку, и нѣжно, нѣжно говоритъ:

— Дмитрій Петровичъ. послушайте: вы сдѣлаете мнѣ честь, большую честь? . .

— Помилуйте! что вамъ угодно, Августъ Карлычъ, съ величайшимъ удовольствіемъ!

— Будьте у насъ кушать . . . такое одолженіе.

— Очень пріятно, Августъ Карлычъ, съ величайшимъ удовольствіемъ, если только я не обезпокою васъ: я, право, такъ радъ, что познакомился съ вами: вы такъ хорошо знаете хозяйство, а я еще школьникъ, ученикъ, мнѣ многому еще нужно поучиться у васъ. . .

— О, полноте, батюшка! . . вы сами великъ хозяинъ, вы сами все знаетъ! . . И Августъ Карлычъ уже обѣими руками жметъ руку гостя. Вы не осудитъ нашъ не богатъ столъ? . .

— О, помилуйте, что вы? Я самъ человѣкъ деревенскій.

— Да, я знаю, вы не осудитъ! говоритъ Августъ Карлычъ съ увлеченіемъ. Амалія, прикажи-же поскорѣе накрывать; Анхенъ, ходи; скажи!

— Ахъ, что-же вы безпокоитесь сами! . . возражаетъ Дмитрій Петровичъ, обращаясь къ Анхенъ, радуясь случаю, что можетъ вступить наконецъ въ разговоръ съ нею, и чувствуя въ то-же время, что это вступленіе не совсѣмъ удачно. . .

— Ничего! отвѣчаетъ Анхенъ и выбѣгаетъ изъ комнаты, веселая и почему-то очень довольная, что гость остается обѣдать.

Живой разговоръ не прерывался до обѣда, былъ также неистощимъ и за обѣдомъ. Дмитрій Петровичъ нисколько не скучалъ, напротивъ, онъ даже находилъ, что немного жидкій и прѣсный супъ очень вкусенъ, а говядина подъ картофелемъ съ черносливомъ и лавровымъ листомъ даже нѣчто болѣе, нежели совершенство, бесѣда-же Августа Карлыча и Амаліи Ѳедоровны болѣе, нежели пріятна. Онъ не торопился ѣхать домой и послѣ обѣда и не отказался уже отъ кофе, приготовленнаго руками

Анхенъ, но нашелъ, что онъ не пивалъ никогда лучше этого. Узнавши, что послѣ обѣда Амалія Ѳедоровна съ дочерью обыкновенно отправляются гулять, а Августъ Карлычъ имѣетъ привычку соснуть, онъ предложилъ свою готовность сопровождать дамъ въ ихъ прогулкѣ, убѣждалъ Августа Карлыча не стѣсняться его присутствіемъ и лечь спать, но Августъ Карлычъ никакъ не хотѣлъ лишить себя удовольствія бесѣдовать съ такимъ пріятнымъ гостемъ, что не очень, впрочемъ, понравилось Дмитрію Петровичу, потому что разговоръ о хозяйствѣ началъ уже надоѣдать ему.

Во время прогулки Дмитрій Петровичъ вспомнилъ почему-то фразу Амаліи Ѳедоровны, что она очень любитъ природу, и признался, что онъ страстный поклонникъ ея.

— А вы любите природу? спросилъ онъ Анхенъ.

— Люблю! отвѣчала она.

— За что-же вы ее любите?

— За то, что она хороша.

— Что-же вы находите въ ней хорошаго? шутливо спросилъ онъ.

— То, что обыкновенно называютъ хорошимъ! также шутливо отвѣчала дѣвушка.

— О, да она очень умна! подумалъ Дмитрій Петровичъ. Послѣ прогулки онъ выразилъ желаніе подождать возвращенія стада, чтобы полюбоваться на нѣкоторыхъ любимицъ Августа Карлыча — и дѣйствительно дождался его.

Вообще онъ остался очень доволенъ скотнымъ дворомъ: помѣщеніе прекрасное, чистое и просторное, коровы показались ему очень рослыми, здоровыми, у овецъ шерсть оказалась очень мягка: нисколько не хуже шленскихъ; а отъ ангорскихъ козъ

онъ пришелъ даже въ восторгъ и просилъ Августа Карлыча уступить ему парочки двѣ для приплода.

— Которая-же ваша любимица изъ коровъ? спросилъ онъ у Аннушки.

— У меня нѣтъ особенной любимицы.

— Отчего-же это?

— Оттого, что я ихъ всѣхъ люблю! отвѣчала Аннушка, краснѣя.

— О, какое у нея должно быть доброе, прекрасное сердце! подумалъ Дмитрій Петровичъ.

Но вотъ скотный дворъ былъ осмотрѣнъ во всѣхъ подробностяхъ до послѣдней подойницы. Возвратились опять въ домъ. Дожидаться Дмитрію Петровичу уже было нечего болѣе. Солнце почти скрылось за лѣсомъ и мѣсяцъ началъ всплывать на небо. Гость хотѣлъ-было сказать еще кое-что въ пользу прогулки при лунномъ свѣтѣ, но показалось какъ-то совѣстно . . . Пора было ѣхать домой. Не безъ грусти взялся онъ за шляпу.

— Надѣюсь, что вы будете посѣщать насъ? спросила Амалія Өедоровна.

— О, да, пожалуйста! говорилъ Августъ Карлычъ.

— Если только позволите. . . Я такъ пріятно провелъ у васъ время, что даже не замѣтилъ какъ пролетѣлъ цѣлый день.

— Такъ будемъ ждать васъ.

— Непремѣнно и очень скоро . . . какъ только позволятъ мои занятія по хозяйству . . . До свиданія . . . Августъ Карлычъ, надѣюсь, что и вы не будете забывать меня.

— О, нѣтъ, нѣтъ! какъ можно! . . вы такъ пріятно! . . Послушайте: право, вы посмотрите тамъ тирольской коровы . . Очень хороши. . .

—Непремѣнно, непремѣнно . . . Поѣдемте когда-нибудь вмѣстѣ. . .

— Хорошо. . . Извольте. . .

— До свиданія, до свиданія!

— Смотрите: мы васъ ждетъ! сказалъ вслѣдъ уходящему гостю Августъ Карлычъ.

— Непремѣнно! отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ, отдавая послѣдній общій поклонъ, но смотря на одну Аннушку.

Аннушка, проводивши глазами гостя, почувствовала въ себѣ что-то новое, странное: уѣзжалъ человѣкъ, совершенно посторонній, котораго она видѣла только одинъ разъ, но ей почему-то жалко было разстаться съ нимъ, сдѣлалось какъ-то скучно, очень скучно, сердце какъ-то болѣзненно ныло, а мысль безпрестанно неслась вслѣдъ за нимъ и представляла почти безъ ея воли лишь его одного. Дѣвушка не понимала еще, что это любовь, она не знала ея; правда, она любила отца съ матерью, любила своихъ благодѣтелей, но совсѣмъ какъ-то иначе: краска никогда не выступала ей въ лицо, сердце не билось сильнѣе и не замирало, когда она о нихъ думала, она всегда могла свободно располагать своею мыслью, и, думая о нихъ, въ то-же время могла заниматься другимъ дѣломъ. А теперь какъ-то все не такъ: она не ясно слышала, что говорили ей отецъ съ матерью, но каждое слово, относившееся въ ихъ разговорѣ между собою до Дмитрія Петровича, глубоко врѣзывалось въ ея слухъ, каждая похвала ему очень ее утѣшала, но между тѣмъ сама она не въ силахъ была сказать про него вслухъ ни одного слова; она чувствовала, что сгорѣла-бы отъ стыда, если-бы выговорила вслухъ его имя. Когда она стала молиться передъ сномъ, въ

первый разъ въ жизни слова ея, обращенныя къ Богу, были только одними звуками, въ первый разъ душа не участвовала въ молитвѣ. Аннушка легла спать, но долго воображеніе рисовало ей все одно и то-же лицо, долго не могла она заснуть въ эту ночь; и тогда даже, когда она уснула, ночныя грезы приносили предъ нее все одинъ и тотъ-же образъ... А это были еще только первый день и первая ночь любви...

Глава VI.

Любовь и практичность.

Дмитрій Петровичъ уѣхалъ изъ дома Кнабе вполнѣ счастливый, веселый, довольный. Никогда еще онъ не чувствовалъ такой полноты душевной. Весело скакалъ онъ на своей лошади и безпрестанно давалъ ей шпоры, съ жадностью поглощая въ себя ароматный вечерній воздухъ; то вдругъ пускалъ свою лошадь шагомъ, любовался мѣсяцемъ, который все выше и выше всплывалъ на небо, прислушивался къ замирающимъ звукамъ природы, останавливался и весь погружался въ слухъ, заслыша въ дали перекаты соловьиной пѣсни; то вдругъ опять скакалъ чрезъ широкое, неоглядное поле, все посеребренное свѣтомъ мѣсяца, то чрезъ темный лѣсъ со сверкающими по сторонамъ дороги свѣтляками, то по берегу рѣки, въ которую уже заглядывалъ съ неба мѣсяцъ, отражаясь въ ней или всѣмъ ликомъ своимъ, или длинной искрящейся полосой свѣта... Дмитрій Петровичъ скакалъ, вездѣ неся передъ собою образъ Анхенъ, и на сердцѣ у него было такъ хорошо, такъ отрадно...

Но вотъ и его усадьба: ловко осадилъ онъ коня у самаго крыльца своего дома, ловко спрыгнулъ съ него, какъ-будто на его грацію могъ кто-нибудь любоваться въ настоящую минуту, и вошелъ въ комнаты. Но какъ пусто, какъ скучно показалось ему его холостое жилище, какъ глухо раздавались въ немъ его собственные шаги, какую пустоту почувствовалъ онъ вдругъ въ своемъ сердцѣ... Природа какъ-будто хранила въ себѣ отраженіе того образа, который сдѣлался милъ его сердцу, и во время пути онъ не чувствовалъ его отсутствія, но здѣсь въ четырехъ стѣнахъ ничто не напоминало его...

И мысль Дмитрія Петровича понеслась въ это доброе нѣмецкое семейство, съ которымъ онъ только что разстался, и воспоминанія его рисовали предъ нимъ все, что относилось до Анхенъ. Вотъ вошла она въ гостиную, стыдливая, робкая, съ горячимъ румянцемъ на щекахъ, съ потупленными взорами, вотъ встрѣтились ихъ гласа, и онъ видитъ, какъ она вся вздрогнула, даже какъ-будто пошатнулась; вотъ опять онъ изловилъ ея взглядъ, уже болѣе смѣлый, но все еще застѣнчивый и брошенный вскользь; вотъ съ очевиднымъ удовольствіемъ бѣжитъ она распоряжаться обѣдомъ, къ которому приглашенъ онъ; вотъ съ улыбкой слушаетъ похвалу кофе, вотъ дрожитъ ея голосъ, когда на вопросъ: любите-ли вы природу? отвѣчаетъ: „люблю!“ и какъ чудно звучитъ это слово въ устахъ ея! Вотъ слушаетъ она его съ увлеченіемъ, съ полнымъ сочувствіемъ, когда во время прогулки высказываетъ онъ свою любовь къ природѣ; вотъ ласкаетъ она овцу, шерсть которой онъ похвалилъ; наконецъ, вотъ и печаль, и грусть въ ея взорѣ, когда онъ беретъ свою шляпу и собирается уѣхать: родители пригла-

шаютъ, упрашиваютъ посѣщать ихъ, но ея взоръ сильнѣе всѣхъ ихъ словъ высказываетъ это приглашеніе... О, она будетъ любить меня, она меня любитъ, и, можетъ быть, теперь въ эту самую минуту, она думаетъ обо мнѣ и спрашиваетъ: любитъ-ли онъ меня?.. Лицо ея горитъ, сердце бьется, слезы тоски и радости на глазахъ, и молитва ея не искренна, если молится не обо мнѣ, и сонъ ея не крѣпокъ... О, да, да, я люблю тебя, люблю, прелестная Анхенъ!

— Староста пришелъ къ вамъ! раздается голосъ вошедшаго въ это время лакея.

— Что?

— Староста пришелъ къ вамъ.

— А... Хмъ!.. Да я совсѣмъ влюбленъ... и мечтаю, и все... Ахъ, практическій человѣкъ! увидѣлъ хорошенькую нѣмочку, не сказалъ съ нею трехъ словъ, не узналъ даже, умна-ли она по крайней мѣрѣ, не дурочка-ли, по обыкновенію, и влюбился... Ха, ха, ха! хорошъ практическій человѣкъ!.. — Дмитрій Петровичъ смѣялся вслухъ, но нѣсколько насильственно.

— Позови, позови старосту!.. — И онъ снова смѣялся.

— Чему онъ такъ надсажается — хохочетъ! думаетъ про себя лакей. Вишь ты: староста пришелъ, такъ смѣшно показалось!

И онъ самъ отъ души засмѣялся.

— А, вѣдь, недурна нѣмочка! продолжалъ снова думать Дмитрій Петровичъ. Нѣтъ, мало сказать недурна: хороша, очаровательно хороша! Какая жизнь! сколько граціи — не заученой, но природной, сколько ума въ глазахъ... Ну, еще умъ-то Богъ знаетъ каковъ: глазамъ однимъ страшно повѣ-

рить... А хороша, дивно хороша!... такъ что же? ну, хороша, такъ не влюбиться-же, не мечтать, приволокнуться можно: она конфузлива, невинна, неопытна, обмануть не долго; притомъ — это несомнѣнно! — я ей понравлюсь, два-три посѣщенія — влюбится безъ памяти; соперниковъ нѣтъ; первая любовь невинной дѣвушки, да еще въ деревенской скукѣ — счастье!... Но развѣ быть практическимъ человѣкомъ значитъ быть подлецомъ?... Нѣтъ, это подло, низко, недостойно, не въ головѣ порядочнаго человѣка родиться такой мысли!... Такъ что-же, не жениться-ли мнѣ на ней, не взять-ли въ приданое, можетъ быть, одну глупость, да умѣнье приготовлять картофель въ пятидесяти видахъ, да удовольствіе сантиментальничать съ матушкой и разговаривать о хозяйствѣ съ безтолковымъ родителемъ?... Но что же дѣлать?... Она мнѣ нравится, я это чувствую, я убѣжденъ, что и я ей нравлюсь; въ ней очевидно, много хорошаго...

Между тѣмъ староста давно уже стоялъ въ кабинетѣ, не замѣчаемый бариномъ: нѣсколько разъ, прокашливалъ онъ, нѣсколько разъ, правда, негромко, называлъ барина по имени, но тотъ не слыхалъ.

— Что за причта такая! думалъ Яковъ. Васютка сказалъ, что смѣется, а онъ и себя не чувствуетъ; такъ, какъ стѣнь какая, нали страшно!... Дмитрій Петровичъ! сказалъ наконецъ староста такъ громко, что баринъ услышалъ.

— А, это ты, Яковъ! сказалъ Дмитрій Петровичъ такимъ голосомъ, какъ будто онъ очень обрадовался, что увидѣлъ старосту.

— Я, батюшка, точно!

— Ну, что скажешь? что сегодня дѣлали?

— Да что дѣлать-то? косили!

— Косили?

— Точно такъ: косили.

— Ну, что-же, много-ли накосили?

— Да коло рѣчки-то теперь все поубрали.

— Около рѣчки?

— Точно такъ, коло рѣчки.

— Гдѣ-же это?

— А тутъ коло рѣчки-то, мокрое-то болото . . .

— А — а, мокрое болото . . .

— Точно такъ.

— Ну, что-же, много-ли вы накосили-то? говори толкомъ, что-ли! . .

— Да всю, молъ, рѣчку-то обкосили.

— Ну, хорошо! . .

Дмитрій Петровичъ опять задумался.

— Еще доложу вашей милости: рожь пора жать, — сыпаться, пожалуй, начнетъ скоро, совсѣмъ выжелтѣла. Экая нынче рожь-то, Богъ-далъ: и соломой и колосомъ. Только успѣвай управляться.

— Что?

— Ро́жь-то, молъ, больно хороша нынче.

— Хороша?

— Хороша! кажись, этакой и не запомнятъ . . .

— А — а! . .

— Пра . . .

— Ну, ступай.

— Такъ что жь сударь, когда-же зажинать-то прикажите?

— Что?

— Когда, молъ, зажинать-то прикажете?

— Что зажинать? . . Чортъ его знаетъ, что говоритъ! . . . вѣдь ты про сѣнокосъ говорилъ, а тутъ про зажинъ какой-то спрашиваешь?

— Да я спервуначало вамъ, сударь, это точно

про сѣно изволилъ докладывать, а опричь, того, рожь, молъ, поспѣла, такъ зажинать-бы пора: вонъ тужиловскіе-то вчера еще начали жать-то.

— Что тужиловскіе?

— А жать-то, молъ, начали.

— Э, дуракъ! . . . Пошелъ вонъ . . .

Староста съ изумленіемъ посмотрѣлъ на барина.

— Что за притча съ нимъ подѣялась? подумалъ онъ: никогда этакого раза не бывало: и не туда смотритъ, и не то говоритъ . . . Ровно его кто обошелъ . . .

Подумалъ, подумалъ Яковъ, постоялъ, посмотрѣлъ еще на барина, мотнулъ головой — и ушелъ; а Дмитрій Петровичъ оставался неподвиженъ и погруженъ въ свои мечты; въ душѣ его происходила все та-же борьба любви и практичности.

— Вздоръ, вздоръ, смѣшно, глупо! сказалъ наконецъ Дмитрій Петровичъ, порывисто схватилъ какую-то книгу, развернулъ ее и началъ читать; но книга показалась ему очень скучна, онъ отбросилъ ее даже съ нѣкоторою досадою, и, придвинувшись къ столу, принялся за свои хозяйственныя книги, и сталъ съ необыкновеннымъ жаромъ что-то вписывать въ нихъ и высчитывать; но чрезъ пять минутъ эти аккуратно разграфленные листы, эти итоги и транспорты, эти суммы, вписанныя то черными, то красными чернилами, — которыя встрѣтилъ онъ въ книгахъ, сдѣлались крайне несносны . . .

И къ-чему эта нѣмецкая аккуратность, эти счеты и записки! все вздоръ, ни къ чему не ведущій, все однѣ нелѣпыя претензіи: въ моемъ небольшомъ хозяйствѣ всѣ эти затѣи можно-бы замѣнить мужицкими бирками . . . думалъ Дмитрій Петровичъ, закурилъ сигару, открылъ окно и сѣлъ на него: глубоко вздохнулъ онъ всей грудью, а ночное небо, ночная

природа въ первый разъ въ жизни показались ему такъ очаровательны, такъ манили къ себѣ . . .

Дмитрій Петровичъ вышелъ въ садъ и любовался мраморнымъ небомъ, по которому какъ будто катился мѣсяцъ, то полу-скрываясь за облаками, то снова выплывая изъ-за нихъ, любовался аллеей развѣсистыхъ липъ, которыя то какъ будто хмурились, когда мѣсяцъ скрывался, то какъ будто улыбались, становились веселѣе, когда мѣсяцъ снова показывался... И долго, долго ходилъ Дмитрій Петровичъ впередъ и назадъ по этой аллеѣ, и все думалъ, все мечталъ объ чемъ-то, и не было порядка въ этихъ думахъ, не было послѣдовательности въ этихъ мечтахъ, за то на сердцѣ у него стало опять хорошо и отрадно, потому что уже прежняя борьба не происходила въ немъ; все оно было отдано одной любви . . .

На другой день, когда проснулся Дмитрій Петровичъ отъ сна, полнаго грезъ, первая мысль была объ Анхенъ, первый образъ, представшій его воображенію, уже не спящему, но бодрствующему, — былъ образъ Анхенъ... Но утромъ голова всегда свѣжѣе и умъ сильнѣе сердца . . .

— Что-же это такое наконецъ? подумалъ Дмитрій Петровичъ. Я влюбленъ, я мечтаю, какъ осьмнадцатилѣтній юноша, весь вечеръ я пробродилъ вчера по саду, какъ мечтатель, ничѣмъ не занялся, не выслушалъ старосту, даже не помню, о чемъ онъ говорилъ мнѣ ... Хорошъ практическій человѣкъ... Эй, Василій, позови старосту! сказалъ онъ вслухъ.

Староста давно уже навѣдывался, не проснулся-ли баринъ, разсчитывая, что утро вечера мудренѣе: авось и баринъ его не будетъ ли сегодня съ солнышкомъ-то поумнѣе, чѣмъ былъ вчера; онъ тот-

часъ явился по первому требованію Дмитрія Петровича.

— Ну, что, Яковъ, что у насъ подѣлывается сегодня?

— Да все косимъ, сударь, все съ сѣномъ-то убираемся... отвѣчалъ Яковъ, и въ то-же время подумалъ: ну, сегодня, слава Богу кажись, все прошло — смотритъ поумнѣе...

— А надо-бы, Дмитрій Петровичъ, зажинать, больно-бы пора...

— Такъ что-же? съ Богомъ, братецъ, съ Богомъ начинай, коли пора...

— Я и вчера вашей милости объ этомъ самомъ докладывалъ, да только вы во вниманье-то этотъ предметъ не приняли...

— Да, я вчера занятъ былъ... Такъ начинай, братецъ, начинай, и разговаривать нечего...

— И выгнать меня изволили, какъ сталъ объ этомъ самомъ докладывать, продолжалъ Яковъ; а куда какъ время начинать-то: того и смотри сыпаться станетъ: вотъ-бы сегодня и зажинъ сдѣлать, день-то такой подошелъ счастливой — овторникъ...

— Ну, хорошо, хорошо! . . . такъ распорядись-же сейчасъ, чтобы собрались: я самъ приду посмотрѣть . . .

— Слушаю-съ . . . Откуда-же начать-то прикажете? . . .

— Да это все равно . . . ты какъ думаешь, откуда лучше?

— Да ужъ всегда съ ободворицы начинаемъ, потому такъ съ ободворицы оно и пойдетъ . . . И о запрошломъ лѣтѣ тоже съ ободворицы начали . . .

— Ну, такъ и ныньче такъ-же начать . . . Поди-же распорядись, и я сейчасъ приду . . .

Яковъ ушелъ, а Дмитрій Петровичъ думалъ: ну, можно-ли быть такъ глупу?.. и не слыхалъ ничего, что вчера говорилъ староста, и еще выгналъ человѣка за то, что дѣло докладывалъ. Глупо, глупо... Нѣтъ, за дѣло, прочь вздоръ изъ головы... Слава Богу, не первая любовь, не осьмнадцать лѣтъ: кажется пора перебѣситься, наволочился досыта...

И онъ отправился въ поле. Нѣсколько мужиковъ и бабъ съ серпами на плечахъ весело разговаривали между собою, ожидая барина, чтобы, помолившись вмѣстѣ съ нимъ на востокъ, приняться за самую тяжелую полевую работу. Рожь въ самомъ-дѣлѣ поспѣла: жолтые колосья, отягченные совсѣмъ налившимся уже зерномъ, стали опускать свои верхушки къ землѣ, но прямо и крѣпко стояла еще державшая ихъ на себѣ солома.

Дмитрій Петровичъ весело поздоровался съ крестьянами, внимательно посмотрѣлъ на рожь, сорвалъ колосъ, вынулъ изъ него нѣсколько зеренъ, разжевалъ ихъ съ видомъ знатока, и нашелъ, что рожь дѣйствительно пора жать.

— Что, ребята, вотъ и жнитво пришло! сказалъ онъ, привѣтливо обращаясь къ крестьянамъ.

— Да, батюшка, Господь хлѣбца даетъ!

— А рожь, кажется, хороша нынче...

— Ужь такъ-то хороша, родной, грѣхъ Бога гнѣвить: и травы нынче вонъ какія; какъ Богъ подастъ яровыя, а то надо благодарить Создателя.

— Коли будете всегда такъ трудиться, ребята, такъ Богъ всегда подастъ: Онъ труды любитъ.

— Экой баринъ-то ласковой, да вожеватой сегодня! думали про себя мужички.

— Ну, такъ что-же? помолимся, да и начинать съ Богомъ.

Мужики и бабы начали класть земные поклоны, потомъ потолковали немного, у кого рука счастливѣе на зажинъ, согласились всѣ единодушно, что рука счастлива у Дуняхи — и Дуняха, веселая молодая бабенка, первая отжала снопъ; тогда къ ней присоединились всѣ остальные жнецы . . .

Дмитрій Петровичъ съ напряженнымъ вниманіемъ сталъ слѣдить за работой, и, чтобы заинтересовать себя чѣмъ-нибудь, сталъ всматриваться въ манеру каждаго изъ жнецовъ и вслушиваться въ ихъ веселую болтовню.

Русскій крестьянинъ, нѣсколько привыкшій къ своему барину, никогда не стѣсняется его присутствіемъ, когда бываетъ на работѣ.

— Ай да Акуля! говорилъ одинъ изъ мужиковъ: всегда приспособится какъ-бы полегче: смотрика загончикъ-отъ какой выбрала — всѣхъ поуже.

Раздался общій смѣхъ.

— Ну, ладно! все я у васъ не хороша! отозвалась Акулина; вишь вы сами-то какіе ретивые: солому-то оставляютъ выше колѣна.

— А вотъ Иванъ такъ молодецъ! сказалъ Дмитрій Петровичъ, всѣхъ выпередилъ.

— Да онъ съ почину-то все такъ: вишь ты какъ отжариваетъ, а послѣ смотри, коли не запятится ракомъ.

— Ракомъ и есть! подхватили другіе жнецы.

— Эй, Ванюха, не забирай больно-то шибко: надорвешься.

— Не замай его: въ силу вошелъ!

— А вотъ Агашка, такъ скоро аукаться станетъ: вишь ты, позадь всѣхъ осталась.

— Впрямъ, что аукаться станетъ.

Но подобные интересные разговоры мало под-

держивали вниманіе Дмитрія Петровича: ему стало становиться скучно, но онъ хотѣлъ бороться съ собою.

— Ну-ка, ребята, спойте пѣсенку . . . сказалъ онъ. Эй, бабы, запѣвайте! . .

— Пѣсенку? спросили крестьянки, осклабляясь и оставляя работу.

— Да, хорошую, веселую, чтобы не скучно было работать.

— Какая теперь, батюшка, пѣсенка! жнитво, вѣдь, не то, что сѣнокосъ: въ наклонку-то какая тебѣ пѣсенка!

— Ну-ка, полно, Параха, запѣвай, коли баринъ приказываетъ: вѣдь, еще не больно, чай, умаялась . . .

— Да, да, Параша, запѣвай, да веселую . . .

— Экой только баринъ вожеватой! перемигнулась Парасковья съ сосѣдкой и затянула визгливымъ фальцетомъ:

Распроклятое мое сердечко,
Кляла сердце,
Кляла свое сердце,
Сердце злое, ретивое,
Распроклятое мое сердечко . . . и т. д.

Ей подтянули другіе, и заунывная пѣсня нескладнымъ хоромъ понеслась по воздуху, чтобы гдѣ-нибудь вдалекѣ своимъ смутнымъ отголоскомъ лечь на душу и затронуть сердце . . . Но вблизи русская пѣсня, если только ее поютъ наши крестьянки своими пискливыми голосами, врядъ-ли можетъ возбудить чье-либо сочувствіе. На Дмитрія Петровича она нагнала тоску, но не ту вдохновенную тоску, при которой душа расширяется и чего-то хочетъ, и чего-то проситъ, и на что-то жалуется, и чѣмъ-то не до-

вольна, а просто тоску человѣка скучающаго... Ему непріятно было слушать эту пѣсню, напряженное, искусственное терпѣніе его истощилось.

— Ну, мнѣ кажется, не зачѣмъ дольше оставаться здѣсь! подумалъ онъ; не ѣхать-ли лучше посмотрѣть на сѣнокосъ.

А сѣнокосъ на этотъ разъ случился около тужиловскихъ дачъ...

Дмитрій Петровичъ приказалъ осѣдлать себѣ лошадь и поскакалъ смотрѣть на сѣнокосъ... Пріѣхавши туда, онъ нѣсколько минутъ внимательно слѣдилъ за работой, осмотрѣлъ сложенное уже въ копны сѣно и даже сдѣлалъ замѣчаніе, что оно просушено дурно, на что ему отвѣчали:

— Какъ, батюшка, не просушено? сушили, кажись; и день такой ведреной стоялъ... Чѣмъ сѣно не сухо? совсѣмъ сѣно сухое! ужъ суше этого не бываетъ...

Потомъ какъ-то совершенно нечаянно Дмитрій Петровичъ, объѣзжая свои собственные луга, попалъ въ тужиловскія дачи, и тамъ ему очень понравилось: воздухъ былъ какъ-то не такъ душенъ, даже солнце не такъ сильно палило, можетъ быть оттого, что онъ ѣхалъ прекраснымъ лѣсомъ съ чрезвычайно свѣжею зеленью... Но вотъ за лѣсомъ открывается поле, покрытое рожью, на немъ виднѣются жнецы, и между ними обрисовывается фигура Августа Карлыча верхомъ на лошади...

Какъ не поговорить съ хорошимъ знакомымъ, будучи такъ близко отъ него?.. Дмитрій Петровичъ подъѣзжаетъ къ Августу Карлычу... и тотъ и другой очень довольны, что видятъ другъ друга; Губовъ обрадовался Кнабе такъ, какъ родному, а Кнабе въ восторгѣ, что опять видитъ такого образованнаго

и любезнаго сосѣда-помѣщика, который такъ любитъ хозяйство.

— Что, ужъ у васъ жнутъ, Августъ Карлычъ?

— О, да, какъ-же! . . третьева дни жнутъ . . .

— И у меня начали сегодня . . . Хороша у васъ рожь? . .

— Да хороша! . . но я желаетъ быть лучше . . .

— Экіе вы какіе! разумѣется, всякому хорошему хозяину хочется, чтобы все было какъ можно лучше, да вѣдь, не до всего можно добиться . . . И то у васъ хозяйство такъ поставлено, какъ дай Богъ всякому . . . а вамъ еще все мало . . .

— Ха, ха, ха! . . о, Дмитрій Петровичъ, какъ вы много меня ласкаетъ! . . говоритъ восхищенный Кнабе и жметъ руку молодаго человѣка. — И у васъ будетъ много лучше, чѣмъ я . . . Дай Богъ, отъ души . . .

Около часа говорятъ все въ этомъ родѣ двое пріятелей, и Августъ Карлычъ весь находится въ созерцаніи Дмитрія Петровича, а послѣдній разглядываетъ вдали, на-лѣво, крышу тужиловскаго господскаго дома . . .

— Поѣдемте ко мнѣ . . . много одолженіе! говоритъ Кнабе.

— Нѣтъ, извините, некогда! отвѣчаетъ Дмитрій Петровичъ, но потомъ жалѣетъ, что выговорилъ это.

— Ну, Богъ съ вами . . . хозяйство . . .

— Прощайте, Августъ Карлычъ.

— Прощайте, Дмитрій Петровичъ! . . Почтеніе мое . . . много, много! . . — Губовъ отправляется обратно по дорогѣ къ своей Горланихѣ, но вотъ эту дорогу пересѣкаетъ другая, ведущая на-лѣво въ Тужиловку.

- Ѣхать все равно, что тутъ, что здѣсь, раз-

стояніе почти одно и то же! думаетъ Дмитрій Петровичъ и поворачиваетъ на-лѣво. Вотъ онъ подъѣзжаетъ къ усадьбѣ, вотъ равняется съ господскимъ домомъ и уставшую лошадь свою вдругъ безъ всякой надобности поднимаетъ въ курцъ-галопъ. Нечаянно посмотрѣлъ онъ въ окна господскаго дома, и пріятный трепетъ пробѣгаетъ по всему его существу: изъ одного окна смотрятъ на него два большіе глаза Аннушки, между тѣмъ какъ румянецъ пылаетъ на ея щекахъ. Дмитрій Петровичъ любезно кланяется, но, вѣдь, онъ ѣхалъ чрезъ Тужиловку нечаянно или потому, что все равно, гдѣ ни ѣхать... и онъ даетъ сильные шпоры лошади и вихремъ скрывается изъ глазъ Аннушки, сохраняя впрочемъ всю молодцоватость и грацію своей посядки . . . Бѣдная Аннушка! какъ сильно бьется твое сердце, какъ жадно слѣдятъ твои глаза за молодымъ человѣкомъ, и какъ долго и пристально смотришь ты на ту дорогу, по которой онъ скрылся отъ твоихъ взоровъ! . .

Дмитрій Петровичъ въ этотъ день уже не ѣздилъ болѣе смотрѣть ни на сѣнокосъ, ни на жатву: весь день онъ катался верхомъ, вечеромъ бродилъ безъ цѣли по саду, по усадьбѣ, любовался природой, скучалъ и мечталъ. И косцы его уже не такъ усердно косили, а жнецы часто оставляли серпы, чтобы потолковать о томъ, какой у нихъ баринъ добрый, да вожеватый? . . Не внимательно слушалъ баринъ докладъ Якова объ успѣхахъ работы настоящаго дня, за то и докладъ этотъ былъ не по-прежнему аккуратенъ и отчетливъ, но заключался въ общихъ выраженіяхъ, что-де косили и жали, и много накосили и много нажали . . .

Глава VII.

Кто зачѣмъ ходитъ, тотъ то и знаетъ.

На слѣдующій день Дмитрій Петровичъ вовсе не поѣхалъ смотрѣть за работами, но кое-какъ, въ бездѣйствіи и скукѣ, проведши половину дня, поѣхалъ верхомъ, по направленію къ Тужиловкѣ, принаравливая попасть туда къ тому времени, когда все семейство Кнабе обыкновенно отправлялось послѣ обѣда гулять въ сосѣднюю рощу. Онъ сначала ѣхалъ очень скоро, потомъ, подъѣзжая къ рощѣ и посмотрѣвши на часы, пустилъ лошадь шагомъ. Нѣмецкая акуратность на этотъ разъ ему очень понравилась, потому что онъ замѣтилъ вдали, на небольшой лужайкѣ, распростертаго Августа Карлыча и сидящихъ около него жену и дочь: Амалія Ѳедоровна вязала чулокъ, Анхенъ читала вслухъ какую-то книгу. Дмитрій Петровичъ притворился, что не видитъ ихъ, принялъ видъ человѣка задумавшагося и, бросивъ поводья, пристально смотрѣлъ на шею лошади, хотя сердце его сильно билось и замирало.

— А ну, какъ они не замѣтятъ меня, и я проѣду мимо, не взглянувъ на Анхенъ! думалъ Дмитрій Петровичъ, но лужайка была не далеко отъ дороги и его не могли не замѣтить.

— Дмитрій Петровичъ! радостно закричалъ Августъ Карлычъ, увидя его и приподнимаясь съ мѣста.

Молодой человѣкъ показалъ видъ изумленія.

— Я никакъ не ожидалъ встрѣтить васъ! сказалъ онъ, раскланиваясь! задумался и ѣхалъ куда глаза глядятъ. Здоровы-ли вы? прибавилъ онъ, обращаясь къ дамамъ.

— Слава Богу! отвѣчали ему двое, но онъ слышалъ отвѣтъ одной.

— Ахъ, какая у васъ хорошенькая лошадка! замѣтила Амалія Ѳедоровна. Посмотри, Анхенъ, какая хорошенькая лошадка.

— Да, очень хорошенькая! сказала Анхенъ.

— Вамъ нравится? спросилъ у нея молодой человѣкъ.

— Да, очень! отвѣчала она краснѣя.

— Она добрая у меня, славная лошадь, я ее очень люблю: покорна, сносна. . . Не бойтесь: погладьте! . .

— Я не боюсь! сказала Аннушка и протянула руку къ шеѣ лошади, хотя предъ этимъ вовсе и не имѣла намѣренія погладить ее.

Дмитрій Петровичъ тоже потрепалъ по шеѣ свою лошадь и рука его какъ-то нечаянно коснулась руки дѣвушки: электрическая искра пробѣжала по его тѣлу и ударила въ сердце, которое вздрогнуло и забилось, какъ раненая птица; въ то же время онъ замѣтилъ, что Анхенъ какъ будто охватило заревомъ; это зарево отразилось и въ ея глазахъ, которые вслѣдъ за тѣмъ на мгновеніе сдѣлались томны и потомъ опять просвѣтлѣли . . .

— А вы любитъ кататься на лошадь? спросилъ Августъ Карлычъ.

— О, да, я страстный наѣздникъ. Верховая ѣзда для меня первое средство разсѣять скуку, тоску: обыкновенно, какъ только мнѣ сдѣлается скучно, я сажусь верхомъ, скачу во весь карьеръ, съ радостію вдыхаю въ себя воздухъ, и мнѣ дѣлается веселѣе, я успокоиваюсь.

Молодой человѣкъ немного прилгалъ: онъ только два дня назадъ узналъ, что такое скука и какъ помогаетъ въ ней верховая ѣзда.

— Неужели вы когда нибудь скучаете? спросила Амалія Өедоровна.

— Неужели вы думаете: нѣтъ! . .

— Молодому человѣку грѣшно скучать, а вамъ тѣмъ болѣе: вы такъ образованны, такъ любите хозяйство, вѣроятно, у васъ много книгъ: вамъ, мнѣ кажется, некогда скучать.

— Напротивъ: хозяйство вещь сама по себѣ уже не очень веселая . . . хотя пріятная и полезная (прибавилъ онъ въ утѣшеніе Августа Карлыча), книги говорятъ только одному уму, но у человѣка есть сердце, у него есть свои требованія, желанія, страданія . . .

И онъ вскользь взглянулъ на Анхенъ и замѣтилъ, что она слушала его со вниманіемъ, участіемъ, но боясь, не сказалъ-ли чего-нибудь лишняго, онъ прибавилъ:

— Да, мнѣ не мудрено скучать: я всегда одинъ, у меня нѣтъ въ живыхъ ни отца, ни матери . . . Когда я жилъ въ Петербургѣ, этотъ недостатокъ замѣнялся для меня присутствіемъ дальнихъ родныхъ, знакомыхъ, которыхъ я очень любилъ, и тамъ я не чувствовалъ большой скуки, но здѣсь я совершенно одинъ, даже сосѣдей, кромѣ васъ, нѣтъ у меня, а молодому человѣку тяжело жить безъ всякаго общества . . . Скажите-же теперь, можно-ли мнѣ скучать или нѣтъ? спросилъ онъ въ заключеніе съ грустной улыбкой.

Молодой человѣкъ опять немножко солгалъ: онъ узналъ скуку только два дня назадъ и совсѣмъ по другой причинѣ, а между тѣмъ его рѣчь была очень убѣдительна и возбудила въ душѣ Анхенъ искреннее состраданіе къ нему.

— Какъ мнѣ жалко его, какъ ему въ самомъ

дѣлѣ должно быть скучно! думала она и хотѣла шепнуть матери: скажите ему, чтобы онъ пріѣзжалъ къ намъ каждый день, но почему-то языкъ ея не выговорилъ этихъ словъ.

Впрочемъ, Амалія Ѳедоровна сама уже раздѣляла вполнѣ страданіе Анхенъ и сказала молодому человѣку:

— Послушайте, Дмитрій Петровичъ, дѣйствительно, я съ вами согласна и понимаю возможность скуки для васъ, и если только наше общество не можетъ еще больше наскучить вамъ, посѣщайте насъ чаще: вы этимъ доставите намъ величайшее удовольствіе.

— О, да, такую честь!.. подхватилъ Августъ Карлычъ.

— Искренно благодарю васъ, отвѣчалъ Губовъ, тронутый до глубины души радушіемъ новыхъ знакомыхъ; для меня чрезвычайно пріятно быть у васъ, и я считаю за величайшее для себя счастіе, что имѣю такихъ добрыхъ сосѣдей.

— Поѣдемте къ намъ кушать чай! сказала Амалія Ѳедоровна.

— Да, пожалуста!.. прибавилъ Августъ Карлычъ.

— Нѣтъ, сегодня, извините, не могу; еще есть дѣло, поспѣшно отвѣтилъ Дмитрій Петровичъ, и опять пожалѣлъ, что отказался... А вотъ, когда-же мы съ вами, Августъ Карлычъ, съѣздимъ посмотрѣть тирольскихъ коровъ?

— Всегда! отвѣчалъ поспѣшно Кнабе.

— Такъ поѣдемте завтра, вотъ всѣ вмѣстѣ, вчетверомъ... Амалія Ѳедоровна, поѣдемте: будетъ весело.

— Вѣдь, далеко! отвѣчала нѣмка, которая давно уже никуда не ѣздила такъ далеко.

— О, что за далеко: тридцать верстъ...

— Ѣдемъ, Амалія ничего! . . отвѣчалъ Августъ Карлычъ.

— Вотъ и прекрасно! . . Августъ Карлычъ добрѣе васъ! сказалъ онъ шутливо, обращаясь къ Амаліи Ѳедоровнѣ. Такъ я завтра пріѣду: у меня есть большая четырехмѣстная коляска, мы прекрасно помѣстимся.

— Не безпокойтесь, возразилъ Кнабе, здѣсь есть тоже коляска, господина . . . только давно не ѣздилъ! прибавилъ онъ печально.

— Да все равно: поѣдемте въ моей и на моихъ лошадяхъ. Такъ до свиданія: завтра явлюсь; только рано-ли же мы поѣдемъ?

— Сдѣлайте одолженіе, рано . . . васъ видѣть! сказалъ Августъ Карлычъ.

— Часу въ одиннадцатомъ я пріѣду.

И раскланявшись со всѣми, бросивъ исключительный страстный взглядъ на Анхенъ, онъ ускакалъ, веселый и счастливый.

— А все-таки смѣшенъ я, думалъ онъ, пріѣхавши домой: видѣлъ два-три раза — и уже совершенно влюбленъ . . .

— Но что это за очаровательное созданіе Анхенъ! кого-же и любить, если не ее?

И уже прежняя борьба не возобновлялась и прежніе вопросы не возмущали его любви, а если и являлись, то уже въ другой формѣ, менѣе строгіе, менѣе положительные, менѣе логическіе . . . И опять староста былъ выслушанъ безъ вниманія, но ушелъ отъ барина довольный и собою, и имъ, потому что баринъ и встрѣтилъ, и выслушалъ, и отпустилъ его ласково, а староста ожидалъ вовсе не такого пріема, потому что работа шла не совсѣмъ успѣшно безъ барскаго присмотра . . .

Четвероместная коляска, запряженная четверней красивыхъ лошадей, на другое утро дѣйствительно катилась изъ Горланихи въ Тужиловку, и въ ней сидѣлъ нетерпѣливо понукая кучера, Дмитрій Петровичъ, одѣтый тщательно и франтовски. Въ четверть одиннадцатаго онъ входилъ въ залу, гдѣ его встрѣтило все семейство Кнабе, уже ожидавшее его.

— Видите, какъ акуратенъ! сказалъ Дмитрій Петровичъ, вынимая изъ кармана и показывая прекрасные золотые часы: четверть одиннадцатаго.

— О, да, благодаренъ! отвѣчалъ Августъ Карлычъ, и, въ порывѣ искренней благодарности и расположенія, крѣпко поцѣловалъ гостя.

Послѣдній не только безъ отвращенія или недоумѣнія принялъ этотъ дружескій поцѣлуй, но также искренно отвѣтилъ на него, и, чтобы не оставаться въ долгу, поцѣловалъ руку у Амаліи Ѳедоровны, что ей очень понравилось; хотѣлъ-было поцѣловать и у Анхенъ, но не рѣшился и ограничился тѣмъ, что поклонился ей съ самымъ страстнымъ и выразительнымъ взглядомъ, который произвелъ на дѣвушку такое-же дѣйствіе, какъ наканунѣ прикосновеніе руки его.

Амалія Ѳедоровна принялась хлопотать о завтракѣ, а Августъ Карлычъ занимать гостя, но между тѣмъ послѣднему гораздо болѣе хотѣлось-бы остаться одному вмѣстѣ съ Анхенъ и хоть разъ поговорить на свободѣ; впрочемъ, онъ уже чувствовалъ себя нѣсколько близкимъ къ этому семейству и потому не стѣснялся обращаться съ нѣкоторыми фразами къ Аннушкѣ. Въ отвѣтахъ ея онъ видѣлъ умъ, порядочное образованіе, въ глазахъ — любовь, и былъ вполнѣ счастливъ.

Послѣ завтрака тотчасъ-же отправились въ путь:

Амалія Өедоровна сѣла рядомъ съ Анхенъ, Августъ Карлычъ напротивъ жены, рядомъ съ Дмитріемъ Петровичемъ.

И вотъ онъ съ глазу на глазъ съ той, которая совершенно овладѣла его душею; онъ уже не случайно, не робко, но смѣло, пользуясь своимъ положеніемъ, смотритъ ей въ глаза, и все больше и больше отраднаго для себя читаетъ въ этихъ глазахъ, которые то смотрятъ на него, то закрываются рѣсницами. При каждомъ толчкѣ экиажа колѣни ихъ сталкиваются. и онъ видитъ, какъ искрится и туманится взоръ Анхенъ, какъ горитъ ея лицо, онъ чувствуетъ, какъ нѣга течетъ по его жиламъ. Онъ говоритъ съ нею, и въ каждомъ звукѣ ея голоса слышитъ звукъ тѣхъ-же струнъ сердца, которыя поютъ такую сладкую пѣсню любви въ его сердцѣ.

Дмитрій Петровичъ блаженствовалъ. Никогда онъ не былъ такъ счастливъ, какъ въ настоящую минуту. Не первую женщину любилъ онъ, но первую такъ, какъ Аннушку, потому что эта была настоящая, истинная любовь, которая можетъ быть возбуждена въ душѣ человѣка только такою чистою, неиспорченною, полною жизни натурою, какова натура Аннушки. Дмитрій Петровичъ блаженствовалъ, но въ этомъ блаженствѣ все-таки былъ ядъ опыта, знанія, ядъ прежней любви къ женщинѣ, которая всегда пошлѣетъ предъ любовью новой; онъ хотѣлъ-бы въ настоящую минуту быть столько-же невиннымъ, какъ она, чтобы его любовь была такъ-же свѣжа и чиста, и только это желаніе могло возвысить его душу и настроить его сердце до гармоніи съ душею и сердцемъ Аннушки. За то и эти минуты полной гармоніи были для него не продолжительны: собственный тлетворный ядъ, протекавшій уже въ его

жилахъ, отравлялъ его блаженство.., и иныя уже не свѣтлыя мечты отражались въ его взорахъ, когда они встрѣчались со взорами Аннушки... И тогда-то потуплялись глаза невинной дѣвушки, и къ чувству свѣтлаго восторга любви примѣшивался какой-то невольный, безсознательный страхъ...

Но, не смотря на то, и она блаженствовала и вся отдавалась любви: никакое сомнѣніе, никакіе вопросы не возмущали ея; она чувствовала только счастіе, когда видѣла того, кто овладѣлъ ея сердцемъ; она толковала-бы и думала-бы о немъ одномъ, если-бы его не было предъ нею... Она начинала понимать, что любитъ его, но почему любитъ такъ, какъ никого другого — не могла понять, да и мало объ этомъ думала. Одно только безпокоило ее въ этомъ новомъ свѣтломъ чувствѣ, посѣтившемъ ея душу, — что она не въ силахъ была разсказать о немъ своей названной матери, съ которою вообще была откровенна: что-то связывало ея языкъ, что-то мѣшало ей говорить, но что именно — она не могла понять.

Между тѣмъ коляска катилась быстро впередъ и впередъ, неся въ себѣ двухъ молодыхъ людей, страстно влюбленныхъ, а добрые нѣмцы, въ своемъ простодушіи, даже и не подозрѣвали что происходило такъ близко отъ нихъ; да и мудрено было подозрѣвать имъ что-либо подобное: Дмитрій Петровичъ держалъ себя очень осторожно, а Анхенъ молчала и скрывала свое чувство. Они оба видѣли въ новомъ знакомомъ своемъ только любезнаго молодаго человѣка, который случайно встрѣтился съ ними, и отъ скуки, а можетъ быть и вслѣдствіе ихъ радушія, хочетъ сблизиться. Притомъ въ своихъ мысляхъ они никакъ не могли поставить рядомъ

свою бѣдную дочь и богатаго блестящаго помѣщика . . .

За то природа, кажется, улыбалась и сочувствовала любви двухъ молодыхъ людей: весело свѣтило солнце, весело бѣжали по сторонамъ дороги и оставались позади лѣса, луга, деревеньки. . . Но влюбленные не замѣчали этого, не любовались природой, они видѣли только другъ друга; впрочемъ въ настоящія минуты они были самыми близкими дѣтьми природы, жили съ нею одною жизнію. . .

Вообще вся эта поѣздка была пріятна для всѣхъ. Августъ Карлычъ былъ вполнѣ доволенъ бесѣдою Дмитрія Петровича, хотя и замѣтилъ, что онъ былъ то нѣсколько разсѣянъ и молчаливъ, то очень разговорчивъ, — вполнѣ насладился лицезрѣніемъ породистыхъ тирольскихъ коровъ и прекраснымъ устройствомъ скотнаго двора, который они посѣтили; Амалія Ѳедоровна вволю намечталась и навосхищалась красотами природы, а о молодыхъ людяхъ и говорить нечего; только Дмитрію Петровичу хотѣлось-бы остаться одному съ Анхенъ: ему такъ много нужно было сказать ей, спросить ее.

Они возвращались домой уже вечеромъ. Небо, до тѣхъ поръ ясное, начало хмуриться, заходили облачка, подулъ вѣтеръ, закапалъ дождь и скоро перешелъ въ ливень; нужно было поднять фордекъ у коляски. Его дѣйствительно подняли — и Дмитрію Петровичу показалось, что онъ сидѣлъ къ Анхенъ гораздо ближе прежняго,

— Не закрыть-ли совсѣмъ ȍкна: кажется, дождь начинаетъ пробиваться и въ коляску? спросилъ Дмитрій Петровичъ.

— Да, лучше будетъ закрыть, отвѣчалъ Августъ Карлычъ.

Но Анхенъ почему-то не хотѣлось, чтобы они были закрыты, впрочемъ она не рѣшилась сказать объ этомъ, а Дмитрій Петровичъ поспѣшилъ привести свое намѣреніе въ исполненіе.

— Вотъ теперь мы и совсѣмъ въ потемкахъ! сказалъ онъ.

— А какая досада, замѣтила Амалія Ѳедоровна: я думала, что вечеръ будетъ хорошъ, и надѣялась полюбоваться вечерней природой, которая во время ѣзды кажется еще лучше, нежели обыкновенно.

— А каковъ купилъ вы парочка? а? спросилъ Августъ Карлычъ.

— Этимъ я вамъ обязанъ отвѣчалъ молодой человѣкъ: безъ васъ я не умѣлъ-бы сдѣлать такого прекраснаго выбора, а потому первый приплодъ отъ нихъ будетъ принадлежать вамъ.

— О, благодаренъ! .. Нѣтъ, пусть будетъ второй, я не хочетъ этого.

— Нѣтъ, нѣтъ, Августъ Карлычъ, первый вамъ принадлежитъ по всѣмъ правамъ.

— Охъ, какой вы... Къ-чему вы такъ много благодаритъ? Я ничего не дѣлалъ! .. такъ очень пріятно для васъ быть.

Разговоръ шелъ въ коляскѣ между троими; Аннушка молчала: ей сдѣлалось страшно въ глубокой темнотѣ, которая ихъ окружала. Но чего-же боялась она? съ нею были ея родители, сь нею былъ тотъ, котораго она любила уже больше всего въ мірѣ...

Но вотъ онъ протягиваетъ свою руку тихо, тихо, по направленію къ Аннушкѣ, и послѣдняя хотя не видитъ, но чувствуетъ это движеніе; дрожь пробѣгаетъ по ея жиламъ, и она жмется въ уголъ коляски; но вотъ эта рука коснулась ея руки, вся кровь закипаетъ въ дѣвушкѣ, въ головѣ шумъ, во

всемъ тѣлѣ нѣга, она не въ силахъ противиться, и не препятствуетъ молодому человѣку взять ея руку и поднести къ своимъ устамъ. Она слышитъ его горячее дыханіе на своей рукѣ, чувствуетъ прикосновеніе его пламенныхъ губъ — и кровь клокочетъ въ ней, и грудь ея высоко вздымается, она готова лишиться чувствъ. . . Въ это время разговоръ прекратился въ коляскѣ, въ ней не слышно никакого движенія: должно быть, Августъ Карлычъ и Амалія Ѳедоновна, для которыхъ наступало время ложиться спать, задремали подъ качку экипажа и мѣрный шумъ дождя. . . И вотъ Аннушка едва-чувствуетъ, что молодой человѣкъ, оторвавши свои уста отъ ея руки, прикладываетъ послѣднюю къ своему сердцу, и она слышитъ его сильное неровное біеніе. . . Потомъ онъ беретъ и другую руку ея, влечетъ ее къ себѣ, она слышитъ его дыханіе около своихъ губъ, — Аннушка замираетъ въ восторгѣ и позволяетъ ему поцѣловать себя. . . Но въ то-же мгновеніе стыдливость овладѣваетъ ею, совѣсть говоритъ ей какой-то смутный укоръ . . . она сильно и порывисто вырывается изъ его рукъ и можетъ выговорить только едва слышно: „ради Бога!“ . . Слезы выступаютъ у ней на глазахъ.

— А, вѣдь, скотный дворъ тамъ въ большомъ вкусѣ? говоритъ въ то же время Августъ Карлычъ. . . Вы не спитъ? . .

— О, да, это правда . . . отвѣчаетъ немного дрожащимъ голосомъ Дмитрій Петровичъ; а я думалъ, что вы вздремнули: нарочно и молчалъ.

— Немного было! сказалъ Августъ Карлычъ.

— А Амалія Ѳедоровна и ваша дочь, вѣрно, дремлютъ. . .

— Да, знаете, эта качка и эта дождливая погода

всегда наводятъ сонъ: признаюсь, и я немного какъ будто заснула... А ты, Анхенъ?..

Отвѣта не было.

— Спитъ, мой ангелъ, сказала Амалія Өедоровна.

Но Анхенъ не спала и не смѣла сказать, что бодрствовала... Кто растолковалъ ея невинной душѣ, что она поддалась увлеченію, что она была виновата, кто пробудилъ въ ней стыдливость и укоры совѣсти? кто научилъ ее притвориться и обмануть первый разъ въ жизни?... Дмитрій Петровичъ болѣе уже не осмѣлился тревожить Анхенъ впродолженіе всей дороги, но увы!.. въ немъ не возбудилось ни стыдливости, ни укоровъ совѣсти: онъ только понималъ, что то и другое было въ душѣ дѣвушки.

Глава VIII.

Гдѣ счастье, — тамъ и зависть.

Послѣ этой поѣздки Дмитрій Петровичъ сталъ очень часто бывать у Кнабе, а хозяйство совсѣмъ уже было брошено, и всѣ планы, всѣ проекты позабыты, оставлены, даже наконецъ и Якову было разрѣшено не ходить съ докладомъ, а распоряжаться самому, какъ знаетъ, потому-что я занятъ другимъ, говорилъ баринъ: сочиняю одинъ очень важный проектъ... Но Яковъ начиналъ смекать, какой проектъ сочиняетъ баринъ, начали смекать это и еще кое-кто...

Каждое посѣщеніе Дмитрія Петровича все болѣе и болѣе сближало его съ семействомъ Кнабе, и уже съ нимъ обходились запросто: Августъ Карлычъ безъ

церемоніи уѣзжалъ смотрѣть за работами, поручая гостя женѣ, а Амалія Ѳедоровна уходила иногда по привычкѣ присмотрѣть за тѣмъ или другимъ, по домашнему хозяйству, поручая гостя дочери.

Молодые люди уже вполнѣ понимали другъ друга: Анхенъ любила Дмитрія Петровича всей силой души своей, но послѣ извѣстнаго случая въ коляскѣ держала себя осторожнѣе и не позволяла увлекаться. . .

Между тѣмъ, въ то-же время, какъ въ душѣ молодаго человѣка укрѣплялось убѣжденіе, что его любитъ Анхенъ, въ немъ начали рождаться и вопросы: дѣйствительно-ли она его любитъ, или любитъ-ли такъ, какъ онъ думаетъ и желаетъ. Конечно, эти вопросы онъ самъ-же и разрѣшалъ въ свою пользу, но онъ не слыхалъ еще ни одного слова любви отъ самой Анхенъ. Часто они оставались наединѣ, но или не представлялось возможности для объясненія, или не ставало духу на него.

И вотъ однажды какъ-то Дмитрій Петровичъ и Анхенъ сидѣли съ глазу-на-глазъ, совершенно одни: отецъ съ матерью должны были не скоро еще возвратиться. Разговоръ плохо вязался; но оба чувствовали, что любили другъ друга, и что были счастливы. . . Дмитрій Петровичъ пересѣлъ на самый ближайшій къ Анхенъ стулъ и посмотрѣлъ ей въ глаза; она смотрѣла на него такъ ясно, съ такою любовью.

— Вы любите меня? спросилъ Дмитрій Петровичъ.

Анхенъ вспыхнула, но ничего не отвѣчала, впрочемъ все по прежнему смотрѣла на него.

— Скажите мнѣ: вы любите меня? повторилъ молодой челонѣкъ.

— Вы знаете, отвѣчала Анхенъ.

— Почему вы думаете, что я знаю?

— Мнѣ такъ кажется.

— Ну, положимъ, я знаю, но мнѣ хочется слышать это отъ васъ самихъ.

— Для чего?

— Для того, что я самъ люблю тебя, Анхенъ... сказалъ молодой человѣкъ съ увлеченіемъ; хочешь быть моею женою, Анхенъ?

— Твоею женою!.. да, я люблю васъ, люблю тебя.

— Ангелъ, сокровище, счастье! говорилъ Дмитрій Петровичъ, взялъ ея руку — и она не противилась, привлекъ ее къ себѣ, обнялъ и поцѣловалъ, — она смутилась, задрожала, но этотъ поцѣлуй, освященный предчувствіемъ брачнаго союза, уже не испугалъ ея, не возмутилъ спокойствія ея совѣсти.

— Я сегодня-же буду просить согласія твоихъ родителей, говорилъ Дмитрій Петровичъ.

— Надо просить у всѣхъ.

— Да, разумѣется, у обоихъ.

— Такъ погоди: позволь сначала мнѣ самой сказать имъ: мнѣ и то стыдно передъ ними, что я скрывала до сихъ поръ свою любовь къ вамъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, не къ вамъ, а къ тебѣ: говори мнѣ ты, моя Анхенъ... Ты будешь моей женой! о, мое счастье, какъ я люблю тебя!

— И я люблю тебя много, много, буду всегда любить, а ты не разлюбишь меня?

— И ты еще спрашиваешь? о, нѣтъ, Анхенъ, ты моя навсегда, ты моя жена!..

Дмитрій Петровичъ уступилъ желанію Анхенъ сказать самой своимъ родителямъ о любви къ нему, и это требованіе чистой души ея восхищало его. Онъ уѣхалъ, совершенно счастливый.

— И такъ я женюсь на ней, она будетъ моя навсегда. О, глупая, глупая практичность, ты думала убѣдить меня, что счастье въ однѣхъ деньгахъ; нѣтъ, оно въ любви. Любовь вѣчная, безпредѣльная — вотъ моя карьера, вотъ вся моя будущность. И не стыдно-ли мнѣ было колебаться прежде при мысли о женитьбѣ на ней потому только, что она бѣдная, незнатная нѣмочка. О, глупая, вздорная практичность, созданье эгоизма и суетности, пошлости людской, я презираю тебя! Съ сихъ поръ я считаю постыднымъ называть себя практическимъ человѣкомъ. Пусть я мечтатель, идеалистъ, но за то я человѣкъ вполнѣ, не съ однимъ холоднымъ умомъ, но съ сердцемъ, съ душею. Ты, Анхенъ, ты спасла меня, ты сдѣлала меня человѣкомъ, и отнынѣ я принадлежу тебѣ одной.

Съ такими мыслями прiѣхалъ къ себѣ домой Дмитрiй Петровичъ.

— Скоро, скоро, думалъ онъ, входя въ свои комнаты, не будетъ меня тяготить пустота этого дома, скоро воцарится здѣсь полная жизнь, разъцвѣтетъ полная радость!

И ему хотѣлось съ кѣмъ-нибудь подѣлиться предвкушенiемъ этой радосги.

— Эй, Василiй, кликнулъ онъ, давай раздѣваться.

Слуга явился.

— Что, Василiй, желалъ-лы бы ты, чтобъ я женился?

— Какъ не желать! желаю!

— А что-же?

— Да, какъ что? все лучше.

— Почему-же лучше?

— Извѣстное дѣло, сударь, почему: человѣкъ женатый, какъ есть, выходитъ ужъ онъ свое мѣсто

знаетъ; а холостой что? такъ, ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ.

— Что-же это значитъ?

— А то и значитъ, что мѣста себѣ не имѣетъ. Вотъ хоть-бы до васъ доведись: какъ въ Питерѣ-то мы жили, много-ли дома-то изволили бывать, все по гостямъ. Ну, здѣсь сначала точно будто и пообсидѣлись маненько, а вотъ теперь, почитай, мѣсяцъ опять совсѣмъ и не видать васъ.

— Да ты знаешь-ли, куда я ѣзжу?

— Какъ не знать! отвѣчалъ Василій съ улыбкой.

— А куда?

— Да, чай, куда больше: въ Тужиловку.

— Ну, а зачѣмъ я туда ѣзжу — это знаешь-ли?

— Нѣтъ, это намъ неизвѣстно.

— То-то и есть, а за женой-то туда и ѣзжу.

Василій усмѣхнулся.

— Какое ужъ за женой! сказалъ онъ. Развѣ этакъ за женами-то ѣздятъ?

— А вотъ женюсь, такъ и увидишь.

— Да полноте, сударь, тамъ и невѣсты-то вамъ никакой нѣтъ! Такъ, на-смѣхъ только меня поднимаете.

— Какъ нѣтъ? а Августа Карлыча дочка?

— Какая-же, сударь, она вамъ невѣста?

— А что-же?

— Да не годится.

— Чѣмъ-же не годится?

— Да тѣмъ и не годится, что къ вамъ-то не подходитъ.

— Отчего-же, дуракъ, не подходитъ?

— Да оттого и не подходитъ, что не пара.

— Да чѣмъ-же не пара-то?

— А тѣмъ не пара, что вы — баринъ, а она — мужичка.

— Какъ мужичка? что ты врешь, оселъ?

— Точно такъ, не вру, доподлинно знаю.

— Да развѣ Августъ Карлычъ мужикъ?

— Такъ чтò, что Августъ Карлычъ не мужикъ; извѣстно онъ нѣмецъ, а она мужичка.

— Врешь, дуракъ, скотина. . .

— Что мнѣ врать-то? Не вру я, а доподлинно слышалъ: ихняя Аксинья сказывала, а то мнѣ что? я, пожалуй, и говоритъ не стану, коли не вѣрите. . .

— Ну, говори.

— Еще какъ и сказывала-то: что, говоритъ, вашъ-отъ баринъ съ нѣжностями-то ѣздитъ къ нашей Анюткѣ-то. . .

— Молчать, оселъ. . .

— Слушаю-съ.

— Ну. . . Что дальше тебѣ говорила Аксинья?

— А то и говорила, что дескать, что, говоритъ, онъ съ нѣжностями-то къ ней: вѣдь, она, говоритъ, не дочка нѣмцу-то, а просто, мужичка — ее просто облапь, да поцѣлуй. . .

— Кто-же у нея отецъ? и какъ она попала къ Августу Карлычу?. . Да если ты врешь, такъ, такъ. . . да я убью тебя.

— Извольте бить, только не за что, коли правду говорю.

— Ну, говори: чья-же она дочь?

— А она дочка ихняго же мужика, Ивана, а нѣмцы-то взяли ее у него на воспитанье, да и выкупили — это правда, что выкупили — а послѣ и дочкой своей назвали, да ужъ какъ ни называй, а все-таки она нашего рода. . .

— А если ты врешь? почти съ бѣшенствомъ закричалъ Дмитрій Петровичъ.

— Не вру, сударь, я, хоть извольте прибить,

не вру: Аксинья-то мнѣ и отца съ матерью показывала.

— Что-же ты мнѣ прежде этого не сказывалъ?

— А что мнѣ сказывать-то? не спрашивали, такъ и не сказалъ, а какъ-бы спросили, такъ извѣстно, что мнѣ? всю-бы истинную открылъ.

— Гдѣ-же ты Аксинью эту видѣлъ?

— А тамъ у нихъ, въ Тужиловкѣ. Вѣдь, ужъ извѣстно дѣло: вы познакомились — и мы знакомство свели, вы стали ѣздить — и мы тоже дѣлали свои посѣщенія. Тамъ одинъ разъ она мнѣ все это и объяснила, только-что мы думали, вы такъ за дѣвчонкой-то, то-есть. . .

— Пошелъ вонъ, мерзавецъ. . .

— Ну, послѣ этого ничего-же тебѣ не стану сказывать! . . Женись на комъ хочешь! бормоталъ Василій, уходя вонъ изъ комнаты.

— Такъ вотъ что значитъ — это поразительное несходство лица, думалъ въ отчаяніи Дмитрій Петровичъ, вотъ что значитъ эта загадочная фраза, которую она сказала давича: надобно спросить всѣхъ родителей! . . Такъ ты крестьянка, Анхенъ, и я долженъ жениться на тебѣ, имѣть тестемъ мужика, который еще живъ и котораго ты, по добротѣ твоего сердца, вѣроятно, еще любишь и захочешь видѣть, будучи моей женой. . . О, нѣтъ, сколько-бы я тебя ни любиль, сколько-бы ты ни была достойна, сколько-бы ни любила меня, я не могу, я не долженъ жениться на тебѣ, не долженъ, потому что погублю и тебя, и себя. . . Но какъ-же я прежде не замѣтилъ, не догадался, что она не дочь ихъ, а пріемышъ, и зачѣмъ они скрывали это отъ меня? не хотѣли-ли меня завлечь, обмануть? . . не умышленно ли скрывала отъ меня свое происхожденіе

и сама Анхенъ въ надеждѣ выйдти за меня замужъ?.. О, нѣтъ, она слишкомъ чиста для такой роли, а нѣмецъ съ нѣмкой, мнѣ кажется, не способны... Правда, она скоро полюбила меня, но вѣдь и я такъ-же скоро полюбилъ ее, они ласкали меня, но не подличали, не поддѣлывались, а скорѣе я къ нимъ поддѣлывался; какъ видно по всему, они даже и не подозрѣвали нашей любви, а не сказали о происхожденіи Аннушки потому, что не было повода, съ Анхенъ-же у меня никогда не было разговора объ ея дѣтствѣ... О, это ужасно! ужасно! вдругъ разрушиться всѣмъ сладкимъ мечтамъ! Но что-же мнѣ дѣлать! не могу жениться на Анхенъ и не могу ее бросить; я такъ много люблю ее. Что мнѣ дѣлать?.. Я не могу сдѣлать того, что мнѣ не по силамъ, но и не могу быть подлецомъ: влюбить въ себя дѣвушку первой сильной любовью и потомъ ее бросить... да и самъ я не могу разстаться съ нею! Что-же?.. я не женюсь, но увезу ее въ Петербургъ потихоньку отъ родителей, и стану жить съ нею вѣчно, неразлучно...

Аксинья, какъ мы уже знаемъ, давно питала ненависть къ Аннушкѣ. Эта ненависть еще болѣе усилилась, когда дѣвушка была выкуплена и принята въ дочери нѣмцами, не смотря на ея хитрыя ковы. Она доказывала ей свою нелюбовь всѣми возможными путями и средствами; возмущала противъ нея дворовыхъ, дѣлала всегда наперекоръ, говорила колкости, — и смиреніе, уступчивость Аннушки не обезоруживали ее, но еще придавали храбрости. Когда началъ ѣздить къ Кнабе Дмитрій Петровичъ, она тотчасъ смекнула, что молодой человѣкъ не-

равнодушенъ къ Аннушкѣ, но иначе объяснила себѣ его намѣренія, и, пылая досадою даже и за подобное вниманіе къ ней, не преминула растолковать Василью, что она вовсе не дочь нѣмца, надѣясь, между прочимъ, что авось-либо не возьмутъ-ли ее въ участницы, и тогда-то бы ужъ она напакостила бѣдной дѣвушкѣ! Въ то-же время она тщательно слѣдила за молодыми людьми, и когда случалось имъ оставаться однимъ, ухо и глазъ ея всегда были на-сторожѣ. Послѣдній разговоръ Дмитрія Петровича съ Аннушкой раскрылъ ей глаза и объяснилъ настоящія намѣренія молодаго человѣка. Аксинья до такой степени была возмущена этимъ открытіемъ, злоба и зависть въ ней такъ завозились, что она едва-удержала себя, чтобы не вбѣжать въ комнату и тутъ-же не разсказать Губову, кто такая его возлюбленная, на которой онъ хочетъ жениться.

— Какъ, ты за дворянина, ты за помѣщика за-мужъ! шипѣла она, какъ змѣя. Да на что это похоже, да что за счастье такое? да чѣмъ ты насъ лучше? Погоди-жъ ты! всю кровь изъ себя источу, а этому дѣлу помѣшаю. Сама пойду къ нему, да разскажу, что ты мужичка... Завтра-же пойду... А сегодня батьку-то съ маткой тобой успокою... Погоди-жъ ты мнѣ, дай срокъ...

И она тотчасъ, какъ только уѣхалъ Губовъ, отправилась къ Ивану Прохорычу. Онъ и жена его послѣ дневныхъ работъ совсѣмъ уже собирались ложиться спать, когда Аксинья впопыхахъ вбѣжала къ нимъ въ избу.

— Что, батюшки, затрещала она, говорила-ли я вамъ: эй, возьмите дочку отъ нѣмцевъ, пока не дожили до грѣха? Что?.. теперь дождались, дождались!..

— Да что надѣлалось, матушка, Аксиньюшка? спросила испуганная Арина.

— Какъ что надѣлалось? Срамъ, да грѣхъ отъ вашей дочки, только одного и жди!

— Да полно ты, Аксинья, сказалъ Иванъ Прохорычъ, что ты прибѣжишь, да каркаешь точно воронъ надъ падалью!

— Такъ что? ваша дочка-то хуже падали всякой: срамоту на весь домъ напустила, распутничаетъ ни на что не похоже.

— Какъ распутничаетъ: что ты! Господь съ тобой! сказала Арина.

— Эй, Аксинья, коли ты опять врешь, я тебѣ бока обломаю, даромъ, что ты дворовая, не посмотрю: дѣвку грѣшно обижать изъ напраслины.

— Вишь ты какой еще: бить хочетъ, или на дочку-то больно обнадѣялся! .. Да погоди, коли еще завтра самую-то не выгонятъ нѣмцы-то изъ дому, да въ затрапезную-бы ее, да на скотный дворъ: не хотите слушать, такъ вотъ я къ нѣмцамъ-то лучше пойду, — разскажу, лучше будетъ, а то и въ самомъ дѣлѣ, ишь ты — драться хочетъ! ..

— Да разскажи, матушка, пожалуй, разскажи! упрашивала оробѣвшая Арина.

— То-то разскажи! Жалко мнѣ васъ-то, стариковъ, а тò-бы я ей, голубушкѣ, за всѣ ея милости порадѣла. Знаете, чай, молодаго то барина, что повадился къ намъ ѣздить-то?

— Ну, какъ не знать: изъ Горланихи.

— Все у ней съ нимъ идетъ, во всѣ тяжкія пустилась! сама своими глазами сегодня видѣла, какъ они ... тьфу сказать... Вотъ и радуйся, матушка! — говорила: не оставляй дочку у нѣмцевъ, не послушалась, вотъ теперь и казнись.

Ахъ, батюшки мои, эка срамота, эка стыдобушка! всплескивая руками, восклицала Арина. Пусть у насъ на деревни дѣвки грѣшатъ, такъ невоспитанныя, неученыя, а эта и ученье какое знаетъ, и по-нѣмецкому, да ну-ка куда пошла. Ахъ ты моя побѣдная, что ты это съ собой сдѣлала?

— Сама видѣла? спросилъ Иванъ Прохоровъ.

— Такъ неушто нѣтъ? Говорю: своими глазами видѣла весь срамъ видѣла.

— Правду говоришь? побожись!

— Ну, вотъ тебѣ: ей-Богу! провалиться на семъ мѣстѣ!

— Ну, дочка! сказалъ со вздохомъ Иванъ Прохорычъ. Эй, Арина, ложись спать . . . до утра.

И по лицу старика было видно, что въ головѣ его сложилось какое-то суровое намѣреніе.

— Эй, возьмите вы ее къ себѣ домой! твердила Аксинья.

— Не учи, знаемъ что дѣлать: отцовская кровь! Спасибо, что сказала. Ступай съ Богомъ!

Аксинья хотѣла-было повыпытать, что старикъ задумалъ сдѣлать, но ничего не могла узнать, и ушла недовольная.

Глава IX.

Нечистая совѣсть.

Какъ только Дмитрій Петровичъ уѣхалъ домой послѣ объясненія своего съ Аннушкой, послѣдняя, выждавъ минуту, когда осталась одна съ Амаліей Ѳедоровной, вдругъ со слезами бросилась къ ней на шею и нѣсколько минутъ не могла выговорить ни одного слова.

— Что съ тобою, что ты плачешь, мой ангелъ? съ участіемъ спрашивала ее Амалія Өедоровна.

— О, муттеръ, я люблю его! проговорила дѣвушка, скрывая горящее лицо свое на плечѣ нѣмки.

— Кого, моя милая? скажи мнѣ.

— Его, муттеръ, его . . . Дмитрія Петровича.

— Ахъ, бѣдная, бѣдная Анхенъ! . . мнѣ жалко тебя.

— Отчего-же жалко, муттеръ? Мнѣ такъ хорошо, я счастлива . . . Мнѣ только стыдно, что я такъ долго не сказывала тебѣ о своей любви, но я не въ силахъ была говорить объ этомъ: я не знала, какъ онъ любитъ меня.

— Ахъ, Анхенъ, Анхенъ, неужели-же ты думаешь, что онъ можетъ любить тебя?

— О, да, онъ меня любитъ, муттеръ! говорила Аннушка, и еще крѣпче прижалась къ Амаліи Өедоровнѣ. Отчего ему не любить меня?

— Какъ ты неопытна, какъ ты невинна, Анхенъ! . . Онъ богатъ, ты бѣдна . . .

— Нѣтъ, нѣтъ, муттеръ, онъ мнѣ самъ говорилъ, что любитъ меня.

— Да, можетъ быть, онъ говорилъ тебѣ, можетъ быть, ты дѣйствительно ему нравишься, но онъ не женится на тебѣ, онъ хочетъ только соблазнить тебя . . .

— Нѣтъ, нѣтъ, муттеръ, онъ хочетъ жениться: онъ вчера-же хотѣлъ просить вашего согласія, но я просила его позволить мнѣ сначала признаться вамъ въ моей любви, чтобы мнѣ не такъ было стыдно, что долго скрывала отъ васъ свое чувство.

— Какъ, Анхенъ, онъ дѣйствительно хочетъ жениться на тебѣ, онъ это говорилъ тебѣ?

— Да, муттеръ, говорилъ.

— О, какой благородный человѣкъ, Дмитрій Петровичъ! .. Но сказывала-ли ты ему, что у тебя живы настоящіе родители и кто они такіе . . . Знаетъ-ли онъ это?

— Нѣтъ, я не говорила ему . . . Впрочемъ онъ, вѣроятно, знаетъ, потому-что, когда я ему сказала, что надобно просить согласія всѣхъ родителей, онъ ничего не спросилъ меня, но согласился . . . Но можетъ быть, онъ и не знаетъ, муттеръ, что я дочь крестьянина . . . можетъ быть, онъ и не женится на мнѣ, когда узнаетъ это? .. Охъ, муттеръ, мнѣ тошно, я боюсь . . . я очень люблю его . . . Но нѣтъ, нѣтъ, онъ такъ благороденъ, онъ такъ любитъ меня . . . нѣтъ, онъ не разстанется со мной, не обманетъ меня.

— Ахъ, Анхенъ, дай, Богъ! .. я была-бы такъ счастлива, хотя мнѣ и жаль разстаться съ тобой . . .

— Муттеръ, завтра я все разскажу отцу съ матерью, я во всемъ признаюсь имъ и буду просить ихъ согласія . . . Позвольте мнѣ сходить къ нимъ или позовите ихъ сюда . . . Но если онъ не возьметъ меня, если . . .

И первый разъ вопросъ о происхожденіи тревожилъ бѣдную Аннушку, но ея неопытная душа не могла понять всей тяжести своего положенія.

— Что за дѣло Дмитрію Петровичу, думала она, что я дочь крестьянина, что ему до моихъ родителей? онъ будетъ любить меня, полюбитъ и ихъ . . . — Но многаго, многаго не понимала еще она въ людскихъ отношеніяхъ, и ее тревожило только одно смутное инстинктивное чувство боязни . . .

Августъ Карлычъ былъ въ восторгѣ отъ намѣренія Дмитрія Петровича, когда жена пересказала ему разговоръ свой съ Аннушкой.

— Вотъ я говорилъ тебѣ, Амалія, какой онъ благородный, прекрасный человѣкъ! . . . другой-бы такъ не поступилъ.

На слѣдующее утро Иванъ Прохорычъ и Арина явились въ домъ управляющаго, прежде нежели успѣли послать за ними, и требовали къ себѣ дочку. Аннушка тотчасъ-же вышла къ нимъ съ радостью, стыдливостью и нѣкоторымъ безотчетнымъ страхомъ.

Иванъ Прохорычъ сурово отстранилъ ее, когда она хотѣла поцѣловать его. Арина находилась въ смущеніи.

— Для чего тебя учили, дочка, уму-разуму, да всякимъ наукамъ? утрюмо спросилъ Аннушку отецъ.

— Что-же, батюшка? спросила она, смущенная такой встрѣчей.

— Я тебя спрашиваю: для чего тебя учили всему? повышая голосъ спрашивалъ Иванъ, замѣчая смущеніе дочери. Для того что-ли, чтобы ты вѣтрила, да распутничала? . . а?

Аннушка поблѣднѣла: она испугалась суровости отца, къ которой не привыкла.

— А! на срамъ что-ли намъ тебя учили? Такъ ужъ лучше бы ты у меня оставалась деревенской дѣвкой, нечестивая, чтобы никто ужъ и въ глаза мнѣ не тыкалъ тобой . . . Признавайся, сейчасъ признавайся во всемъ: что у тебя было съ бариномъ, съ горланихскимъ? какъ ты съ нимъ таскалась? . . говори.

— Виновата батюшка, я не сказала тебѣ: я люблю его . . . — И она хотѣла броситься къ отцу на шею.

— Ахъ, ты сволочь этакая! . . поди прочь! . . — И онъ съ сердцемъ оттолкнулъ ее отъ себя такъ, что дѣвушка едва-удержалась на ногахъ. Она поблѣднѣл аеще больше и закачалась, какъ будто готовясь упасть въ обморокъ.

— Батюшка, Иванъ Прохорычъ, говорила съ испугомъ мать: что ты дѣлаешь? вѣдь она у насъ вольная.

— Молчи, дура, закричалъ Иванъ. Что мнѣ за дѣло, что она вольная: развѣ не дочь она мнѣ? . . Прокляну, такъ много-ли помѣшаетъ ея вольная! А, нечестивая, ревешь теперь! . . стыдно, что осрамила отца — старика! . . Не видала ты видно отцовской-то руки на себѣ. . . Такъ теперь видно пришлось узнать ее . . . Вольная ты! вольная! и отцу не дочь! . . Вотъ я тебѣ покажу, отецъ-ли я твой . . . — И Иванъ Прохорычъ, не помня себя отъ огорченія и досады, замахнулся, чтобы ударить дочь . . .

Аннушка вскрикнула. Арина приняла на себя ударъ, назначенный дочери . . .

Въ это время вошла Амалія Ѳедоровна. Аннушка со слезами бросилась къ ней на шею.

— Что ты, мой ангелъ, что съ тобой? спрашивала добрая нѣмка. Но Аннушка не могла выговорить ни одного слова.

— Что вы съ ней сдѣлали? спросила Амалія Ѳедоровна, обращаясь къ отцу съ матерью, но Иванъ стоялъ угрюмый и не отвѣчалъ, а Арина не знала что говорить, да и не смѣла заговорить прежде мужа.

— Да скажите-же мнѣ, что такое случилось?

— Ахъ, барыня, барыня, съ упрекомъ сказалъ наконецъ Иванъ Прохоровъ: взяли вы у меня дочку въ науку, отняли вы ее у меня, чтобы учить уму-

разуму, да всякой мудрости, а отъ того не могли приберечь дѣвку, чтобы она не таскалась, да не распутничала . . .

— Что ты говоришь, глупый? Какъ ты смѣешь! сказала оскорбленная Амалія Ѳедоровна.

— Да что мнѣ не смѣть-то, сударыня? не за чужое добро, за свою кровь говорю . . . Вотъ только и есть, что вы дѣвку испортили, не приглядѣли за ней . . . Нечего ей и оставаться у васъ . . . Эй ты, сволочь, сейчасъ подь со мной: не дамъ я больше тебѣ дурить . . . будетъ! насоромила ты мнѣ на сѣдую голову! Пошла что-ли, говорятъ, а не послушаешься, такъ не будь-же ты мнѣ и дочка . . . И знать тебя не хочу, потаскуху экую! . .

— Да ты съ ума сошелъ, Иванъ: что ты думаешь о своей дочери, что̀ она тебѣ сдѣлала, за что ты ее такъ обижаешь?

— Не обижаю я ее, сударыня . . . Сама призналась, что съ горлахинскимъ бариномъ полюбовничала, сама сказала, такъ ужъ тутъ нечего . . . А тебѣ грѣхъ, барыня: взяла дѣвку, такъ смотри за ней, а не пускай по вѣтру. Ступай-же что-ли за мной . . . — Но Аннушка рыдала и крѣпко прижималась къ своей названной матери.

— Иванъ, ты дуракъ и сумашедшій . . . Молчи и дай мнѣ сказать . . . Дмитрій Петровичъ хочетъ жениться на твоей дочкѣ.

— Жениться! сказалъ протяжно и недовѣрчиво раздраженный старикъ. Станетъ баринъ жениться на деревенской дѣвкѣ . . . Видно, вы сами знали, да потакали дѣвкѣ-то, такъ этакъ не хорошо . . . хоть вы и властны надъ нами, отъ нашихъ господъ поставлены, а ужъ не этакъ-бы вамъ дѣлать надобно, коли вы добрые люди . . .

— Батюшка, не сердись: онъ въ самомъ дѣлѣ на мнѣ женится!.. сказала Аннушка.

— Молчи, мрась!.. развѣ ты совсѣмъ ужь нашъ-отъ законъ позабыла?.. Можетъ у нѣмцевъ этакъ женятся-то, что кто первой съ воли пришелъ, тотъ и мужъ, а у насъ въ церковь сначала пойди...

— Какъ ты смѣешь! сказалъ вдругъ появившійся въ дверяхъ Августъ Карлычъ. Лице его горѣло, глаза сверкали и кулаки были сжаты. — Какъ ты смѣешь? а?... Я все слышитъ... Ты смѣешь грубость... Молчать... сейчасъ...

— Августъ, ради Бога, перестань... говорила умоляющимъ голосомъ Амалія Ѳедоровна. Иванъ, ты выслушай меня, дай мнѣ сказать: твоя дочь честная дѣвушка, она не была въ связи съ Дмитріемъ Петровичемъ, но только полюбила его, и онъ хочетъ жениться на ней и будетъ просить у васъ согласія... Понимаешь-ли теперь?

— Баринъ-то? съ совершеннымъ недоумѣніемъ спрашивалъ Иванъ Прохоровъ.

— Да, да, Дмитрій Петровичъ Губовъ.

Иванъ Прохоровъ стоялъ какъ ошеломленный и не зналъ, вѣрить ему или нѣтъ, а Арина уже съ радостными слезами обнимала дочь и приговаривала:

— Матушка ты моя, золотая ты моя, экое Богъ посылаетъ тебѣ счастье, экая ты у насъ народилась красавица, да счастливая...

— Матушка, скажи ты мнѣ: правду-ли говоришь, не на смѣхъ-ли ты меня обманываешь? смиренно и покорно уже спрашивалъ Иванъ Прохорычъ.

— Клянусь тебѣ Богомъ, я никогда не лгу! отвѣчала Амалія Ѳедоровна.

— Дочка, скажи и ты мнѣ: точно-ли ты не

гуляла съ нимъ, а баринъ-то хочетъ жениться на тебѣ? . . . Побожись нашимъ Богомъ.

— Ей-Богу, батюшка! . .

— Что это такое? . . Господи! сказалъ Иванъ Прохорычъ, развелъ руками и опустилъ голову.

— Аннушка, прости ты меня! продолжалъ онъ. Не зналъ я всего этого; злые люди тебя облаяли . . . Не изъ сердцовъ я, а по любви говорилъ тебѣ . . . Прости ты меня.

Аннушка, въ восторгѣ, счастливая, бросилась на шею къ отцу.

— Будь надъ тобою Господне благословеніе! . . чудеса надъ тобой Господь показываетъ! . . говорилъ старикъ, обнимая дочь, и плакалъ . . .

Въ эту минуту въ дверяхъ комнаты, гдѣ происходила описанная сцена, показался Дмитрій Петровичъ. Двери отворяла ему Аксинья. Онъ остановился на порогѣ смущенный, немного блѣдный.

— Ахъ, Дмитрій Петровичъ! радостно вскрикнулъ Августъ Карлычъ, протягивая руку къ гостю.

Аннушка, увидя его, порывисто бросилась къ нему, и указывая на Ивана и Арину, сказала:

— Дмитрій Петровичъ, вотъ мои настоящіе родители . . . Она остановилась, взглянувши на своего жениха. Онъ былъ блѣденъ, какъ полотно, хотѣлъ что-то сказать и не могъ, хотѣлъ улыбнуться, но губы его только непріятно искривились.

— Что съ вами? спросили Аннушка.

— Ничего, я не такъ здоровъ! глухо проговорилъ Губовъ.

Въ душѣ его происходила страшная кутерьма: онъ не зналъ что̀ дѣлать, что говорить, какъ выйдти изъ затруднительнаго положенія. . . Онъ взглянулъ на Аннушку: она была такъ прекрасна и смотрѣла

на него съ такою любовію и какъ-будто съ нѣкоторымъ страхомъ. Онъ взглянулъ на крестьянъ. Они низко кланялись ему, вытирая слезы на глазахъ.

— Здравствуйте, здравствуйте! сказалъ Дмитрій Петровичъ, потомъ быстро повернулся и почти выбѣжалъ въ другую комнату.

Аннушка послѣдовала за нимъ съ замирающимъ сердцемъ и со смутнымъ предчувствіемъ чего-то недобраго; Августъ Карлычъ и Амалія Ѳедоровна — съ участіемъ.

— Что съ вами? спрашивала послѣдняя молодаго человѣка, когда онъ, вошедши въ гостиную, бросился въ кресла и опустилъ голову на руку.

— Мнѣ, право, очень нездоровится... голова ужасно болитъ...

— Не хотите-ли гофманскихъ капель или спирту?

— Нѣтъ, благодарю васъ; позвольте мнѣ стаканъ воды.

Амалія Ѳедоровна бросилась въ другую комнату. Дмитрій Петровичъ поднялъ голову: около него стояли Августъ Карлычъ и Аннушка.

— Сдѣлайте милость, Августъ Карлычъ, позвольте ужъ и гофманскихъ капель, сказалъ Губовъ.

— О, сейчасъ! это хорошо!..

Аннушка поспѣшила-было предупредить отца, но Дмитрій Петровичъ остановилъ ее взоромъ. Нѣмецъ вышелъ.

— Вы говорили вашимъ родителямъ о моемъ предложеніи? быстро спросилъ онъ дѣвушку.

— Говорила, и они согласны.

Губовъ нахмурилъ брови, потомъ продолжалъ такъ-же быстро:

— Я съ вами долженъ поговорить наединѣ,

завтра въ одиннадцатомъ часу вечера, когда всѣ ваши лягутъ спать, выходите въ рощу: я васъ буду ждать тамъ, а сегодня я нездоровъ и сеѣчасъ уѣду. Согласны?

— Но зачѣмъ?.. робко спросила Аннушка.

— Если вы меня любите, вы должны это сдѣлать для нашего общаго счастія, иначе вы меня никогда не увидите.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги Амаліи Ѳедоровны.

— Говорите скорѣе: согласны вы или нѣтъ?

— Согласна!.. нерѣшительно и со страхомъ сказала дѣвушка.

— Вотъ, Дмитрій Петровичъ, вода съ гофманскими каплями: выпейте, это васъ освѣжитъ... говорила Амалія Ѳедоровна, входя въ комнату.

— Да, это очень хорошо! подтвердилъ Августъ Карлычъ, слѣдуя за женою.

Губовъ выпилъ, но опять подперъ голову рукою.

— Что, нѣтъ лучше? съ заботливостію спрашивалъ Августъ Карлычъ.

— Нѣтъ, все нездоровится... Позвольте мнѣ уѣхать домой...

— Что-же вамъ больному ѣхать?.. останьтесь у насъ... лягте вотъ на диванъ! говорила нѣмка.

— Да, и подушка! подтверждалъ нѣмецъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ: я лучше поѣду домой, тамъ мнѣ будетъ посвободнѣе...

— Да что-же, полноте! неужели вы будете церемониться съ нами... кажется, мы ужъ не совсѣмъ чужіе?.. выразительно сказала Амалія Ѳедоровна.

— Да, пожалуста, Дмитрій Петровичъ, безъ всякаго церемоній!..

— Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога позвольте мнѣ ѣхать:

воздухъ меня освѣжитъ... — И молодой человѣкъ спѣшилъ уйдти.

Не оставляя роли больнаго, онъ наскоро пожалъ руки Августа Карлыча и Амаліи Ѳедоровны, и въ первый разъ при нихъ-же пожалъ руку Аннушки и посмотрѣлъ ей выразительно въ глаза.

— Что съ нимъ такое? спросила Амалія Ѳедоровна у Анхенъ, когда Дмитріи Петровичъ ушелъ.

— Не знаю, муттеръ... говоритъ, что нездоровъ... Ахъ, муттеръ, что, если онъ не женится на мнѣ!.. я люблю его...

Аннушка заплакала.

— Полно, мой ангелъ, не плачь: отчего ему не жениться на тебѣ... Онъ тебѣ ничего не говорилъ?

— Нѣтъ, ничего!.. отвѣчала Аннушка нерѣшительно и покраснѣла, чувствуя, что солгала.

— Ну, что-же? вѣдь ты увѣрена, что онъ тебя любитъ?

— Да, онъ любитъ меня... Но онъ ничего не сказалъ сегодня, когда увидѣлъ отца съ матерью, и даже... какъ-будто... охъ, муттеръ, нѣтъ, онъ не женится на мнѣ... онъ броситъ меня...

— Успокойся, Анхенъ... онъ сегодня былъ нездоровъ... вотъ завтра, Богъ дастъ, пріѣдетъ, и ты снова будешь счастлива: тебѣ грустно теперь потому, что онъ уѣхалъ больной и ты не знаешь, въ какомъ состояніи его здоровье... Вѣдь, если-бы онъ не хотѣлъ жениться, онъ тутъ-же бы и сказалъ объ этомъ, а онъ поздоровался съ твоими родителями.

— Но, вѣдь, онъ ничего-же и не сказалъ...

— Да... но оттого, что былъ боленъ...

Между тѣмъ самой Амаліи Ѳедоровнѣ поведеніе Дмитрія Петровича казалось нѣсколько страннымъ, и она говорила все это для того только, чтобы успо-

коить Аннушку; но мужу она высказывала свои сомнѣнія.

— О, не безпокойся, Амалія! возражалъ Августъ Карлычъ, Дмитрій Петровичъ такой благородный, честный человѣкъ. Онъ сказалъ — и сдѣлаетъ...

Глава X.

Кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки.

Все остальное время дня послѣ отъѣзда Дмитрія Петровича, Аннушка была въ самомъ тревожномъ состояніи духа. Она была скучна, задумчива, разсѣянна, по временамъ сердце ея сжималось и кровь бросалась въ лицо, по временамъ она вдругъ блѣднѣла, а сердце ея билось такъ скоро, скоро. Разсѣянность ея относили къ безпокойству о здоровьѣ Губова и утѣшали ее, но эти слова утѣшенія еще больше терзали сердце бѣдной дѣвушки. Она нѣсколько разъ покушалась сказать Амаліи Ѳедоровнѣ о назначенномъ свиданіи, но ложный стыдъ и боязнь прогнѣвить Дмитрія Петровича останавливали ее.

Долго, очень долго тянулся для Аннушки этотъ день, но, наконецъ, прошелъ обычнымъ, неизмѣннымъ своимъ порядкомъ: въ девять часовъ вся семья отужинала и отправилась на ночной покой. Аннушка ушла въ свою комнату. — Когда она осталась одна, тревожное состояніе духа ея еще болѣе усилилось.

— Идти или нѣтъ? спрашивала она самое себя. Зачѣмъ онъ звалъ меня ночью, въ лѣсъ? развѣ не могъ-бы онъ сказать мнѣ все, что хотѣлъ, при всѣхъ, прямо и откровенно? или по крайней мѣрѣ одной мнѣ, но здѣсь, въ домѣ?.. Что онъ хочетъ дѣ-

лать?.. Но если я не пойду, онъ будетъ думать, что я не люблю его... Онъ самъ разлюбитъ меня... Отчего я не скалала матери, что онъ назначилъ мнѣ свиданіе?.. Но для чего-бы я сказала ей объ этомъ?.. А развѣ я прежде что-нибудь таила отъ нея?..

И бѣдная дѣвушка бросилась на колѣни передъ образомъ, молилась сердцемъ, безъ словъ, но скоро оставляла молитву, смотрѣла на часы, подходила къ дверямъ, прислушивалась... Въ домѣ все мало по малу затихало...

Вотъ пробило десять часовъ. Движеніе въ домѣ почти прекратилось, развѣ только пройдетъ гдѣ-нибудь по корридору заботливая старуха горничная, кончая свои дневные труды, да прокряхтитъ улегшаяся на покой, но не заснувшая еще прислуга... Наконецъ, все смолкло такъ, что слышался бой маятника у стѣнныхъ часовъ, висѣвшихъ въ залѣ. На дворѣ, вокругъ дома, и въ деревнѣ все было тихо, покойно. За то въ душѣ Аннушки безпокойство усиливалось, сердце ея билось все сильнѣе и сильнѣе: роковой часъ приближался.

— Господи, что будетъ, что я хочу дѣлать? думала Аннушка. Какъ страшно!.. Но чего-же я боюсь: что можетъ быть худаго?..

Между тѣмъ она погасила свѣчу въ своей комнатѣ и сидѣла тихо, почти безъ движенія, чтобы не привлечь на себя посторонняго вниманія. Часы, висѣвшіе въ залѣ, начали бить одиннадцать. Аннушка считала часы съ замирающимъ сердцемъ. Наконецъ они смолкли, и снова слышался только звукъ неутомимаго маятника... Пора было идти... У Аннушки захватило дыханіе, руки и ноги ея дрожали, ею овладѣлъ исключительно одинъ только страхъ...

— Господи, спаси меня! сказала она со слезами,

бросаясь передъ образомъ, и тотчасъ-же встала опять.

— Нѣтъ, я не пойду! думала она. Но чего-же я боюсь?.. Онъ ждетъ меня: я опоздаю, онъ разсердится, пожалуй, уѣдетъ, и я не увижу его совсѣмъ...

Аннушка поспѣшно накинула на себя большой платокъ и подошла къ дверямъ, осторожно пріотворила ихъ, прислушалась: все было тихо.

— Идти или нѣтъ? думала она опять, и, не давая себѣ отвѣта, переступила порогъ двери.

Ей надобно было проходить чрезъ дѣвичью, гдѣ спали горничныя въ повалку, на полу. Затаивъ дыханіе, едва переступая, какъ тѣнь прошла Аннушка мимо ихъ: всѣ спали крѣпко, никто не слыхалъ; но когда дѣвушка вышла изъ дѣвичей и тихо притворила за собою дверь, сначала чья-то голова, а потомъ и цѣлая фигура поднялась съ пола и также тихо послѣдовала за нею...

Когда Аннушка вышла на дворъ, она думала только объ одномъ, какъ-бы кто не увидѣлъ ее. Но ночь была темна, кругомъ все спало и безмолвствовало, только гдѣ-то вдали въ деревнѣ лаяли собаки, да ночной сторожъ у господскихъ амбаровъ, поставленныхъ въ сторонѣ и далеко отъ дома, колотилъ отъ скуки въ деревянную доску: Аннушку, впрочемъ, пугалъ и этотъ лай, и этотъ стукъ... Нѣсколько минутъ она стояла въ нерѣшительности, наконецъ собралась съ духомъ и быстро пошла по направленію къ рощѣ. Страхъ, впрочемъ, не оставлялъ ее, но этотъ страхъ былъ уже не тотъ, который прежде безпокоилъ ее: теперь она боялась ночи, пустоты, она никогда не бывала въ такое позднее время одна, и потому, выбравшись въ поле, она шла

быстро къ рощѣ, не смѣла оглянуться назадъ и не видала, что за ней кто-то слѣдилъ издали...

Войдя въ рощу, она тотчасъ-же увидѣла Дмитрія Петровича. Онъ ходилъ въ нетерпѣніи по дорогѣ, пересѣкавшей рощу.

— Анхенъ, ангелъ мой! сказалъ молодой человѣкъ, увидя дѣвушку и протягивая къ ней руки.

— Вотъ я и пришла! отвѣчала Аннушка.

Губовъ страстно цѣловалъ ея руки.

— Отчего-же ты такъ дрожишь?

— Я боялась идти: мнѣ было страшно!

— О, моя радость, какъ я люблю тебя! говорилъ Дмитрій Петровичъ и хотѣлъ обнять и поцѣловать Аннушку, но та удержала его.

— Отчего ты не позволяешь мнѣ поцѣловать себя?

— Что вы хотѣли сказать мнѣ? вмѣсто отвѣта спросила Аннушка дрожащимъ голосомъ.

— Зачѣмъ ты опять говоришь мнѣ: вы! ты не любишь меня, Анхенъ... Скажи мнѣ: любишь-ли ты меня?

— Люблю.

— Много любишь?

— Много.

— Готова на всякую жертву для меня, готова на все?

— Да.

— О, мое сокровище, мое счастье... Еслибъ ты знала, какъ я люблю тебя... Я готовъ всего себя принести въ жертву тебѣ: всю мою жизнь, всѣ мои радости, всѣ мечты мои.

И онъ опять хотѣлъ поцѣловать ее.

— Что-же ты хотѣлъ сказать мнѣ?.. Ради Бога, не тронь меня и говори скорѣе: тамъ могутъ хватиться меня...

— О, нѣтъ, теперь никто не хватится себя, теперь всѣ спятъ, не спитъ только одна любовь... Анхенъ, Анхенъ, дай мнѣ вполнѣ высказать тебѣ всю силу любви моей, позволь мнѣ открыть передъ тобой всю мою душу, всю мою любовь къ тебѣ... Анхенъ, отчего ты боишься моего поцѣлуя?..

— Говорите, ради Бога!.. отвѣчала дѣвушка замирающимъ голосомъ, но все еще имѣла силы опять освободиться изъ рукъ молодаго человѣка.

— Анхенъ, ты вѣришь, что я люблю тебя?

— Да.

— Я люблю тебя сильно, пламенно, но... Анхенъ, клянусь тебѣ, не смотря на всю мою любовь, я не могу жениться на тебѣ...

— Любишь и... не можешь... проговорила дѣвушка едва слышно и блѣднѣя.

— Да, не могу, Анхенъ, не смотря на все мое желаніе, не смотря на всю мою любовь къ тебѣ...

— Вы меня не любите...

— Анхенъ, ради Бога, не говори этого... Ты слишкомъ молода, невинна, неопытна, ты не можешь понять всѣхъ житейскихъ отношеній, но клянусь тебѣ, если я женюсь на тебѣ, ты погубишь и себя, и меня...

— Отчего?

— Ты хочешь знать, ты позволишь говорить мнѣ прямо, откровенно?

— Говорите.

— Слушай-же, мое сокровище... но, ради Бога, помни, что я люблю тебя больше всего на свѣтѣ... Когда ты будешь моей женой, мнѣ тяжко будетъ признаться предъ моими родными, что ты дочь крестьянина, но это еще не важность... Главное то, что они не будутъ любить тебя, будутъ смотрѣть на

тебя съ презрѣніемъ, мнѣ нельзя будетъ показаться въ Петербургѣ, гдѣ всѣ мои родные... Положимъ, для тебя я готовъ вовсе отказаться отъ Петербурга, готовъ безвыѣздно жить въ деревнѣ, но мнѣ нужно будетъ въ такомъ случаѣ прекратить всѣ мои сношенія съ родными, поссориться съ ними, жить безъ общества, безъ людей... Понимаешь-ли ты все это, Анхенъ?..

— Понимаю: вамъ нельзя жениться на мнѣ... вы повредите себѣ... Прощайте, Дмитрій Петровичъ... едва слышно проговорила Аннушка и прислонилась къ дереву.

— Нѣтъ, нѣтъ, Анхенъ, мы не разстанемся: я такъ люблю тебя, что не могу жить врознь съ тобою... Есть другое средство, чтобы намъ не разставаться, и если ты любишь меня, ты согласишься на него... Ты не будешь моею женою, но мы поѣдемъ съ тобою въ Петербургъ и будемъ жить тамъ неразлучно... Согласна ты на это?..

— Но, вѣдь, я не буду вашей женой, какъ-же я поѣду съ вами?

— За то ты будешь жить со мной неразлучно, я буду любить тебя, ты будешь счастлива и я тоже, никто не узнаетъ куда ты скрылась, мы сейчасъ-же уѣдемъ, у меня уже все готово къ отъѣзду... Анхенъ, если любишь меня, ты должна согласиться, иначе ты убьешь меня: я уѣду одинъ, мнѣ здѣсь нечего больше дѣлать, буду скучать, мучиться, я не перенесу разлуки съ тобой... А ты? ты развѣ можешь жить безъ меня?..

— Нѣтъ, не могу, я люблю тебя...

— Такъ что-же колеблешься?.. О, Анхенъ, мое счастье, я весь принадлежу тебѣ... Ты поѣдешь со мной? да?

И онъ обнялъ ее и страстно цѣловалъ. Аннушка трепетала отъ страсти — и не могла сопротивляться.

— А Богъ? а родители? спросила она, вдругъ освобождаясь изъ его объятій. Вѣдь я не буду твоей женой?

— Ты не будешь моей женой только по имени, но ты будешь ею по сердцу.

— Нѣтъ, это грѣхъ: надобно, чтобы благословили родители, чтобы благословилъ Богъ.

— Но ты любишь меня, я тоже люблю тебя, стало быть любовь нашу благословила сама судьба, а родители уже изъявили свое согласіе.

— Нѣтъ, ты обманываешь меня; родители благословили меня на бракъ, а Богъ благословляетъ въ церкви.

— Стало быть, ты не хочешь ѣхать со мной?..

Аннушка молчала.

— Ты не любишь меня!.. Богъ съ тобой... Прощай, ты меня не увидишь болѣе, ты погубила всю мою жизнь...

— Нѣтъ, нѣтъ, я люблю тебя... Погоди... Не уходи, ради Бога... не уходи... Я люблю тебя...

— Такъ ты ѣдешь со мной?.. О, Анхенъ, поѣдемъ, ты будешь счастлива... Пойдемъ-же, пойдемъ... Поѣдемъ скорѣе.

— Нѣтъ, погоди... Я не поѣду.

— Не поѣдешь?..

— Женись на мнѣ!.. со слезами проговорила Аннушка, бросаясь на шею въ Дмитрію Петровичу.

Нѣсколько секундъ онъ молча цѣловалъ ее.

— Женись на мнѣ! лепетала Аннушка, рыдая.

— Нѣтъ, я не могу жениться... поѣдемъ со мной... отвѣчалъ онъ и снова цѣловалъ ее. Поѣдемъ, Анхенъ...

Въ эту минуту около нихъ появился Иванъ Прохорычъ. Онъ шелъ скоро, запыхался и съ трудомъ переводилъ духъ. Онъ не слыхалъ ни слова изъ разговора дочери съ Губовымъ, но видѣлъ только ее на шеѣ у молодаго человѣка и слышалъ ихъ поцѣлуи. Бѣшенство овладѣло старикомъ.

— Такъ вотъ ты гдѣ, нечестивая! закричалъ онъ.

Аннушка, услыша голосъ отца, отскочила отъ Дмитрія Петровича, и вся блѣдная, задрожала какъ листъ.

— Такъ этакъ-то ты меня обманываешь? этакъ-то ты въ Бога вѣруешь: божилась, что ничего съ бариномъ не было, а теперь самъ засталъ... а! ты еще божиться, нѣмка окаянная!.. Вотъ я тебя... — И старикъ бросился на дочь, чтобы ударить ее. На этотъ разъ Аннушка даже не вскрикнула, но только опустила голову: она почти обезпамятѣла отъ страха и неожиданности.

Дмитрій Петровичъ бросился между ею и старикомъ.

— Не смѣй ее трогать! сказалъ онъ.

— Не смѣй?.. она мнѣ дочь, сударь!.. кто мнѣ помѣшаетъ наказать ее?.. Да я и тебѣ-то... глупую дѣвку грѣшно съ пути сбивать... Пусти, коли не хошь грѣха... Не посмотрю...

И онъ опять рванулся къ ней.

— Спаси меня! закричала Аннушка, ухватясь за руку молодаго человѣка.

Въ душѣ Дмитрія Петровича возбудилась любовь, стыдъ, состраданіе, онъ почувствовалъ въ себѣ геройское движеніе.

— Успокойся, старикъ, сказалъ онъ твердо и рѣшительно: я женюсь на твоей дочери...

— Э, полно, баринъ, гдѣ тебѣ жениться на

крестьянской дѣвкѣ, особливо теперь, коли осрамилъ ее!

— Она невинна, клянусь тебѣ!

— А зачѣмъ-же ночью въ лѣсу-то?

— Намъ нужно было поговорить наединѣ съ нею...

— Э, полно! о чемъ вамъ говорить ночью, да въ лѣсу, коли-бы да у васъ ничего не было?

— Но я тебѣ говорю, что нѣтъ... Я женюсь на ней.

— Полно, баринъ...

— Клянусь тебѣ.

— Ну, смотри, Дмитрій Петровичъ, грѣхъ тебѣ будетъ, коли обманешь: счастья Богъ не дастъ...

— Я тебѣ поклялся и исполню. Анхенъ слышишь-ли? ты будешь моею женою!

Анхенъ плакала на плечѣ у Дмитрія Петровича: она его такъ любила въ настоящую минуту, что если-бы онъ теперь сталъ убѣждать ее бѣжать съ нимъ, она согласилась-бы безъ всякихъ размышленій.

— Дмитрій Петровичъ, батюшка, какъ же ты женишься-то: вѣдь я мужикъ? спросилъ успокоившійся, но все еще не вѣрившій случившемуся Иванъ Прохоровъ.

— Я люблю ее!.. отвѣчалъ Дмитрій Петровичъ съ увлеченіемъ.

— Ну, только диво... Прости меня, Аннушка. Опять эта шкура Аксютка наустила меня. Эка шельма! Гдѣ она тутъ? вотъ бы колотить-то.

Но Аксинья, видя неожиданную развязку, уже навострила лыжи.

— Ну, Дмитрій Петровичъ, неужто ты и взаправду женишься на моей-то дѣвкѣ! Ей-Богу, ума не приложу. Экія дѣла дѣются. Счастлива ты, Ан-

нушка: ну-ка, за бариномъ будешь. Подь, поцѣлуй меня. Эку радость ты намъ, да эку честь на старости лѣтъ принесешь... — Дмитрія Петровича какъ-то неловко задѣла эта рѣчь, его восторженное состояніе немножко потревожилось, когда онъ увидѣлъ, что Аннушка цѣлуетъ отца; а та, вполнѣ счастливая, и не могла представить себѣ, чтобы что-нибудь подобное могло происходить въ сердцѣ ея возлюбленнаго.

— Позволь, батюшка, Дмитрій Петровичъ, ужъ и тебя поцѣловать, коли не противно: прости ты меня, и супротивъ тебя я виноватъ...

— Поцѣлуемся, поцѣлуемся, Иванъ Прохорычъ! говорилъ Дмитрій Петровичъ, но чувствовалъ себя почему-то очень неловко.

— Ну-ка, а я все про свое-то... Подлинно, Господь чудеса дѣлаетъ... Эка мнѣ-то честь, старику: зять будешь, вѣдь, батюшка, какъ быть-то... Господи, не по заслугамъ награждаешь!.. Право, видно не пережить мнѣ этого года... — Иванъ Прохорычъ прослезился.

— Однако пора вамъ и по домамъ: вишь свѣтать ужъ стало; не хорошо — народъ-то увидитъ... Проститесь, да и съ Богомъ: дочку-то я провожу.

— Батюшка, ты не говори тамъ, что я уходила, не сказавшись, изъ дому: мнѣ стыдно будетъ.

— На что говорить, и Аксюткѣ закажу, а то сохрани ее Господи: давно ужъ у меня на нее зло. Такъ пойдемъ-же, пойдемъ, Аннушка. Ну, проститесь... поцѣлуйтесь теперь при мнѣ-то, теперь ничего: женихъ съ невѣстой.

Дмитрій Петровичъ горячо и страстно поцѣловалъ Аннушку, какъ-бы желая ея поцѣлуемъ снова

вдохнуть въ себя то благородное, геройское движеніе, которое почти уже остыло.

— Ну, да ужъ полно, будетъ: еще увидитесь сегодня, — вишь какъ разсвѣло.

Аннушка сконфузилась; но была вполнѣ счастлива и любовно смотрѣла на жениха, а послѣдній вовсе не чувствовалъ себя такимъ счастливымъ, какъ она: онъ даже какъ будто охладѣлъ къ Аннушкѣ.

— Эка радость, эка радость! твердилъ повеселѣвшій старикъ: то-то мать-то обрадуется, какъ приду, да разскажу. Аксютка прибѣжала, перебудила насъ, да поразсказала, что видѣла, какъ ты, Аннушка, въ лѣсъ ушла и здѣсь потѣшаешься съ Дмитріемъ Петровичемъ, мы перебудоражились и нивѣсть какъ. Прощай, батюшка! чай ужо пріѣдешь къ невѣстѣ-то?

— Непремѣнно! отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Ладно, такъ и мы съ Ариной придемъ посмотрѣть, да порадоваться на васъ.

— До свиданья, Дмитрій Петровичъ! сказала Аннушка.

— Прощай, Анхенъ... Дай мнѣ еще поцѣловать тебя.

— Экъ тебѣ понравилось! погоди, женой будетъ, такъ нацѣлуешься вволю... Да ну, ну, подь, поцѣлуй его! говорилъ Иванъ Прохорычъ весело.

Дмитрій Петровичъ долго смотрѣлъ вслѣдъ удаляющейся Аннушки, пока она совершенно не скрылась изъ виду. Потомъ онъ задумался и медленно пошелъ къ своему экипажу, стоявшему недалеко отъ мѣста, назначеннаго для ночнаго свиданія.

— И такъ я поклялся жениться! думалъ онъ, возвращаясь домой. Имѣть женою Аннушку — не

бѣда, но грубые, не развитые отецъ съ матерью: они отравятъ нашу жизнь. Нѣтъ, нѣтъ, это ужасно! Я не въ силахъ этого сдѣлать! Увы, моя любовь!.. Первая искренняя любовь, и такъ неудачна! Неужели я буду подлецъ, если не сдѣлаю того, чего не въ силахъ сдѣлать? Но бѣдная дѣвушка, она будетъ страдать... мнѣ жалко ее... Но развѣ я самъ не буду страдать... Неуже ли лучше было бы соблазнить и погубить ее?.. Нѣтъ, я не подлецъ!.. Прощай, Аннушка!..

Глава XI.

Добрая слава лежитъ, а худая бѣжитъ.

Напрасно ждали въ Тужиловкѣ Дмитрія Петровича: онъ не пріѣхалъ къ обѣду, не пріѣзжалъ и послѣ него.

Аннушка была въ тревогѣ, собиралась уже послать нарочнаго освѣдомиться о здоровьѣ Дмитрія Петровича, когда сказали, что пріѣхалъ человѣкъ съ письмомъ изъ Горланихи. Анхенъ встрепенулась и пошла въ прихожую вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, которые принимали въ ея судьбѣ большое участіе, хотя и не знали сцены въ рощѣ.

— Отъ кого письмо? спросилъ Августъ Карлычъ у присланнаго.

— Отъ Дмитрія Петровича.

— Подавай! сказалъ Августъ Карлычъ, протягивая руку.

— Велѣно отдать самой барышнѣ.

Анхенъ взяла письмо дрожащими руками и начала читать, но съ каждой строчкой, которая пробѣгала предъ ея глазами, она блѣднѣла, и наконецъ

вмѣсто отвѣта на вопросъ Кнабе: что пишетъ? упала безъ чувствъ.

Амалія Өедоровна ужасно испугалась и бросилась помогать ей, Августъ Карлычъ поднялъ письмо, прочиталъ, схватился за голову и смялъ въ рукѣ весчастное посланіе.

— Что онъ пишетъ? спросила Амалія Өедоровна.

— На, читай! отвѣчалъ Августъ Карлычъ, подавая письмо, и съ состраданіемъ взглянулъ на Анхенъ, которая лежала блѣдная, какъ полотно.

Амалія Өедоровна прочла слѣдующее:

„Анхенъ!

Я любилъ тебя пламенно, всѣми силами моей души, и люблю все по прежнему. Ты была первая женщина, которая показала мнѣ всю прелесть, все упоеніе любви, но эта любовь навсегда отравила дни мои. Клянусь, я не могу жениться на тебѣ, хотя я и готовъ пожертвовать для тебя самою жизнью. Я страдаю, — можетъ быть, будешь страдать и ты, но ты сама виновата, ты не хотѣла за мной слѣдовать и я уѣзжаю одинъ. Куда? и самъ не знаю, но мы больше не увидимся. Прощай, Анхенъ, и помни, что я плачу не слезами, а кровью!

Твой на-вѣки Дмитрій!“

Амалія Өеодоровна прочла и залилась слезами.

— Августъ, спроси человѣка: не знаетъ-ли онъ, куда по крайней мѣрѣ уѣхалъ Дмитрій Петровичъ! сказала она.

— Куда ѣхалъ твой баринъ? спросилъ Кнабе у посланнаго.

— Не могимъ знать. Староста, можетъ быть, знаетъ, а мы неизвѣстны.

— А когда ѣхалъ?

— Это давно-ли уѣхалъ-то?.. часа три будетъ...

Августъ Карлычъ нахмурился.

— Приказу никакого не будетъ? спросилъ посланный.

— Пошолъ!.. чортъ!.. возразилъ раздраженный Августъ Карлычъ. Ничего не знаетъ! сказалъ онъ женѣ.

Между тѣмъ Аннушка начала приходить въ чувство. Долго лежала она, не говоря ни слова и смотря почти безсознательно, потомъ начала рыдать и опять замолкла.

— Дайте мнѣ письмо его! сказала она наконецъ.

Ей подали. Она прочла его, поцѣловала и опять начала читать.

— Муттеръ, сказала она, онъ не любилъ меня?

Амалія Ѳедоровна не нашлась ничего отвѣтить на этотъ вопросъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, любилъ! продолжала Аннушка. Я сама виновата, муттеръ!..

И она задумалась. Потомъ начала рыдать громче, громче, и вдругъ опять замолкла. Стала опять читать роковое письмо. Лицо ея становилось веселѣе, улыбка появилась на устахъ, глаза засверкали радостью.

— Да, да! онъ любитъ меня! Онъ шутитъ: онъ не можетъ этого сдѣлать... Онъ знаетъ, что я не могу жить безъ него... Нѣтъ, нѣтъ, онъ не уѣхалъ... говорила Аннушка, оставляя всѣ сомнѣнія и предаваясь одному чувству любви.

— Въ самомъ дѣлѣ: онъ, можетъ быть, шутитъ! подтверждала Амалія Ѳедоровна, хватаясь за утѣшительную, хотя ни на чемъ не основанную мысль Анхенъ. Но какъ не грѣхъ шутить подобнымъ образомъ! — Августъ, съѣзди, ради Бога, въ Горла-

ниху, узнай все, и если Дмитрій Петровичъ дома, привези его сюда.

— Нѣтъ, нѣтъ, напрасно, не ѣзди, фатеръ! .. возразила Анхенъ, впадая въ прежнюю задумчивость, похожую на скрытое отчаяніе.

— Отчего-же, мой ангелъ? Августъ Карлычъ узнаетъ по крайней мѣрѣ, куда онъ поѣхалъ, на долго-ли...

— Пожалуй...

— А можетъ быть, онъ и въ самомъ дѣлѣ только шутитъ, чтобы испытать тебя...

— Да, да, съѣзди, фатеръ, ради Бога, поскорѣе... мнѣ тошно... я люблю его! ..

— Сейчасъ ѣду... Я привезу его: Дмитрій Петровичъ благородный человѣкъ!

— О, да, онъ благороденъ, онъ клялся, что женится на мнѣ! .. Поскорѣе, фатеръ, ради Бога...

Когда уѣхалъ Ангустъ Карлычъ, Аннушка безпрестанно переходила то къ сладкой надеждѣ: обнимала и цѣловала мать, говоря ей слова любви, подбѣгала къ окну, высматривая, не возвращается-ли Августъ Карлычъ; то къ тупому отчаянію: сидѣла молча, безмысленно устремивъ глаза на одинъ какой-нибудь предметъ, истерично рыдала или оставалась холодною, равнодушною, насильственно улыбалась, смотря на мать, между тѣмъ какъ сердце ныло, болѣло и замирало.

Августъ Карлычъ понукалъ лошадь, торопясь узнать поскорѣе, дѣйствительно-ли Дмитрій Петровичъ такой благородный человѣкъ, какимъ онъ его считалъ. Проѣзжая чрезъ господскія поля, онъ замѣтилъ, что жнецовъ на нихъ вовсе не было, хотя

солнце еще не закатилось. На дворѣ господскаго дома онъ увидѣлъ только молодого парня, который гнался за краснощекой дворовой дѣвкой; послѣдняя съ визгомъ и смѣхомъ боронилась отъ него, махала руками, колотила молодаго парня по лицу и кричала: „эй, Алешка, не дури, отстань... Эко стерво!" Прекрасная пара была такъ занята своимъ дѣломъ, что не обратила никакого вниманія на Августа Карлыча. Онъ вошелъ въ домъ. Всѣ двери его, начиная отъ сѣнныхъ, были отворены настежь, въ комнатахъ вездѣ безпорядокъ, обличавшій недавніе поспѣшные сборы. Августъ Карлычъ только въ спальной Губова нашелъ одного стараго лакея, который былъ пьянъ, какъ стелька, лежалъ поперегъ барской кровати, силился влѣзть на нее, но никакъ не могъ и бормоталъ едва-внятно: шельма... Агашка... погоди-жъ ты... вотъ я... стой...

Августъ Карлычъ спросилъ его:

— Гдѣ твой баринъ?

— М-м-м... отвѣчалъ лакей.

— Куда ѣхалъ баринъ?.. сердито повторилъ нѣмецъ.

— А-а?! протяжно произнесъ пьяный.

— Тьфу ты... каналья!..

Августъ Карлычъ вышелъ на дворъ. Тутъ онъ столкнулся со старостой, который былъ только навеселѣ.

— Гдѣ баринъ? спросилъ его Кнабе.

— Баринъ? отвѣчалъ староста съ лукавой улыбкой. А уѣхалъ баринъ!

— Куда?

— А не сказалъ, куда уѣхалъ.

— Когда назадъ?

— Не знаю: и въ эвтомъ не сказался, только

не велѣлъ себя ждать нынѣшнимъ лѣтомъ, да и на то лѣто, говоритъ, не ждите, а деньги, говоритъ, высылай въ Питеръ.

— Баринъ твой... подлецъ! сказалъ вспыльчивый нѣмецъ.

— А вы что... Что ты ругаешься?..

— Мерзавецъ твой баринъ, а вы всѣ... каналья, пьяница!..

— Да что и впрямъ?.. Что ты глотку-то дерешь?.. Пріѣхалъ въ чужую вотчину, да еще куражится... У насъ у самихъ вотчина не малая... въ обиду не дадимся...

— Молчать... мужикъ! закричалъ Августъ Карлычъ.

— Вотъ тебѣ-на! Стану я тебѣ молчать... Ты-то что, помѣщикъ что-ли?.. самъ нѣмецъ!.. Вишь ты!.. Обойдти барина-то хотѣлъ: на дѣвчонкѣ своей женить.

— Молчать!.. горячился Августъ Карлычъ. Я тебя бью...

— Тронь-ка! попробуй!.. самъ сдачи дамъ!.. у насъ у самихъ вотчина не малая...

Августъ Карлычъ счелъ за лучшее отретироваться.

— Я тебя... исправникъ! говорилъ онъ, садясь на лошадь.

— Ладно: испранникъ!.. хотѣлъ барина-то огрѣть, да не удалось! тотъ самъ не промахъ: облапошилъ дѣвчонку-то, да и былъ таковъ!.. ха, ха, ха!.. Все, вѣдь, знаемъ: Аксинья-то все, вѣдь, разсказала намъ...

— Что, Аксинья, что?..

— Да нечего, знаемъ: какъ онъ вчера ночью въ лѣсу-то съ ней былъ...

— Какъ въ лѣсу?

— А! то-то! спроси самъ у Аксиньи-то.

— Чортъ ты... бестія!.. сказалъ Августъ Карлычъ и поскакалъ домой.

— Вотъ такъ-то лучше... улепетывай-ка... Ай да баринъ, Дмитрій Петровичъ!.. Ха, ха, ха!..

Августъ Карлычъ ѣхалъ домой, неся въ душѣ сомнѣніе и негодованіе то на Анхенъ, то на Аксинью. Подъѣзжая къ дому, онъ встрѣтилъ послѣднюю.

— Стой! закричалъ онъ.

Аксинья остановилась, и, прочитавъ на лицѣ управляющаго гнѣвъ, оробѣла.

— Что ты сказывалъ? спросилъ ее Августъ Карлычъ.

— Ничего, сударь я не сказывала.

— Какъ въ лѣсу... Анхенъ съ Дмитрій Петровичъ?

— Точно, сударь, была, отвѣчала Аксинья, поправляясь.

— Что ты мнѣ не говорилъ?

— Не посмѣла, сударь, да и заказъ такой, запретъ былъ.

— Что запретилъ?.. кто?

— Отъ Ивана Прохорова былъ запретъ, чтобы не сказывать. Ну, думаю: отцовское дѣло, и смолчала. А это точно были они въ лѣсу; я какъ увидѣла, такъ и побѣжала отцу-то съ матерью сказать.

— Что Иванъ, что сказалъ?

— Да что сказалъ? на меня-же накинулся. Они сами видно дочкѣ-то потакали. Вѣдь, не одинъ разъ бывали они въ лѣсу-то, и дома-то, какъ одни останутся, такъ и цѣловаться. А вечоръ, ночью, смотрю: на цыпочкахъ пробирается, я и ну приглядывать за ней, да какъ увидѣла, что у нихъ съ бариномъ въ

лѣсу-то идетъ, такъ и побѣжала къ отцу, а онъ — чемъ-бы спасибо сказать, да унять дочку, меня-то обругалъ, а ей-то потакаетъ. Совсѣмъ вѣдь ужъ никуда стала не годна, ни на что непохоже... Распутничаетъ и стыда не знаетъ.

— Молчать! закричалъ Августъ Карлычъ. Отчего ты мнѣ не сказалъ?

— Ну, въ эвтомъ виновата. Не посмѣла вамъ-то сказать, да и то думаю: не повѣрите.

Августъ Карлычъ пошелъ въ домъ; Аксинья торжествовала. Она видѣла, что нѣмецъ повѣрилъ ея разсказамъ и былъ раздраженъ.

Анхенъ, увидя его, бросилась къ нему навстрѣчу.

— Что, нѣтъ? спрашивала она, блѣднѣя.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Августъ Карлычъ и отвернулся отъ Анхенъ.

Дѣвушка осталась блѣдною и неподвижною: она не вскрикнула, не заплакала, не упала въ обморокъ, но вся была одно страданіе. Медленно, тихо доплелась она до перваго стула и сѣла на него молча, блуждая своими глазами, не выражавшими ничего, кромѣ страшной тоски, страшной боли душевной. Амалія Ѳедоровна хотѣла-было утѣшать ее, но Августъ Карлычъ позвалъ ее въ другую комнату.

Послѣ секретнаго объясненія съ мужемъ, Амалія Ѳедоровна, со строгимъ выраженіемъ лица, вошла въ ту комнату, гдѣ сидѣла Аннушка, но эта строгость замѣнилась однимъ чувствомъ состраданія, когда она взглянула на бѣдную дѣвушку, сидѣвшую все на одномъ и томъ-же мѣстѣ, унылую, задумчивую, со слезами на глазахъ. Амалія Ѳедоровна намѣревалась строго объясниться съ нею, но не имѣла духу.

Молча сѣла она около Аннушки.

— Скучно тебѣ? спросила она ее.

— Да.

— А совѣсть тебя укоряетъ?

— Въ чемъ, муттеръ?

— Анхенъ, другъ мой, скажи мнѣ: ты была вчера ночью въ лѣсу съ Дмитріемъ Петровичемъ?

— Была.

На лицѣ Амаліи Ѳедоровны изобразились испугъ, строгость, негодованіе, но Аннушка оставалась по прежнему уныло-спокойною.

— И тебѣ не стыдно, Анхенъ: ты потеряла даже совѣсть?

— Муттеръ, прости меня. Сначала я не могла тебѣ сказать объ этомъ, потому что онъ не велѣлъ, а потомъ... мнѣ было стыдно...

— Ахъ, Анхенъ, Анхенъ, не ожидала я, чтобы ты такъ заплатила за мою любовь къ тебѣ.

— Муттеръ, прости меня... Я не буду любить его... Прости меня... Онъ просилъ меня придти: я не могла отказать.

— А прежде этого развѣ ты не видалась съ нимъ въ лѣсу?

— Нѣтъ.

— Ты лжешь?

— Нѣтъ, муттеръ, клянусь тебѣ!

— И ты не была съ нимъ въ связи?

— Какъ въ связи?.. Я любила его.

Въ глазахъ Аннушки свѣтилось такъ много невинности и чистоты душевной, что Амалія Ѳедоровна не рѣшилась яснѣе растолковать ей своего вопроса.

— Анхенъ, разскажи-же мнѣ, признайся откровенно, зачѣмъ онъ звалъ тебя и что говорилъ тебѣ? Ради Бога, скажи все: успокой меня.

— Онъ уговаривалъ меня бѣжать съ нимъ, при-

знавался, что не можетъ жениться на мнѣ... Тутъ пришелъ батюшка, хотѣлъ меня прибить... Онъ поклялся, что женится на мнѣ... Онъ обманулъ, муттеръ, онъ клятвопреступникъ... я не люблю его болѣе...

Аннушка плакала.

— Бѣдная Анхенъ, тебя оклеветали... Не плачь, мой другъ, забудь его...

— Онъ любилъ меня, муттеръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, онъ не любилъ тебя... Онъ неблагородный человѣкъ... Забудь его.

Аннушка опять впала въ прежнюю задумчивость и молчала. Глаза ея не выражали никакой мысли, но слезы текли изъ нихъ.

Амалія Өедоровна ласкала Аннушку и говорила ей слова утѣшенія. Дѣвушка приникла къ ея плечу головой и молча плакала.

Вошелъ Августъ Карлычъ, угрюмый, мрачный. Косо взглянулъ онъ на Аннушку, и еще больше нахмурилъ брови.

— Иванъ съ Ариной пришли! сказалъ онъ отрывисто, проходя мимо, и хотѣлъ выйдти вонъ изъ комнаты.

— Августъ, погоди! Вотъ я тебѣ правду говорила, что Анхенъ наша невинна. Ее оклеветала эта негодная Аксинья. — И Амалія Өедоровна передала мужу весь разсказъ Аннушки.

Складки на лбу нѣмца разгладились; онъ подошелъ къ Аннушкѣ и поцѣловалъ ее въ лобъ. Потомъ вдругъ закипѣло въ его сердцѣ негодованіе на Аксинью.

— Позвать Иванъ Прохорычъ и Аксинью! закричалъ онъ.

Аннушка молча подошла къ отцу съ матерью,

поцѣловалась съ ними и отошла къ окну, чтобы скрыть свои слезы и тоску, которыя возобновились въ ея душѣ съ новою силою, при видѣ отца, который сегодня-же утромъ былъ такъ счастливъ ею.

Иванъ Прохоровъ хотѣлъ что-то спросить, но Августъ Карлычъ предупредилъ его, накинувшись на вошедшую въ это время Аксинью.

— Какъ ты смѣлъ сказать мнѣ, что Аннушка много разъ въ лѣсу съ Дмитріемъ Петровичемъ? что она такая скверная дѣвушка? .. а? какъ ты смѣлъ?

Аксинья совсѣмъ оробѣла: не знала что говорить, что дѣлать, поблѣднѣла и переминалась съ ноги на ногу.

— И на него лгать, что онъ потакаетъ дочкѣ? продолжалъ Августъ Карлычъ, указывая на Ивана Прохорыча и горячась все болѣе и болѣе. А? ты смѣлъ все это дѣлать, говорить? ты смѣлъ?.. Я тебя сѣчь, бить... на скотную!..

Аксинья бросилась въ ноги управляющему.

— Виновата, батюшка, Августъ Карлычъ, виновата, больше слова одного не услышите! говорила она. Простите великодушно.

— Нѣтъ, я тебя не проститъ, нѣтъ, я знаетъ тебя. Иванъ, что съ ней дѣлать... больше? говори.

— Да ужъ какъ вамъ, батюшка, угодно, а надо ей язычокъ-то поприжать, чтобы не больно ему воли давала. Ужъ и мнѣ какъ она досажала, сколько разъ путала, да мутила!..

— Грѣхъ тебѣ, Иванъ Прохорычъ: я все изъ одного моего усердія къ тебѣ...

— Молчать! закричалъ Августъ Карлычъ. Я тебѣ... изнанку буду ворочать... совсѣмъ. Сѣчь и на скотную... Пошелъ!

— Фатеръ, прости ее! сказала Аннушка.

— Нѣтъ, нѣтъ, она такая!..

— Я тебя прошу: пожалуйста, прости! для меня!

— Слышишь! говорилъ Августъ Карлычъ, обращаясь къ Аксиньѣ. Она за тебя проситъ, а ты?.. ахъ, скверна!.. Ну, я прощалъ. Поди, кланяйсь въ ноги ей... цѣлуй рука.

Это приказаніе возмутило гордость и ненависть Аксиньи. Какъ, она будетъ кланяться своему брату, да еще дѣвчонкѣ! она должна у ней просить прощенія!.. Аксинья, не смотря на страхъ предстоящаго наказанія, готова была лучше перенести его, нежели этотъ позоръ. Она не двигалась съ мѣста и, потупившись, смотрѣла изподлобья на Аннушку.

— А, тебѣ не хочетъ! сказалъ Августъ Карлычъ. Сейчасъ кланяйсь.

— Нѣтъ, не надобно, фатеръ. Такъ прости ее.

— Сейчасъ кланяйсь, кричалъ нѣмецъ, а то больно сѣчь.

Нечего было дѣлать Аксиньѣ: пришлось покориться. Поклонилась она Аннушкѣ, но на сердцѣ чувствовала не раскаяніе, а еще сильнѣйшую злобу.

— Рука цалуй! кричалъ Августъ Карлычъ, топая ногами.

— Нѣтъ, нѣтъ, Аксинюшка, не надо: Богъ тебя проститъ! говорила Аннушка.

— Цаловать! настаивалъ нѣмецъ.

Аксинья ткнулась губами въ руку дѣвушки, и, вся красная отъ стыда и гнѣва, вышла изъ комнаты.

— А все-жъ-таки не женился-же на тебѣ баринъ-

то, не женился-же, не барыня-же, а сиволапая! думала въ утѣшеніи себѣ Аксинья.

— Для чего ты сдѣлалъ это, фатеръ? .. говорила Аннушка. Мнѣ, право, стыдно. Можетъ быть, она мнѣ добра хотѣла.

— Нѣтъ, она хотѣла тебя обидѣть . . . отвѣчалъ Августъ Карлычъ.

— Что-жъ, теперь меня могутъ всѣ обижать . . . мнѣ все равно! . .

— Нѣтъ, никому не позволю обижать тебя! возразилъ добрый нѣмецъ. Ты несчастна, ты страдаешь. . . Тебя обманулъ человѣкъ, который . . . О, Богъ его накажетъ! . .

Весь послѣдній разговоръ шелъ по-нѣмецки, но, по выраженію лицъ, по слезамъ на глазахъ у дочери и у нѣмцевъ, Иванъ Прохорычъ догадался, что дошедшій до него слухъ объ отъѣздѣ Дмитрія Петровича похожъ на правду.

— Правду-ли, Аннушка, что баринъ-то нашъ, Дмитрій-то Петровичъ, уѣхалъ? . . Ты, чу, отъ него писаньице получила.

— Да, батюшка, правда! отвѣчала Аннушка.

— А ты отъ кого-же слышалъ объ этомъ? спросила Амалія Ѳедоровна.

— Э, матушка, какъ не слышать; вся деревня ужъ знаетъ. Даве, днемъ-то, не угодилъ забѣжать: все на полѣ былъ; Аксютка было забѣгала, чтобы объ этомъ видно сказать, такъ я зыкнулъ на нее: ну, подобрала хвостъ, мнѣ-то слова не вымолвила, да видно со злости-то по всей деревнѣ и пустила; да не то, что это одно, а то горько, что всякой кричитъ: вотъ ученая-то дочка не менѣ нашихъ распутничаетъ, а ты думалъ баринъ-то такъ ее и взялъ за себя! Вотъ что горько.

— Ты не вѣрь этому: твоя дочь честная дѣвушка! сказала Амалія Ѳедоровна.

— Радъ-бы, матушка, радешенекъ, не вѣрить, да, вѣдь, всѣмъ глотки не заткнешь. А и то сказать: мудреное дѣло и вѣры-то не дать: самъ въ лѣсу засталъ... Да тогда ровно я очумѣлъ, какъ сталъ онъ — божиться, да клясться, что женится на ней... и въ толкъ не могъ взять, какъ этакому дѣлу быть, а повѣрилъ...

— Онъ женился-бы на мнѣ, батюшка, если-бы я не была...

— Эхъ, дочка, дочка, то-то и есть, что не надо-бы тебѣ никакого ученья, а жила-бы ты у меня дѣвкой деревенской, не знали-бы тебя люди, да за то и горя-бы ты никакого не вѣдала. Не даромъ сложена пословица: „знай сверчокъ свой шестокъ“. Вотъ оно, такъ и есть... Пойдемъ-ка лучше опять ко мнѣ въ деревню: легче тебѣ будетъ, право, легче.

— Пойдемъ ц есть, Аннушка, матушка; полно плакать-то, не убивайся, пойдемъ! подхватила Арина. Опять-бы ты ровно у насъ вѣкъ жила.

— Пожалуй... мнѣ все равно!.. отвѣчала Аннушка равнодушно.

— Какъ, Анхенъ, тебѣ не грѣхъ это говорить? тебѣ не жалко меня оставить? ты ужъ не любишь меня... съ упрекомъ сказала Амалія Ѳедоровна.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, муттеръ... Я не пойду, я люблю тебя... Прости меня.

— А насъ-то что: или мы тебѣ не родные отецъ съ матерью? говорила Арина.

— Полноте, не мучьте ее... Видите: она и то не помнитъ себя отъ горя... Дайте ей успокоиться!.. возразила Амалія Ѳедоровна.

— И то дѣло! пойдемъ, Арина... Ну, Богъ съ тобою, Аннушка... Не тужи, плюнь на него.,. Не хорошій онъ человѣкъ, Дмитрій Петровичъ! сказалъ Иванъ Прохорычъ.

Глава XII.

Бѣда бѣду родитъ.

Около мѣсяца прошло послѣ отъѣзда Дмитрія Петровича, и Аннушка много пережила и перечувствовала въ теченіе этого времени. Первая обманутая любовь совершенно погубила ея нравственное спокойствіе. Напрасно силилась бѣдная дѣвушка увѣрить себя, что Дмитрій Петровичъ не любилъ ее и что онъ не стоитъ ея воспоминанія: сердце говорило другое, и тоска безпрестанно грызла его. Ни на минуту не могла она разстаться съ милымъ образомъ, и постоянная грустная разсѣянность замѣнила прежнюю веселость и спокойствіе.

Не рѣдко заставала ее Амалія Ѳедоровна въ горькихъ слезахъ, въ полузабытьѣ или въ порывахъ страшной тоски, доходившей почти до отчаянія: Аннушка проводила иногда цѣлыя ночи безъ сна, металась на постели, либо бродила взадъ и впередъ по своей комнатѣ. Добрая нѣмка утѣшала ее, но напрасно: Аннушка успокоивалась только по видимому, между тѣмъ какъ въ душѣ ея оставалась та же тоска, то же горе, скрытыя, но тѣмъ болѣе болѣзненныя.

— Анхенъ, позабудь его: онъ, право, не стоитъ твоей любви, онъ вовсе не любилъ тебя! твердила Амалія Ѳедоровна.

— Да, да, муттеръ, я позабуду его... Онъ не любилъ меня! отвѣчала Анхенъ, но между тѣмъ думала:

— Нѣтъ, я не въ силахъ забыть его... Мнѣ оттого и тошно, что онъ тоскуетъ обо мнѣ...

И она не хотѣла бороться съ своими грустными мечтами, она съ какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ предавалась тоскѣ, думая, что сердце ея этой тоской откликается на голосъ сердца ея возлюбленнаго.

— Онъ любилъ меня, думала она, онъ любитъ и теперь. Онъ благороденъ и нисколько не колебался предложить мнѣ свою руку, когда считалъ меня бѣдной нѣмочкой. Не онъ виноватъ, виновата судьба; и не судьба, а я сама: зачѣмъ я позволила себѣ полюбить его; я должна была понять, какая разница между нами, и не увлекаться слѣпымъ чувствомъ... Я должна была тотчасъ-же сказать ему все, и онъ успѣлъ-бы остановить себя во-время, чтобы разлука не могла быть такъ тяжела для насъ... Но я не понимала тогда, что мои родители могли помѣшать нашей любви... я поняла это уже теперь...

И Аннушка все яснѣе и яснѣе представляла себѣ всю неловкость своего положенія.

— Ахъ, Анхенъ, Анхенъ! невольно думала она иногда, зачѣмъ ты полюбила меня, зачѣмъ заставила ты своихъ родителей взять меня изъ деревни, зачѣмъ учили меня тому, чего я вовсе не должна-бы и знать?.. Не лучше-ли бы было мнѣ остаться необразованной крестьянской дѣвкой? тогда я не смѣла-бы и взглянуть на него, а онъ даже и не замѣтилъ-бы меня... Или не лучше-ли бы было мнѣ умереть вмѣсто тебя, Анхенъ? тогда ты осталась-бы

на радость и счастье твоихъ родителей, а я теперь не страдала-бы по крайней мѣрѣ отъ одной той мысли, что я не могу любить твоихъ родителей попрежнему, что я противъ воли своей неблагодарна предъ ними. — Послѣдняя мысль о неблагодарности къ воспитателямъ нерѣдко мучила доброе и благородное сердце Аннушки. — Она насильственно заставляла себя быть ласковѣе къ Амаліи Ѳедоровнѣ, внимательнѣе къ ея хозяйству, къ ея занятіямъ, она думала увѣрить себя, что любитъ свою воспитательницу все по прежнему, или даже еще болѣе. . . Но, сама того не замѣчая, она снова впадала въ прежнюю разсѣянность, мысль ея летѣла къ одному милому образу и сердце ея наполнялось опять исключительно любовьюкъ нему одному.

Аннушка боролась съ собою напрасно: въ ней недоставало силъ, чтобы самой вылечить себя отъ своей болѣзни. Она желала-бы какого-нибудь особеннаго случая, гдѣ-бы могла пожертвовать собою для пользы своихъ благодѣтелей, гдѣ могла-бы показать свою любовь къ нимъ съ самоотверженіемъ. Этотъ случай, казалось ей, представился, когда Амалія Ѳедоровна сдѣлалась больна. Постоянно слабая здоровьемъ, она простудилась и захворала; болѣзнь начала принимать дурной оборотъ, начала развиваться сильная горячка.

Аннушка ни на минуту не отходила отъ больной, проводила около постели ея цѣлыя ночи, не хотѣла успокоиться, несмотря на всѣ убѣжденія. Она находила какое-то особенное удовольствіе мучить себя въ то время, какъ страдала ея благодѣтельница. И чѣмъ опаснѣе становилась болѣзнь Амаліи Ѳедоровны, тѣмъ болѣе и болѣе Аннушка освобождалась отъ своей прежней тоски, отъ исключительныхъ

думъ объ одномъ Дмитріи Петровичѣ; всѣ ея чувства и мысли начали сосредоточиваться на одной больной, она начинала чувствовать, что любовь къ ней снова стала овладѣвать ея сердцемъ: какъ будто-бы болѣзнью своей названной матери Аннушка лечилась отъ своего собственнаго душевнаго недуга. И немудрено, что продолжительныя страданія Амаліи Ѳедоровны, если-бы за ними послѣдовало совершенное выздоровленіе, хотя вполовину изгладили-бы изъ сердца Аннушки грустное воспоминаніе и тоску о первой обманутой любви...

Но вотъ однажды больная успокоилась и какъ-будто заснула; Августъ Карлычъ поспѣшилъ посмотрѣть на работы, которыя давно были оставлены; Аннушка, утомленная безсонными ночами, дремала, сидя на креслахъ около постели Амаліи Ѳедоровны. Вдругъ она чувствуетъ, что кто-то будитъ ее. Аннушка разжимаетъ усталыя вѣки.

— Къ вамъ, барышня, письмо! говоритъ ей горничная съ какой-то особенной улыбкой.

— Отъ кого? спрашиваетъ Аннушка.

— Тужиловской староста пришелъ, спрашиваетъ васъ: видно, отъ Дмитрія Петровича.

Аннушка вспыхнула и затрепетала всѣмъ тѣломъ, взглянула на мать: та спала, или лежала безъ всякаго движенія. Съ замирающимъ сердцемъ вышла она въ прихожую. Здѣсь Яковъ встрѣтилъ ее съ такою же точно улыбкой, съ какою говорила ей о полученномъ письмѣ горничная.

— Къ вамъ письмецо отъ барина Дмитрія Петровича, сказалъ онъ.

— Развѣ Дмитрій Петровичъ пріѣхалъ? робко и дрожащимъ голосомъ спросила Аннушка.

— Нѣтъ, пріѣхать-то онъ не пріѣхалъ, а при-

слалъ ко мнѣ приказъ, да вотъ и къ вамъ-то эту грамотку, и прописываетъ, чтобы я самъ предоставилъ вамъ ее въ руки, а больше никому бы не давалъ ее, то-есть въ чужія руки... Вотъ я такъ и принесъ... Извольте получить.

Анхенъ взяла письмо и позабыла все: и больную мать, и постороннихъ свидѣтелей, и ихъ странныя улыбки, и свое намѣреніе бороться съ напрасною любовью. Она побѣжала въ свою комнату, распечатала письмо, нѣсколько разъ поцѣловала его и начала читать:

„Анхенъ, сокровище, безцѣнная Анхенъ, мое счастіе и несчастіе, моя радость и мое горе — ты все для меня. Я сдѣлалъ надъ собой неимовѣрное усиліе, чтобы уѣхать, не простившись съ тобой, не сказать тебѣ слова любви, не услышать отъ тебя этого слова; я бѣжалъ, не оглядываясь и куда глядѣли глаза, отъ нашей несчастной любви; я пріѣхалъ въ Петербургъ, искалъ здѣсь разсѣянія, удовольствій, думая въ шумѣ столичной жизни погасить мое чувство, но напрасно: вездѣ одна любовь къ тебѣ, одна тоска въ разлукѣ съ тобою, вездѣ мысль и мечты о тебѣ одной. Заклинаю: не думай, чтобы я не любилъ тебя или любилъ меньше прежняго, не считай меня негодяемъ или малодушнымъ за то, что я не женился на тебѣ; въ этомъ случаѣ я страдаю столько-же, сколько и ты; поступивши иначе, я не сдѣлалъ бы тебя счастливою, ты сама стала бы раскаяваться, еслибъ вышла за меня... Съ моей стороны, мнѣ кажется, и то уже большой подвигъ, доказывающій мою волю и мое благородство, что я уѣхалъ отъ тебя, не смотря на всю мою любовь, что я самъ произвольно бросилъ себя въ жертву тоскѣ и скукѣ тяжкой для меня разлуки

съ тобою для того только, чтобы мое присутствіе не растравляло раны души твоей, и чтобы освободить самого себя отъ тѣхъ помысловъ, на которые не могла отвѣчать твоя чистая душа. Слѣдовательно меня нельзя считать ни подлецомъ, ни малодушнымъ, точно также, какъ нельзя думать, чтобы я не любилъ тебя. Пишу это не изъ самолюбія, но для того, чтобы-ты не составила обо мнѣ ложнаго убѣжденія, чтобы ты сохранила въ сердцѣ своемъ по крайней мѣрѣ добрую память обо мнѣ, если не можешь сохранить любви. Но неужели ты позабудешь и разлюбишь меня, моя ненаглядная Анхенъ? . . Въ тебѣ такъ много прекраснаго, такъ много возвышеннаго, что я преклоняюсь предъ тобой: ты любила меня, тебѣ было тяжело разстаться, но ты не согласилась бѣжать со мной, боясь прогнѣвать Бога, оскорбить родителей. — Сначала я винилъ тебя за это, видѣлъ въ твоемъ поступкѣ недостатокъ любви ко мнѣ, но теперь я уважаю тебя за этотъ подвигъ! я вижу въ немъ твою чистую, непорочную душу. И ты не ошиблась, Анхенъ, полюбивши меня: моя любовь не уступитъ твоей, и моя душа не совсѣмъ порочна, когда я могу понимать и уважать чистоту и невинность твоего сердца. . . Анхенъ, Анхенъ, помни: протекутъ, можетъ быть, годы, мы не встрѣтимся, но любовь моя не погаснетъ. . . Отчего же мы не можемъ соединиться на вѣки, отчего я долженъ сказать тебѣ . . . грустное „прощай!“ . . . Забудь меня, Анхенъ, не грусти, не жалѣй обо мнѣ, я умоляю тебя: оставь грусть и тоску мнѣ одному.

Твой навсегда Дмитрій.“

„P. S. Я кончилъ это письмо, и невольно спрашиваю себя: зачѣмъ я написалъ его? . . Но мнѣ

хотѣлось высказаться предъ тобою, защитить себя отъ дурнаго мнѣнія, мнѣ теперь какъ будто легче. . . Забудь-же меня, Анхенъ“. . .

И въ самомъ дѣлѣ, для чего ты написалъ письмо это, молодой человѣкъ? . . Не лучше-ли бы было дать забыть о себѣ, не тревожить сердца неопытной дѣвушки воспоминаніемъ, не лучше-ли бы было, еслибъ она даже составила о тебѣ дурное понятіе? . . можетъ быть, это скорѣе помогло-бы ей исцѣлиться отъ напрасной любви, отъ тяжкихъ страданій? . .

Бѣдная Аннушка! Она прочла письмо и не замѣтила въ немъ ни противорѣчій, ни легкомыслія, ни ложнагоувлеченія, ни пустаго самолюбія. Она въ каждой строкѣ видѣла любовь, благородство, возвышенную душу, и чувствовала, что любила Дмитрія Петровича еще болѣе, нежели прежде, потому-что начала уважать его.

— Какъ онъ уменъ, какъ благороденъ и какъ любитъ меня! думала Аннушка, читая и перечитывая дорогое для нея посланіе. И какъ я позволяла себѣ иногда думать, что онъ не таковъ? Нѣтъ, нѣтъ, онъ всегда былъ благороденъ, онъ всегда любилъ меня!

И она начинала вспоминать прошедшее: предъ воображеніемъ ея возставали всѣ мельчайшія подробности того времени, когда они были такъ счастливы взаимнымъ сочувствіемъ. Улыбка играла у ней на устахъ, взоръ свѣтлѣлъ, на сердцѣ было отрадно.

И все это прошло и не возвратится . . . Въ письмѣ его нѣтъ ни одного намека на скорое свиданіе! . . да и къ-чему оно? Прощай, прощай! . . Но ты напрасно просишь: я никогда не забуду тебя. . .

Душою Анхенъ начинала овладѣвать прежняя

тоска, прежнее отчаяніе . . . Аннушка сначала плакала, цѣловала письмо, прижимала его къ груди, потомъ ломала руки, готова была рвать на себѣ волосы, металась по комнатѣ въ страшномъ волненіи и тоскѣ, наконецъ въ головѣ ея все спуталось, она бросилась на стулъ и впала въ полу-забытье. Она сидѣла ничего не думая, ничего не помня, и чувствовала только боль въ сердцѣ и груди, когда въ ея комнату вошла горничная съ озабоченнымъ лицемъ, и сказала, что Амаліи Ѳедоровнѣ что-то очень нехорошо.

Аннушка вздрогнула, испугалась, и, не поднимаясь со стула, смотрѣла во всѣ глаза на горничную.

— Барышня, не слышите что-ли? говорятъ вамъ, Амалія Ѳедоровна больно нехороша.

Аннушка вскочила, какъ изступленная. и бросилась въ комнату матери. Больная, вся въ жару, металась на постели и говорила какія-то дикія, иесвязныя рѣчи.

— Муттеръ, что съ тобой? скажи мнѣ! спросила Аннушка совершенно растерявшись.

Но горничная дернула ее за платье.

— Не говорите теперь ничего, шепнула она, а то испугаете: хуже будетъ.

— Господи, что-же мнѣ дѣлать? гдѣ отецъ? пошлите за нимъ скорѣе. . . Господи, спаси ее! говорила бѣдная дѣвушка, ломала руки и бросилась на колѣни предъ Распятіемъ.

Явился Августъ Карлычъ, но растерялся не менѣе дочери. Впрочемъ бредъ у больной прекратился вскорѣ самъ собою; послѣ него она впала въ безпамятство, которое продолжалось нѣсколько часовъ сряду.

Къ вечеру пріѣхалъ докторъ изъ города. Онъ показался Аннушкѣ ангеломъ-утѣшителемъ, но, посмотрѣвъ на больную, сказалъ только, что надобно ждать кризиса, хотя по лицу его и видно было, что онъ не ждалъ ничего добраго отъ этого кризиса.

— Неужели она такъ опасна? спросила Аннушка съ испугомъ, прочитавши на лицѣ доктора нерадостную вѣсть.

— Нѣтъ, ничего, ничего: надобно ждать кризиса! повторилъ онъ; дайте бумажки: я пропишу рецептъ.

Нѣсколько дней провела Аннушка, не отходя отъ постели больной, и совершился-ли съ послѣдней ожидаемый докторомъ кризисъ, или нѣтъ, она не знала, но замѣчала, что Амаліи Ѳедоровнѣ было все хуже и хуже. Въ бреду она начала безпрестанно поминать свою умершую Анхенъ, говорила, что скоро увидится съ нею, а въ свѣтлыя минуты болѣзни признавалась, что чувствуетъ себя очень слабою. Однажды она подозвала къ себѣ Августа Карлыча, взяла его за руку и сказала ему:

— Если я умру, Августъ, весь мой гардеробъ и все, что мнѣ принадлежало, что ты считаешь моимъ, отдай Анхенъ . . . Не оставь ее и постарайся пристроить въ хорошій домъ, гувернанткой . . . А ты, Анхенъ, продолжала она, прости меня, что я учила тебя . . . Я думала, что сдѣлаю для тебя чрезъ это большое счастіе, но, можетъ быть, и кажется, ошибалась . . . Тебѣ бы лучше ничего не знать и остаться у твоихъ родителей . . . Впрочемъ, мой ангелъ, люби Бога, молись Ему, и я буду молиться за тебя . . . Онъ милостивъ . . . Старайся позабыть Дмитрія Петровича . . . если можешь. . .

Августъ Карлычъ и Аннушка плакали, слушая

больную, и успокоивали ее, подавая надежду на жизнь . . . Она отвѣчала грустной улыбкой.

— Господи, неужели я лишусь и ея? думала Аннушка. Что-же будетъ со мной? . . — И она не смѣла давать свободу своей мысли, она боялась прежде времени рѣшать страшный вопросъ, который задавала себѣ.

Чрезъ нѣсколько времени Амаліи Ѳедоровны не стало.

Августъ Карлычъ послѣ смерти жены какъ будто обезумѣлъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ умерла половина его существа. Онъ стоялъ надъ тѣломъ жены, молча, безъ слезъ, безъ движенія; казалось, сначала онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ случившемся, не сознавалъ что дѣлалъ, не понималъ что ему говорили; потомъ онъ началъ плакать, сдѣлался унылъ, мраченъ, раздражителенъ.

Аннушка, напротивъ, сначала предавалась страшному отчаянію, рыдала, рвалась къ трупу, кричала изступленнымъ голосомъ, потомъ, когда похоронили Амалію Ѳедоровну, впала въ совершенную апатію ко всему окружающему, какъ будто сказала себѣ: для меня теперь все кончено! . . .

Арина не разъ навѣщала дочь, и, замѣчая ея тоску, утѣшала ее, но Аннушка ни слова не отвѣчала матери, какъ будто не слыхала ея голоса. Арину оскорбляло такое равнодушіе.

— Да что, Аннушка, что ты больно убиваешься-то? вѣдь, слава-те Господи, не родные отецъ съ матерью умерли, не круглая сирота осталася . . . говорила Арина съ полу-упрекомъ.

— Она была мнѣ второй матерью . . . отвѣчала дѣвушка.

— Ну, вотъ тебѣ-на! экое дѣло, подумаешь!

что она тебѣ сдѣлала особливо-то?.. Ученье-то, такъ и безъ ученья жила-бы, да жила у насъ, еще лучше-бы было, а то что вотъ ты теперь и съ ученьемъ-то своимъ станешь дѣлать... Она брала тебя у насъ, — обѣщалась все состояніе тебѣ предоставить, замужъ выдать...

— Полно, матушка, ради Бога, не говори объ ней такъ... Она моя благодѣтельница... — Аннушка плакала.

— Ну, ну, кто говоритъ: добрая была душа!.. замѣчала Арина, тронутая слезами дочери. — Аннушка, продолжала она ласково и заискивающимъ голосомъ, хочу я тебя спросить: что она, покойница, дай ей Богъ царство небесное, хоть и нѣмка была, предоставила-ли она тебѣ что на поминъ души-то своей?

— Я и безъ того ее не забуду, матушка.

— Да нѣту... Вѣдь, чай, что нибудь да отказала она тебѣ опосля себя... изъ платья, али изъ денегъ?..

— Не знаю, матушка... Мнѣ ничего не нужно.

— Какъ-таки не нужно, дочка?.. Нутка, жила, жила у нихъ, да ничего и не выжила... Тоже, вѣдь, чай, угождала имъ, своего роднаго дома лишилась... Все-бы ей надо хоть что-нибудь тебѣ-ка оставить... А и ты?.. ну-ка и впрямь: ничего не надо! Коли что дали, такъ и слава Богу: ты это смѣкай!

— Польно, матушка!.. не говори объ этомъ...

— Да какъ не говори? свой рубль есть, такъ все лучше: ни у кого не просишь. Ну-ка, какъ-бы насъ у тебя не было, куда-бы ты приклонила свою головушку: а, вѣдь, ужъ тебѣ здѣсь не стать оставаться, молодой дѣвкѣ... Завтра отецъ-отъ хотѣлъ

придти тебя отъ нѣмца-то къ себѣ требовать... ужь тебѣ больше здѣсь дѣлать нечего.

— Что-же я стану у васъ дѣлать?.. отпустите меня лучше въ гувернантки.

— Въ какія это?.. и не выговоришь! Что ты это хочешь дѣлать, куда еще идти?

— Я наймусь къ какому-нибудь помѣщику дѣтей учить...

— Полно-ко, чтой-то еще выдумала? твое-ли это дѣло? много-ли самой-то годочковъ, а дѣтей хочешь учить... Да и опять въ чужомъ домѣ жить, на срамотѣ, да на терзаньѣ.... Полно-ко, полно, Аннушка, что тебѣ?.. не перечь отцу: онъ крѣпко надумалъ взять тебя. Отдадимъ мы тебѣ свѣтелочку, будешь ты жить у насъ ровно птичка въ клѣткѣ, ни до чего я тебя не допущу... ровно барышня будешь у насъ въ холѣ, да покоѣ... Право, Аннушка, косатушка, не отнѣкивайся!..

— Пожалуй, мнѣ все равно... я пойду и къ вамъ!..

— Да чтой-то, мать моя, побойся хоть Бога-то, неужто ужъ мы не родные тебѣ отецъ съ матерью стали?.. Какъ-таки тебѣ все равно, что въ чужомъ домѣ, что у насъ жить?..

— Не сердись, матушка... Я люблю васъ попрежнему...

Аннушка глубоко, тяжко вздохнула.

— Ну то-то, то-то, моя голубка, вѣдь, я не то, что отъ сердцовъ... Не дочь что-ли ты намъ и всамъ-дѣлѣ?.. Поживи-ко у насъ, — такъ, пра, слюбится въ родномъ-то тепломъ гнѣздышкѣ, у матери у родной подъ крылышкомъ.

— Да, матушка, да! мнѣ у васъ лучше будетъ: совсѣмъ-бы мнѣ не надо и разставаться съ вами!

— Ахъ ты, моя золотая! любезная ты моя!.. кажись только и свѣту-то у меня въ очахъ, что ты... Да какъ ты у насъ жить-то будешь, ровно праздникъ свѣтлой придетъ къ намъ... Побѣгу къ отцу, скажу, чтобы шелъ, просилъ тебя и не откладывалъ. Какъ ты хошь живи у насъ: въ книжку-ли читать, рукодѣльеце-ли какое — вся твоя воля, ни до какой работы тебя не доведу.

Арина приголубливала, ласкала Аннушку по-своему, и, простившись съ нею, побѣжала къ мужу сообщать свою радость, а Аннушка между тѣмъ думала:

— Да, мнѣ должно возвратиться къ своимъ родителямъ, въ свое прежнее состояніе... Мнѣ теперь все равно: я все потеряла... Это остались единственные люди, которые искренно любятъ меня. Я буду жить для нихъ!..

Но злая тоска снова нахлынула на сердце Аннушки, мысли ея смѣшались, она впала въ прежнюю апатію.

Иванъ Прохорычъ пришелъ къ Аннушкѣ, очень довольный ею за согласіе переселиться къ нимъ.

— Спасибо тебѣ. дочка, говорилъ онъ, не позабыла ты родныхъ своихъ отца съ матерью, не побрезгавала нами: опять хочешь съ нами жить, насъ, стариковъ, на старости лѣтъ успокоить. Подь, матушка, подь къ намъ. не раздумывай: много ужъ ты на своемъ вѣку помаялась оттого, что своей крови отшатнулась; коли и грѣхъ на душу съ бариномъ взяла, такъ все отъ этого... Ну, теперь тебя Богъ проститъ; коли не забыла ты отца съ матерью, Господь не оставитъ тебя своей милостью Божеской...

Аннушка равнодушно слушала эти привѣтствія старика-отца; на мгновеніе, правда, пробудились въ

ней чувство нѣжной любви къ родителямъ, порывъ готовности жить съ ними и для нихъ, но они погасли очень скоро, и опять ей было — все равно!

— Какъ-же бы мнѣ управителя-то повидать? спросилъ Иванъ Прохорычъ.

— Сейчасъ я позову! отвѣчала Аннушка.

— Ты ничего не говорила ему, что къ намъ-то хочешь идти?

— Нѣтъ.

— Ну такъ ладно, я самъ попрошу, чтобы отпустилъ тебя.

— Что тебѣ? спросилъ Кнабе Ивана Прохорыча.

— А вотъ, батюшка, за дочкой пришелъ: ужъ теперь ей у твоей милости нечего дѣлать, да и жить дѣвкѣ одной не приходится, такъ къ себѣ въ домъ хотимъ получить.

— Нѣтъ, не надо! Зачѣмъ?

— Какъ-же, батюшка? гдѣ-же она и проживать будетъ, коли не у насъ?

— Она въ гувернанки идетъ.

— Это ребятъ-то учить?.. сказывала мнѣ моя баба... Нѣтъ, батюшка, куда ужь ей... Вѣдь, это, чай, опять въ чужихъ людяхъ жить?..

— Да, у помѣщикъ!..

— Куда-же ей искать ихъ идти, да и кто ее возьметъ, крестьянскую дѣвку.

— Ничего... я буду искать!..

— Нѣтъ, родной, нѣтъ!.. пусть поживетъ у насъ: и то мы ее съ-изmаленька не видали, а она у насъ одна дочка-то, ровно свѣтъ въ глазу... Не замай, пусть поживетъ: можетъ и легче будетъ... Мы, вѣдь, ее не будемъ больно работой-то принуждать...

— Иванъ, глупость! .. она ничего не знаетъ теперь, какъ у васъ . . . Ей скучно будетъ . . .

— Ну, а коли опротивитъ жить у отца, матери, коли шибко возьметъ тоска — Богъ съ ней, держать не будемъ: куда хошь иди, на всѣ на четыре стороны . . . А, кажись-бы, не надо такъ . . . Вотъ изъ своего рода-то вышла, такъ много-ли радости-то видѣла? .. Да и что дѣвкѣ по чужимъ людямъ шляться . . . только до грѣха! ..

— Иванъ, ты ничего не понимаетъ? .. Ну, не хочешь гувернантка, пусть у меня живетъ . . .

— Нѣтъ, батюшка, это не приходится . . .

— Отчего?

— Да помилуй, при комъ-же она теперь будетъ жить?

— Я здѣсь. . .

— Да что-же? нѣтъ, это нейдетъ: она дѣвка молодая . . . мало-ли что люди скажутъ.

— О, дуракъ! .. Я не отпускаетъ! закричалъ раздражившійся Августъ Карлычъ.

— Какъ-же не отпускаешь? да она сама такое желаніе имѣетъ, чтобы съ нами жить.

— Какъ, Анхенъ, спросилъ Августъ Карлычъ по-нѣмецки, ты не хочешь жить со мной?

— Мнѣ все равно!

— Какъ, тебѣ все равно? тебѣ не жаль меня? .. я буду совсѣмъ одинъ . . . Нѣтъ, Анхенъ, нѣтъ Амаліи, и ты уйдешь . . . Я привыкъ къ тебѣ . . . Тебѣ все равно! .. Ну, Богъ съ тобой . . . говорилъ Августъ Карлычъ. Бери ее! прибавилъ онъ, обращаясь къ Ивану Прохорову, и, закрывши лицо руками, пошелъ вонъ изъ комнаты.

— Фатерь, я не уйду, я останусь съ тобой! говорила вслѣдъ ему тронутая дѣвушка.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо . . . Я буду одинъ.

— Батюшка оставь меня здѣсь! мнѣ его жалко!

— Полно-ко, полно, дочка, а что-же мы-то не родные тебѣ? Насъ-то не жалко, что-ли? . . Собирайся-ка, собирайся, благо отпускаетъ. . .

Аннушка плакала.

— Слышь-ли? говорилъ Иванъ Прохорычъ. Собирайся, да пойдемъ.

— Хорошо! отвѣчала Аннушка и отерла слезы.

Часть вторая.

Хоть шуба овечья, да душа человѣчья.

Глава I.

Семейство Ивана Прохорыча.

У Ивана Прохорыча и Арины кромѣ Аннушки былъ еще сынъ — Зосима, лѣтъ 28. Онъ былъ уже женатъ, имѣлъ двухъ маленькихъ сыновей, но жилъ съ отцомъ въ одномъ домѣ. Отецъ не хотѣлъ отдѣлить его, и имѣлъ на то основательныя цричины. Зосима, обыкновенно угрюмый, молчаливый и покорный отцу, подъ-часъ шибко запивалъ, и тогда ему все было, какъ говорится, трынъ-трава. Пропадаетъ дня два, три, неизвѣстно гдѣ, пропьетъ все, что есть на немъ, и потомъ придетъ домой, какъ ни въ чемъ не бывало: отецъ побранитъ, иной разъ и поколотитъ его, Зосима повинится и снова принимается за свое дѣло, пока не найдетъ на него прежній стихъ, какъ выражалась Арина. Эти стихи нападали впрочемъ на Зосиму не часто, можетъ быть оттого, что онъ боялся отца и не имѣлъ у себя никогда денегъ: ему ихъ не давали въ руки. Напивался онъ такъ, ни съ-того, ни съ-сего, безъ всякой основательной причины, ни къ празднику, ни съ радости, ни съ горя, а точно вдругъ ему ѣсть захочется: пойдетъ, да и напьется. Пьяный онъ рѣдко приходилъ домой, а

если случалось это, такъ ужъ откуда слова берутся: веселый, разговорчивый, и отцу не оченъ уступитъ, когда тотъ вздумаетъ пошугать его.

Въ трезвомъ видѣ Зосима роботалъ, какъ медвѣдь, но, повидимому, не принималъ никакого участія въ домашнихъ дѣлахъ и интересахъ, какъ будто они были для него совсѣмъ посторонніе, а онъ только исправный наемный работникъ. Въ судьбѣ Аннушки онъ точно также не принималъ никакого участія: ее отдали нѣмцамъ на воспитаніе, потомъ нѣмцы взяли ее къ себѣ въ дочки, потомъ онъ слышалъ, что баринъ горланихской хочетъ жениться на ней, наконецъ отецъ съ матерью поговариваютъ о томъ, чтобы взять Аниушку опять къ себѣ въ домъ, — на все это Зосима смотрѣлъ совершенно равнодушно, какъ будто дѣло нисколько его не касалось. Онъ видѣлъ Аннушку ребенкомъ, видѣлъ потомъ ее дѣвушкой, сначала она ходила грязная, босикомъ, чуть не въ рубищѣ, говорила, какъ всѣ деревенскія дѣвчонки, потомъ стала одѣваться и говорить, какъ настоящая барышня, — Зосима точно и не замѣчалъ этихъ перемѣнъ, а если и замѣчалъ, то онѣ нисколько его не интересовали. За то, бывало, пьяный, встрѣчному и поперечному разсказываетъ, какая у него сестра красавица, умная, да ученая, какъ будто онъ только и думалъ, что о ней одной.

Жена Зосимы, Александра, была совершенная противоположность мужу: у ней только и заботы было, что чужія дѣла; она гораздо больше интересовалась ими, нежели своими собственными. Въ судьбѣ Аннушки она принимала живѣйшее участіе, да то бѣда, что ни Иванъ Прохорычъ, ни даже Арина, не слушали болтливой бабы, не принимали ея совѣтовъ, даже не спрашивали ея мнѣнія и не раз-

сказывали ничего о томъ, что ихъ особенно волновало и занимало. Александра имѣла необыкновенную способность надоѣдать своею болтливостью и навязчивостію. Къ Аннушкѣ она чувствовала какое-то слѣпое уваженіе и нѣкоторую зависть.

Арина, ожидая прихода дочери, суетилась, приготовляя для нея помѣщеніе въ сѣнникѣ или свѣтелкѣ: выносила оттуда всякую дрянь и хламъ, мыла, выметала, какъ будто ждала къ себѣ какой дорогой и небывалой гостьи. Александра безпрестанно навязывалась къ ней съ своими услугами и совѣтами.

— Матушка, а матушка! говорила она, не лучше-ли будетъ Аннѣ-то Ивановнѣ за перегородкой въ избѣ? Оно, хошь не такъ чистенько, да все къ намъ поближе будетъ, а здѣсь ну-ка ей одной черезъ сѣни-то жить: вѣдь, страшно, чай!..

— Полно-ка, Александра, какое ужъ ей дѣло за перегородкой жить: одни твои ребятишки такъ одолятъ, а здѣсь она сама себѣ хозяйка.

— Такъ какъ же она зимой-то будетъ въ сѣнникѣ-то жить: вѣдь, чай, холодно будетъ безъ печки-то?..

— Отступись-ка, Александра; ну, неужто ужь мы заморозимъ ее? Отецъ-отъ печку хотѣлъ сдѣлать.

— То-то! развѣ что печку-то... Ну, а какъ печку-то станутъ дѣлать, такъ гдѣ же она будетъ,— чай, за перегородкой же?

— Эхъ, отстань ты мнѣ: ну, вѣстимо, недѣлю другую перебьется за перегородкой...

— То-то, и я, молъ, тоже, а то куда-же больше...

— Что ты не посмотришь въ печку-то? вотъ перебираешь здѣсь языкомъ-то, а дѣла не дѣлаешь, а тутъ они подойдутъ: либо не допрѣетъ, либо перепрѣетъ что... Пирогъ-отъ, чай, не высадила?

— Нѣтъ еще: не угодила!

— То-то не угодила! дѣла-то, вишь ты, много больно: языкомъ-то молоть . . . Подь-ка, подь, высади, докудова не пригорѣлъ.

Александра ушла въ избу, высадила изъ печки пирогъ, который успѣлъ уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пригорѣть, и тотчасъ же отправилась за ворота смотрѣть, нейдетъ ли Аннушка. Долго стояла она, глазѣя безъ всякой надобности во всѣ стороны, наконецъ завидѣла вдали Ивана Прохорыча съ дочерью, и опрометью бросилась въ избу, чтобы сказать Аринѣ, что идетъ ея Аннушка. Потомъ она заметалась по избѣ, какъ угорѣлая, переставляя съ мѣста на мѣсто разную посуду, передергивала на себѣ сарафанъ, подправляла волосы и перевязывала платокъ, словомъ, такъ была озабочена ожиданіемъ гостьи, какъ будто была главный членъ въ семействѣ и Аннушка шла прямо къ ней.

Въ то же время Зосима, призванный съ поля, ради такого важнаго событія въ домѣ, былъ совершенно равнодушенъ, и когда жена, прибѣжавши въ избу, нѣсколько разъ повторила ему, что Аннушка идетъ, онъ ничего не отвѣчалъ, а когда она, чтобы возбудить его вниманіе, толкнула его въ плечо со словами: слышь-ли, Аннушка идетъ, — онъ произнесъ только протяжное: „ну?“

Когда Аннушка согласилась идти жить къ отцу, она почти не думала о своемъ намѣреніи. Она была такъ измучена, такъ устала, что даже безъ особеннаго сожалѣнія оставляла тотъ домъ, въ которомъ провела самые лучшіе годы жизни и имѣла такъ много искреннихъ привязанностей. Выходя изъ этого

дома, въ самыхъ послѣднихъ дверяхъ, она встрѣтилась съ Аксиньей, которая съ злобной улыбкой посмотрѣла на нее, и, не смѣя ничего говорить при Иванѣ, удовольствовалясь тѣмъ только, что толкнула Аннушку, какъ бы ненарочно. Этотъ толчекъ и злобный взглядъ Аксиньи возбудилъ въ Аннушкѣ мысль, что она оставляла въ томъ домѣ только одну ненависть къ себѣ.

— Что же? я лучше дѣлаю, что ухожу отсюда, думала она: здѣсь меня уже никто не любитъ . . . я опять сдѣлаюсь крестьянкой, и, можетъ быть, буду счастливѣе . . .

Когда они шли черезъ деревню, многія бабы, по чутью, или по слуху узнавшія, въ чемъ дѣло, высовывали свои головы сквозь окошки, другія выбѣгали за ворота и съ любопытствомъ смотрѣли на Аннушку. Нѣкоторыя подходили къ Ивану съ вопросами:

— Что Иванъ Прохорычъ, али дочку-то опять къ себѣ берешь?

— Да! отвѣчалъ онъ.

— Такъ! . . Вѣдь, чай, тебѣ, Аннушка . . . Анна Ивановна, не больно хочется послѣ экой-то жизти, да въ деревенскую-то избу? . .

— Да что ей не хотѣться-то? вѣдь, чай, въ родной домъ-отъ идетъ, не въ чужой? . . возразилъ Иванъ съ неудовольствіемъ.

— Знамо дѣло, батька, да все ужъ ей не такая жизнь-то будетъ теперь, какъ тамъ . . .

— Ну, полноте вы! кто васъ спрашиваетъ? . . не въ свое-то дѣло суются . . . прямыя бабы . . . до всего имъ дѣло! Подите . . . Что вамъ тутъ?

Арина встрѣтила дочь съ распростертыми объятіями и слезами.

— Ахъ, ты, болѣзно мое дитятко, говорила она, обнимая ее, ахъ, ты дочка моя любезная, на-силу-то ты опять къ намъ воротилася, на-силу дождалась я тебя, мое красно солнышко . . . Подь, подь къ намъ, родная: будетъ ужъ, намаялась ты на своемъ вѣку, будетъ съ тебя, поживи-ка у насъ, да дай Богъ радости . . . Вонъ, вѣдь какая, ровно спичка стала: исхудала какъ . . . Подь, матушка! . .

Чувствительное сердце дѣвушки тронули эти ласки материнской любви, хотя и облеченныя въ грубую форму: ей сдѣлалось какъ будто полегче на душѣ: она могла весело улыбнуться въ отвѣтъ на слова матери.

— Здорово, Аннушка! сказалъ Зосима, подходя къ сестрѣ и вытирая рукавомъ губы. Онъ крѣпко поцѣловался съ нею, и въ глазахъ его на этотъ разъ сверкнуло чувство искренней теплой любви къ сестрѣ, но онъ больше не сказалъ ни слова, и, снова вытерши губы рукавомъ, отошелъ прочь, впрочемъ скоса посматривалъ на Аннушку.

— Здравствуйте, Анна Ивановна! заговорила наконецъ и Александра, цѣлуясь съ Аннушкой.

Давно уже стояла она около нея, переминаясь съ ноги на ногу и ожидая своей очереди, чтобы поздороваться съ нею.

— Ну, вотъ и опять къ намъ, продолжала она: милости просимъ, гостья желанная! Просимъ насъ любить, да жаловать, Анна Ивановна; на нашемъ необразованьѣ не обезсудьте, а мы васъ вотъ какъ, всей душой желали! . .

— Зачѣмъ ты, сестрица зовешь меня Анной Ивановной? Зови просто: Аннушкой . . .

— Какъ можно, сестрица! отвѣчала Александра, поддѣлываясь подъ тонъ Аннушки, какъ можно? Вы

у насъ такая ученая, да умная, а я-то что? какъ есть дура, — крестьянка необразованная.

— Я сама такая же крестьянка, какъ ты.

— Какъ можно, что вы это?.. Насъ ужъ не осудите, каковы есть, а то это, какъ можно!.. И смотрѣть-то на васъ, такъ изъ-подъ ручки надо, а мы что?..

Александра желала порисоваться передъ Аннушкой.

Сверхъ прочихъ своихъ качествъ она имѣла стремленіе къ цивилизаціи и зналась преимущественно съ дворовыми женщинами: въ настоящемъ случаѣ она старалась говорить какъ можно краснорѣчивѣе, и, вѣроятно, долго бы не кончила своей рѣчи, если бы ее не остановила Арина.

— Нука-ка, полно, Александра, перестань: тебя, вѣдь, не переслушаешь, сказала она. Подай-ко вотъ лучше пирожка, да аладушекъ нашей-то гостьюшкѣ дорогой... Садись-ко, матушка, Аннушка, садись, родная, вотъ сюда, говорила Арина, усаживая дочь на почетное мѣсто подъ образами... На-ка вотъ, покушай пирожка-то на доброе здоровье...

— Нѣтъ, матушка, я не хочу.

— А что? али не по скусу... Ну, такъ вотъ аладецъ-то поѣшь, славныя аладьи, — сама про тебя пекла.

— Право, матушка, мнѣ ничего не хочется ѣсть.

— Что-йто это?.. А ты привыкай къ нашей-то ѣдѣ, какъ быть-то! попала къ намъ, такъ надо при-привыкать...

— Да я, матушка, не оттого не ѣмъ, а что-же дѣлать: мнѣ не хочется!..

— Ну, ну, ладно; вѣдь я такъ только... Ну, не хошь теперь, послѣ, коли захочется, попроси...

вѣдь, мнѣ только-бы ѣлось на здоровье, а то, вѣдь, не жаль: избави Господи . . .

— Вотъ я лучше племянника поподчую! сказала Аннушка. Калистратушка, поди-ка сюда.

Но мальчишка дичился мало знакомой гостьи и не шелъ на ея зовъ, закрываясь рукавомъ рубашенки, хотя и съ жадностью смотрѣлъ на пирогъ и блины.

— Что-же ты нейдешь, дурашка, къ тетѣ? заговорила Александра. Поди. Вишь, она у насъ какая добрая . . . Ужъ не осудите, сестрица, продолжала она, обращаясь къ Аннушкѣ и вытирая носъ сыну, вѣдь у насъ дѣти деревенскія . . . Вишь, какъ перепачкался: цѣлый день то и дѣло, что жуетъ, да въ грязи валандается . . . Что дѣлать-то? гдѣ намъ ума-то взять? . . Поди-же, поди къ тетѣ . . .

Мальчишка подошелъ къ Аннушкѣ бокомъ. Она дала ему пирога, приласкала его, хотѣла было взять къ себѣ на колѣни, но ребенокъ былъ весь грязный, и ее, привыкшую къ опрятности, это взволновало, впрочемъ она пересилила непріятное чувство и посадила мальчика къ себѣ на колѣни.

— Погоди, ты будешь меня любить! сказала она.

— Какъ ему не любить тебя, сестрица: вы такія умныя, да ученыя . . . Поучите и его когда своимъ наукамъ! сказала Александра.

— Полно-ко, мелево, возразилъ Иванъ Прохорычъ. Какія еще ему науки! живетъ и безъ нихъ! Нау́ки-то не всякому даются, а кому и даются, такъ не всегда до добра доводятъ.

Эти слова многое напомнили, многое возбудили въ душѣ Аннушки: она задумалась.

— Полно-ко, доченька, объ чемъ еще задумалась? . . не думай-ка лучше ни объ чемъ, такъ и на сердцѣ-то веселѣе будетъ! сказала Арина.

Аннушка принужденно улыбнулась.

Весь этотъ день ея не оставляли Арина и Александра.

Она насильно поддерживала съ ними разговоръ до тѣхъ поръ, пока не пришло время ложиться спать. Ее отвели тогда въ назначенную для нея свѣтелку. Изъ всѣхъ вещей Аннушки перенесена была отъ управителя только одна ея кровать съ постелью, и она заняла половину комнатки.

— Вишь, какъ у тебя хорошо здѣсь! говорила Арина, осматриваясь: право, ровно комнатка стала Ложись, матушка, ложись, родная! Чай, хочется спать-то. Вотъ и я здѣсь лягу на лавкѣ: все тебѣ на первый-то разъ не такъ боязно будетъ.

— А то инъ, пожалуй, я лягу, а ты, матушка, въ избѣ ложись! подхватила Александра.

— Отступись, Александра! Кто тебя спрашиваетъ? у тебя свои ребята есть — ну, и знала-бы ихъ . . .

— Матушка, не безпокойся и ты, я не боюсь и одна остаться! говорила Аннушка.

Она чувствовала себя измученной, усталой. Отъ насилія надъ собою впродолженіе цѣлаго дня и отъ духоты въ избѣ у ней разболѣлась голова: ей хотѣлось поскорѣе броситься въ постель и стараться заснуть, не думая ни о чемъ.

Арина не оставляла Аннушку, но, уложивши ее въ постель, сѣла около нея, начала гладить голову и спину дочери, и готова была баюкать ее, какъ маленькую. Но какъ ни были нѣжны и искренни ласки Арины, Аннушкѣ хотѣлось поскорѣе остаться одной, поскорѣе заснуть, и она ни слова не отвѣчала матери.

Арина, наконецъ, улеглась на лавкѣ въ той-же

свѣтелкѣ и тотчасъ-же уснула, но сонъ бѣжалъ отъ глазъ Аннушки: воображеніе противъ ея воли рисовало предъ предъ нею картины прошедшаго, душа ныла, а нѣжное тѣло ея страдало отъ мухъ и другихъ непримиримыхъ враговъ спящаго человѣка, отъ которыхъ Аннушка давно уже отвыкла въ домѣ своихъ благодѣтелей. Безсонница мучила ее и голова ея горѣла: она не могла болѣе оставаться въ постели, и, накинувши на себя первое, что попалось подъ руку, вышла на улицу, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ . . . Былъ августъ мѣсяцъ, ночь темная, дулъ холодный осенній вѣтеръ, въ воздухѣ — сырость . . . Но Аннушка безбоязненно открывала свою голову и грудь: она не думала о томъ, что можетъ простудиться и заболѣть, она, можетъ быть, даже хотѣла-бы этого . . .

Цѣлую ночь ходила Аннушка взадъ и впередъ подъ окнами своей избы, безъ цѣли, безъ опредѣленной мысли и чувства. Начало уже свѣтать . . . Усталость овладѣвала членами дѣвушки, и она хотѣла идти опять въ избу, какъ вдругъ замѣтила, что кто-то потихоньку сошелъ съ крылечка и началъ смотрѣть во всѣ стороны: это была Александра. Аннушка пошла ей на встрѣчу:

— Ахъ, сестрица! сказала Александра шепкомъ и съ лукавымъ выраженіемъ лица. А я встала, да тотчасъ и пошла посмотрѣть на васъ; смотрю, а васъ и нѣтъ . . .

— Мнѣ не спалось, такъ я вышла погулять на воздухѣ.

— Ну, ну! я, вѣдь матушку-то нарочно не разбудила: ничего, никто не видалъ! . . Я, вѣдь, сестрица, никому не скажу . . . продолжала Александра также шепкомъ и съ тѣмъ же лукавымъ выраженіемъ лица.

Очевидно было, что она что-то подозрѣвала, что именно, она и сама хорошенько не знала, но по ея понятіямъ дѣвушка даромъ не пойдетъ ночью на улицу.

Аннушка поняла это подозрѣніе и оскорбилась, но не сказала ни слова.

Между тѣмъ Александрѣ очень хотѣлось войдти въ довѣренность сестры и узнать ея тайну, но какъ начать, она не знала, и очень досадовала, что Аннушка ни слова не отвѣчаетъ ей. Наконецъ, она нашлась.

— Сестрица, сказала она, коли иной разъ куда этакъ сходить-то нужно будетъ вамъ, такъ бери меня съ собой . . . Напередъ скажи: я и спать не буду... Со мной все не такъ опасно, а ужъ я никому не скажу . . ,

Эти слова были новымъ ударомъ въ сердце Аннушки.

— Полно, сестрица, какъ тебѣ не стыдно такъ думать обо мнѣ! сказала она.

— Я ничего, я ничего не думаю, сестрица! забормотала Александра, сконфуженная отвѣтомъ Аннушки, а сама между тѣмъ думала:

— Экая скрытная какая! . . да вѣдь знаемъ мы тебя, голубушку . . . не проведешь.

Аннушка вошла въ свѣтелку свою, а Александра остановилась у дверей, чтобы поглядѣть что будетъ дѣлать сестра. Приходъ Аннушки разбудилъ мать ея.

— Что, Аннушка, неужто ужъ ты проснулась? спросила Арина.

— Нѣтъ, матушка, я и совсѣмъ не спала . . .

— Что-же, родная, отчего?

— Такъ, матушка, безсонница какая-то.

— Ахъ, ахъ, думала про себя Александра, экая безстыжая, а?

— Что-же бы тебѣ меня-то разбудить: я-бы посидѣла съ тобою! говорила Арина.

— Мнѣ жалко было будить тебя, матушка.

— Что-же ты дѣлала-то?

— Ничего . . . Вышла на улицу, да все и бродила около дому.

— Хитрячка! а? бой-дѣвка! думала Александра.

— Такъ ложись, болѣзная: усни хоть теперь-то сказала Арина.

— Хорошо, матушка, я лягу.

Аннушка легла въ постель, чтобы скрыть свои слезы и свою тоску, чтобы не говорить ничего, но не могла заснуть, и часа черезъ два опять встала.

Глава II.

Добрая душа.

Августъ Карлычъ, хотя и считалъ себя нѣсколько обиженнымъ Аннушкой, за то, что она такъ скоро оставила его, но на другой день соскучился безъ нея и пошелъ къ Ивану Прохорычу, чтобы посмотрѣть, какъ помѣстилась его бывшая дочка, а также и для того, чтобы исполнить завѣщаніе жены. Велѣлъ за собой привести большой сундукъ и нѣсколько узловъ, въ которыхъ помѣщалось все платье и всѣ вещи, принадлежавшія Амаліи Ѳедоровнѣ. Аннушка бросилась къ Августу Карлычу съ радостью и не могла удержаться отъ слезъ.

— Ну, что, Анхенъ, какъ ты? . . довольна-ли, что ушла отъ меня? спросилъ Августъ Карлычъ не безъ упрека, по-нѣмецки.

Аннушка ничего не отвѣчала, но закрыла лицо платкомъ, скрывая слезы.

Августу Карлычу стало жаль ее и совѣстно за свой вопросъ.

— Ну, Богъ съ тобой: я не сержусь; мнѣ только жаль тебя! сказалъ онъ. Вотъ возьми платье покойной Амаліи и билетъ на деньги, которыя принадлежали ей.

— Мнѣ ничего не надобно! отвѣчала Аннушка.

— Какъ не надобно? спросилъ удивленный Кнабе.

— Не надобно; я и безъ того много вамъ обязана.

— Да, вѣдь у тебя ничего нѣтъ? чѣмъ-же ты будешь жить?

— Я буду работать, я хочу быть простой крестьянкой, какъ была! . .

— Полно, Анхенъ, что ты? . . ты не такъ воспитана.

— Я привыкну.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты должна взять все это на память объ Амаліи . . . Она этого хотѣла.

Августъ Карлычъ прослезился.

— Пожалуй, я возьму на память нѣкоторыя платья, любимыя муттеръ, но денегъ мнѣ не надобно.

Весь этотъ разговоръ происходилъ на нѣмецкомъ языкѣ.

Арина и Александра, находившіяся при немъ, не понимали ни слова, но по выраженію лицъ и по движеніямъ разговаривающихъ догадывались, что Августъ Карлычъ отдаетъ привезенное имъ имущество, а Аннушка отказывается отъ него. Послѣднее очень не нравилось Аринѣ и удивляло Александру, которая съ жадностью заглядывала на узлы и сундуки. Арина находилась въ большой тревогѣ, опа-

саясь, какъ-бы дочь и въ самомъ дѣлѣ не отказалась отъ добра, которое ей достается даромъ, и не знала что дѣлать, какъ-бы надоумить дочку, да и узнать хорошенько, въ чемъ дѣло.

— Осмѣлюсь я твоей милости спросить, рѣшилась наконецъ сказать Арина, что это за сундуки, да узлы натаскали въ избу: что съ ними прикажешь дѣлать?

Аннушка сначала вспыхнула, потомъ поблѣднѣла при этомъ вопросѣ матери.

— А, это все дочкѣ . . . отвѣчалъ Августъ Карлычъ, Амалія на память . . . Возьми, возьми, Арина, убирать . . .

— Ахъ, вы наши отцы и благодѣтели, заголосила старуха, бросаясь въ ноги нѣмцу . . . Экіе вы благодѣтели наши . . . Аннушка, матка, что же ты? кланяйся, да благодари! . . Что ты такъ-то стоишь, помилуй-скажи?

— Мнѣ ничего не надобно! торопливо сказала Аннушка.

— Полно, полно, не слушать! . . говорилъ Кнабе, она сама не понимаетъ что говоритъ . . .

— Не понимаетъ, батюшка, не понимаетъ . . . по глупости своей! подтвердила Арина съ низкимъ поклономъ. Послѣ, батюшка, будетъ благодарить . . . благодѣтели вы наши! . .

— А вотъ это возьми: билетъ . . . 500 руб.

— Батюшка, благодѣтель, отецъ, кормилецъ . . . восклицала Арина, и, принимая билетъ, поцаловала руку у Августа Карлыча.

Аннушку измучила эта сцена: она горѣла отъ стыда за свою мать, но она не знала еще цѣны деньгамъ и не хотѣла подумать, что мать благодарила не за себя, а за нее. Аннушкѣ было особенно

стыдно посторонняго свидѣтеля этой сцены — Александры. Она робко взглянула на нее, но прочла въ ея глазахъ только жадность и зависть, между тѣмъ какъ на лицѣ матери выражалась одна радость. Благородное сердце дѣвушки сжалось отъ негодованія. Она не могла говорить, и молча простилась съ Августомъ Карлычемъ; ей стыдно было даже взглянуть на него.

— Отпускай ее ко мнѣ когда! сказалъ Августъ Карлычъ, обращаясь къ Аринѣ.

— Какъ-же, батюшка, какъ-же!.. Отецъ ты нашъ!.. когда угодно... за всякое время! отвѣчала старуха.

— Ну-ка, Аннушка, что ты? и спасибо-то не сказала экому своему благодѣтелю, замѣтила Арина, когда нѣмецъ ушелъ изъ избы.

— Какъ это, матушка, не стыдно было тебѣ все это взять отъ него! спросила Аннушка съ упрекомъ.

— А то что, али бы и не взять?.. Полно-ко, Аннушка, пятьсотъ-то рублевъ на землѣ не валяются, не подымешь... Шутка въ дѣлѣ: пятьсотъ рублевъ!.. тебѣ надо Богу за нихъ молиться, благодѣтелей своихъ...

— Ужь подлинно, сестрица, благодѣтели, подхватила Александра; какъ только онъ васъ любитъ: ничего ему не жаль!.. Что вы, сестрица, узелки-то не развяжете? хошь-бы посмотрѣла, кажись...

— Развяжи, пожалуй! отвѣчала Аннушка.

— Ну-ка, ну-ка, Александра, полно: не вороши! куда какая прыткая! замѣтила Арина. Подь-ка, лучше сбѣгай за отцомъ: — перво надо ему разсказать про экую радость, а насмотрѣться-то и послѣ насмотришься досыта.

Поджигаемая любопытствомъ и нетерпѣніемъ, Але-

ксандра опреметью бросилась въ поле, гдѣ работалъ Иванъ Прохоровъ, но дорогой успѣла разсказать чуть не всей деревнѣ, какое Богъ далъ счастье ихъ Аннушкѣ.

Иванъ Прохоровъ долго не вѣрилъ Александрѣ при разсказахъ ея о посѣщеніи нѣмца и о подаренныхъ имъ 500 рубляхъ, впрочемъ изъ любопытства пошелъ въ избу; Зосиму почти насильно утащила Александра. Старикъ былъ удивленъ и пораженъ поступкомъ управляющаго: качалъ головой, разводилъ руками, крестился. Зосима оставался равнодушнымъ слушателемъ.

— Ну, жалобился я сначала на нѣмцевъ, какъ они стали Аннушку обучать, — можетъ они и шибко испортили ее у меня, — а ужъ это... нѣтъ, добрые люди, любили они ее, коли такое дѣло сдѣлали... Дай Господи ей царства небеснаго, а ему добраго здоровья! Надо сходить, да поблагодарствовать... Ну, Аннушка, счастлива ты... Да что ты не весела сидишь? спросилъ Иванъ Прохорычъ.

— Ничего, батюшка, такъ!

— А вотъ, сестрица, развеселитесь: прикажите узелки-то развязать... говорила Александра, которая давно уже горѣла нетерпѣніемъ посмотрѣть что такое скрыто въ этихъ узлахъ, и уже нѣсколько разъ щупала ихъ руками.

— Полно-ка, Александра, экъ тебѣ! твое что-ли тутъ? что-те ровно подмываетъ? Она и сама развяжетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, матушка, я не хочу... Пусть смотритъ сестрица.

— Такъ ужъ лучше-же я стану вымать, да тебѣ

показывать!.. отозвалась Арина и начала развязывать узлы и вынимать изъ нихъ платья одно за другимъ; каждую новую вещь подносила она къ Аннушкѣ, показывала ей и разсматривала вмѣстѣ съ Александрой и Иваномъ Прохорычемъ, причемъ безпрестанно сыпались восклицанія восторга и удивленія. Когда-же дошла очередь до сундука, и изъ него Арина вынула небольшую шкатулочку, въ которой оказались разныя золотыя и серебряныя вещицы: сережки, колечки, булавочки, принадлежавшія Амаліи Ѳедоровнѣ и скопленныя ею въ теченіе жизни, то все семейство, не исключая даже и Зосимы и маленькаго Калистратки, превратилось въ зрѣніе и любопытство. Впрочемъ Арина прежде, нежели рѣшилась всѣ эти вещи вынуть изъ шкатулочки, изъ предосторожности приперла двери въ избу.

Одна только Аннушка оставалась при всемъ этомъ грустною и совершенно равнодушною.

— Ну, Аннушка, вотъ ты какая теперь у насъ богатая! сказала Арина, разводя руками, когда всѣ вещицы были вынуты изъ шкатулки и разложены на столѣ. Наградилъ тебя Богъ за твою доброту, да простоту... А! Иванъ Прохорычъ, глянь-ка!

— Слава Тебѣ, Господи! сказалъ старикъ и перекрестился.

— Слава Тебѣ, Господи! повторила Арина, и потомъ начала обнимать и цѣловать Аннушку.

— Вотъ, кажется, ничего-бы въ жизни не пожалѣла, сказала Александра, у которой глаза сверкали свѣтлѣе всѣхъ вещицъ, разложенныхъ на столѣ, какъ-бы да у меня было этакое платье, да вотъ этакія сережки... Ничего-бы въ жизни не надо.

— Развѣ они тебѣ очень нравятся, сестрица? спросила Аннушка.

— Ахъ, Анна Ивановна, такъ неужто нѣтъ? Кажись, отродясь экаго наряда не видывала!.. экое платье-то; шелковое, вѣдь, это, Анна Ивановна?..

— Шелковое...

— Я и вижу, что шелковое... Ахъ, ты, батюшки мои, а сережки-то... бріанды, вѣдь настоящіе, Анна Ивановна!..

— Такъ возьми себѣ, сестрица, и платье и серьги!

— Полноте-ка, сестрица... что вы! отвѣчала Александра съ недовѣрчивой улыбкой, между тѣмъ какъ глаза ея прыгали и сверкали.

— Право, возьми, сестрица, я не шучу.

Александра продолжала смотрѣть то на предлагаемые ей подарки, то на сестру все еще недовѣрчиво, но съ нѣжной улыбкой, впрочемъ не рѣшилась протянуть руку къ сокровищамъ, которыя ей отдавали.

— Ахъ, какая-же ты! сказала Аннушка, вставая, взяла платье и сережки и отдала ихъ въ руки Александрѣ.

Послѣдняя, увѣрившись, что ее и въ самомъ дѣлѣ дарятъ, вздумала изъ приличія поломаться.

— Нѣту, нѣту, ни за что не возьму!.. что вы, сестрица, вѣдь, я такъ только... Куда мнѣ, не надо. говорила Александра, полу-придерживая, полу-отталкивая отъ себя подарки.

— Ну, если любишь меня: возьми! говорила Аннушка.

— Ахъ, чтой-то это, сестрица!.. отозвалась Александра, и, не умѣя болѣе скрывать своей радости, бросилась цѣловать и обнимать сестру.

— Такъ неужто и впрямь ты взять хочешь?.. Какъ-же! такъ я тебѣ и дала! заговорила Арина. Полно-ка, полно... вишь ты, безстыжая!.. подай

сюда... Да и ты, Аннушка, что ни-на-есть лучшее отдаешь... А эта и рада... эка.. Подай-ка полно...

— Матушка, какъ тебѣ не стыдно, отозвалась Аннушка: это, вѣдь, мое, ну, я и хочу подарить сестрицѣ... не тронь ее; возьми, сестрица, изъ любви ко мнѣ...

— Эка безтыжая, эка адовка, ровно Аксютка вонъ экая-же завидущая... говорила Арина, качая головой на Александру.

— Ахъ, матушка, какъ тебѣ не стыдно!.. мнѣ ничего не надо... Вотъ эти платья возьми себѣ, вотъ эти отдай племянникамъ, это братцу...

— Какъ-же, какъ-же, тотчасъ... вотъ такъ-бы все и раздала!.. отвѣчала Арина, поспѣшно укладывая вещи, запирая шкатулку и завязывая узлы съ платьями. Нѣтъ, видно, дѣвка, глупенька еще ты... запру сундукъ и ключа тебѣ въ руки не дамъ... И денегъ ей въ руки не давай, Иванъ Прохорычъ: тотчасъ кому-нибудь отъ простоты своей отдастъ... вотъ этакая попрошайка подобьется... Что-йто?.. на что это похоже и всамъ дѣлѣ?.. Не отдавай ей денегъ, Иванъ Прохорычъ...

— Да мнѣ и не надо этихъ денегъ: я ихъ отдаю своимъ племянникамъ...

Все семейство пришло въ неописанное волненіе; по апатическому лицу Зосимы пробѣжалъ отблескъ какого-то свѣтлаго и глубокаго чувства.

— На-ка, на-ка, что еще выдумала! вскричала Арина, всплескивая руками... Да кто тебя послушаетъ?

— Мнѣ ничего не надо! повторяла Аннушка съ грустью. Братецъ, эти деньги принадлежатъ твоимъ дѣтямъ: возьми ихъ!..

— Ну, только удивленье! воскликнула Арина и ударила себя руками по бедрамъ.

Никто изъ всего семейства не понималъ, что происходило въ душѣ бѣдной дѣвушки, никто не замѣтилъ, какою радостію блеснули ея глаза, когда они встрѣтились съ глазами Зосимы, устремленными на нее съ выраженіемъ глубокой, безпредѣльной любви и благодарности.

– Нѣтъ, погоди, дочка, вымолвилъ наконецъ Иванъ Прохорычъ, ужъ и я скажу: что не дѣло, то не дѣло. Ужь и я не послушаюсь: денегъ не отдамъ.

— И я не возьму ихъ, батюшка: они не мои, я ихъ отдала... Мнѣ ничего не надобно.

— Ну, полно, безъ времени не клади заклятья: може и понадобятся... Тамъ, какъ хошь, пожалуй, отдавай, только я билета въ руки Зосимѣ не дамъ... какъ разъ за полштофа ухлопаетъ...

Зосима мрачно взглянулъ на отца, но не сказалъ ни слова.

— Эхъ, Аннушка, Аннушка, глупенька ты еще, продолжалъ Иванъ Прохорычъ, а я думалъ, что тебя и нивѣсть какой премудрости научили... Подалъ Богъ счастья, такъ сама отъ него отворачивается: мнѣ, чу, ничего не надо; и видно, что не своимъ-то домомъ жила, да не было своей заботушки...

Но Аннушка была вполнѣ счастлива, видя радость Александры вслѣдствіе ея подарка, и искреннее чувство благодарности, которое она прочла въ глазахъ Зосимы. Она не понимала еще смысла собственности; притомъ нѣсколько мечтательная душа ея была слишкомъ утомлена сильными движеніями и не могла чувствовать какую-нибудь привязанность къ вещественнымъ благамъ. Сопротивленіе родителей желанію ея отдать то, что для нея не имѣло никакой цѣны, и сдѣлать чрезъ это счастливыми другихъ, возмущало и оскорбляло ее, а между тѣмъ она чув-

ствовала себя счастливою, доставляя удовольствіе другимъ, ей хотѣлось бы раздать все, что она имѣла... Но и тутъ она встрѣтила только одну оппозицію, одно непониманіе... Тяжело было бѣдной дѣвушкѣ.

Глава III.

Пьянъ да уменъ — два угодья въ немъ.

Дня три спустя послѣ описанной сцены, Аннушка сидѣла одна въ своей свѣтелкѣ: вся семья, не исключая даже Арины, была на полѣ, торопясь дожать яровое. Собесѣдникомъ Аннушки былъ только осмилѣтній Калистратъ; другаго, груднаго еще сына, Александра взяла съ собой на поле, какъ дѣлаютъ вообще всѣ крестьянки.

Много грустныхъ, печальныхъ мыслей тревожило Аннушку, но она силилась освободиться отъ нихъ и забыться въ ребяческой болтовнѣ съ племянникомъ. Мальчикъ былъ вымытъ, причесанъ, на немъ была чистая и хорошенькая ситцевая рубашка; видно было, что это дѣло Аннушки. Ребенокъ преспокойно оставался одинъ съ теткой, весело шалилъ и самоувѣренно теребилъ ее.

— Перестань, Калистратушка, не шали; поговори со мной, сказала Аннушка.

— А что?

— Ну, скажи-ка: ты ужъ привыкъ ко мнѣ?

— А-а?

— Ты не боишься меня?

— Нѣту-у?

— Да не кобенься же, перестань. Слушай меня: отчего же ты прежде-то меня дичился?

— А-а?

— Отчего ты прежде-то меня не любилъ?.. Ну не шали же, отвѣчай мнѣ: отчего прежде не любилъ меня?

— Не знаю-ю! отвѣчалъ мальчикъ, растягивая окончаніе слова.

— А теперь любишь?

— Да-а.

— Отчего же любишь, за что?

— А ты мнѣ всего даешь!..

— Ну, а кого же ты больше любишь, отца или маму?

— Тятю.

— Отчего?

— Тятя-та такую загвоздку спуститъ, а ничего, а мамка-та все за вихорь... то и дѣло... таково больно...

— За что же тебя бьютъ?

— А тятя-та, коли сбалуешь, а мама-та, такъ все за вихорь... и все ругается, а тятя-та только выбранитъ, а когда и калачъ дастъ, а мама-та ничего не дастъ... только не подходи къ ней...

Въ это время въ сѣняхъ послышались чьи-то тяжелые и неровные шаги, потомъ дверь свѣтелки быстро отворилась на-стежь, и на порогѣ показался Зосима. Онъ стоялъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону; на немъ была одна рубашка, на головѣ шапки не было; лице его было красно, глаза сверкали, но смотрѣли ласково, губы улыбались.

— Аннушка... сестрица!.. то-то... умница... писаная... кормилица... то то!.. вотъ какъ! И

Зосима ударилъ себя кулакомъ въ грудь противъ сердца.

Аннушка догадалась, что братъ былъ пьянъ; ей въ первый разъ приходилось быть такъ близко съ пьянымъ: она испугалась.

— Что ты, братецъ? спросила она робко.

— Я? ничего... постой... Хороша дочка Аннушка, коли хвалитъ мать, да баушка... запѣлъ Зосима. Аннушка... нѣтъ! продолжалъ онъ, благодѣтельница ты моя... добрая... кажется вотъ какъ... всей душой... а не то, что...

— Братецъ, ты бы легъ спать!.. непрѣшительно проговорила сестра.

— Я? нѣтъ, стой, погоди... Я тебѣ скажу... я, Аннушка, гуляю... У-ухъ... такой и эдакой комаринскій мужикъ... Аннушка, и пѣсня-то про меня сложена... ха, ха, ха!..

— Братецъ, ради Бога, поди спать... коли любишь меня: поди, да лягъ.

— А ты постой, Аннушка, нишкни... что я тебѣ скажу... я тебя люблю... ты мнѣ знаешь какая... Господи только!.. чувствую, все чувствую...

И Зосима заплакалъ.

— Ну, да что толковать... такъ-ли, Аннушка, а? Дай-ка, я тебя поцѣлую.

И онъ обнялъ и крѣпко поцѣловалъ сестру. Аннушку опахнуло запахомъ вина и лука: она чувствовала отвращеніе, но преодолѣла себя и не отвернулась отъ брата.

— То-то, Аннушка... Вѣдь, я мужикъ... а ты барышня... ученая... умница... на что ты сюда пришла?.. а?.. то-то!.. О-хъ! самъ-то бы я... что онъ? что онъ уменъ?.. отецъ-отъ?.. а что я?.. батракъ я, али сынъ?.. ты скажи мнѣ: батракъ я,

али сынъ?.. что онъ меня?.. что я выпилъ-то?. такъ что? нечто я... Калистратка, поди сюда, шельма... поди... нечто я его не люблю, что ли... Калистратку?.. нечто онъ не сынъ мнѣ? а?.. то-то!.. Аннушка... вотъ ты у меня благодѣтельница... я, вѣдь, понимаю... матушка... дай-ка я тебя еще поцѣлую... У-ухъ... ты, вѣдь, отъ души... вотъ что!..

— Братецъ, пожалуйста, поди спать... Неравно отецъ вдругъ придетъ...

— Такъ что мнѣ?

— Онъ браниться будетъ, разсердится.

— Ахъ... вотъ тебѣ на... Нечто я испугался что-ли! Нѣту, не испугался... Я самъ ему такую...

— Братецъ, не говори, ради Бога, это грѣхъ: Богъ велитъ уважать своихъ родителей.

— Ахъ, Аннушка!.. Знаю, вѣдь, я, знаю... умница ты у меня, ученая... А на что онъ сказалъ, что я Калистратковы... что ты Калистраткѣ деньги дала... что я пропью... на что онъ сказалъ, что я Калистратковы деньги пропью? а? на что онъ это сказалъ?.. Нечто я его не люблю... нечто онъ не сынъ мнѣ?.. Калистратка... Что онъ мнѣ никакой воли не даетъ?.. что онъ... не пускаетъ меня своимъ домомъ жить? Что я выпью-то? Ну, выпью, коли захотѣлъ... такъ что ему?.. не работаю что ли я?.. что онъ меня пьяницей-то срамитъ?.. у меня вотъ тутъ червякъ сидитъ... вотъ тутъ... подъ сердцемъ... засосетъ... пойду и выпью... рубаху сниму, да выпью... А онъ что думаетъ?.. себя что ли я не понимаю?.. понимаю!.. все понимаю!.. хотѣлъ на Проскухѣ жениться... не велѣлъ... А Александра-то лучше? ха, ха, ха!.. лучше!.. Мнѣ что?.. мнѣ не то нужно... я и съ нимъ живу...

онъ мой отецъ... я ему долженъ вѣрой и правдой... а зачѣмъ онъ меня срамитъ?.. что я не баю-то?.. онъ думаетъ я дуракъ?.. я-то? нѣтъ, я умнѣе его... да!.. такъ-то!.. Вотъ теперь ничего... хорошо... сытъ... Аннушка, подари-ка мнѣ что-нибудь...

— Да на что же тебѣ?

— Ну, ужъ подари... тогда скажу.

— А ты лягъ спать... какъ проснешься, тогда я тебѣ и подарю что хочешь.

— Нѣтъ, тогда мнѣ не надо... мнѣ теперь надо... а тогда я и не возьму.

— Что же тебѣ подарить? ну, на вотъ платочекъ шелковый, а то все у матушки заперто.

— Ха, ха! заперто... и твое-то заперли... Ну, ладно, вотъ спасибо и на платочкѣ...

— Ну, скажи же, зачѣмъ же ты просилъ?

— Зачѣмъ?.. сказать?.. хи, хи!.. не я просилъ... червякъ запросилъ... ха, ха, ха!.. теперь гуляй, погуливай!.. У-ужъ какъ нѣтъ у насъ такова молодца!..

— Такъ неужели же ты хочешь пропить?.. Ну, я этого не ожидала отъ тебя: я подарила тебѣ на память, а ты хочешь пропить... Вотъ и видно, что не любишь меня...

— Я тебя не люблю... я?.. такъ неушто думаешь пропью, коли на память подарила... Пусть же всю грудь онъ у меня высосетъ... а ужъ нѣтъ... не видать ему этого платочка... на шею повяжу, да и пойду гулять...

— Нѣтъ, братецъ, коли любишь меня, лягъ спать, поди въ избу...

— Изволь лягу, только не въ избѣ... а здѣсь... да-ка, Аннушка, я на твоей-то постелькѣ... косточки понѣжу... а?

Зосима пошелъ къ кровати, но Аннушка ничего не отвѣчала: онъ оглянулся на нее и остановился,

— Что же, ложись, братецъ, ничего! — сказала дѣвушка, скрѣпя сердце.

— Нѣтъ, гдѣ мнѣ... мужицкая рожа!.. Аннушка, умница... барышня...

— Ну, такъ вотъ тутъ, хоть на лавку ложись: погоди, вотъ я постелю что-нибудь...

— Нѣту, я на полу лягу...

— Ахъ, что ты, братецъ, не ложись на полъ, что ты!..

— На полъ лягу! отвѣчалъ Зосима и улегся на голомъ полу прежде, нежели Аннушка успѣла что-нибудь положить ему подъ голову.

— Аннушка... добрая... вотъ какъ... отъ сердца жалѣю... бормоталъ Зосима, но скоро заснулъ и захрапѣлъ.

Аннушкѣ было и стыдно и отвратительно смотрѣть на брата, валявшагося на полу, но въ то же время ей и жалко было его: она видѣла въ немъ добрую душу и любовь къ себѣ, поняла, что онъ недоволенъ отцомъ и что послѣднiй не умѣетъ цѣнить его... Бѣдная дѣвушка страдала отъ этихъ мыслей, но рѣшилась употребить всѣ усилiя, чтобы примирить брата съ отцомъ и вылечить перваго отъ его пагубной страсти.

Аннушка усѣлась въ самый дальнiй уголъ свѣтелки, посадила около себя Калистрата, и старалась не глядѣть на Зосиму, чтобы не возмущаться при видѣ пьянаго.

Такъ прошло нѣсколько тяжелыхъ часовъ для Аннушки.

Насталъ вечеръ, стали возвращаться съ поля. Первая пришла Александра, и, кинувши серпъ, поспѣ-

шила къ сестрицѣ, къ которой она чувствовала особенную любовь съ тѣхъ поръ, какъ получила отъ нея подарокъ.

Александра оторопѣла, увидѣвши въ свѣтелкѣ на полу своего мужа, впрочемъ тотчасъ сообразила, въ чемъ дѣло.

— Ахъ, сестрица, Анна Ивановна, заговорила она, извините. Видно пьяный ввалился? Цѣлый день пропадалъ сегодня, а сюда спать нелегкая занесла... экой нагрѣшникъ!.. Извините, сестрица... меня-то совсѣмъ пристыдилъ. Не обидѣлъ-ли онъ васъ чѣмъ? вѣдь, онъ пьяный-то себя не понимаетъ... охъ, охъ! простите вы насъ!.. Вставай, безстыдникъ! экой человѣкъ только... ну, вставай-же! окаянный...

Александра теребила, толкала мужа, но тотъ еще не проспался, хмѣль въ немъ не прошелъ, и онъ отвѣчалъ женѣ только мычаніемъ и бранью.

— Ахъ, ахъ, стыдобушка моя... вотъ муженька Богъ далъ!.. Вотъ попрошу батюшку, чтобы поколотилъ хорошенько. Ахъ, озорникъ ты этакой... что ты станешь дѣлать? не просыпается, нейдетъ... хоть-бы батюшка-то пришелъ поскорѣе, хоть-бы въ избу-то стащить... ахъ, батюшки мои!.. извините, сестрица!..

— Да не тронь его, пожалуйста... только вотъ не хорошо, что на полу лежитъ: положи ему подъ голову-то хоть подушку.

— Полноте-ка, сестрица, стоитъ-ли онъ того вниманія, чтобы... валяется и на полу... пьяница этакой!... а вотъ вамъ-то онъ этакое безпокойство дѣлаетъ.

— Ничего, ничего!

— Какъ ничего, сестрица, развѣ вы къ этому

привычны? экой, вѣдь, срамникъ... меня-то осрамилъ... тьфу!..

— Послушай, какъ тебѣ не стыдно? вѣдь онъ мнѣ братъ...

— Какой ужъ онъ вамъ братъ, Анна Ивановна?.. такое ли его и образованье, чтобы вамъ въ братья причитаться...

Въ это время въ свѣтелку вошелъ Иванъ Прохорычъ.

— Батюшка, посмотри-ка, хорошъ-ли сынокъ-отъ, обратилась къ нему Александра. Нахлестался гдѣ-то, да и пришелъ къ сестрицѣ. Знаешь, вѣдь, ты его пьянаго-то: чай, чего-чего, какой гадости не наговорилъ, да еще и спать у нея завалился... экой обидчикъ! а?.. бужу и не встаетъ никакъ...

— Эко стерво... сказалъ съ сердцемъ Иванъ Прохорычъ. Люди торопятся дожинать, а онъ пьянствуетъ... Вотъ я те дамъ! вставай!.. И старикъ ткнулъ сына ногой.

— Батюшка, что ты дѣлаешь? проговорила Аннушка умоляющимъ голосомъ.

— Такъ что? не поблажку-ли ему дать? Люди работаютъ, а онъ что дѣлаетъ... Вставай-же, говорятъ.

Зосима полу-проснулся и сѣлъ на полу; онъ посмотрѣлъ на отца мутными глазами, и потомъ тотчатъ-же опустилъ голову на грудь.

— Эка, вѣдь, пьяница!.. наказалъ меня Господь! сказалъ старикъ и ударилъ Зосиму.

Аннушка вскрикнула, заплакала и закрыла лицо руками.

Зосима посмотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ была сестра, потомъ свирѣпо взглянулъ на отца, и, не сказавши ни слова, поднялся на ноги, и покачиваясь

вышелъ изъ свѣтелки, сопровождаемый бранью отца. Александра пошла-было вслѣдъ за мужемъ съ тѣмъ, чтобы уложить его спать, но чрезъ минуту опять прибѣжала въ свѣтелку запыхавшись и со слезами на глазахъ.

— Нейдетъ, вѣдь, спать-то, а вышелъ на улицу: видно, опять натрескаться хочетъ; стала останавливать, да уговаривать, такъ ударилъ, да толкнулъ: чуть съ ногъ не слетѣла. Батюшка, поди останови...

— Ахъ, Зосимка, погодижь ты, я те покажу, сказалъ старикъ, подымаясь съ мѣста и намѣреваясь отправиться вслѣдъ за сыномъ. Въ котору сторону онъ пошелъ?

— Вотъ сюда въ деревню...

— Батюшка, ты опять прибьешь его? спросила Аннушка.

— Мало прибью, выпорю цѣлымъ міромъ, коли не послушаетъ: не пойдетъ домой.

— Батюшка, позволь мнѣ позвать его: онъ меня сейчасъ послушаетъ, только ты не бей и не брани его.

— Полно, послушаетъ-ли онъ тебя, коли и меня не слушаетъ: что хошь говори, ровно дерево.

— А вотъ посмотри только, я съ тобой пойду.

— Ну, поди попробуй, коли да онъ не обругаетъ тебя.

Аннушка поспѣшила выдти на улицу, и, замѣтя вдали по улицѣ медленно бредущаго Зосима, оставила отца и побѣжала вслѣдъ за нимъ.

— Братецъ, братецъ! кричала она ему.

Зосима остановился, услыша голосъ сестры.

Аннушка подошла къ нему.

— Куда ты пошелъ?

— Куда?.. куда нужно! отвѣчалъ Зосима угрюмо.

— Сдѣлай милость, не ходи, поди домой.

— Какъ-же, сейчасъ!

— Ради Бога, если любишь меня!

— Да на что я домой-то пойду? чтобы брань-то, да побои видѣть...

— Да тебя никто не станетъ ни бить, ни бранить...

— А онъ-то? спросилъ Зосима, указывая на подходящаго къ нимъ отца.

— Онъ обѣщалъ мнѣ, что ни слова не скажетъ.

— Ну, ладно, подемъ домой... для тебя.

— Что, пьяница, али очувствовался, разбойникъ этакой: за что прибилъ-то? такимъ вопросомъ встрѣтила Александра мужа, когда онъ, идя назадъ, поровнялся съ нею и отцемъ.

Зосима нахмурился и молчалъ.

— Экая, стыда-то въ тебѣ нѣтъ, продолжала Александра, слѣдуя за мужемъ, пьяница этакая, хошьбы сестрицы-то постыдился...

Аннушка давала знаки сестрѣ, чтобы та замолчала, но Александра или не замѣчала ихъ, или не хотѣла умолкнуть. Зосима вдругъ, среди самыхъ краснорѣчивыхъ увѣщаній и упрековъ жены, опять, ни слова не говоря, повернулся и пошелъ въ противоположную сторону.

— Братецъ, куда это ты? спросила Аннушка испугавшись. Отвѣта не было.

— Зосима, пошелъ домой! закричалъ Иванъ Прохорычъ.

Зосима ни слова не отвѣчалъ, но и не думалъ остановиться.

— Ну, смотри, Зосима, плохо будетъ, коли не послушаешь! кричалъ старикъ.

— Братецъ, ради Бога, воротися! уговаривала Аннушка чуть не со слезами.

— Экого Богъ далъ муженька... батюшка, ужъ

что онъ, коли и тебя-то не слушаетъ... каковъ-же ужъ онъ человѣкъ!.. безстыжій ты человѣкъ, бить-бы тебя! кричала она вслѣдъ мужу.

Зосима вдругъ повернулся, захохоталъ, погрозилъ женѣ кулакомъ и опять пошелъ прежней дорогой, скорыми шагами.

— Не пускайте его, схватите, батюшки, схватите! кричала Александра двумъ мужикамъ, идущимъ на встрѣчу Зосимѣ.

Тѣ хотѣли остановить его, но Зосима такъ сильно толкнулъ одного изъ нихъ, что другой почелъ за лучшее, не дотрогиваясь Зосимы, поднять страшный крикъ на всю деревню. Тогда изъ всѣхъ избъ повыскакали мужики и бабы, а Зосима ударился бѣжать со всѣхъ ногъ.

Начались разспросы, толкованье, шумъ, крикъ; обступили Ивана Прохорыча и Александру; старикъ жаловался на сына, Александра на мужа. Аннушка заплакала и ушла въ свою свѣтелку.

Аннушка успѣла уже проплакаться и сидѣла подгорюнившись, и задумавшись, когда въ свѣтелку къ ней пришли Иванъ Прохорычъ, Александра, кончившіе свое объясненіе на улицѣ, и Арина, которая только что возвратилась съ поля и узнала, что на Зосиму опять нашелъ стихъ.

— Ну, что, много-ли послушался тебя? спросилъ дочери Иванъ Прохоровъ.

— Это виновата сестрица, отвѣчала Аннушка: еслибы она не стала его упрекать, онъ пришелъ-бы домой...

— Полно-ка, Аннушка, вѣдь, ужъ не первый годокъ я съ нимъ маюсь: развѣ у него есть какое чувствіе? Вотъ какъ я завтра схожу къ управителю, да попрошу, чтобы его вздули хорошенько, такъ може лучше дурь-то спадетъ.

— Ай, батюшка, сохрани Богъ, что ты? нѣтъ, ты не дѣлай этого! развѣ это можно?..

— А для чего нельзя? Такъ-то отбарабанятъ, что люба два.

— Вѣдь, у него у самого дѣти; развѣ онъ мальчикъ какой?

— Ладно! такъ что-же онъ отца-то не уважаетъ, коли у него у самого дѣти? на что онъ себя не помнитъ, дуритъ, ровно у него и заботушки никакой нѣтъ? люди работаютъ, а онъ гулять вздумалъ?

— Батюшка, онъ пьетъ оттого, что ему тошно, что ты съ нимъ не ласковъ.

— Да что съ нимъ, быкомъ, сдѣлаешь? не цѣловаться-же мнѣ съ нимъ: ты, пожалуй, ему говори, а онъ все въ землю смотритъ... ровно дуракъ какой или безпонятной...

— Это все, батюшка, оттого, что ему тошно... можетъ быть, у него болѣзнь такая, что онъ пьетъ.

— Толкуй, какъ не болѣзнь!.. нѣтъ, онъ злой: какъ не пьяный-то, такъ боится меня, не смѣетъ слова сказать, а и напьется-то — такъ для того, чтобы сгрубить какъ... того только и смотритъ.

— Полно, батюшка, онъ добрый. Вѣдь онъ никогда не бранится, всегда слушаетъ тебя, когда не пьянъ; если и ты когда его побранишь трезваго, такъ, вѣдь, онъ никогда ничего не отвѣчаетъ тебѣ...

— Ужъ это точно: иной разъ плюху дашь, кажись-бы и другую спустилъ, такъ руки отпускаются: глазомъ не мигнетъ...

— Вотъ видишь, батюшка, это и значитъ, что онъ добрый, и любитъ и уважаетъ тебя... можетъ быть, ему и стыдно, что онъ пьетъ, да что-же ему дѣлать, если это у него болѣзнь... А онъ, батюшка, добрый, право добрый...

— Полноте-ка, сестрица, ужъ не говорите! перебила Александра, какой ужъ добрый, такое золотцо, что и Господи не приведи. Иной разъ и трезвый, да слова ему не скажи...

— Э-эхъ, Александра, молчала-бы ты, молчала, замѣтила Арина; другой-бы мужъ, кабы всамъ-то дѣлѣ злой былъ, такъ походя-бы тебя колотилъ.

— А чтой-то это, матушка, ужъ и походя?.. Да чѣмъ я хуже другихъ? За что-бы это меня походя-то бить? вотъ тебѣ на! возразила Александра, обидясь.

— А вотъ за то, что тебѣ мужъ-то не хорошъ: онъ у меня прежь того, до тебя, былъ парень веселый, и хмѣлемъ зашибался, такъ не шибко; а вотъ какъ ты къ намъ въ домъ, такъ онъ хуже, да хуже; а ребята пошли подростать, еще хуже.

— Такъ нешто я виновата?

— А, вѣстимо, ты: не умѣешь ни словомъ, ни лаской его остановить, а все-бы вотъ не дѣло языкомъ молола.

— Ну, матушка, все я у тебя не хороша... Извѣстно, ужъ у свекрови когда... бываетъ-ли хороша?..

— Ахъ, ты... То-то вотъ... послала-бы я тебя у другой свекрухи-то пожить, такъ и узнала-бы ты, каково житье-то... сегодня кто съ поля-то раньше ушелъ: ты, али я?..

— Нѣтъ, батюшка, право, онъ отъ того и пьетъ, что вы не такъ съ нимъ обходитесь! сказала Аннушка, желая прекратить непріязненный разговоръ между матерью и невѣсткой.

— А какъ-же бы еще съ нимъ обходиться-то? Я говорю, цѣловаться, молъ, что-ли съ нимъ?

— Ты все его бранишь, а попробуй обходиться

съ нимъ ласково, онъ и пить, можетъ быть, перестанетъ.

— Полно-ко, дочка, больно ты умна: хошь ужъ и отца-то уму-разуму учить; ты сначала сама-то умомъ-то запасись, а я пожилъ съ-свое... Вотъ, какъ выпорю его, такъ ровно рукой всю блажь сниметъ...

— Я не учу тебя, батюшка, а только прошу: прости его хоть въ этотъ рязъ, не бей и не брани, а только постыди ласково...

— Эхъ, отступись-ка ты мнѣ... Что ты разумѣешь? ровно съ маленькимъ валандаться? вѣдь, слава Богу, не Калистратка, свой царь въ головѣ... А больно я не люблю, какъ мнѣ науки-то эти разсказываютъ... молоденька еще ты... вотъ что!

И Иванъ Прохорычъ ушелъ вонъ изъ свѣтелки, недовольный дочерью.

— Матушка, попроси его, чтобы онъ простилъ братца.

— Нѣту, Аннушка, ужъ онъ теперя пикнуть не дастъ — не послушаетъ.

— Какъ не послушать, если всѣ будемъ просить? Сестрица, неужели тебѣ не жаль его: вѣдь, онъ мужъ тебѣ.

— Кому-же и жалѣть, Анна Ивановна, какъ не мнѣ, да что ужъ я... вонъ, матушка говоритъ, что я всему и причина, что и мужъ-то чрезъ меня пьянствуетъ...

— Такъ что не дѣло что-ли я говорю, отозвалась Арина: какъ-бы ты была бабенка путная, такъ неужто-бы онъ не установился, какъ-бы просила, да кланялась, такъ неужто-бы его стыдъ не взялъ?..

— Матушка, ради Бога, попроси отца, чтобы онъ простилъ братца! твердила Аннушка.

— Да изволь, Аннушка, попросить я попрошу, для-че не попросить — не за чужаго... А и то сказать: надо его и поучить: себя, вѣдь, не помнитъ — вѣдь, трое на шеѣ у него сидятъ.

— Такъ неужели тебѣ, матушка, не стыдно будетъ, если такого большаго сына станутъ сѣчь?

— Да что за стыдъ?.. и старше его сѣкутъ... Жалко, слова нѣтъ, а стыдъ-то какой?.. Мало-ли кого уму-разуму учатъ! Провинился, такъ и отвѣчай: самъ виноватъ.

Аннушка не нашлась ничего возразить на эти слова матери, но ей грустно было видѣть, какъ расходятся ея понятія съ понятіями матери; эти слова напомнили ей, какой она чуждый элементъ въ своей родной семьѣ, но эти напоминанія были слишкомъ часты... и теперь они вызвали только глубокій вздохъ изъ груди Аннушки. Она впрочемъ продолжала просить мать ходатайствовать у отца за Зосиму.

Мать обѣщала. На Александру Аннушка чувствовала большое негодованіе за ея равнодушіе къ мужу, и ни слова не говорила съ ней. Она ничего не отвѣчала ей даже и тогда, когда Александра, оставшись на-единѣ съ нею, сказала грустнымъ тономъ:

— Вотъ, сестрица, какова моя жисть здѣсь; не много радости вижу: мужъ не любитъ, пьянствуетъ, матушка все бранится, да меня во всемъ винитъ... Ахъ, кажется, убѣжала-бы на край свѣта, ничто-то не мило, ничто-то не весело...

Александра смотрѣла на Аннушку, ожидая отъ нея утѣшенія, но та сама была полна своимъ горемъ и сидѣла задумавшись; ей хотѣлось плакать. Александра тоже подгорюнилась, но не могла сидѣть молча: она забыла и свое собственное горе, видя чужое.

— Что, сестрица, не веселы? спросила она.

— Ничего! отвѣчала Аннушка отрывисто.

— Али по прежней по любви встосковалось сердце? продолжала Александра неотвязчиво, желая войдти въ довѣренность сестры — ея давнишнее желаніе! Ахъ, сестрица, ужъ именно, какъ тебѣ не тосковать? такое-ли было ваше прежнее житье, а теперь что съ нами, съ мужиками: совсѣмъ мы безъ понятій... вотъ и про прежнюю про любовь поговорить не съ кѣмъ... ахъ, какой только былъ женишокъ-то — заглядѣнье только!.. Что, сестрица, пишетъ-ли онъ вамъ про любовь про свою, али и совсѣмъ позабылъ?..

Аннушка не выдержала: эта болтовня раздирала ея сердце; она зарыдала и бросилась въ постель, чтобы скрыть и задушить рыданія.

— Что, сестрица, матушка, тощно?.. только я одна и знаю твое горе!.. разскажи мнѣ, матушка, что такъ надрываешься, разскажи — легче будетъ, говорила Александра.

— Отстань, ради Бога, уйди отсюда... оставь меня... проговорила Аннушка съ досадою... И можетъ быть, первый разъ въ жизни она такъ сердилась на человѣка, какъ теперь на Александру, но та не поняла этого.

— Ну, ну, проплачься! отвѣчала она. Я вотъ здѣсь сяду, посижу, — все не одна будешь.

Аннушка лежала на постели, лицомъ къ стѣнѣ и тихо плакала.

Сколько ни старалась Александра заговорить съ нею, она не отвѣчала, и та, потерявъ наконецъ терпѣніе, ушла изъ свѣтелки.

Глава IV.

Ласковое слово пуще дубины.

На другой день Аннушка успѣла упросить отца, чтобъ онъ не наказывалъ Зосиму, а ограничился только однимъ внушеніемъ и выговоромъ. Много не совсѣмъ пріятныхъ рѣчей должна была выслушать она отъ отца прежде, нежели онъ изъявилъ свое согласіе на ея просьбу, но была счастлива уже тѣмъ, что̀ успѣла сдѣлать, счастлива надеждою исправить Зосиму и примирить его съ отцомъ... но не на долго. Прошелъ цѣлый день, а Зосима не возвращался домой; гдѣ онъ былъ, ни слуху, ни духу; а вечеромъ, когда вся семья укладывалась спать — не оказалось одного полушубка; сколько ни искали его, не могли найдти — онъ былъ украденъ... Впрочемъ не много нужно было соображенія, чтобы объяснить все дѣло: полушубокъ принадлежалъ Зосимѣ, лежалъ онъ на полатяхъ вмѣстѣ съ полушубкомъ Ивана Прохорова и Арины; чужой воръ, конечно, ужъ коли воровать, такъ укралъ-бы всѣ три; сверхъ того, кромѣ полушубка, не оказалось шапки Зосимы, между тѣмъ, какъ все остальное было цѣло. Изъ всего этого становилось ясно, что воръ былъ никто другой, какъ самъ Зосима, что онъ прокрался въ избу въ то время, какъ всѣ уходили на поле, а Аннушка сидѣла въ своей свѣтелкѣ, и что онъ захватилъ полушубокъ и шапку именно съ тою цѣлью, чтобы пропить.

Когда все это разъяснилось, Иванъ Прохорычъ

разразился страшною бранью, побожился завтра-же сходить къ управителю, пожаловатьси на сына и просить, чтобы его высѣкли хорошенько, въ примѣръ всѣмъ прочимъ пьяницамъ; Арина и Александра охали, толковали о томъ, что уже было окончательно объяснено, качали головами и разводили руками.

Аннушка пришла въ ивбу на шумъ и узнала въ чемъ дѣло, ничего не могла сказать въ защиту брата и уныло опустила голову.

На другой день Иванъ Прохоровъ дѣйствительно ходилъ къ управляющему, но что говорилъ съ нимъ, никому не сказалъ: онъ былъ сильно разсерженъ и не хотѣлъ говорить о Зосимѣ даже съ Аннушкой.

Три дня безъ вѣсти пропадалъ Зосима, и во все это время Аннушка была особенно грустна и печальна, наконецъ на четвертый она услышала страшную брань и крикъ въ избѣ: то былъ голосъ отца. Аннушкѣ почему-то представилось, что это возвратился Зосима, и какъ ни тяжела была для нея всякая грубая сцена, но она бросилась въ избу, чтобы по возможности защитить брата отъ гнѣва отцовскаго. Она не ошиблась. Зосима дѣйствительно возвратился; при входѣ ея въ избу онъ сидѣлъ на лавкѣ, опустивши глаза въ землю.

На немъ была одна только рубашка, въ которой онъ ушелъ три дня назадъ, полушубка и шапки не было, но на шеѣ остался тотъ платочекъ, который подарила ему Аннушка. Опухшее лицо доказывало, что эти три дня Зосима таки-повеселился на славу и успѣлъ заморить своего червячка. Противъ него стоялъ отецъ со сжатыми кулаками и гнѣвнымъ лицомъ.

— Гдѣ ты былъ, разбойникъ? кричалъ старикъ.

Отвѣта не было.

— Говори, гдѣ заложилъ полушубокъ-отъ, да шапку, стерво поганое, пьяница ты пропойная! говори, что-ли!

И выведенный изъ терпѣнія молчаніемъ сына, старикъ началъ бить его. Зосима не поднимаясь съ мѣста, покорно опустилъ голову и терпѣливо принималъ побои. Аннушка, со слезами нн глазахъ, схватила отца за руку и упрашивала остановиться.

Зосима поднялъ голову, взглянулъ на сестру, и въ его равнодушныхъ доселѣ глазахъ отразилось такъ много любви и благодарности, что съ перваго взгляда на апатичное лицо его никто-бы не могъ подумать, что въ душѣ его кроется такъ много глубокаго и сильнаго чувства. Онъ всталъ и взглянувши еще разъ на сестру, пошелъ-было вонъ изъ избы, вѣроятно для того, чтобы приняться по своему обыкновенію за дѣло.

— Куда ты? закричалъ отецъ.

— Косулю посмотрѣть: орать пора! отвѣчалъ Зосима.

— Нѣтъ, погоди: ты думалъ и все? нѣтъ, ужъ ты мнѣ насолѣлъ: подь-ка къ управителю, онъ тебя взбарабанитъ, чтобы ты меньше домъ-отъ раззорялъ, да больше о немъ думалъ... погоди, онъ тебя порядкомъ вздуетъ. . Пойдемъ къ нему! говорилъ не уходившійся еще старикъ.

Зосима молча взялъ шапку, приготовляясь идти на расправу такъ же равнодушно, какъ и на работу.

— Батюшка вѣдь, ты ужъ прибилъ его, зачѣмъже его сѣчь? — прости! говорила Аннушка, обнимая отца, и въ этотъ разъ она была очень похожа на ребенка, который упрашиваетъ простить провинившагося товарища своихъ шалостей.

— Незамай, пусть высѣкутъ! сказалъ Зосима, оставаясь совершенно спокойнымъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, Аннушка, я ужъ и управителю сказалъ, и онъ велѣлъ непремѣнно привести! отвѣчалъ Иванъ Прохоровъ, смягчась.

— Если ты это сдѣлаешь, мнѣ стыдно будетъ на людей смотрѣть... мнѣ жалко его... батюшка, прости!..

— Слышь, управителю сказалъ. Что онъ подумаетъ, что потачку я ему даю что-ли?

— Батюшка, я сама пойду просить за него, онъ проститъ, только ты прости его.

— Поди, пожалуй, проси, а я не пойду.

— Братецъ, ты не станешь пить? спрашивала Аннушка, бросаясь на шею къ брату.

— Пусть издохну, коли хошь рюмку выпью теперя!.. коли ты просишь!.. сказалъ Зосима, и. высвободясь изъ рукъ Аннушки, отвернулся къ стѣнѣ,

— А за старое пусть высѣкутъ! сказалъ онъ, оборачиваясъ и снова совершенно спокойный.

— Нѣтъ, нѣтъ, я сейчасъ пойду къ фатеръ, попрошу его! говорила Аннушка съ увлеченіемъ.

— Какъ хошь! сказалъ Зосима съ глубокимъ вздохомъ и сѣлъ на лавку, по-прежнему угрюмый и повидимому ко всему равнодушный.

— Батюшка, я пойду? спрашивала Аннушка.

— Пожалуй, поди! отвѣчалъ Иванъ Прохоровъ, совершенно озадаченный всѣмъ, что происходило предъ его глазами, и не понимавшій, отчего Аннушка такъ вступается за брата.

— А мнѣ идти? спросилъ Зосима.

— Нѣтъ, нѣтъ, не надо, я одна пойду.

И Аннушка тотчасъ-же отправилась къ Августу Карлычу, а Зосима, съ любовью посмотрѣвши вслѣдъ

ей, и не взглянувши ни на кого изъ оставшихся въ избѣ, вышелъ на дворъ и принялся за работу.

На дворѣ подошла къ нему Александра, чтобы выразить свое участіе и показать сочувствіе.

— Ахъ, Зосимушка, экая добрая у насъ сестрица: должны Бога благодарить... говорила она. А я было ужъ какъ напугалася, чтобы тебя и въ самомъ дѣлѣ не высѣкли... Просила, просила отца-то, слезами изошла вся — не слушаетъ... Ну, а теперь Богъ милостивъ!.. нѣмецъ-отъ ее любитъ...

— Ну, ладно, пошла въ избу, отвѣчалъ Зосима очень неласково, и отвернулся отъ жены.

Александра знала, что послѣ такого отвѣта ей нечего ждать больше, кромѣ брани, либо холоднаго молчанія, если-бы продолжала говорить, и потому она ограничилась только одной фразой:

— Экого муженька Господь далъ!.. много разговорится съ женой!.. по дѣломъ-бы!.. И отошла прочь.

Аннушка сначала поспѣшно шла къ Августу Карлычу и была занята исключительно одною мыслію: какъ-бы избавить брата отъ предстоящаго ему наказанія. Но чѣмъ ближе подходила она къ дому, гдѣ выросла и пережила самыя лучшія и самыя печальныя минуты своей жизни, тѣмъ медленнѣе и нерѣшительнѣе становились шаги ея, и мысль ея отъ брата невольно обращалась къ ней самой. Она не была въ домѣ управляющаго съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ вышла изъ него; она оставила этотъ домъ какъ родной, она ушла изъ него какъ дочь, — а теперь приближалась къ нему какъ чужая, шла просить... о прощеніи брата — пьяницы. Какъ ни была чиста

и прекрасна душа Аннушки, но она невольно краснѣла при этой мысли, какъ будто стыдилась своего новаго положенія... Когда она проходила черезъ дворъ господскаго дома, съ ней встрѣчались нѣкоторые дворовые и кланялись хотя ласково, но фамильярно и какъ будто съ насмѣшливой улыбкой — такъ казалось по крайней мѣрѣ Аннушкѣ. До слуха ея долетѣла чья-то фраза: „ахъ, барыня наша — лапотница, откуда взялась!“ и вслѣдъ за тѣмъ раздавшійся элой смѣхъ.

Аннушка узнала голосъ Аксиньи и увидѣла ее самую, смотрѣвшую на нее и язвительно улыбавшуюся... Бѣдная дѣвушка покраснѣла еще больше, сердце ея наполнилось грустью и негодованіемъ пополамъ со стыдомъ — и она спѣшила пробѣжать дворъ и войдти въ домъ. Но и тамъ ей было не отраднѣе: знакомый воздухъ, знакомые предметы — и все чужое, все чужое; родная внѣшняя обстановка — и ни одного роднаго милаго образа, который привыкли видѣть глаза среди этой обстановки.. Аннушкѣ сдѣлалось такъ грустно, что она готова была разрыдаться, и увидя Августа Карлыча, бросилась къ нему на шею и не могла удержаться отъ слезъ.

— Что ты, Анхенъ? спросилъ ее Августъ Карлычъ понѣмецки. Соскучилась что-ли, мой ангелъ?

Аннушка долго не могла промолвить ни одного слова.

— Что, мой ангелъ, видно, правду я говорилъ: тамъ тебя не умѣютъ понять, ты не можешь привыкнуть къ этой жизни?

— Я пришла къ тебѣ съ просьбой, фатеръ... сказала Аннушка, оправляясь.

— Съ какою? Вѣрно не хочешь тамъ больше

оставаться, хочешь лучше идти въ гувернантки? Да, да, Анхенъ, тебѣ тамъ нельзя жить: тамъ все дико, грубо, грязно . . .

Каждое слово нѣмца болѣзненно отзывалось въ сердцѣ дѣвушки, но она ме хотѣла обвинять своихъ родителей.

— Нѣтъ, меня тамъ любятъ, мнѣ хорошо! отвѣчала она. Я пришла просить не о себѣ, а о братѣ.

— Это пьяница и воръ?

— Онъ братъ мой, возразила Аннушка съ упрекомъ.

Августу Карлычу сдѣлалось совѣстно.

— Что-же ты хочешь, Анхенъ? спросилъ онъ.

— Батюшка жаловался вамъ на него, вы хотѣли его наказать — простите его, фатеръ.

— Изволь, изволь, моя Анхенъ, но, вѣдь, самъ отецъ твой просилъ, чтобы я его высѣкъ хорошенько.

— Мой братъ добръ и благороденъ; они не понимаютъ его: онъ любитъ ласку, а его бранятъ.

— Анхенъ, ты добра, и не понимаешь его, — отвѣчалъ Августъ Карлычъ съ улыбкой.

— Я сама дочь мужика! возразила Аннушка съ несвойственной ей горечью.

— Но ты образована, а онъ дикъ и глупъ! сказалъ Кнабе, который послѣ жены сдѣлался еще упрямѣе и раздражительнѣе.

— Я жалѣю, что я образована: я была-бы счастливѣе, еслибъ ничему не училась.

— Ты неблагодарна, Анхенъ; я не ожидалъ этого отъ тебя! отвѣчалъ нѣмецъ запальчиво.

— Нѣтъ, нѣтъ, я люблю васъ, я благодарна тебѣ, фатеръ, и . . . ей . . . муттеръ . . .; не сердись на меня, не думай такъ обо мнѣ . . . но и не обижай моихъ родныхъ.

— Да, ты не родная дочь моя... Я сдѣлалъ для тебя все, что могъ... У меня теперь никого нѣтъ... ты оставила меня!..

— Господи!.. фатеръ, ради Бога, не говори такъ... прости меня...

— Богъ съ тобой... будь счастлива... я одинъ теперь...

Августъ Карлычъ, мрачный и угрюмый, сталъ ходить по комнатѣ скорыми шагами.

— Фатеръ, ты не сердишься на меня?..

— Нѣтъ.

— Я ни въ чемъ не виновата... прости меня!

— Я не сержусь!

— А брата прощаешь?

— Да.

Августъ Карлычъ продолжалъ ходить по комнатѣ молча, Аннушка тоже молча нѣсколько минутъ смотрѣла на него: ей показалось, что Августъ Карлычъ похудѣлъ и постарѣлъ, на лицѣ его изображалися—тоска и страданіе. Аннушкѣ стало жалко разставаться съ нимъ.

— Фатеръ, если хочешь, я приду къ тебѣ погостить.

— Не надо! отвѣчалъ Кнабе и горько усмѣхнулся.

— Прощай, фатеръ! робко проговорила Аннушка послѣ нѣкотораго молчанія.

— Прощай!

— Ты не хочешь меня больше видѣть?

— Приходи!

Аннушка еще нѣсколько минутъ оставалась съ Августомъ Карлычемъ; онъ продолжалъ ходить, не поднимая глазъ.

— Прощай! сказала дѣвушка и поспѣшно вышла изъ дому съ грустью еще болѣе сильной, нежели вошла въ него.

— Погоди, и ты будешь скотницей! говорила Аксинья, высунувшись изъ окна людской въ то время, какъ Аннушка проходила мимо ея. Погоди, поклонишься и намъ... Богъ-оть знаетъ, что дѣлаетъ.

Аннушка едва имѣла силы дойдти до дому и сказать Зосимѣ, что онъ прощенъ. Она пролежала въ постели весь этотъ и слѣдующій день. Зосима, въ теченіе этихъ дней, нѣсколько разъ входилъ въ свѣтелку и заботливо спрашивалъ сестру:

— Что ты, али нездоровится?

— Нѣтъ, мнѣ тошно! это ничего, братецъ! отвѣчала Аннушка ласково.

Зосима ни слова не спрашивалъ болѣе, и уходилъ мрачный, какъ темная ночь.

Глава V.

Чужая душа — потемки.

Мало-по-малу между Аннушкой и Зосимой образовалась какая-то странная симпатія. Этотъ грубый, угрюмый и мрачный съ виду мужикъ, одинъ изъ всей семьи вполнѣ понималъ положеніе прекрасной, невинной, развитой дѣвушки въ чуждой ей сферѣ, и вполнѣ сочувствовалъ всѣмъ ея нравственнымъ страданіямъ. Аннушка также одна изъ всего семейства умѣла отгадать прекрасное сердце и добрую душу подъ этой грязной и грубой внѣшностью брата, понимала его сочувствіе къ себѣ и дорожила имъ тѣмъ болѣе, что оно не выражалось ни въ безполезномъ соболѣзнованіи, ни въ пустыхъ фразахъ.

Зосима почти все свободное время проводилъ около сестры, и по-прежнему молчаливый при другихъ, онъ, оставаясь съ нею наединѣ, становился нѣсколько разговорчивъ. Нахмуренныя брови его выпрямлялись и улыбка появлялась на губахъ, особенно, когда онъ видѣлъ какъ Аннушка нянчила и лелѣяла его сына Калистрата. Часто Зосима просиживалъ по нѣскольку часовъ, не спуская глазъ съ сестры и слушая, какъ она учила племянника грамотѣ.

Прошло уже болѣе мѣсяца, но Зосима ни разу не былъ пьянъ. Вся семья удивилась перемѣнѣ, которая совершилась въ немъ, и Арина иногда втихомолку толкуя съ мужемъ объ этой перемѣнѣ въ единственномъ сынѣ, крестилась и отплевывалась, чтобы не сглазить его похвалою.

Однажды, послѣ порядочной перебранки съ женою, которыя были не рѣдки, Зосима пришелъ къ сестрѣ, когда она была одна, совершенно мрачный и угрюмый.

— Что ты, братецъ? спросила его Аннушка.

— Ахъ, Аннушка, совсѣмъ замучило меня . . . такая тягота . . . такъ и тянетъ выпить . . . Кажись бы, ничего не пожалѣлъ, да тебя стыдно . . . отвѣчалъ Зосима.

— Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, сохрани тебя Богъ: помни, что ты обѣщалъ мнѣ. Если будешь пить, значитъ не любишь меня.

— Больно тошно, Аннушка . . . такъ и тянетъ . . .

— Да что это такое съ тобой дѣлается — скажи мнѣ, пожалуйста, отчего?

— Гмъ! отчего? . . кто знаетъ отчего . . . отвѣчалъ Зосима . . . А можетъ статься и есть причина . . . да какъ тебѣ сказать-то, прибавилъ онъ нерѣшительно.

— Да давно-ли это съ тобой сдѣлалось?

— А вотъ какъ Калистраткѣ родиться.

— Какъ же это началось? — разскажи мнѣ.

— Изволь . . . пожалуй, коли хошь . . . тебѣ разскажу. Э-эхъ, Богъ наказалъ за грѣхи! . . Вишь какъ было дѣло . . . ужъ я тебѣ все открою . . . Какъ былъ я парень молодой, и была тутъ на деревнѣ дѣвка Праскуха, дѣвка такая, что самая первая и изъ себя, и разговоромъ, ну, а не богатая, и нече таить, надо правду молвить, погуливала, не такъ, чтобы очень, а это точно, съ однимъ парнемъ допрежь меня точно гуляла . . . Ну, а тутъ мы съ ней слюбились, да такъ, что не быть не жить — все бы вмѣстѣ . . . Такъ и гуляли мы съ ней цѣло лѣто. Батюшка запримѣтилъ . . . ну, сталъ ругать, когда и поколотитъ, ничего, а еще ровно въ удовольствіе — онъ тебя прибьетъ, а ты съ поля уйдешь, да гдѣ-ни-гдѣ ужъ свидишься. Праскуху-то тоже когда отецъ ея-то, али мать потаскаютъ, — и той равно ничего — убѣжитъ ко мнѣ, когда ужъ мы такъ сговоримся . . . Вотъ только я думалъ, да думалъ, переговорилъ съ Праскухой-то, да и язнулся къ отцу, что, молъ, не хочу, батюшка, во грѣхѣ жить, а жени ты меня на Праскухѣ . . . Батюшка заругался . . . такая, сякая и нищая она сбирунья, и потаскуха . . . всяко ее обругалъ . . . да и меня-то поколотилъ . . . Вотъ я тогда не то, что какъ теперь, а такъ . . . равно бы съ горя-то что-ли . . . впервой такъ натянулся, что до безпамятья . . . Ну, а послѣ проспался . . . и опять пошло у насъ то же гулянье съ Праскухой, да любовь . . . Между тѣмъ временемъ отецъ высваталъ мнѣ эту Александру . . . ну, да и велѣлъ... вѣдь отцовская воля . . . перечить не станешь, и управитель приказалъ . . . мила-ли не не мила-ли, го-

ворю Праскухѣ: прощай, молъ, Параня, прошла наша любовь... И такъ я съ ней до самаго до послѣдняго дня, какъ въ церковь идти, все гулялъ... Тутъ, охъ, поревѣли, да нечего дѣлать... и то думаю: у меня будетъ жена, а она... до меня былъ... и опосля меня будетъ... найдетъ... а то за-мужъ выдадутъ. И сказать, — какъ я святымъ дѣломъ въ законный бракъ вступилъ, не имѣлъ я съ ней никакого дѣла, и встрѣчу попадется, такъ отвернуся, чтобы душу свою соблюсти... А тошно по ней было, и изъ украдки когда все посмотрю, только ей этого виду не даю... Такъ прожили мы больше полугода... Только была у насъ въ семикъ гулянка... Жена-то ужъ тяжела была, не пошла, я одинъ пошелъ... Ну, и выпилъ, только самымъ малымъ дѣломъ... такъ на-веселѣ... и такая Пра скуха показалась мнѣ хорошая... заговорила она со мной, не осилилъ я себя, сталъ съ ней говорить... Она мнѣ тутъ и молвила: отшатнулся, говоритъ, ты отъ меня совсѣмъ, а я все объ тебѣ кажинную минуту думаю... сгубилъ, говоритъ, ты мое сердце... Вотъ говоритъ, и меня за-мужъ отдаютъ... хоть бы, говоритъ, попрощался во всю любовь... Отъ этой ея рѣчи у меня сердце разгорѣлось, и пошли мы дальше отъ народа... Купилъ я двѣ бутылки меду и сталъ ее угощать... Выпили мы по стаканчику, по другому... и такія у насъ тутъ были любовныя рѣчи, и плакали мы, и смѣялись... Разошлись ужъ куда солнышко сѣло... Только какъ остался я одинъ, такая на меня напала тоска, такъ подъ сердцемъ засосало... не знаю, не хочу на ея совѣсть укоръ класть: положила-ли она мнѣ въ медъ какого приворота, али ужъ такъ отъ одного горя захотѣлось мнѣ этого вина пить... пошелъ я, да

тѣмъ же часомъ такъ напился, что тутъ же ровно снопъ и повалился . . . На другой день отецъ посрамилъ меня, побранилъ, ну и плюху далъ . . . это мнѣ не въ трезвость . . . сталъ искать случая, какъ бы опять все вмѣстѣ съ ней быть . . . И совѣсть, и законъ позабылъ . . . приворотила она меня къ себѣ... Только не долго я этакъ грѣшилъ: скоро ее въ другую дальнюю вотчину за-мужъ отдали . . . Еще какъ и она-то была, такъ меня все тянуло къ хмѣльному, а какъ не стало ее, все хуже да хуже . . . сосетъ подъ сардцемъ да и все тутъ! . . Перемогаюсь перемогаюсь . . . да нѣтъ, силушки моей не станетъ... ну и совѣсть-то меня мучила. Прошелъ годъ-другой, объ ней-то бы ровно ужъ я и ничего бы . . . и мало когда въ мысль придетъ, а это подъ сердцемъ все сосетъ да сосетъ. А тутъ еще отецъ сталъ ругаться, да бить, срамить пòходя, слова въ ласку ие скажетъ, все пьяница, а мнѣ оттого пуще . . . сердце-то что-ли меня беретъ, что я и самъ вижу, что не дѣло дѣлаю, да мочи моей нѣтъ, тутъ бранятся, да срамятъ меня . . . такая возьметъ тягота, да зло — ни на кого-бы и не смотрѣлъ! . . Жена . . . ну, Богъ ей судья . . . самъ я виноватъ противъ нея . . . а непутная баба . . . говоритъ, говоритъ языкомъ-то, а все не дѣло . . . а меня горюшко беретъ, что не дѣло-то говоритъ . . . Такъ вотъ все . . . отецъ-ли поругаетъ, жена-ли досадитъ, а иной разъ и такъ просто . . . засосетъ, ну, и нѣтъ моихъ силъ . . . Иной разъ такъ, кажись бы руки на себя наложилъ . . . Вотъ, Аннушка, дѣло-то какое! . . Ты вотъ пришла, да ласковыя-то слова стала говорить, такъ ровно я свѣтъ увидѣлъ, а тѣ всѣ равно мнѣ вороги были какіе . . . прости Господи мои великія согрѣшенія! . . Это самъ въ себѣ понимаю, что ве-

ликой грѣхъ, и Господа призываю, ужъ себѣ воли не дамъ — отцу матери не сгрублю, а все у меня зло на сердцѣ . . . Вотъ на тебя смотрю, ровно на ангела Божьева, и на душѣ стало, кажись, полегче при тебѣ, а все еще сосетъ, все тянетъ . . . ужъ далъ тебѣ заклятье, такъ надо держать . . . а кажется, какъ бы ты слово сказала, что, молъ, ну, Богъ съ тобой, такъ бы ни на что иной разъ не посмотрѣлъ . . .

— Нѣтъ, братецъ, ради Бога, коли любишь меня, потерпи, да молись больше Богу: Онъ поможетъ тебѣ перенести это испытаніе.

— Вотъ что, Аннушка, а ты мнѣ вели хошь по двѣ рюмочки пить, когда ужъ больно-то меня прихватитъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты поклялся, что не дотронешься до рюмки . . . помни же это.

— Ну, ладно, Аннушка, буду терпѣть, только бы у меня всю грудь не высосало.

— Я буду молиться о тебѣ.

— Ахъ, золото ты мое, гдѣ-то экія душеньки только берутся! . . сказалъ Зосима съ глубокимъ вздохомъ, и посмотрѣлъ на сестру̀ съ необыкновенной любовью.

Глава VI.

Не по недугу лекарство.

Безъ мала два мѣсяца прожила Аннушка въ домѣ своего отца, и все не могла привыкнуть къ быту, отъ котораго отстала и образомъ мыслей, и воспитаніемъ. Она старалась показывать себя счастливою,

довольною, но не даромъ худѣла она и блѣднѣла: и внутреннія страданія, и внѣшняя обстановка, терзали ее. Ея нѣжная натура, ея эстетическое чувство не могли ужиться съ грубостью формъ и понятій тѣхъ людей, среди которыхъ суждено ей было жить. Не рѣдко примѣры благородства, великодушія ея родныхъ, доказательства искренней и безпредѣльной любви ихъ къ ней, утѣшали и успокоивали ее, она примирялась съ той грубой внѣшностью, подъ которой скрывалось такъ много прекраснаго, какъ напримѣръ въ Зосимѣ . . . но не на долго. Она испытывала страшное одиночество — и скучала. Здѣсь были все родные ей люди по крови, но почти чужіе по душѣ: она любила ихъ и они любили ее, но этимъ и органичивалась вся связь между ними: они не понимали другъ друга, и Аннушка оставалась одна . . . совершенно одна, среди людей, такихъ ей близкихъ по крови, такъ горячо ее любившихъ. Ближе всѣхъ къ Аннушкѣ по душѣ былъ Зосима, но онъ могъ понимать всѣ ея движенія только, такъ сказать, инстинктивно, чутьемъ, между ними лежала большая разница во всемъ — и Зосима никакъ не могъ быть другомъ Аннушки, ея полнымъ повѣреннымъ: ей было только спокойнѣе, веселѣе, легче при немъ . . . А душа семнадцатилѣтней дѣвушки, испытавшей любовь, страдаетъ, если бываетъ должна замкнуться, сосредоточиться сама въ себѣ; для нея и радость сильнѣе, если она можетъ подѣлиться ею съ своей подругой, и горе не такъ тяжко, если она можетъ выплакать его на груди своей повѣренной... Но Аннушка была одна, одна въ цѣломъ мірѣ . . . И она переносилась мыслью въ былое счастливое время: думала объ Анхенъ, объ Амаліи Ѳедоровнѣ... Но эти мечты еще болѣе растравляли раны ея

сердца... Въ дѣйствительности оставался одинъ человѣкъ, для котораго и теперь снова раскрылось бы сердце Аннушки — этотъ человѣкъ — Дмитрій Петровичъ, но гдѣ онъ? что онъ теперь для нея?..

— Но нѣтъ, нѣтъ, онъ не забылъ меня, онъ любитъ меня попрежнему, онъ страдаетъ также, какъ я, думала Аннушка, и нерѣдко въ такія минуты брала перо и писала къ Дмитрію Петровичу. Она писала къ нему:

„Неужели ты думаешь, что я позабыла тебя, что я измѣнила тебѣ? О, нѣтъ, нѣтъ, мое сердце все также полно любовью къ тебѣ, оно только тоскуетъ теперь и страдаетъ... Зачѣмъ ты не бѣденъ столько же, какъ я, зачѣмъ ты не крестьянинъ?.. тогда ни что не могло бы разлучить насъ, я еще болѣе любила бы тебя... А ты?.. Теперь я волвратилась въ ту же избу, изъ которой вышла, и... и... довольна тѣмъ, что меня окружаетъ... я, можетъ быть, скоро надѣну сарафанъ, чтобы мнѣ ничто не напоминало прошедшаго, въ которомъ одни только несчастія для меня... Я рада, что возвратилась въ тотъ бытъ, изъ котораго вышла, и сѣтую только на то, что получила совсѣмъ ненужное для меня образованіе... поскорѣе бы все позабыть, поглупѣть, потерять все, что пріобрѣла... Но зачѣмъ же я лгу передъ тобою, зачѣмъ не скажу тебѣ всю правду?.. мнѣ тошно здѣсь; здѣсь все то, отъ чего я отвыкла и къ чему уже не могу болѣе привыкнуть... Я не могу любить то, что помѣшало моему счастію, разрушило нашу любовь... О, вырви, вырви меня поскорѣе изъ этой жизни!.. А между тѣмъ меня всѣ любятъ здѣсь, и я люблю своего отца, мать, добраго, прекраснаго по душѣ брата, люблю — и мнѣ скучно, тошно съ ними... О, зачѣмъ учили

меня, зачѣмъ я узнала тебя? . . Я понимаю, понимаю теперь, почему ты не могъ жениться на мнѣ: ты не могъ бы сблизиться съ моими родными, не могъ бы считать необразованныхъ отца и мать своими родителями . . . зачѣмъ я еще думаю о тебѣ? . . Прощай, прощай! . .“ И Аннушка плакала и рвала письмо свое . . .

Въ одну изъ такихъ грустныхъ минутъ, она рѣшилась-было сдѣлаться вполнѣ крестьянкой даже по наружному виду: сшила себѣ сарафанъ, надѣла его, причесала волосы по деревенски . . . Но что-же вышло? . . . Арина чуть не плакала о прежнемъ костюмѣ Аннушки, Александра совершенно растерялась, увидя ее въ сарафанѣ, и, не умѣя достаточно выразить своего удивленія, побѣжала и разсказала о превращеніи сестры на господскомъ дворѣ и по всей деревнѣ . . . И Аннушка видѣла, какъ дворовыя и крестьянскія бабы и дѣвки прибѣгали въ избу къ Аринѣ нарочно съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть на Аннушку; она видѣла, какъ перешептывались и смѣялись первыя, съ какимъ удивленіемъ оглядывали ее съ ногъ до головы послѣднія, и дичились ея еще болѣе, нежели когда она была въ прежнемъ платьѣ своемъ. Самой Аннушкѣ тоже какъ-то стыдно было своего новаго костюма и неловко въ немъ . . . Она сняла его и не надѣвала болѣе.

Между тѣмъ Арина часто говорила мужу:

— Что, Иванъ Прохорычъ, примѣчаешь-ли ты? ровно-бы Аннушка-то у насъ все худѣетъ, да такая, нешто, все невеселая: ину пору слова отъ нея не добьешься.

— За-мужъ ее надо выдать . . . вотъ что! отвѣчалъ Иванъ Прохорычъ.

— За-мужъ . . . вѣстимо, это-бы хорошо. Да за

кого ты ее выдашь? за мужика она, чай, не пойдетъ.

— А вотъ поживетъ у насъ, да попривыкнетъ, да барина-то того позабудетъ, такъ може и пойдетъ: вѣдь, не вѣкъ-же ей въ дѣвкахъ сидѣть.

— Гдѣ, батюшка, не пойдетъ за мужика! да никто и подумать не посмѣетъ присвататься-то къ ней съ этакимъ ея ученіемъ . . . Да и что она? и привычки такой не имѣетъ, чтобы въ избѣ бабой быть . . . куда ей! . . грамотница такая! . .

— Ну, чего Богъ не дѣлаетъ. Въ Бубеновѣ-то не мало богачей . . . тысячники есть, въ Питеръ ходятъ, дѣти-то бороды брѣютъ и тоже грамотники... чего Богъ не дѣлаетъ . . . А она не нищая какая . . . есть что принести за собою . . .

— Развѣ что этакъ-то, что Богъ дастъ! . . Больно-бы хорошо, а то, ишь ты, какъ исхудала, да выцвѣла. Такъ съѣзди коли съ ней въ Бубеново-то за обѣдню . . . теперь дѣло-то къ зимѣ: всѣ ребята-то, чай, изъ Питера-то теперь къ домамъ пришли. Съѣзди, авось, Богъ милосливъ, не выпадетъ-ли какой жеребей; а я Александрѣ скажу: она баба на это дѣло горазда, какъ разъ смастеритъ. Пра, Иванъ Прохорычъ, съѣзди! говорила Арина, крѣпко схватившись за счастливую мысль мужа.

— Ладно, ладно, отвѣчалъ Иванъ, вотъ дай, погоди, дорога совсѣмъ установится — съѣздимъ! Чего Богъ не дѣлаетъ!

— Дай-ка Господи! да какъ, кому экая красавица, да ученая не мила!

Настала зима. Стала крѣпкая санная дорога. Однажды, наканунѣ праздника, Арина обратилась къ Аннушкѣ съ такою лукавою рѣчью:

— Аннушка, не хошь-ли, съѣзди-ка завтра къ обѣднѣ въ Бубеново, по новой-то дорожкѣ, покатайся, а то что все сидишь; вѣдь, чай, и скука возьметъ. Вотъ отецъ да Александра ѣдутъ, и ты-бы съ ними.

— Пожалуй, матушка! отвѣчала Аннушка, не подозрѣвавшая, что ее хотятъ везти на показъ.

— Пра, родная, поразгуляйся маненько, ну, да и Богу помолишься, а то что, статное-ли дѣло, все сидѣть, да сидѣть. Поѣзжай, матушка.

На другой день Аннушку удивили парадные сборы отца и Александры. Первый надѣлъ самый лучшій синій кафтанъ, который онъ надѣвалъ только развѣ въ Свѣтлый праздникъ, подпоясался шелковымъ кушакомъ, противъ обыкновенія расчесалъ волосы на головѣ и бородѣ. Александра надѣла самый лучшій на-золотѣ платокъ, красную шелковую шубу и шелковый сарафанъ. Она показывала особенное желаніе разрядить Аннушку, но та, къ величайшему ея неудовольствію, не рѣшилась даже надѣть шляпку на голову, а накрылась большимъ шерстянымъ платкомъ, именно съ тою цѣлію, чтобы не очень бросаться въ глаза незнакомому народу.

— Чтой-то, сестрица! .. надѣньте шляпку-то, ровно у васъ ихъ мало, надѣнь, матушка.

— Да для чего?

— Ну, какъ для чего? Бубеново село большое, не то, что наше. Ай, чтой-то, и салопъ-то старый; надѣньте, сестрица, шелковый-то. Ну-ка, какой у васъ есть салопъ хорошій, а вы этотъ надѣваете; надѣнь, матушка, шляпку-то, да шелковый-то салопъ . . .

— Да для чего я надѣну?

— Какъ для чего? .. что-йто, сестрица . . . не-ужто тебѣ и порядиться-то не хочется. Надѣнь, пожалуй, надѣнь. Посмотри-ка, тамъ поповны-то какія модныя.

— Ну, такъ то поповны . . . Нѣтъ, не надѣну, не стану переодѣваться ни за что.

— Экія вы, сестрица, упрямыя! Матушка, посмотри-ка, въ чемъ сестрица-то ѣдетъ, и шляпки не хочетъ надѣть, а салопъ-отъ какой.

Арина тоже стала-было говорить въ пользу шляпки и шелковаго салопа, но Аннушка не послушалась и ея убѣжденій.

Впрочемъ, не смотря на то, что она была въ старомъ салопѣ и покрыта платкомъ, она оставалась все такою же хорошенькою и не походила на крестьянку.

Въ церкви, при ея появленіи, между крестьянками началось перешептыванье, а мужское молодое поколѣніе скоса безпрестанно поглядывало на нее. Аннушка замѣтила это общее вниманіе, и конфузилась, тѣмъ болѣе, что Александра, которая стояла съ нею рядомъ, безпрестанно одергивала на ней салопъ, поправляла платокъ и мѣшала ей молиться. Въ церкви было нѣсколько молодцовъ, которые на лѣто ходятъ въ Петербургъ; нѣкоторые изъ нихъ смотрѣли купцами: бороды подстрижены, волосы примазаны, одѣты въ синія чуйки, и стояли не какъ всѣ православные, а выставивъ одну ногу впередъ. Они-то по преимуществу не сводили глазъ съ Аннушки.

Въ Бубеновѣ знали исторію Аннушки, знали Александру, и потому, когда обѣдня кончилась, и Александра, отпустивши сестру съ отцемъ впередъ, сама нарочно осталась на паперти, то бабы толпой окружили ее.

— У васъ что-ли она теперя живетъ? спрашивали онѣ.

— У насъ, у насъ.

— Экая красавица.

— То-то! . . а ученая-то какая, а нѣмка-то сколько отказала ей: одного платья, да разнаго добра больше, чѣмъ на тысячу рублей . . . чего ваши-то женихи смотрятъ?

— Гдѣ ужъ имъ! пойдетъ-ли она за нихъ, коли баринъ хотѣлъ жениться . . . Да что говорить: барышней такъ и смотритъ! . .

— Хотѣлъ жениться, да не женился, такъ все равно, что ничего . . . Мало-ли у васъ богатыхъ жениховъ — питерцовъ . . . ужъ какая ни есть ученая, а все нашего-же роду-то, крестьянскаго . . . Не вѣкъ-же въ дѣвкахъ будетъ сидѣть . . .

Александрѣ некогда было говорить болѣе: ее дожидались у саней Иванъ Прохорычъ и Аннушка, на которую народъ смотрѣлъ съ любопытствомъ; но этихъ словъ Александры было достаточно: они достигли цѣли.

Не больше какъ чрезъ двѣ недѣли послѣ этой поѣздки, утромъ въ воскресенье къ Ивану Прохорычу пріѣхалъ самъ бурмистръ бубеновскій, мужикъ очень богатый и чванливый. Носились слухи, что Гаврила Гаврилычъ, — такъ звали бурмистра, — смекалъ махнуть въ гильдію и завести свои обороты на широкую руку, да правду сказать, онъ и теперь ужъ смотрѣлъ купцомъ-капиталистомъ: толстый, съ краснымъ оплывшимъ лицомъ, съ тучнымъ чревомъ и одышкой, онъ и говорилъ, и держалъ себя не такъ, какъ простой мужикъ. У Гаврилы Гаврилыча былъ сынокъ на возрастѣ и проживалъ все больше въ Питерѣ.

Иванъ Прохорычъ, Арина и Александра тотчасъ смекнули, зачѣмъ пріѣхалъ дорогой гость. Гаврило Гаврилычъ, какъ туча ввалился въ избу Ивана Прохорыча, былъ встрѣченъ низкими поклонами, и не мало смутилъ хозяевъ своей лисьей шубой.

Аннушка была въ своей свѣтелкѣ.

— Ахъ, дорогой гость, просимъ милости! Вотъ не ждали, не чаяли! говорили Иванъ Прохоровъ и Арина.

— А то-то... не ждали... ухъ! дайте отдохнуть...

— Просимъ милости садиться, Гаврило Гаврилычъ... Чѣмъ дорогаго гостя подчивать? чайку не прикажешь-ли?.. съ морозцу-то хорошо. Александра, поди-ка наставь самоваръ...

— А вы тоже чайкомъ-то забавляетесь?.. а?

— Нѣтъ, мы-то этой привычки не имѣемъ, а вотъ дочка у насъ на этомъ дѣлѣ воспитана, такъ она-то у насъ завсегда ужъ разъ другой въ сутки побалуетъ...

— А, дочка!.. а гдѣ-же дочка-то у васъ? что ея не видать!

— А у нея особливый покой — свѣтелка теплая.

— Такъ!.. видѣлъ я ономнясь у насъ въ церкви дочку то вашу, — славная... Ну!.. такъ она съ вами и живетъ?

— Съ нами, Гаврило Гаврилычъ.

— А прежде-то она у нѣмцевъ, слышь, вашихъ жила.

— Да, точно это, жила.

— Такъ, чай, ей теперь скучно у васъ-то, непривычно: хоромы-то у тебя, Иванъ Прохорычъ, вѣдь, вонъ какія, мужицкія...

— Ну, да что дѣлать-то Гаврило Гаврилычъ. Богъ велѣлъ жить такъ, такъ и живетъ — привыкаетъ.

— Такъ, такъ!.. А славная, славная дѣвушка!.. А который ей отъ роду-то?

— Это годокъ-отъ?

— Ну, да!

— Да ужъ вотъ восемнадцатый... кажись, такъ, Арина?

— Нѣтъ еще, семнадцатый только, Иванъ Прохорычъ... что ты прибавляешь! отвѣчала Арина.

— Ну... самая настояшая пора. Чай, тоже женихи понаклевываются?.. а?

— Нѣтъ, еще этого нѣтъ!.. отвѣчалъ Иванъ.

— Вѣдь она у насъ такая ученая, Гаврило Гаврилычъ! подхватила Арина. Такая ученая, да умная, и Господи... на разные языки учена...

— Слышали мы, слышали.

— Ну, и за собой тоже: окромя платья, одежи, капиталъ тоже имѣетъ! продолжала Арина. Такъ надо, батюшка, Гаврило Гаврилычъ, чтобы и женихъ былъ поэтому...

— Такъ!... А сколько за ней капиталу-те?

— Да пятьсотъ рублевъ.

— Ну, не такъ, чтобы больно много.

— А окромя того, подхватила Арина, что матерчатыхъ платьевъ, и салопъ есть матерчатый, и разныя кольца, да серьги золотыя, да браліандовыя.

— Это ей все нѣмка-то что-ли отказала?

— Она, Гаврило Гаврилычъ, она, дай ей Богъ царство небесное.

— Ну!... какъ-же? чай, надо и жениха приискивать?...

— Ужъ это какъ сказать, Гаврило Гаврилычъ, ужъ это какъ, примѣрно, судьба, али Богъ...

— Такъ!... Ну, да что съ вами много толковать-то: вотъ вамъ женихъ — мой Серега...

Любъ-ли? спросилъ Гаврило Гаврилычъ самоувѣренно.

Иванъ Прохорычъ и Арина кланялись; первый придумывалъ отвѣтъ поблагоприличнѣе.

— Что̀, али не любъ? продолжалъ Гаврило Гаврилычъ. Ученье имѣетъ тоже не малое: почитай, съ-измаленька все въ Питерѣ проживалъ, при нѣмцѣ артельщикомъ былъ, и тоже нѣмецкій разговоръ знаетъ: иной разъ скажетъ — и не поймешь. А о капиталахъ нашихъ, чай слышали?... Что̀-же, говорите: любъ-ли, али нѣтъ?

— Можно-ли, чтобы былъ не любъ! отвѣчалъ Иванъ Прохорычъ. Честью твоей много довольны, а только вотъ какъ дочка... надо ее поспрошать... какъ, то-есть, ея желаніе.

— А что? ломаться, что-ли будетъ?

— Гдѣ, чай, ломаться, Гаврило Гаврилычъ: отъ такихъ жениховъ не хоронятся; а такъ какъ она, напримѣръ, у насъ ученая, и сама себѣ разумъ имѣетъ, такъ ужъ мы ей принужденья дѣлать не будемъ... все надо спросить...

— Ишь ты!.. Ну, ладно, спроси! Такъ пятьсотъ рублевъ за ней?

— Точно такъ, Гаврило Гаврилычъ.

— Ну да, чай, и ты что подбавишь: слыхалъ я, что и у тебя гроши-то водятся.

— Когда-же это въ нашемъ родѣ крестьянскомъ бываетъ, Гаврило Гаврилычъ: еще въ домъ вносятъ, коли невѣсту изъ дому берутъ... Да и что вамъ въ моихъ деньгахъ при такомъ вашемъ богачествѣ?..

— Скуповатъ, вижу ты, Иванъ Прохоровъ... Ну, да и то, куда мнѣ и есть съ твоими деньгами: тысячъ не дашь... Серегѣ-то моему очень полюбилась дочка-то твоя, и спитъ и видитъ, какъ-бы

ее получить . . . Ухъ . . . Ну, когда-же вы ее спросите?

— А вотъ, пожалуй, чайку-то отвѣдай, а Арина-то сходитъ, перемолвитъ съ ней... Поди, Арина.

— Хорошо!

— Да что вы ее станете спрашивать-то, сказалъ вдругъ молчавшій до сихъ поръ Зосима, нечто она скажетъ вамъ что, коли и парня-то въ глаза не видала.

— И то дѣло! подтвердила Арина и посмотрѣла на мужа.

— Дѣло и есть! подтвердилъ послѣдній.

— Ну, такъ какъ-же, привести вамъ что-ли его? показать?

— Да ужъ, Гаврило Гаврилычъ... милости просимъ: коли вмѣстѣ, вотъ хошь тѣмъ воскресеньемъ, мы и угощеніе такое приготовимъ.

— Ладно, ладно!.. Такъ покажи хошь мнѣ дочку-то свою, какъ ее... Аннушка, кажись... Дай я съ ней потолкую... а?

— Для-че-же? это можно, Гаврило Гаврилычъ, отчего не показать. Арина, поди позови ее сюда.

Аннушка пришла въ избу по призыву матери.

— А, вота!.. Ну, здравствуй, Аннушка, здравствуй.

— Это бурмистръ бубеновскій, Гаврило Гаврилычъ, богатый, распребогатый! подшепнула Арина Аннушкѣ.

— Ну-ка, садись, да потолкуемъ мы съ тобой. Какимъ ты наукамъ-те обучалась: скажи-ка мнѣ?

Аннушка затруднялась отвѣтомъ на этотъ мудреный вопросъ, но словоохотливый бурмистръ продолжалъ, не дождавшись его:

— Ну, что, какъ живешь-поживаешь у роднаго отца матери, по старомъ житьѣ-бытьѣ не тоскуешь-ли?

— Нѣтъ, мнѣ и здѣсь хорошо.

— Ну, это дѣло! Вотъ надо и объ женихѣ подумывать. А? чай, тоже ину пору думается о женишкѣ-то? — а? тоже, чай, за-мужъ-то хочется?

— Нѣтъ, я не пойду за-мужъ! отвѣчала Аннушка, покраснѣвши вслѣдствіе вовсе неделикатнаго вопроса своего собесѣдника.

— Какъ не пойдешь? совсѣмъ?

— Совсѣмъ.

Иванъ Прохорычъ, Арина и Александра переглянулись между собою. Зосима посматривалъ изъ подлобья то на Гаврилу Гаврилыча, то на Аннушку.

— Что такъ это? ужъ и совсѣмъ не пойдешь! отчего такъ? спросилъ бурмистръ.

— Оттого, что не хочу! отвѣчала Аннушка съ нѣкоторою досадой.

— Вотъ тебѣ ка! молодая дѣвка и замужъ не хочетъ. Что, али о прежнемъ все еще думаешь, да печалишься?.. Слышалъ я, слышалъ... Полно, дѣвка, не думай ты объ немъ, плюнь ты на него! Народъ совсѣмъ непостоянный... Гдѣ ужъ намъ, мужикамъ...

Но Аннушка не дослушала рѣчи бурмистра. При самомъ началѣ ея она вспыхнула, потомъ поблѣднѣла, губы ея задрожали, и, чтобы скрыть слезы, навернусшіяся на глазахъ, она быстро встала и ушла изъ избы въ свою свѣтелку.

Зосима все это замѣтилъ, и очень недоброжелательно посмотрѣлъ на бурмистра.

— Что она ушла? спросилъ недальновидный Гаврило Гаврилычъ.

— Не знаю! такъ что-нибудь! отвѣчалъ Иванъ Прохоровъ.

— Неужто она и взаправду объ баринѣ-то этомъ думаетъ?

— Нѣту, гдѣ, чай? ни слуху, ни духу нѣтъ о немъ.

— А что не весела-та?

— Да такъ, тоже не мало горя-то видала, иное и вспомнится... Ну, да и то сказать, дѣло-то дѣвичье — не замужняя.

— А вотъ погоди, я своего парня привезу: разутѣшитъ онъ ее; такой говорунъ, да балагуръ — умолку нѣтъ.

— Милости просимъ, Гаврило Гаврилычъ, будемъ ждать дорогихъ гостей.

— Ладно, ладно! А вы ей скажите, что, молъ, такъ и такъ, иасчетъ этого дѣла, чтобы она знала, да хорошенько высматривала парня-то, а ужъ онъ себя покажетъ... Ухъ!.. Прощайте-ка доколева.

— Прощенія просимъ, Гаврило Гаврилычъ.

Послѣ отъѣзда бурмистра, между Иваномъ Прохорычемъ, Ариной и Александрой составилось совѣщаніе о томъ, кому и какъ объявить Аннушкѣ о сватовствѣ. Александра вызвалась все дѣло взять на себя, и обѣщалась какъ нельзя лучше уладить его, но Арина не хотѣла уступить ей этого, и совѣтовала поговорить вмѣстѣ съ нею и мужу. Рѣшено было наконецъ отправиться къ Аннушкѣ всѣмъ троимъ вмѣстѣ; пожалуй, старики и не звали-бы съ собой Александру, но она начала это дѣло, и ея вмѣшательства уже нельзя было избавиться. Причиной-же этого совѣщанія былъ довольно рѣзкій и озадачившій всѣхъ отвѣтъ Аннушки бурмистру, что она ни за кого не пойдетъ замужъ.

И такъ всѣ трое пошли въ свѣтелку. Зосима также послѣдовалъ за ними: дѣло касалось его любимой сестры, и онъ принималъ въ немъ живѣйшее участіе, хотя и молчалъ.

— Ну, Аннушка, начала Арина, знаешь-ли, зачѣмъ пріѣзжалъ бурмистръ бубеновской?

— Нѣтъ, не знаю, матушка.

— Тебѣ судьба выходитъ: сына своего бурмистръ сватаетъ.

— Я не пойду замужъ! сказала Аннушка рѣшительнымъ голосомъ.

— Ай, что-йто, Аннушка, парень какой хорошой; вѣдь это не то, что простой какой мужикъ, а питерецъ, вѣкъ свой въ Питерѣ жилъ, и по-нѣмецкому знаетъ; за него, хошь какая купчиха, такъ пойдетъ.

— Я ни за кого не пойду.

— Да, вѣдь, вы его не видали, сестрица, изъ себя-то какой молодецъ, бравой такой, и повадка совсѣмъ не наша мужицкая, и бороду брѣетъ! говорила Александра.

— А богачество-то какое: тысячники; отецъ-отъ откупиться хочетъ. Ты посмотри на него, може и понравится! прибавила Арина.

— И смотрѣть не хочу, потому-что ни за кого не пойду замужъ, ни за него, ни за другого.

— Такъ что-йто, Аннушка, неужто-же вѣкъ свой въ дѣвкахъ останешься? подхватилъ Иванъ Прохорычъ.

— Отчего-же бы мнѣ, батюшка, и не остаться въ дѣвушкахъ?

— Статное-ли это дѣло, дочка, въ дѣвкахъ сидѣть, когда женихи сватаются; ну, другое дѣло, кабы ихъ не было, а то... это кто-же себѣ во рогъ... нѣтъ, ты не дѣло говоришь! замѣтилъ Иванъ Прохорычъ.

— Что-же мнѣ дѣлать, батюшка: я не хочу замужъ.

— Ну, вотъ тебѣ на! Чего-же ты хочешь? Безъ закону что-ли станешь?

Аннушка готова была заплакать.

— Да что ты, батюшка, ее обижаешь: ну, не хочетъ, значитъ такого желанія нѣтъ! неожиданно сказалъ молчавшій до сихъ поръ Зосима.

— А ты что? тебя кто спрашиваетъ? возразилъ Иванъ Прохорычъ. Ты что разумѣешь? Вѣтрить что-ли оставить ее въ дѣвкахъ-то? Туда-же . . . молчалъ-бы! . . брякнетъ-то, такъ не слушали-бы ушеньки мои.

— Такъ что, силой что-ли ты ее выдашь, коли она не хочетъ?

— Ахъ, ты, дуралеина, да развѣ ее тащатъ и всамъ дѣлѣ силой: слышь, уговариваютъ!

— Да что тутъ за уговоры? Слышь, не хочетъ, такъ что еще надо?

— А ты что глотку-то разѣваешь? али давно не пилъ? дуракъ, дуракъ, пустая башка! . . Чѣмъ слово свое сказать, онъ только дѣвку-то сбиваетъ. Молчи, дура-голова, коли не умѣешь путнаго молвить, да коли не спрашиваютъ.

Зосима замолчалъ, но нахмурился и потупился по своему обыкновенію.

— Постой, Аннушка, да ты не отнѣкивайся, ты только посмотри на него, вотъ онъ въ то воскресенье съ отцомъ пріѣдетъ. Можетъ и приглянется! начала опять Арина.

— Матушка, я сказала, что не хочу идти замужъ. Ради Бога, оставьте меня!

— Да вы только посмотрите на него, сестрица, право, понравится! примолвила съ своей стороны Александра.

— Молчи! сказалъ Зосима, обращаясь къ женѣ.

Батюшка не хочетъ меня слушать, а надъ тобой-то имѣю волю. Кто тебя тутъ спрашиваетъ?

— Что ты, батька, какъ кто спрашиваетъ, объ твоей-же сестрѣ-то стараюсь, не объ себѣ. . .

— Ну! . . отрывисто сказалъ Зосима, и такъ страшно посмотрѣлъ на жену, что та не осмѣлилась болѣе ни слова вымолвить.

Иванъ Прохорычъ и Арина продолжали убѣждать Аннушку, но та отвѣчала на ихъ слова только слезами.

— Ну, дочка, не чаялъ я отъ тебя этого! сказалъ отецъ.

— Ужъ и я не чаяла! подтвердила мать: коли этотъ женихъ не хорошъ, не знаю ужъ, какого тебѣ еще надо.

И старики съ поникшими головами оставили Аннушку, но въ дальнѣйшей искренней бесѣдѣ своей порѣшили, что вотъ какъ въ то воскресенье пріѣдетъ молодецъ, да покажетъ себя, такъ авось и у дочки сердце разгуляется.

Глава VII.

Чѣмъ не женихъ?

Настало слѣдующее воскресенье, Арина и Александра, въ ожиданіи гостей, испекли пирогъ съ кашей, зажарили цѣлую четверть барана, состряпали лапшу и яишницу. Въ избѣ все было вымыто, прибрано. Наконецъ гости пріѣхали.

Сергѣй, сынъ Гаврилы Гаврилыча, былъ дѣйствительно молодецъ: широкоплечій, здоровый, не въ мѣру румяный, онъ обѣщалъ впослѣдствіи пойдти

толщиною въ родителя: смотрѣлъ онъ бойко, даже нѣсколько нагло, манеры имѣлъ размашистыя.

Усѣвшись на лавку, подъ образа, и переведя духъ, Гаврило Гаврилычъ обратился къ Ивану Прохорычу и Аринѣ, указывая на сына.

— Ну, вотъ вамъ и женихъ... Хорошъ-ли?

Иванъ Прохорычъ и Арина встали и съ улыбкою поклонились Сергѣю: послѣдній отвѣтилъ имъ тоже поклономъ, но не очень низкимъ и почтительнымъ, какъ слѣдовало-бы ожидать отъ жениха.

— Въ Питерѣ проживать изволишь, Сергѣй Гаврилычъ? спросилъ Иванъ.

— Да, больше въ Питерѣ.

— А по какимъ больше дѣламъ?

— Да по разнымъ: всего долго разсказывать! отвѣчалъ небрежно Сергѣй.

— Такъ! А я полагаю, по своему глупому разуму, продолжалъ Иванъ, что... конечное дѣло, вамъ... при вашемъ богачествѣ, хошь-бы Гаврило Гаврилычъ... оно точно, что въ Питерѣ большіе обороты можно вести и промышлять, а вотъ, если взять наше дѣло, какъ есть мужицкое, такъ никакого, кажись, резонту нѣтъ своего дома отбиваться, а и коло него своимъ трудомъ, да заботой можно себѣ кодѣйку сколотить.

— Нѣтъ, вѣдь, сампетербурская жизнь совсѣмъ другая, возразилъ Сергѣй. Сампетербурхъ городъ большой, всякое удовольствіе тутъ можно получить; все на виду, значитъ человѣкъ себѣ можетъ всякое обхожденіе и политику этакую узнать... значитъ онъ на всякую руку выходитъ человѣкъ, а не то, что необразованный мужикъ.

— Да нѣтъ, Сергѣй Гаврилычъ, я и не на счетъ этого образованья, а говорю къ тому, что гдѣ, молъ

нашему брату, мужику, то-есть сподручнѣе гдѣ копѣйку себѣ зашибить, а то это образованье при нашихъ капиталахъ послѣднее дѣло.

— И на этотъ счетъ Сампетербурхъ первый городъ, продолжалъ Сергѣй. Имѣетъ себѣ человѣкъ понятіе въ мастерствѣ какомъ — поди, всегда зашибешь копѣйку, потому народу много, всего нужно; а коли желательно въ торговлю вступить, да капиталъ малъ, ничего: сначала хошь съ лоткомъ пойди, такъ и тутъ капиталъ получишь...

— То-то вотъ и оно, Сергѣй Гаврилычъ, а какъ вотъ на мое замѣчанье, такъ вотъ ходятъ и отъ насъ иные мужики тамъ на баркахъ, а иные въ разносчикахъ, тамоди, — ну, что онъ лѣто-то проходитъ, много-ли онъ принесетъ: развѣ что развѣ сотнягу какую это барышей-то, и то коли себѣ во всемъ откажетъ, а тутъ у него можетъ коло дому-то не на сотню пропало: остались однѣ бабы, какія ужъ работницы, та-ли сила; а коли работника нанимать, такъ ему заплати, а ужъ срабатано-то не дюжо: чужія руки... Такъ вотъ оно что! А бываютъ и такіе случаи... что вотъ на-счетъ образованія-то, молвилъ: иной парень-то молодой займется этимъ образованіемъ-то, да пить начнетъ, а дѣла-то не дѣлаетъ, и придетъ совсѣмъ съ пустыми руками...

— Ну, это развѣ какой безъ понятій! сказалъ Сергѣй, какъ видно, задѣтый словами Ивана за живую струну. По правдѣ сказать, онъ самъ шибко придерживался рюмки, и отецъ выписалъ сынка изъ Петербурга ради той причины, чтобы поостепенить его, хотя при настоящемъ случаѣ и не говорилъ объ этомъ. И теперь, отправляясь смотрѣть на невѣсту и себя показать, Сергѣй таки прихватилъ куражу.

— Да что вы все не дѣло толкуете, вмѣшался Гаврило Гаврилычъ. Что ты, Иванъ Прохорычъ, невѣсту-то намъ долго не показываешь, а? Али снаряжется?

— Нешто, чай! Арина, поди приведи Аннушку, а ты, Александра, давай поколева, чѣмъ поподчивать дорогихъ гостей: сначала по стаканчику, Гаврило Гаврилычъ, а тамъ чайку.

— Ладно, ладно, это дѣло.

Пока происходило пированье, гдѣ Сергѣй не упустилъ случая еще позапастись куражомъ, уже вмѣстѣ съ родителемъ, Арина ходила въ свѣтельку но возвратилась оттуда одна и со смущеннымъ видомъ.

— Что-же не привела? неужто еще не снарядилась?

— Да... еще... отвѣчала Арина нерѣшительно.

— Что дѣлать-то? шепнула она мужу; никакъ нейдетъ.

— Постой я схожу! сказалъ Иванъ Прохорычъ, но и онъ возвратился тоже одинъ.

— Что, али нейдетъ?

— Да!.. стыдится нечто!..

— Стыдится!.. ну!.. такъ вотъ что, стой! мы сами пойдемъ къ ней: пусть только она на моего Серегу посмотритъ, а онъ себя ей покажетъ... по-нѣмецкому съ ней поговоритъ, коли по-русски стыдится...

— Это можно! отчего не поговорить по-нѣмецкому. Сами у нѣмцевъ живали! сказалъ Сергѣй, уже порядочно охмѣлѣвшій.

Иванъ Прохорычъ рѣшился на это послѣднее средство, и не противорѣчилъ гостямъ, а повелъ ихъ.

Аннушка плакала, разстроенная разговоромъ съ

матерью и отцомъ; около нея сидѣлъ Зосима, по обыкновенію своему, мрачный, какъ вдругъ въ дверяхъ сѣтелки показалась фигура Гаврилы Гаврилыча, а за нимъ Сергѣя, Ивана Прохорыча и Арины.

Аннушка никакъ не ожидала этого посѣщенія и поблѣднѣла.

— Что Аннушка, не показываешься? что прячешься? заговорилъ Гаврило Гаврилычъ. А вотъ я тебѣ жениха привелъ... что много-то толковать: вотъ тебѣ женихъ... ну, любъ али не любъ?

— Позвольте, Анна Ивановна, пріобрѣсти ваше знакомство! сказалъ Сергѣй, по-своему ловко раскланиваясь. Какъ проживамши я въ Сампетербурхѣ, много всего видѣлъ, а таперича съ полнымъ чувствіемъ своимъ получилъ любовь къ вамъ: не оставьте своимъ пріятнымъ расположеніемъ...

Испугъ Аннушки прошелъ и слезы возвратились: она плакала и ни слова не могла выговорить.

— Что-же, Аннушка, молчишь? что лице-то закрываешь? стыдиться нечего!.. Да ты плачешь нечто?.. али не любъ?.. а?.. небось, не ударитъ лицемъ въ грязь... Парень и не тебѣ годится... погляди-ка на него-то... вѣкъ свой въ Питерѣ проживалъ... небось, и ученьемъ не уступитъ... самъ у нѣмцевъ жилъ... Ну-ка, Серега, махни по-нѣмецкому... что она больно!..

— Васъ дече шпрехенъ етвасъ ихъ ферзе нихтъ... имѣлъ безстыдство выговорить полупьяный Сергѣй.

Аннушка до такой степени была огорчена всей этой сценой, что даже не улыбнулась при нѣмецкой фразѣ своего жениха, но продолжала тихо рыдать.

— Ну, что-же молчишь... продолжалъ Гаврило

Гаврилычъ. Не стыдись, молви; любъ, али нѣтъ женихъ-отъ?

— Аннушка, что-жъ ты въ самомъ дѣлѣ ничего не молвишь, сказалъ Иванъ Прохорычъ: неужто еще этотъ женихъ тебѣ не хорошъ?

— Господи! едва проговорила бѣдная дѣвушка... оставьте меня... я ни за кого не пойду!

— Что-жъ такъ-съ? спросилъ Сергѣй. Анна Ивановна, не брезгуйте нами. Собственно какъ любовь я къ вамъ такую получилъ... что ничего не жаль... въ Сампетербурхѣ будемъ жить... какую фатеру найму... Вы не бывали, вѣдь, въ Сампетербурхѣ... первый городъ-съ... прешпектъ, театры, всякое удовольствіе будете имѣть... въ каретѣ буду возить... вотъ какъ... только счастливымъ сдѣлайте, Анна Ивановна... Что-жъ такое?.. не хуже иныхъ прочихъ... въ гильдію выйду...

Аннушка ничего не отвѣчала.

— Постой! началъ опять Гаврило Гаврилычъ. Послушай, Аннушка... Вѣдь ты не Богъ знаетъ что, хошь и учена много... все мужицкаго рода... Какъ не жаль мнѣ ничего для Сереги... право въ купцы выведу... на поди!.. Ужъ присталъ онъ ко мнѣ: жени, да жени на тебѣ!.. Ты думаешь, лучше тебя не найдутъ?.. Али все еще въ барыни хочется попасть... объ баринѣ своемъ все думаешь... а?

Чувство оскорбленной гордости вспыхнуло въ сердцѣ Аннушки; она быстро подняла голову и хотѣла сказать что-то рѣзкое, но передъ нею были не одни чужіе люди, противъ нея были всѣ — и отецъ и мать: сердце надорвалось горемъ, тоской, стыдомъ, и слова замерли на губахъ ея; она снова могла только заплакать.

— Да что вы и всамъ-дѣлѣ пристали къ дѣвкѣ,

сказалъ наконецъ Зосима, потерявши терпѣніе. Сказано, что не надо — и проваливайте.

— Зосима, опять глотку открылъ; ужъ я-те переломаю бока! запальчиво закричалъ на него Иванъ Прохорычъ.

— Да что, батюшка, дерись пожалуй, а я ихъ по шеямъ выгоню; что они надъ дѣвкой-то надругаться что-ли вздумали. Ты чего смотришь? али не видишь? слезами изошла.

— Тьфу вы!.. плевать на васъ и всамъ-дѣлѣ... Срамоты только съ вами дождешься... эко сватовство: сами назвали, да по-шеямъ гнать хотятъ. Подемъ, Серега: плевать на нихъ!.. эка еще барыня нашлась!.. сказалъ обидѣвшійся Гаврило Гаврилычъ.

— Эхъ, братъ, не бывалъ ты, видно, въ Сампетербурхѣ... не знаешь обхожденія, да понятій, дуракъ-дуракомъ! сказалъ въ свою очередь Сергѣй, обращаясь къ Зосимѣ. Ну, Анна Ивановна, не хотѣли вы моей любви... почище васъ найдемъ, на то имѣемъ свое образованіе, да капиталы!..

— Гаврило Гаврилычъ, Сергѣй Гаврилычъ! не обезсудьте вы насъ! говорилъ Иванъ Прохорычъ, который всегда чувствовалъ особенное уваженіе къ людямъ богатымъ. Это у меня, вѣдь, дуракъ полоумный... я его за это добрымъ порядкомъ поучу... Я желалъ всей душей, видитъ Богъ желалъ... хошь нашимъ хлѣбомъ-солью не побрезгуй: ждали дорогихъ гостей — ничего не жалѣли...

— Ну-ка, поди: стану я съ тобой хлѣбъ-соль водить... Вамъ бы дуракамъ... счастье выпадало!.. Будь она моя дочка, а я на твоемъ мѣстѣ... задалъ бы я ей кочебяниться... Тьфу вамъ... вотъ что... Ухъ!..

И Гаврило Гаврилычъ уѣхалъ съ сыномъ, пославши хозяевамъ на прощанье порядочную брань.

— Ну, дочка, сказалъ Иванъ Прохорычъ по отъѣздѣ гостей, для чего ученье-то тебѣ было: на непочтенье, да непокорство къ отцу-матери... Чуяло мое сердце...

— Батюшка, да что я сдѣлала? За что ты сердишься?

— Какъ за что? Еще тебѣ этотъ не женихъ?.. Кладъ Богъ подавалъ: первые богачи у насъ... Подлинно барыней бы жила... и впрямь въ купцы бы выписался...

— Батюшка, да я не хочу совсѣмъ идти за-мужъ ни за кого!

— Да отчего не хошь-то? Это ты мнѣ скажи: отчего не хошь-то ты?

Аннушка молчала.

— И впрямъ, что не молвитъ Гаврилычъ, о полюбовникѣ-то что ли своемъ думаешь? такъ, вѣдь, ужъ показалъ онъ тебѣ хвостъ... мало тебѣ этого?.. вѣтеръ у тебя въ головѣ-то ходитъ...

— Батюшка, пожалѣй меня: за что ты бранишься?

— Да отчего, ты мнѣ скажи, за Сергѣя-то Гаврилыча не пошла, коли бы ты думала о своей головѣ?.. пра, барыней бы жила... никакой бы заботы не знала... А что ты теперь?.. вѣдь тебѣ еще цѣлый вѣкъ жить-то... Съ ученьемъ-то твоимъ лучше тебѣ въ деревенской-то избѣ жить — у меня?

— Лучше, батюшка!

— Лучше!.. А все вотъ этотъ, окаянный, смущаетъ... Свой-то умъ пропилъ, такъ другихъ подучать сталъ... Изъ мово дома добрыхъ людей

вздумалъ по шеямъ гнать... Да кто тебѣ волю-то эту далъ!.. На пакости тебя только...

— Да что, батюшка, я бы слова не молвилъ, какъ бы не стали они надъ Аннушкой надругаться...

— Молчи ты, дура-голова; они съ полнымъ желаніемъ своимъ, а тебѣ что ни есть дурь пришла, что надругаться пріѣхали... за тѣмъ! Слово пикни, какъ шельму изобью: вотъ ты мнѣ какъ насолѣлъ, пьяница ты пропойная.

— Да бей, батюшка, кто тебѣ перечитъ... по крайности за нее буду терпѣть...

— Цыцъ, собака! закричалъ разгорячившійся Иванъ Прохорычъ на сына.

— Батюшка, не тронь его! Бей лучше меня! Если ты станешь бить братца, я убѣгу отъ васъ, куда глаза глядятъ уйду, сбирать стану, въ чужой домъ въ работницы наймусь, только бы не видѣть, какъ ты бьешь его понапрасну.

— Тьфу ты!.. Да что у васъ за любовь такая?.. другъ за друга ровно Богъ знаетъ что: рады и въ огонь и въ воду!

— Онъ мнѣ братъ, батюшка... Онъ добръ, уменъ и благороденъ... Ты самъ долженъ его любить и любишь...

— Не за что мнѣ его любить, пьяницу... пропадай онъ совсѣмъ.

— Вотъ зачѣмъ ты его обижаешь: развѣ онъ пьетъ нынче?

— И ты супротивничать стала отцу... Вотъ оно ученье-то...

— Батюшка, что хочешь дѣлай со мной, только не тронь братца... Онъ и пилъ оттого, что ты не ласковъ съ нимъ былъ, а онъ любитъ тебя и уважаетъ... Больше онъ и пить никогда не будетъ...

— Учи ты меня... Не люблю я науки-ко: старъ сталъ... Супротивники этакіе! сказалъ Иванъ Прохорычъ, и ушелъ изъ свѣтелки, крѣпко хлопнувши дверью въ доказательство своего негодованія.

Глава VIII.

Старыя погудки на новый ладъ.

Послѣ этого неудачнаго сватовства Иванъ Прохорычъ питалъ постоянное неудовольствіе на Аннушку: онъ никакъ не могъ простить ей, что она отказалась отъ такого выгоднаго жениха, лучше котораго онъ и представитъ себѣ не могъ. Старикъ видѣлъ въ этомъ только упрямство дочери, предполагалъ, правда, и остатокъ прежней любви, но мало давалъ цѣны этой привязанности, а еще ставилъ ее въ вину Аннушкѣ. Вслѣдствіе этого онъ обходился съ нею холодно и неласково, а добрая, любящая дѣвушка не могла видѣть нерасположенія къ себѣ, всѣми силами старалась задобрить отцд, ласкалась къ нему, но въ отвѣтъ выслушивала только упреки и выговоры. Она старалась доказать отцу, что она не могла быть счастлива съ Сергѣемъ, но на всѣ ея доводы Иванъ Прохорычъ обыкновенно отвѣчалъ одно и то же:

— Полно-ко, дочка, молода еще ты умомъ-то своимъ жить: это все непослушаніе одно, да свообышество, а всему причина ученье твое проклятое, оттого и почтенья нѣтъ къ отцу, къ матери. Какого еще тебѣ парня нужно, коли этотъ не гожъ? Дурь у тебя въ головѣ-то ходитъ; а вотъ станешь вѣтрить, такъ ужъ потачки не дамъ — не думай.

Сердце Аннушки раздиралось отъ этихъ рѣчей, и болѣло еще больше отъ того, что Зосима былъ также въ немилости у отца за его вмѣшательство въ сватовство. Съ печалію и страхомъ видѣла она, что братъ ея становился все мрачнѣе и угрюмѣе: это не предвѣщало ничего добраго; онъ съ нею даже былъ менѣе разговорчивъ, нежели прежде. Зосима понималъ всю тяжесть положенія сестры, и страдалъ за нее, но не зналъ какъ помочь горю, не умѣлъ ни утѣшить, ни развлечь ее.

Даже Арина не рѣдко высказывала Аннушкѣ свое неудовольствіе за отказъ выгодному жениху, хотя и не сердилась на нее; за то Александра принимала въ сестрѣ горячее участіе, и, заставая ее задумчивою или въ слезахъ, всѣми силами старалась утѣшать ее, но это участіе только раздражало и возмущало Аннушку. . .

Такъ шли дни за днями медленно, безотрадно. Сверхъ всѣхъ прочихъ непріятностей бѣдную дѣвушку мучила скука одиночества и бездѣйствія. Не разъ покушалась она принимать участіе въ хозяйственныхъ хлопотахъ и заботахъ матери, но послѣдняя неохотно допускала дочь къ грубой работѣ, да и самая эта работа была несподручна и тяжела для нея. Кое-какъ убивала Аннушка время за шитьемъ сорочекъ для Зосимы и Калистрата; послѣдній былъ для нея совершенной игрушкой; она нянчилась съ нимъ, какъ съ своимъ собственнымъ сыномъ, учила его грамотѣ, но мальчишка не любилъ сидѣть съ теткой, а рвался на улицу къ ребятишкамъ и не очень ея слушался.

Между тѣмъ умъ Аннушки былъ до такой степени развитъ, что требовалъ пищи: она перечитала и почти выучила наизустъ нѣсколько книгъ, кото-

рыя были у Августа Карлыча, но за всѣмъ тѣмъ оставалось много времени празднаго, котораго нечѣмъ было коротать — и она скучала. По воскресеньямъ Аннушка ходила къ Августу Карлычу, но онъ становился все молчаливѣе, и угрюмѣе, и, казалось, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе дѣлался равнодушнымъ къ своей названной дочери: привычка видѣть ее безпрестанно и считать дочерью, замѣнявшая узы крови, уже не существовала и забывалась, а съ нею вмѣстѣ мало по малу разрушалась и любовь, основанная на ней.

Аннушка замѣчала это охлажденіе — и вотъ новая рана для ея любящаго сердца.

Все это производило неблагопріятное дѣйствіе на характеръ нѣкогда веселой, откровенной дѣвушки: она сосредоточивалась сама въ себѣ, дѣлалась скрытна, молчалива, въ ней начинало развиваться недовѣріе къ людямъ и раздражительность. Такое болѣзненное состояніе души отражалось и на тѣлѣ Аннушки, и только обиліе силъ, вложенныхъ въ нее природою, не допустило развиться въ немъ сильной и опасной болѣзни, но тѣмъ не менѣе оно страдало, и Аннушка худѣла и блѣднѣла... Положеніе ея становилось наконецъ до такой степени тягостно и невыносимо, что она, не сказавши ничего домашнимъ, стала просить Августа Карлыча пріискать ей мѣсто гувернантки, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы это было подальше отъ Тужиловки. Августъ Карлычъ обѣщалъ, но не могъ вскорѣ исполнить своего обѣщанія, потому что кругъ его знакомыхъ было очень ограниченъ.

Такъ прошла зима, наступила весна: солнышко съ каждымъ днемъ становилось все лучезарнѣе и теплѣе, гнало снѣгъ, согрѣвало замерзшую землю,

вызывало въ ней жизнь, природа начала улыбаться человѣку.

Аннушка съ нетерпѣніемъ ожидала весны: тѣсныя стѣны ея скучнаго жилища надоѣли ей, и душа ея рвалась въ приволье и просторъ лѣсовъ и полей.

Но вотъ мутные снѣжные ручьи сбѣжали съ полей въ рѣки, озера, болота, и переполнили берега ихъ, луга покрылись свѣжей зеленью, деревья развернули свои благоуханныя почки, Богъ вѣсть откуда налетѣвшія гостьи-пѣвуньи запѣли свои нескончаемыя трели, свои звучныя, веселыя пѣсни, ожилъ и коченѣвшій дотолѣ цѣлый міръ насѣкомыхъ, общій восторгъ жизни разлился надъ землею — наступилъ всегда веселый, улыбающійся май.

Аннушка цѣлые дни дѣлила съ этой ожившей веселой природой, цѣлые дни бродила она по лѣсамъ и лугамъ, но не надолго раскрылась ея душа, чтобы вкусить общую радость всего живущаго: она была одна, ей снова становилось скучно среди любимой ею природы, сердце сильнѣе просило привязанности, любви. . .

И какъ измѣнилась Аннушка въ теченіе этого года, который прошелъ отъ прошлой весны, когда она бѣгала и рѣзвилась по тѣмъ же самымъ лѣсамъ и лугамъ, когда она всей душой наслаждалась природой, когда вся она проникнута была однимъ свѣтлымъ чувствомъ радости и не имѣла никакой печальной думы, никакой опредѣленной, сильно волновавшей ея мысли, когда сама она была не больше, какъ свѣжій весенній цвѣтокъ, полный силъ и жизни . . . Аннушка много измѣнилась съ того времени. Она похудѣла, и, на первый взглядъ, какъ будто подурнѣла противъ прежняго. На лицѣ ея не сіяла прежняя свѣтлая улыбка, въ глазахъ не сверкала бы-

валая радость, не отражалось спокойствіе душевное, тѣло не дышало прежнимъ обиліемъ жизни, вся особа ея не представляла уже въ себѣ той полноты и гармоніи силъ нравственныхъ и физическихъ, которая такъ очаровывала въ ней годъ назадъ. Но Аннушка и теперь была хороша, только красотою другаго рода: въ глазахъ ея отражалось теперь болѣе ума, болѣе глубокаго чувства, больше думы и мечтательности, лице ея получило болѣе опредѣленныя и строгія очертанія, вся наружность ея говорила объ ея нравственной красотѣ, объ избыткѣ нравственныхъ силъ. Годъ назадъ эта дѣвушка обѣщала въ любви радость, миръ, счастье, — теперь она обѣщала восторгъ, наслажденіе.

Однажды утромъ Аннушка, грустная и задумчивая по обыкновенію, гуляла въ знакомой намъ рощѣ, но въ этотъ день ей было какъ-то особенно тяжело. Роща ей напоминала очень многое изъ ея жизни, и воображеніе невольно рисовало предъ нею картины прошедшаго. Здѣсь она, бывало, рѣзвилась съ своей милой Анхенъ, здѣсь послѣдняя высказывала ей свое предчувствіе смерти, здѣсь проводили они извѣстный послѣ-обѣденный часъ вмѣстѣ: Августъ Карлычъ, Амалія Ѳедоровна, Анхенъ и она; потомъ Анхенъ не стало, но они все-таки собирались сюда здѣсь она какъ теперь видитъ, встрѣтились они съ Дмитріемъ Петровичемъ, здѣсь имѣла она съ нимъ свиданіе ночью, послѣ котораго онъ поклялся жениться на ней: тогда она была такъ счастлива, но . . . онъ обманулъ ее . . . Гдѣ-то теперь Дмитрій Петровичъ, что съ нимъ? давно уже нѣтъ о немъ ни слуху, ни духу, онъ позабылъ меня совершенно! . . думала

Аннушка, и шла все впередъ скорыми шагами. Вдругъ она замѣтила вдали между деревьями чью-то фигуру. Ближе, ближе . . . Аннушка вскрикнула и поблѣднѣла: предъ нею стоялъ онъ . . . Дмитрій Петровичъ.

— Анхенъ! Аннушка! вы-ли . . . ты-ли это? говорилъ молодой человѣкъ, простирая къ ней руки.

Нѣсколько секундъ Аннушка стояла предъ Губовымъ безмолвная, неподвижная: вся душа ея, вся жизнь въ эти мгновенія сосредоточились въ ея сердцѣ, а оно замерло . . . Наконецъ она зарыдала и бросилась въ объятія молодаго человѣка.

Дмитрій Петровичъ страстно цѣловалъ Аннушку и сжималъ въ своихъ объятіяхъ, между тѣмъ какъ она рыдала, положивши голову на плечо его, и находилась въ полузабытьѣ. Въ душѣ ея накипѣло такъ много горя и тоски, а тутъ вдругъ нечаянно, неожиданно такъ много радости: сердце дѣвушки преисполнилось блаженствомъ, она ничего не помнила, ничего не чувствовала, кромѣ счастія настоящей минуты. Нѣсколько минутъ она ни слова не могла вымолвить въ отвѣтъ на восторженныя ласки, которыя разсыпалъ ей молодой человѣкъ. Наконецъ, нѣсколько успокоившись, она устремила на Дмитрія Петровича взглядъ неизъяснимой любви: она смотрѣла на него такъ, какъ будто-бы видѣла самый очаровательный сонъ и боялась проснуться и потерять его.

— Какъ ты перемѣнилась, Аннушка! сказалъ Губовъ.

— Что-же: подурнѣла? съ улыбкою спросила Аннушка.

— Нѣтъ . . . да, немного, но ты все такъ-же прекрасна для моего сердца.

— А вы не перемѣнились... Вы не забыли меня?..

— И ты спрашиваешь?... Ты говоришь мнѣ: вы, какъ чужому... Ты сама, видно, разлюбила меня...

— Нѣтъ.. я люблю...

— Такъ почему-же ты думаешь, что я могъ позабыть о тебѣ, разлюбить тебя... Ахъ, Аннушка, ты не думала-бы этого, еслибъ видѣла, какъ прожилъ я эту ужасную зиму. Правда, я употреблялъ всѣ усилія, чтобы забыть тебя, но не могъ: мнѣ опротивѣлъ Петербургъ, я не могъ видѣть его и уѣхалъ опять сюда... Вчера вечеромъ я только что пріѣхалъ, а сегодня уже шелъ, чтобы хоть издали посмотрѣть на тебя, но вотъ насъ свела сама судьба, либо сочувствіе... И намъ не даютъ счастья!.. судьба разлучаетъ насъ!..

— Зачѣмъ-же вы пріѣхали?.. робко проговорила Аннушка... Лучше не видѣть другъ друга... позабыть!

— О, нѣтъ, нѣтъ, это не въ моихъ силахъ... Я за тѣмъ и пріѣхалъ, чтобы видѣть тебя, мое сокровище, чтобы дышать съ тобой однимъ воздухомъ... Аннушка, не говори-же такъ, не отравляй счастливѣйшей минуты въ моей жизни... Радость моя, скажи мнѣ: вѣдь, ты любишь меня?

И Дмитрій Петровичъ обхватилъ талію Аннушки...

Она трепетала въ его рукахъ, но имѣла на столько мужества, чтобы высвободиться изъ нихъ.

— Я люблю васъ... отвѣчала Аннушка. Но вы теперь не можете меня любить: я живу у отца своего, въ деревенской избѣ.

— Напротивъ, теперь я еще больше люблю тебя, потому-что ты, вѣроятно, изстрадалась въ томъ

кругу, отъ котораго отвыкла . . . Признайся, тебѣ тяжко, мучительно жить теперь тамъ, съ ними? . .

— Да, скучно . . . но они меня любятъ.

— Да развѣ можетъ кто не любить тебя, мое счастіе, развѣ это въ силахъ человѣческихъ! . . Анхенъ, сядь здѣсь со мной, разскажи мнѣ все, что было съ тобой безъ меня, какъ ты рѣшилась идти къ отцу.

Аннушка нѣсколько мгновеній колебалась, но ей жаль было скоро разстаться съ Губовымъ, она сѣла. Дмитрій Петровичъ тотчасъ-же обнялъ ее и хотѣлъ прилечь головой на ея грудь.

— Прежде чѣмъ начнешь разсказывать, поцѣлуй меня! говорилъ онъ.

Аннушка горѣла отъ стыда и страсти, но отстранила руку молодаго человѣка.

— Что-же, ты не хочешь поцѣловать меня? спрашивалъ Дмитрій Петровичъ.

— Нѣтъ . . . оставь . . . ради Бога . . . я не могу . . .

— Ну, Богъ съ тобой, Аннушка, ты любишь меня меньше прежняго . . . Разсказывай; я слушаю.

Аннушка такъ любила Дмитрія Петровича, такъ была счастлива въ настоящія минуты, что не замѣтила перемѣны въ обращеніи его съ нею, не замѣтила, что онъ держалъ себя гораздо свободнѣе и самоувѣреннѣе прежняго, что былъ даже дерзокъ. Ея слѣпая любовь помѣшала ей догадаться, что въ душѣ молодаго человѣка были далеко не прежнія чувства, что онъ любилъ ее гораздо меньше прежняго.

Аннушка разсказала Дмитрію Петровичу всю свою печальную исторію, начиная отъ разлуки съ нимъ, но многое смягчила въ своемъ разсказѣ и не рѣшилась вполнѣ высказать всю тяжесть ея положе-

нія въ родительскомъ домѣ . . . Дмитрій Петровичъ не съ полнымъ вниманіемъ слушалъ ея разсказъ . . . Онъ смотрѣлъ на нее со страстью и былъ весь поглощенъ однимъ чувствомъ матеріально-страстнаго созерцанія . . . Огонь его глазъ смущалъ бѣдную дѣвушку: она нѣсколько разъ принуждена была почти невольно потуплять свои взоры и съ усиліемъ переводила дыханіе, подавляя невольное волненіе. . . И какъ она хороша была въ эти минуты: яркій румянецъ выступилъ на ея блѣдныя щеки, глаза сверкали, грудь колыхалась, она вся млѣла и трепетала.

Смотря на нее, не могъ-бы остаться хладнокровнымъ, не могъ-бы не увлечься чувственностью даже человѣкъ съ болѣе чистыми нравственными побужденіями, нежели Дмитрій Петровичъ, особенно при той обстановкѣ, среди которой находилась Аннушка въ настоящія минуты: былъ май мѣсяцъ, воздухъ свѣжъ и упоительно-ароматенъ, небо ясно и чисто и какъ будто дышало теплотой, молодая зелень очаровывала зрѣніе яркостію красокъ, обиліемъ жизненныхъ соковъ. . .

Аннушка кончила свой разсказъ и задумалась: она многое не высказала, но все вспомнила, ей сдѣлалось нѣсколько грустно, но эта грусть была не прежняя тоскливая, похожая на отчаяніе: она была смягчена присутствіемъ любимаго человѣка, который могъ ей сочувствовать, понимать ее. . . Эта грусть, можетъ быть, и совершенно-бы разсѣялась, если-бы Аннушка могла вполнѣ высказаться предъ Дмитріемъ Петровичемъ, раскрыть предъ нимъ всю свою душу, все свое страданіе, но она не рѣшилась на это: ей было жалко унизить родныхъ своихъ въ глазахъ молодаго человѣка, ей казалось, что онъ будетъ осуждать ихъ, смѣяться надъ ними, что за внѣшнею

грубою стороною онъ не захочетъ признать въ нихъ то, что въ самомъ дѣлѣ есть въ нихъ хорошаго, наконецъ, ей было стыдно и самою себя показать въ этой обстановкѣ, въ которой она дѣйствительно находилась... А между тѣмъ ей хотѣлось-бы все разсказать ему — и ей сдѣлалось грустно...

— И ты не скучаешь въ домѣ своихъ родителей?

— Скучаю, но... я ихъ люблю и они меня любятъ.

— А меня ты не переставала любить, любишь и теперь? спрашивалъ Дмитрій Петровичъ.

— Я ужъ говорила...

— А если-бы знала, если-бы могла понять и оцѣнить, какъ я люблю тебя... Ахъ, сколько я пережилъ и выстрадалъ въ это тяжкое время... Анхенъ, Анхенъ, если-бы ты только понимала всю силу моей страсти... Я не въ силахъ владѣть собой... Я боюсь, что меня сожжетъ тотъ огонь, который горитъ въ моей груди... Радость моя, Анхенъ, поцѣлуй меня...

— Нѣтъ, нѣтъ... Дмитрій Петровичъ...

— Ну, дай мнѣ хоть ручку твою поцѣловать...

Аннушка протянула руку, Губовъ схватилъ ее и цѣловалъ крѣпко, страстно, наконецъ, онъ совершенно забылся подъ вліяніемъ страсти, и вдругъ обнялъ Аннушку и крѣпко прижалъ къ себѣ.

— Анхенъ, Анхенъ!.. говорилъ онъ прерывающимся отъ страсти голосомъ.

Дѣвушка задрожала всѣмъ тѣломъ, но вырвалась изъ его рукъ и быстро вскочила на ноги.

— Дмитрій Петровичъ!.. я сейчасъ уйду, если вы будете такъ... мы никогда не увидимся... прощайте...

— Нѣтъ, нѣтъ, Анхенъ, не уходи, побудь со мной хоть минутку еще . . . прости меня. . .

— Нѣтъ, нѣтъ . . . мнѣ надо идти. . .

— Анхенъ, если любишь меня: останься. . .

— Я останусь . . . но для чего? . .

— Нѣтъ, ты не любишь меня . . . Аннушка, скажи мнѣ: неужели тебѣ не тяжела разлука со мной, неужели ты не страдаешь, когда не видишь меня? . .

— Я люблю тебя . . .

— Любишь и хочешь страдать? . .

— Но что-же дѣлать?

— Любить и быть мужественной . . . Послушай: я знаю, я увѣренъ, что ты измучена тѣми грубыми людьми, среди которыхъ живешь . . . Они родные тебѣ, ты говоришь: они любятъ тебя, — можетъ быть, но имъ никогда не понять и не оцѣнить тебя, ты такъ воспитана и образована, что ихъ грубость должна возмущать тебя, а между тѣмъ мы любимъ другъ друга, не можемъ жить одинъ безъ другаго . . . Неужели-же у тебя нѣтъ на столько силы воли, чтобы бросить все, съ чѣмъ ты случайно связана и что тебѣ немило, и никогда не разставаться со мной, если ты только любишь меня?

— Но какъ-же?

— Аннушка . . . ты, вѣдь, знаешь, что бракъ для насъ не возможенъ, но также не возможна и разлука: мы пробовали, разлучались на-долго, но любовь наша не охладѣла чрезъ это, а только усилилась, и мы испытывали оба страшныя страданія въ разлукѣ . . . Не разставайся-же со мною опять, не отдавай сама себя страданіямъ, по собственной своей волѣ, уѣдемъ отсюда куда хочешь: въ Петербургъ, въ Москву, хоть на край свѣта, и будемъ жить,

такъ счастливо, какъ только могутъ жить люди...

Аннушка молчала и думала...

— Ты колеблешься, рѣшайся скорѣе: пора-же узнать наслажденье въ жизни...

— Нѣтъ, нельзя!.. сказала Аннушка рѣшительно.

— Отчего?..

— Нельзя....

— Ты скажи мнѣ: отчего-же нельзя? отъ малодушія, отъ безхарактерности, отъ слабости воли, отъ нелюбви ко мны?

— Меня возненанидятъ отецъ съ матерью, проклянутъ...

— За что-же?..

— Вѣдь, ты не женишься на мнѣ...

— Но они ничего не будутъ знать, они будутъ думать, что ты пропала безъ вѣсти...

— Нѣтъ, нѣтъ...

— Такъ ты хочешь опять страдать, хочешь, чтобы и я страдалъ...

— Пусть я страдаю, а ты будь счастливъ...

— Но я не могу быть счастливъ безъ тебя...

Аннушка очевидно страдала, на глазахъ ея были слезы, въ душѣ борьба...

— Нѣтъ... не могу! сказала она, наконецъ, послѣ нѣкотораго молчанія

— Если такъ... прощай, Анхенъ, мы больше никогда не увидимся... Прощай.

— Прощай!.. едва выговорила Аннушка, поблѣднѣла и заплакала.

— Рѣшайся, Анхенъ, или будетъ поздно: ты будешь убійцей: только надежда видѣть тебя удерживала меня, мои пистолеты всегда заряжены.

— Убей меня!...

— Анхенъ, если дорога тебѣ моя жизнь — рѣшись. . .

— Дай мнѣ подумать. . .

— Нѣтъ, нѣтъ, думать некогда: сейчасъ-же, или ты меня не увидишь болѣе.

— Дмитрій . . . ради Бога. . .

— Прощай, Аннушка . . . — И онъ пошелъ.

— Погоди . . . я рѣшилась! закричала ему вслѣдъ бѣдная дѣвушка, заливаясь слезами.

Дмитрій Петровичъ вернулся. Аннушка упала къ нему въ объятія.

— Вотъ, Анхенъ, теперь я вижу, что ты любишь меня. Благодарю тебя, мое сокровише . . . пойдемъ-же.

— Куда?

— Ко мнѣ, а потомъ сейчасъ въ дорогу — въ Петербургъ.

— Сейчасъ-же?

— Да.

— Погоди, дай мнѣ проститься съ родителями, съ братомъ, еще разъ взглянуть на нихъ . . . иначе не могу.

— Хорошо . . . такъ сегодня-же ночью я буду ждать тебя здѣсь . . . Поцѣлуй-же меня, радость моя, счастье; полно плакать: ты будешь счастлива, ты не станешь раскаяваться въ своемъ намѣреніи.

— Ну, прощай-же . . . мнѣ пора!

— До свиданія. Помни-же, Анхенъ, что я жду тебя сегодня ночью. Слышишь?

— Да.

Дмитрій Петровичъ нѣсколько минутъ слѣдилъ глазами за удаляющейся Аннушкой, потомъ вдругъ бросился вслѣдъ за нею, нагналъ, и крѣпко сжавъ въ своихъ объятіяхъ, началъ страстно цѣловать.

— Дмитрій . . . съ упрекомъ проговорила Аннушка, вырываясь изъ его рукъ.

— Ахъ, радость моя, восторгъ мой, Аннушка, твердилъ Дмитрій Петровичъ, ты не можешь представить себѣ, какъ я люблю тебя: больше всего на свѣтѣ, больше жизни . . . Я самъ не думалъ, чтобы когда-нибудь могъ любить тебя такъ сильно. Клянусь тебѣ, ты будешь счастлива, только не разставайся со мною никогда . . . Сокровище мое. . .

— Дмитрій Петровичъ . . . я не приду . . .

— Ну, ну, ну! . . Богъ съ тобой . . . Еще одинъ день разлуки — и мы никогда больше не разстанемся . . . Въ 12 часовъ . . . помнишь? . .

— Да . . . но если. . .

— Я не хочу слышать: — если, иначе ты меня никогда не увидишь. . . Я тебя буду ждать; ты придешь?

— Приду. . .

— До свиданія!

Аннушка пошла домой быстрыми шагами. Ей было и весело и скучно; она не могла отдать себѣ яснаго отчета ни въ томъ, что случилось, ни въ томъ, что хотѣла дѣлать; сердце ея то радостно билось, то замирало съ невольнымъ страхомъ, но чѣмъ ближе подходила она къ своему дому, тѣмъ сильнѣе чувствовала разлуку съ Дмитріемъ Петровичемъ, тѣмъ прекраснѣе возставалъ его образъ въ ея воображеніи, тѣмъ тягостнѣе представлялась ей жизнь въ родительскомъ домѣ, — и входя въ свою избу, она уже твердо рѣшилась бѣжать съ Дмитріемъ Петровичемъ.

А онъ между тѣмъ, возвращаясь домой, думалъ самъ про себя: что за чудная дѣвушка эта Анхенъ: кажется, вѣдь, какъ будто подурнѣла, а на самомъ дѣлѣ сдѣлалась еще очаровательнѣе. Какая въ ней

страсть, сколько огня! кажется, будто всякая жилка въ ней горитъ огнемъ! . . и какъ любитъ меня! . . А я думалъ, что уже совсѣмъ позабылъ ее . . . нѣтъ, я люблю ее теперь еще больше прежняго . . . И эта дѣвушка живетъ между мужиками! . . О, какое счастіе будетъ имѣть ее любовницей . . .

Дмитрій Петровичъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что любитъ Аннушку, но онъ самъ себя обманывалъ. Эта любовь была не больше какъ бредъ растревоженнаго чувственностью воображенія; то, что онъ называлъ любовью къ Аннушкѣ, былъ самый суровый животный эгоизмъ. Отсутствіе чистаго начала любви выражалось у него въ каждой мысли, въ каждой фразѣ. За отсутствіемъ этого начала, освѣщавшаго нѣкогда душу Дмитрія Петровича, теперь самъ онъ становился пошлъ, ничтоженъ, безнравственъ.

Полгода назадъ, разставаясь съ Аннушкой и отправляясь въ Петербургъ, онъ любилъ ее и считалъ разлуку съ нею — геройскимъ подвигомъ съ своей стороны. Нѣсколько времени онъ скучалъ и думалъ объ Аннушкѣ даже въ Петербургѣ, и этой скукой и, этими воспоминаніями, оправдывалъ себя и успокоивалъ подъ-часъ поднимавшійся въ душѣ его голосъ не совсѣмъ чистой совѣсти.

Но мало по малу, шумъ общественной столичной жизни, полный разнообразныхъ удовольствій, весьма достаточныхъ для того, чтобы наполнить пустоту такой души, какая была у Дмитрія Петровича, началъ изглаживать въ сердцѣ молодаго человѣка любовь и самыя воспоминанія о миломъ нѣкогда образѣ. Они, какъ будто, возникали въ его душѣ только изрѣдка, когда Дмитрій Петровичъ оставался наединѣ съ самимъ собою, и слѣдовательно, скучалъ. Тогда

онъ переносился мечтою въ знакомое нѣмецкое семейство, возсоздавалъ предъ собою милое, полное любви лице Аннушки, заставлялъ его радостно, любовно улыбаться себѣ, но не могъ иногда не представить его грустнымъ, печальнымъ, тоскующимъ: и невольно пробуждались тогда въ немъ укоры совѣсти, но Дмитрій Петровичъ считалъ себя человѣкомъ честнымъ и благороднымъ вообще, а въ сношеніяхъ съ Аннушкой — при самомъ строгомъ анализѣ своихъ поступковъ — онъ не находилъ ничего предосудительнаго, и даже гордился своимъ великодушіемъ и строгостью своихъ правилъ . . . да притомъ, когда-же не съумѣетъ успокоить себя въ подобныхъ обстоятельствахъ практическій человѣкъ, съ помощію своего всемогущаго эгоизма? . . На душѣ Дмитрія Петровича съ каждымъ днемъ становилось все спокойнѣе: любовь къ Аннушкѣ наконецъ казалась ему только пріятнымъ воспоминаніемъ чего-то давно-прошедшаго.

При наступленіи весны, онъ уже смѣло отправлялся въ свою усадьбу, не опасаясь встрѣчи съ Аннушкой. И чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ Горланихѣ, тѣмъ больше интересовался судьбою нѣкогда любимой имъ дѣвушки: ему хотѣлось знать, помнитъ-ли она его, любитъ-ли по-прежнему, тоскуетъ-ли о немъ, ему хотѣлось увидѣть ее поскорѣе . . . для чего? . . онъ не спрашивалъ себя: ему просто хотѣлось этого, хотя онъ и чувствовалъ, что не любитъ Аннушку по-прежнему. Онъ не заботился строго повѣрять и судить самого себя: онъ опять былъ благоразумный, практическій человѣкъ, чуждый всѣхъ глупыхъ и ложныхъ увлеченій чувства; петербургская жизнь освободила его отъ этихъ увлеченій, и Дмитрій Петровичъ дорогою не разъ говорилъ самому

себѣ: нѣтъ, ужъ я не способенъ быть малодушнымъ по-прежнему, я чувствую, какъ возмужалъ въ эти полгода! . .

Первый вопросъ Дмитрія Петровича по пріѣздѣ въ усадьбу былъ объ Аннушкѣ . . . и не безъ удовольствія узналъ онъ, что она живетъ у своихъ родителей въ деревнѣ, и что Амаліи Ѳедоровны уже нѣтъ на свѣтѣ.

— Это хорошо! подумалъ Дмитрій Петровичъ и не покраснѣлъ при этой мысли . . . Да и отчего было краснѣть ему? — Я докажу ей, что люблю ее, и спасу изъ этой убійственной для нея сферы! прибавилъ онъ съ достоинствомъ, и на другой же день отправился въ Тужиловку, чтобы какимъ-нибудь образомъ дать знать Аннушкѣ о своемъ пріѣздѣ. Мы знаемъ уже, какъ они встрѣтились.

Глава IX.

Нѣтъ худа безъ добра.

— Гдѣ, сестрица, загулялись? Я ждала ждала, ужъ и пообѣдала безъ тебя, а Калистратку на поле съ обѣдомъ послала.

Такою фразою встрѣтила Аннушку Александра, которая одна оставалась въ избѣ, между тѣмъ, какъ все остальное семейство было въ полѣ.

— Такъ, все гуляла, отвѣчала Аннушка.

— А никого не видали, сестрица? спросила опять Александра съ лукавой улыбкой.

— Нѣтъ, никого! Аннушка вспыхнула при этомъ отвѣтѣ.

— А я васъ ждала, сестрица... Ужъ, что я скажу, никакъ не отгадаешь... Отгадай-ка, что я узнала?

— Что такое? робко спросила Аннушка.

— А ну, отгадай!

— Я не знаю.

— Ужъ такая вамъ радость, ужъ такая радость... не знаю, какъ и сказать-то... Дмитрій Петровичъ пріѣхалъ.

Аннушка вспыхнула, потомъ поблѣднѣла.

— Вѣдь, я никому, сестрица, не сказывала... Давеча забѣжала на господскій дворъ: Танька родила, такъ я и забѣжала, а мнѣ Аксинья и сказываетъ: вчера, говоритъ, пріѣхалъ... Да, вѣдь, экая дѣвка только, на всю-то кухню и говоритъ: пріѣхалъ, говоритъ, полюбовникъ-то, говоритъ... а? ну-ка!... Я и говорю: какъ, я говорю, тебѣ, Аксинья Андреевна, не стыдно? что, я говорю, ты это говоришь; какой полюбовникъ? наша Анна Ивановна этимъ не занимается. — Знаю, говоритъ, я все знаю, какъ она съ нимъ таскалась-то, не разсказывай ты мнѣ розсказни-то этѣ... Право, такъ и говоритъ! Ну, ужъ и я не утерпѣла, таки отпѣла ей: я говорю, ты сама, я говорю, мерзавка ты этакая, смѣешь, я говорю, ты порочить, кто почестнѣе тебя... Ты сама, я говорю, къ камердинеру-то Дмитрія-то Петровича подбивалась, да кукишъ, я говорю, отъ него увидѣла... а тебѣ бы, я говорю, только какъ бы мерзость какую выдумать, чего и нѣтъ совсѣмъ... Таки-отпѣла ей! А все люди-то слышали, какъ она мнѣ это говорила... Я нарочно и на поле-то не пошла, думаю — сказать сестрицѣ-то: какъ бы чего, избави Господи! все будетъ знать, такъ поостережется... А онъ какъ пріѣхалъ, только и разго-

воровъ и разспросовъ было, что про тебя, сестрица... видно, онъ очень тебя любилъ... И сегодня какъ всталъ, такъ и пошелъ сюда... Какъ только она, эта Аксинья, все знаетъ... все знаетъ, матушка моя... Вы будьте, сестрица, поосторожнѣе.

Александра такъ была увлечена своей рѣчью, что не замѣтила того волненія, въ которомъ находилась Аннушка.

Гордость, негодованіе, чувство оскорбленнаго достоинства, досада, наконецъ неожиданность и невольный страхъ привели бѣдную дувушку въ страшное смущеніе: она то блѣднѣла, то краснѣла, то дрожала всѣми членами, какъ въ лихорадкѣ.

— Сестрица, да неужели вы не видали его сегодня? неужто не встрѣтились?... Полно, матушка, не скрывайся отъ меня, право, лучше будетъ... я, вѣдь, что и узнаю, такъ никому не скажу, ровно и не слыхала никогда... а все лучше, какъ я-то знаю: и присмотрю, и пріостерегу... Ахъ, сестрица, развѣ вы меня не знаете... я для васъ всей душой рада стараться... Тоже иной разъ и увидѣть захочется! да что такое и самъ-дѣлѣ? и впрямь живой человѣкъ!.. да и ученье-то ваше... и не съ этакимъ ученьемъ кто... да посади-ка къ намъ, такъ соскучится... а это вамъ ужъ и развлеченье-то не знать... Право, сестрица, раскройте-ка мнѣ всю вашу душеньку, такъ лучше будетъ: ужъ этакой услуги себѣ не получить вамъ нигдѣ, я подлинно во всякое время готова для васъ...

Гордость наконецъ взяла верхъ надъ всѣми другими чувствами въ душѣ Аннушки. Она скорѣе рѣшилась бы лучше совсѣмъ никогда не видаться съ Дмитріемъ Петровичемъ, прекратить съ нимъ всѣ сношенія, нежели взять Александру въ повѣренныя.

— Перестань, сестрица, ты все вздоръ говоришь: какъ тебѣ не стыдно! сказала она твердо.

— Ахъ, сестрица, да вѣдь я изъ одного только моего усердія желала . . . для васъ только. Развѣ вы не знаете, какъ я васъ люблю: да я подлинно ночь просижу, да не усну, коли что . . . до чего не доведись. . . А безъ меня-то долго ли до бѣды? . . одна эта Аксинья, такъ теперь ступить не дастъ . . . каждый шагъ будетъ смотрѣть, какъ бы послѣ что наврать, да наплести . . . Вотъ, вѣдь, я только изъ за-чего, а то неужто мнѣ что нужно . . . Вѣдь, я для васъ-то какъ бы лучше стараюсь . . . а вы что думаете?

— Ничего я не думаю . . . Оставь меня, пожалуйста, въ покоѣ и не говори объ этомъ . . . мнѣ безъ того тошно . . .

— Знаю, сестрица, что тошно . . . Изъ-за чего же я и бьюсь-то, какъ не изъ этого, чтобы вамъ какъ услужить-то, чтобы вы видѣли всю мою любовь, да услугу, какъ я васъ люблю, да жалѣю . . . Что же, сестрица, неужели я не чувствую . . . сама тоже человѣкъ, хошь и глупая, не ученая . . . Право, раскройте мнѣ, сестрица, всю истинную . . . Тоже любовь . . . развѣ я не понимаю . . .

Аннушка ничего не говорила болѣе, но, скрѣпя сердце, бросилась въ постель — средство, къ которому она всегда прибѣгала, чтобы отдѣлаться отъ докучливаго усердія Александры.

— Ну, вотъ, сестрица, и разсердились . . . А за что? за одно мое усердіе . . . Ну, Богъ съ вами! . . говорила Александра, а сама думала: ужъ погоди, не увернешься же ты у меня: подсмотрю.

Аннушка весь этотъ день была въ страшной тревогѣ: мысль ея безпрестанно переходила отъ од-

ного представленія къ другому: то думала она о Дмитріи Петровичѣ, о его любви къ себѣ — и ей становилось весело и отрадно, то приходило ей на мысль обѣщаніе, данное ею Губову, бѣжать изъ роднаго дома — и ей становилосъ жаль родителей, Зосиму, ее пугала неизвѣстность будущаго; то представлялась ей невозможность исполнить свое обѣщаніе, а тамъ дальше, Богъ знаетъ, какія печальныя послѣдствія: скорбное, полное упрека и страданія лице Дмитрія Петровича, готоваго посягнуть на свою жизнь, и даже самая смерть его, и ея вѣчныя слезы, неутѣшныя страданія и укоры совѣсти, — и она готова была тотчасъ же бѣжать къ Дмитрію Петровичу, чтобы никогда не разлучаться съ нимъ.

Вечеромъ, когда вся семья возвратилась съ поля, тревожное состояніе Аннушки еще болѣе увеличилось. Всѣ уже знали о пріѣздѣ Дмитрія Петровича, и Иванъ Прохорычъ сказалъ дочери:

— Ну, дочка, говорятъ, твой окаянный опять на сей землѣ появился . . . Смотри, чтобы ты и духу его не знала, а то лучше и на глаза ко мнѣ не кажися, никакой срамоты не понесу на душѣ своей. Пора тебѣ въ разумъ войдти: поведешься съ нимъ — добра не видать . . . Помни, что ты учена уму-разуму и слову Божію . . .

— Полно, Прохорычъ, что ты это говоришь ей, ровно ужъ она совсѣмъ какая безчинная у насъ . . . Знамо дѣло: сама въ разумѣ, не кинется ужъ теперь на шею къ нему, коли одинова обманулъ! сказала Арина.

— И впрямь, не дѣло говоритъ! И то она у насъ . . . эхъ! . . промолвилъ Зосима и махнулъ съ сердцемъ рукою.

— Да я знаю, что говорю: ей въ науку! ска-

залъ Иванъ Прохорычъ; мало ли что бываетъ... може, у нея и теперь туманъ въ головѣ ходитъ, такъ чтобы побереглася... Онъ-то, я вижу, на всякіе фокусы гораздъ... и не ее такъ поддѣнетъ.

Аннушка находилась въ страшномъ замѣшательствѣ: ей казалось, что отецъ знаетъ о свиданіи съ Дмитріемъ Петровичемъ.

Между тѣмъ наступала ночь, приближался часъ, назначенный Дмитріемъ Петровичемъ; тревожное состояніе Аннушки увеличилось. Надобно было идти; но если присматриваютъ за нею, если увидятъ, что тогда?.. Но если она и успѣетъ пробраться осторожно, успѣетъ бѣжать: отецъ, мать, братъ, всѣ будутъ въ горѣ, будутъ проклинать ее, — страшно! и жалко ихъ, и стыдно заплатить имъ такой неблагодарностью за всю любовь, ласки и заботливость. А нейдти?.. Дмитрій Петровичъ разлюбитъ, возненавидитъ ее. Онъ благороденъ и исполнитъ свое слово: она не увидитъ его болѣе, онъ будетъ тосковать, онъ убьетъ себя... Аннушку бросало въ ознобъ и жаръ.

— Нѣтъ, нѣтъ, лучше идти: отецъ съ матерью, можетъ быть, простятъ ее...

Робко, осторожно пріотворила Аннушка двери въ сѣни: тамъ у самыхъ почти дверей спала Александра, какъ будто именно съ тѣмъ, чтобы присматривать за Аннушкой. Она сердита на нее за скрытность, за недовѣріе: она остановитъ ее, скажетъ отцу, матери... Нога не повиновалась волѣ Аннушки, не переступала порогъ... Развѣ не побѣдить ли гордость, не признаться ли во всемъ Александрѣ, не просить ли ея помощи?... Нѣтъ, нѣтъ, ни за что, стыдно, не станетъ духа.

— Господи, что же дѣлать?

Аннушка бросилась на колѣни и молилась Богу . . . о чемъ? сама не знала. Молитва была безъ словъ: мысли, чувства спутаны, неясны . . . А между тѣмъ вся душа ея была въ этой молитвѣ и, наконецъ, она выговорила опредѣленную просьбу: Господи, сдѣлай, чтобы все благополучно кончилось!

Но время идетъ то медленно, мучительно, то быстро, смотря по тому, какія мысли и чувства проходятъ черезъ душу. Бѣги, бѣги скорѣе время, проходи ночь, покажись скорѣе солнце, разгони мракъ, чтобы хоть сколько-нибудь отдохнула душа отъ этого ужаснаго, нерѣшительнаго состоянія, чтобы настала наконецъ необходимость рѣшиться на что-нибудь . . . Нѣтъ, нѣтъ, лучше помедли время: можетъ быть, что-нибудь надумается, можетъ быть, сама судьба научитъ, какъ поступить, поможетъ исполнить желаніе . . .

— А между тѣмъ онъ тамъ ждетъ меня, онъ также страдаетъ, какъ я теперь, онъ проклинаетъ, меня, считаетъ обманщицей . . .

Аннушка отворяетъ маленькое окошко своей свѣтелки, высовываетъ въ него свою голову, смотритъ въ ту сторону, гдѣ долженъ ожидать ее Дмитрій Петровичъ, но она видитъ только мракъ ночной, слышитъ только крикъ пѣтуховъ, да лай собачій . . . Душа обезсиливаетъ отъ того смятенія, которое происходитъ въ ней. Аннушка почти въ оцѣпѣненіи, безъ мысли, безъ всякаго намѣренія, съ однимъ тяжелымъ чувствомъ страданія, остается неподвижно у окна. Она смотритъ въ него . . .

И вотъ мало-по-малу ночныя тѣни убѣгаютъ съ земли, уступая мѣсто свѣту, розовая полоса зари на востокѣ горитъ все ярче, солнечные лучи радужными

цвѣтами начинаютъ играть на маленькихъ стеклахъ окошекъ деревенскихъ избъ, кое-гдѣ отворяются ворота, калитки; заботливые поселяне одинъ за другимъ показываются на улицѣ, бодрые, свѣжіе и готовые на работу, раздается разноголосный крикъ стада, отправляющагося на пастьбу, и рожокъ сопровождавшаго его пастуха; просыпается вся, веселая, освѣженная отдыхомъ, природа... Все такъ хорошо, свѣжо, такъ спокойно и радостно... За то на душѣ Аннушки тяжело и смутно... Вся ночь проведена безъ сна и въ тревогѣ, вотъ ужъ и день, вся семья ушла на работу въ поле, но сонъ не приходилъ успокоить ее... тоска давитъ ей душу.

Александра, также собравшаяся на поле, не могла удержаться, чтобы не заглянуть въ свѣтелку сестры, и не посмотрѣть что тамъ дѣлается. Пріотворила немножко дверь, смотритъ: на постелѣ нѣтъ сестрицы; Александра оторопѣла, быстро отворила всю дверь, и сконфузилась, увидя Аннушку совсѣмъ одѣтую и сидящую у окна.

— Ахъ, сестрица! невольно проговорила она.

Аннушка оглянулась; лице ея было блѣдно и носило слѣды ночной тревоги.

— Вы ужъ и встали?

— Да.

— Что-йто рано больно, али не спалось?

— Да.

— Али и совсѣмъ не спали, сестрица, всю ночь?

— Да.

— Мухи видно не дали?

Аннушка ничего не отвѣчала.

— А я вотъ на поле собралась...

Аннушка опять не сказала ни слова.

— Прощайте, сестрица, доколева... Да не

наставить ли самоварчикъ, не хотите ли, сетрица, поставлю?

— Нѣтъ.

— А что же? головка-то, чай, болитъ отъ безсонницы-то: изопьете чайку-то, все оно легче.

— Нѣтъ, не хочу.

— Ну, какъ угодно!

Александра ушла на работу, думая сама съ собою: неужто она и вправду ходила куда ночью-то! нѣтъ, быть того не можетъ: ужъ не миновать бы, чтобы я не видала . . . Да вотъ погоди, ту ночь насквозь просижу, глазъ не сомкну, а ужъ изловлю ее, голубушку.

Глава X.

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.

Въ одиннадцать часовъ вечера, Дмитрій Петровичъ былъ уже на мѣстѣ, назначенномъ для свиданія.

Не смотря на всю свою практичность, Губовъ смотрѣлъ не совсѣмъ спокойно и просто на обстоятельство, къ которому приготовился. Онъ считалъ себя въ настоящемъ случаѣ нѣкоторымъ образомъ рыцаремъ, готовящимся похитить и спасти изъ тяжкой неволи свою возлюбленную. Онъ чувствовалъ въ себѣ геройскій духъ и храбрую рѣшимость на подвигъ, хоть сердце у него немножко замирало, противъ его собственнаго желанія. Чтобы оправдать себя въ этомъ передъ самимъ собою, онъ старался придать дѣлу видъ нѣкоторой торжественности, и таинственности. Къ такого рода взгляду на дѣло,

можетъ быть, побуждала его и не совсѣмъ чистая совѣсть, неполная увѣренность въ правотѣ предстоящаго поступка, и мало ли еще что такого, что въ подобныхъ обстоятельствахъ поднимаетъ въ душѣ свой голосъ.

Дмитрій Петровичъ, въ ожиданіи Аннушки, сталъ ходить быстрыми шагами по дорогѣ, пролегавшей чрезъ рощу; онъ ничего не думалъ, но нетерпѣливо прислушивался къ малѣйшему шуму, раздававшемуся въ лѣсу, или въ полѣ . . . Но до слуха его доходилъ только шелестъ листьевъ, приводимыхъ въ движеніе легкимъ вѣтеркомъ, хлопанье крыльевъ тяжелой ночной птицы, перелетавшей съ мѣста на мѣсто, отрывочный, неясный перекликъ полусонныхъ птицъ, рѣзкій, несущійся съ поля скрипъ коростеля, да отголосокъ въ тихомолку разговаривающихъ между собой людей, оставленныхъ при экипажѣ . . . но шаговъ Аннушки не слыхалъ онъ, она что-то долго не шла.

Долго Дмитрій Петровичъ ходилъ взадъ и впередъ по одному и тому-же пространству дороги: нетерпѣніе его возрастало, Аннушка не приходила. Молодой человѣкъ начиналъ сердиться. Чудная весенняя ночь окружала его, но онъ не наслаждался ея очарованіемъ. Голубое, безоблачное небо обнимало землю; ни мѣсяца, ни звѣздъ не было на немъ, и оно какъ-будто сливалось съ прозрачнымъ ароматнымъ воздухомъ; тишь, спокойствіе и благоуханіе кругомъ; тихо, едва колебля вѣтвями, стояли березы, бѣлѣясь своими стволами, не вполнѣ прикрытыми молодой зеленью листьевъ, и вершины ихъ, казалось, упирали въ самое небо; полной грудью дышала своимъ благоуханнымъ дыханіемъ всегда уединенная, бѣлая какъ молоко, фіялка; темно-зеленымъ ковромъ разстилалась подъ ногами деревьевъ земля. . .

— Что-же это такъ долго нейдетъ она? думалъ Дмитрій Петровичъ. Неужели она обманула меня?.. Развѣ остановило что-нибудь? можетъ быть, помѣшали? но неужели есть за нею какой-нибудь присмотръ и въ деревенской избѣ, .. Всего вѣрнѣе: мѣшаетъ ея глупая робость, малодушіе... охъ, какъ это пошло!

Дмитрій Петровичъ выходилъ изъ рощи на поле и смотрѣлъ вдаль: рѣзко кидалась въ глаза, идущая среди зеленыхъ полей, желтая дорога... Она упиралась въ темную кучу домовъ деревни и скрывалась среди ихъ... Все тихо было кругомъ и пустынно; ни одного огонька не свѣтилось въ деревнѣ...

Дмитрій Петровичъ подошелъ къ самой деревнѣ: въ ней еще все спало, онъ не рѣшился войдти въ нее, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь и не изобличить себя... А между тѣмъ ему стоило сдѣлать еще нѣсколько шаговъ, и онъ увидѣлъ-бы Аннушку, которая въ то самое время сидѣла у окна и смотрѣла въ даль на дорогу, по которой подходилъ къ деревнѣ Дмитрій Петровичъ.

— Это несносно, думалъ молодой человѣкъ: заставлять ждать цѣлую ночь, не умѣть извѣстить о невозможности исполнить своего обѣщанія... И я какъ глупъ: она, можетъ быть, преспокойно спитъ, а я здѣсь хожу, какъ часовой... Неужели она осмѣлилась посмѣяться надо мной, нарочно обманула?.. о, какой вздоръ: она такъ любитъ меня!.. Но если это малодушіе только съ ея стороны?.. Нѣтъ, видно, не придетъ!.. вонъ ужъ начинаетъ свѣтать... Пора ѣхать домой... но во что бы-то ни стало, я ее увижу...

Дмитрій Петровичъ быстрыми шагами пошелъ назадъ къ своему экипажу.

Густой туманъ, лежавшій на безконечно-тянущихся по обѣ стороны дороги поляхъ, облаками и клубами поднимался къ небу, а въ иныхъ мѣстахъ разрѣжался и прорѣзывался насквозь полосами свѣта, идущими отъ востока . . . И чрезъ эти просвѣты неясно виднѣлись: то деревенька, разсыпавшаяся небольшимъ числомъ своихъ домиковъ среди деревьевъ, овиновъ и огородовъ, то одинокій старикъ — вязъ, высящійся на вершинѣ зеленаго холма, то бѣлая сельская церковь, тамъ, въ самой дали, какъ будто въ преддверіи неба, то темная стѣна густаго сосноваго бора.

Дмитрій Петровичъ не любовался этой картиной: онъ чувствовалъ только обычную утреннюю сырость. Сердитый, раздраженный подошелъ онъ къ своему экипажу и нашелъ спящими обоихъ своихъ людей.

— Эй! закричалъ онъ, садясь въ экипажъ. Пошолъ! . . .

— Куда? спросилъ кучеръ.

— Куда? . . домой! . .

Кучеръ, подбирая возжи, многознаичтельно взглянулъ на Василья; послѣдній, понявши его взглядъ, скоса посмотрѣлъ на барина и также многозначительно взглянулъ на кучера. Этотъ нѣмой разговоръ взоровъ заключалъ въ себѣ много лукавства и русскаго себѣ-на-умѣ.

Коляска быстро покатилась къ Горланиху. Дмитрій Петровичъ угрюмо сидѣлъ въ продолженіе всей дороги въ самомъ углу экипажа. Дома онъ не легъ спать но началъ ходить большими шагами по комнатамъ, придумывая средства увезти Аннушку. Неудача настоящей ночи возмущала его. Онъ думалъ объ Аннушкѣ, и она представлялась его воображенію такой хорошенькой, такой очаровательной, что намѣреніе

его все болѣе и болѣе укрѣплялось въ душѣ, и каждый мигъ, проведенный безъ Аннушки, казался для Дмитрія Петровича потеряннымъ

— Нѣтъ, во что бы-то ни стало, но она будетъ моею! повторялъ онъ мысленно.

— Василій! закричалъ онъ наконецъ. Василій!

— Чего изволите? спросилъ слуга, входя въ комнату барина и смотря въ сторону.

— Послушай . . . разсѣянно проговорилъ Губовъ. — Послушай, Вася, ты знаешь ту дѣвушку, что жила въ Тужиловкѣ у нѣмцевъ, Аннушку? . . .

— Это, что жениться-то еще хотѣли? . .

— Ну да . . . знаешь?

— Знаю-съ . . . какъ не знать.

— Такъ вотъ-что . . . какъ-бы ей передать письмо, но чтобы никто не видалъ этого? . . Она теперь живетъ въ деревнѣ у своего отца . . . А? . . я думаю, это можно? . .

— Это теперя? сейчасъ? .

— Нѣть, не теперь . . . ты сначала усни, а уже днемъ . . . пожалуйста, Василій, а?

„А! и мы пошли въ ходъ! Я говорилъ, что упрыгается!“ думалъ Василій.

— Да, вѣдь, какъ ей, сударь, отдашь? . . сказалъ онъ вслухъ . . . конечно, оно можно, только . . .

— Послушай еще: нужно, чтобы и тебя никто не видалъ кромѣ ея. Пожалуйста, Василій: если ты сослужишь мнѣ эту службу, цѣлковый на водку! . . Вѣдь я знаю, ты захочешь, такъ сдѣлаешь! . .

„Эге, на ласку пошелъ, уважать сталъ!“ думалъ Василій.

— Мнѣ, сударь, ничего вашего не нужно, продолжалъ камердинеръ уже вслухъ, я безъ того много вами доволенъ . . . а это извольте: буду стараться . . .

— Что-же, сдѣлаешь?

— Сдѣлаемъ . . . не въ-первой, кажись . . .

— Ну, какъ-же сдѣлаешь?

— Ужъ будьте покойны . . . въ-акуратъ . . .

— Однако, скажи мнѣ . . . Помни, что ни тебя, ни письма никто не долженъ видѣть изъ родныхъ Аннушки . . . Понимаешь? . .

— Ужъ понимаю . . . Никто не увидитъ; есть у меня тамъ въ Тужиловкѣ дѣвка знакомая . . . Аксинья, на барскомъ дворѣ . . . ужъ такая на эти дѣла . . . такъ все это исправитъ, никто и духу-то ни услышитъ . . .

— Ну, такъ, пожалуйста, Вася, постарайся! . . говорилъ Дмитрій Петровичъ, и трепалъ камердинера по плечу. Поди, теперь выспись, а ужо и сдѣлай, только до вечера непремѣнно нужно передать . . . Я вотъ сейчасъ напишу записку . . .

Василій пришелъ въ совершенно хорошее расположеніе духа.

— Да вотъ что, Дмитрій Петровичъ, — вамъ что нужно: видѣть что-ли? спросилъ онъ.

— А тебѣ что?

— Да такъ! вы мнѣ сударь, скажите по всей открытости . . .

— Ну, да! . . Что-же?

— Это вы и письмо-то къ ней хотите писать?

— Да.

— Напрасно.

— А что?

— Да что за моды такія? вѣдь не барыня какая . . . такъ вытребуемъ . . .

— Ну, перестань врать?.. строго замѣтилъ Губовъ.

— Какъ угодно, отвѣчалъ Василій съ нѣкоторой досадой.

— Ты ее, братецъ, не знаешь; она дѣвушка умная, образованная! прибавилъ Дмитрій Петровичъ.

Камердинеръ ничего не отвѣчалъ.

Между тѣмъ Губовъ сталъ писать письмо. Онъ отлично владѣлъ перомъ, и въ какія-нибудь четверть часа успѣлъ написать Аннушкѣ кучу упрековъ, жалобъ, воззваній, напомнилъ ей ихъ прежнія отношенія, ихъ постоянную любовь и страданіе, въ самыхъ яркихъ краскахъ представилъ муки, которыя испыталъ онъ въ теченіе прошедшей ночи, умолялъ ее пожалѣть себя и его, не быть малодушною и не закапывать себя, самовольно, въ ту душную яму, въ которую она попала случайно, наконецъ угрожалъ рѣшительно убить себя, если Аннушка не будетъ принадлежать ему. Письмо заключалось слѣдующими словами:

„Я такъ много страдалъ, жизнь въ разлукѣ съ тобою такъ меня измучила, что если мечта моей души не исполнится, если ты не будешь принадлежать мнѣ, — я не буду принадлежать той жизни, въ которой для меня одни только страданія, я убью себя. Заклинаю тебя: если ты не хочешь моей смерти, то исполни свое обѣщаніе. Сегодня ночью, я опять буду ждать, если ты хочешь быть моею, если надоѣло самой тебѣ томиться въ разлукѣ; въ противномъ случаѣ прощай на вѣки. Жду съ нетерпѣніемъ твоего отвѣта, чтобы или жить и быть счастливѣйшимъ человѣкомъ, или умереть и успокоиться на всегда.“

„Твой на вѣки Дмитрій“.

— Вотъ, Василій, возьми это письмо, передай какъ можно осторожнѣе и принеси мнѣ отвѣтъ.

— Слушаю.

— Да смотри-же чтобы никто не видалъ, и

если пойдетъ та дѣвка, какъ ее . . . Аксинья, что-ли? такъ чтобы никому не говорила. Скажи ей, что я ничего не пожалѣю, лишь-бы она сдѣлала это аккуратнѣе. Слышишь?

— Ужъ слышу-съ . . .

— Ну, поди-же . . .

Василій пошелъ-было, но у дверей остановился въ-полуоборотъ, посматривая на письмо и какъ будто что соображая.

— Такъ какъ-же, сказалъ онъ, вѣдь, надо Аксиньѣ-то что-нибудь дать, задобрить ее . . . на-счетъ того, чтобы она всегда ужъ наша была.

— Хорошо. На вотъ цѣлковый — отдай ей.

Василій взялъ деньги, и, выйдя въ другую комнату, съ какой-то особенной улыбкой посмотрѣлъ на нихъ и потомъ на только-что затворенную дверь въ комнату барина.

Дмитрій Петровичъ, оставшись одинъ, еще нѣсколько времени ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ легъ въ постель и заснулъ со сладкими мечтами объ Аннушкѣ.

Глава XI,

Иной другъ хуже недруга.

Порядкомъ выспавшись, Василій отправился въ Тужиловку. Тамъ онъ пробрался въ людскую. У разсчетливаго, экономнаго нѣмца дворня была невелика и состояла преимущественно изъ ветерановъ-слугъ, которые не могли быть годны ни на какую работу, и изъ женщинъ, а потому Василій въ люд-

ской нашелъ только кухарку, старика-кучера, поваренка и горничную дѣвку — все это былъ народъ знакомый.

— Ахъ, Василій Иванычъ, здравствуйте! сказали они всѣ, увидя нежданнаго госта.

— Милости просимъ садиться! .. трубочки не прикажете-ли? подхватилъ поваренокъ лѣтъ восьмнадцати.

— Вотъ вы и опять къ намъ пріѣхали ... Слышали мы, слышали ... замѣтилъ кучеръ. Что какъ въ Питерѣ поживали?

— Что, въ Питерѣ?.. извѣстно. .. городъ хорошій ... весело!

— А видно и объ нашихъ мѣстахъ встосковались?..

— Да, вѣдь, ужъ какъ ни живи, а все и въ деревню нужно ... тоже хозяйствомъ надо заняться ... въ службѣ никакой не служимъ. . .

— А мы думали, что вы и совсѣмъ къ намъ не пріѣдете?

— Отчего не пріѣхать? Въ свое мѣсто ѣдемъ, не въ чужое ...

— Такъ ... оно, конечно, знамо дѣло, что въ свое мѣсто ... тоже у васъ своя вотчина ... А такъ какъ эта оказія была съ Аннушкой нашей у барина-то вашего. . .

— Э, э! вона! это вашъ нѣмецъ-отъ думалъ, что онъ женится-то на ней ... нѣтъ еще, подождетъ ... Баринъ и въ мысляхъ-то этого не имѣлъ. . .

— Ну, какъ это, Василій Иванычъ, не имѣлъ? .. все-было у нихъ къ этому шло, да такъ вдругъ что-то оборвало.

— Такъ коли на правду пошло ... кто ему это растолковалъ-то, кто на разумъ-то наставилъ? все я-

же . . . открылъ ему: что, говорю, вы, сударь, смотрите: такъ и такъ . . . вотъ онъ у меня и назадъ. . .

— А толкуютъ: онъ, чу, и теперь къ ней всѣмъ своимъ сердцемъ.

— Да извѣстно! отчего молодому человѣку? . . ему и лафа . . . дѣвка молодая! . . А то жениться! . . Ужъ жениться, такъ мы въ Питерѣ станемъ, чтобы все было, какъ оно слѣдуетъ: и по породѣ, и по капиталу, чтобы, значитъ, не стыдно было и въ люди показать, чтобы по плечу приходилась . . .

— Что-же вы барина-то въ Питерѣ-то не жените?

— Да что намъ жениться-то? . . Человѣкъ еще молодой, пусть поживетъ въ свое удовольствіе . . . а я имъ и такъ доволенъ: обиды не вижу — что мнѣ?

— Ужъ истинно, замѣтилъ поваренокъ, чай, жисти нѣтъ лучше, какъ у барина молодаго, да форсистаго. . .

— Нѣтъ, оно ничего, возразилъ Василій, пусть-бы его женился: все постепеннѣй, а то иной разъ и досадитъ; ночи-ли не ночуетъ, дома-ли прокантуетъ! а коли есть своя-то, значитъ . . . ужъ . . . онъ ни объ чемъ больше и не думаетъ . . .

— А что онъ, тоже, молодымъ дѣломъ, погуливаетъ когда?

— А какъ-же ты думаешь? тоже живой человѣкъ . . . особливо, вотъ, нынче-то, какъ въ Питерѣ былъ, кажись, больше прежняго.

— Вотъ онъ какой, вашъ-то баринъ, непостоянный, сказала горничная, а какъ Аннушка-то убивалась, какъ онъ покинулъ ее: исхудала вся. . .

— А вотъ онъ теперь ее опять развеселитъ, Лизавета Степановна! лукаво возразилъ Василій. Ничего: это заживетъ! . .

— А что?

— А что?.. ничего! вотъ что!.. Гдѣ-бы вотъ мнѣ повидать Аксинью Андреевну?

— А на что вамъ ее? спросила Лизавета.

— А вамъ на что?.. надо!.. экая любопытница!

— Ужъ извѣстно, зачѣмъ вамъ надо-то... хи, хи, хи!

— Ну, какъ не извѣстно... Экая, вѣдь, востру-ха!.. э-э!.. Лизавета Степановна?.. ухмыляясь, при-щуриваясь и лукаво покачивая головою, говорилъ Василій.

— Да пойдите, пойдите скорѣе къ ней; что ужъ мереть-то? Тамъ она въ скотной.

— А то инъ сюда можно предоставить, сказалъ поваренокъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, я лучше туда пойду. Нѣмецъ-отъ, вѣдь, вашъ, чай, на полѣ?

— Ну, гдѣ ему больше-то быть: все тамъ, торчмя-торчитъ...

— До увиданія пока!

— Прощайте, Василій Иванычъ, желаю всякаго удовольствія! закричала горничная вслѣдъ уходящему камердинеру, и захохотала.

— Ну, ладно, ладно! отвѣчалъ Василій, грозя ей пальцемъ, Лизавета Степановна!..

Василій встрѣтился съ Аксиньей на дворѣ.

— Ахъ, Василій Иванычъ!

— Аксиньѣ Андреевнѣ.

— Какъ это васъ Богъ принесъ въ наши страны?

— А вотъ съ вами захотѣлось повидаться, Акси-нья Андреевна.

— Ужъ полноте вы, Василій Иванычъ... Ну, милости просимъ, пойдемте къ намъ.

— Нѣтъ, Аксинья Андреевна, право-слово, до васъ однихъ дѣло есть: въ секретъ поговорить.

— Да полноте ужъ вы мнѣ... Ну, что, что? какое дѣло?

— А вотъ какое: знакома вамъ эта Аннушка, что у нѣмцевъ жила?

— Ну, какъ не знать Анютки: насолѣла она мнѣ, барыня сиволапая.

— Такъ вотъ что, Аксинья Андреевна: первый пунхтъ, чтобы все дѣло было въ секретъ, какъ есть... чтобы никто не зналъ, окромя насъ двоихъ, ужъ чтобы одно слово: по душѣ было.

— Да что, что такое?

— Нѣтъ, ужъ, вы мнѣ сначала такъ скажите, что сдѣлаете ли вы для меня эту послугу?

— Для васъ я все равно, какъ для себя, Василій Иванычъ.

— Ну, а ужъ нами съ бариномъ останетесь довольны...

— Я не изъ того, Василій Иванычъ, мнѣ отъ васъ ничего не надо, я желаю сдѣлать по душѣ... Да что такое?

— А вотъ что: этой самой Аннушкѣ нужно передать записку отъ барина, да такимъ манеромъ, чтобы никому этого и не въ домекъ...

— А объ чемъ пишетъ-то къ ней вашъ баринъ? вишь ты, ровно и въ-правду барыня какая ни на-есть: письма къ ней отписываютъ... Объ чемъ же онъ пишетъ-то къ ней, Василій Иванычъ?

— Ужъ этого я не знаю, не извѣстенъ.

— Какъ ужъ вамъ не знать, Василій Иванычъ, только что такъ, значитъ, неоткрытость ваша... Ну, такъ и мнѣ ужъ обидно служить вамъ...

— Конечно, Аксинья Андреевна, отъ насъ у барина секретовъ нѣтъ, и сказать можно, коли вы въ нашемъ дѣлѣ участвіе возьмете, только, чтобы все это было въ тайности.

— Вѣдь, отчего ужъ, коли вы просите... Вамъ служить я согласна, вѣдь, не для нея же, для сиволапой, это дѣлать буду... нѣтъ, еще я ей не слуга, еще подождетъ, не была, да и не буду, а для васъ могу все это сдѣлать, что нужно... Ужъ и на счетъ скрытности, такъ я, кажется, не болтушка какая многоязычная... Могите повѣрить...

— Ну, такъ просто вамъ сказать: видѣть желаетъ... Вотъ сегодня всю ночь въ рощѣ промаячилъ, да, видно, не дождался, такъ вотъ черезъ письмо-то опять ее и вытребываетъ...

— Экая мерзкая... тьфу!.. а тоже важности-то не оберешься, даромъ что мужичка... Такъ они это опять стали по ночамъ-то...

— Ну, ужъ чего не бываетъ... сказалъ Василій и подмигнулъ глазомъ.

— Пусть тогда говорили: жениться хочетъ, а теперь что?.. а?.. подлость этакая скверная!.. Вся роденька ихъ такая: отецъ дуракъ — потатчикъ, мать подхалима, братъ — воръ-разбойникъ, пьяница, а Сашка-то, жена-то его... этакого язычка, этакого пустодому — и не привидано, а ужъ Анютка-то: этакая нахалка, этакая наглость, а тоже простотой прикидывается, подумаешь: — дѣвка воды не замутитъ... Что она только вашему барину пондравилась: ни рожи, ни кожи, ни деликатности никакой, какъ есть мужикъ — неотесокъ..,

— Ужъ... это... кто его знаетъ: ну, такъ какъ-же, Аксинья Андреевна, на счетъ письмеца-то?..

— Да извольте Василій Иванычъ... не за чтобы вамъ много-то радѣть: не больно ласковы... ну, да ужъ... покрайности знаю, для кого служу!.. Только Василій Иванычъ... какъ по всему моему расположенію говорю... вы за бариномъ-то своимъ

присматривайте; опять-бы она не оплела вашего-то, — опять не надумалъ-бы онъ жениться на ней...

— Нѣтъ, ужъ онъ теперь и самъ не дастся... не то у него на умѣ...

— Ну, а это-то?.. провались она совсѣмъ негодница этакая!..

— Такъ какъ-же вы, Аксинья Андреевна, письмецо-то предоставите?.. мнѣ, вѣдь, нужно поскорѣе и отвѣтъ ему принести.

— А вотъ я тотчасъ и пойду... Самой-то мнѣ не сподручно къ ней идти, а я чрезъ Александру-то ихную: она это все въ минуту смастачитъ... Теперь и идти: всѣ ея-то въ полѣ...

— Только смотрите, Аксинья Андреевна, чтобы все было въ скрытноети...

— Ужъ и вы смотрите, Василій Иванычъ... потому и стараться буду... Не стыдно будетъ и мнѣ что-нибудь за труды... вамъ, вѣдь, только слово барину-то сказать...

— Да ужъ не безъ того, Аксинья Андреевна... тамъ чего не будетъ: не пожалѣемъ... Вы на насъ надѣйтесь...

А все лучше цѣлковаго-то ей не отдавать: и безъ того сдѣлаетъ! подумалъ Василій.

Онъ не ошибался. Аксинья дѣйствительно съ удовольствіемъ бралась за это дѣло, и имѣла на то свои секретныя соображенія, нисколько не клонящіяся въ пользу Аннушки, которую она и теперь еще ненавидѣла. Ненависть эта вспыхивала въ Аксиньѣ при каждомъ напоминаніи объ Аннушкѣ, при малѣйшей похвалѣ, при малѣйшемъ вниманіи къ ней кого-бы то ни было.

Аксинья отправилась въ избу Ивана Прохорыча, смѣло разсчитывая на помощь Александры, потому

что между ними вовсе не было такого непріязненнаго спора, о которомъ разсказывала Александра сестрѣ; напротивъ болтливая и пустая баба, смиряясь предъ авторитетомъ дворовой дѣвки, даже во всемъ соглашалась съ нею и поддерживала ея оскорбительныя предположенія и замѣчанія относительно Аннушки. Но, вѣдь, предъ нею нельзя-же было Александрѣ не похвалиться своею преданностію.

Аксинью сильно мучило любопытство узнать содержаніе письма, которое у нея было въ рукахъ, но какъ это сдѣлать? письмо запечатано, а распечатать страшно, да если и распечатать, гдѣ найдешь чтеца, который-бы могъ прочесть, можетъ быть, нѣмецкую, тарабарскую грамоту. Впрочемъ, Аксинья успокоилась, надѣясь все узнать посредствомъ Александры, которая вывѣдаетъ у Аннушки.

Въ избѣ Ивана Прохорыча Аксинья никого не нашла: всѣ были на полѣ, даже Александра, Аннушка, должно быть, сидѣла въ своей свѣтелкѣ, но войдти къ ней одной и быть съ глазу на глазъ, Аксинья никакъ не могла рѣшиться, и потому отправилась искать Александру на полѣ. Тамъ она скоро ее увидѣла, и издали разными знаками подозвала къ себѣ; впрочемъ, Аксинья нисколько не считала необходимостью особенно секретничать въ настоящемъ случаѣ: соображенія требовали даже, чтобы родные Аннушки знали объ ея тайныхъ сношеніяхъ съ Александрой, и она достигла своей цѣли: Зосима, работавшій на одной полосѣ съ женою, видѣлъ, какъ Аксинья вызывала ее и какъ та пошла къ ней, онъ видѣлъ, но не показалъ этого, и жена ушла въ полной увѣренности, что мужъ ничего не замѣтилъ.

— Что, матушка, Аксинья Андревна? подобо-

страстно и полная любопытства спрашивала Александра.

— Пойдемъ подальше: я тебѣ разскажу; есть до тебя дѣло.

— Что матушка?

— Вотъ что: къ вашей-то у меня есть письмо отъ барина изъ Горланихи.

— Неужто?

— Право. Велѣно отдать.

— О чемъ-же онъ пишетъ-то, не знаете, Аксинья Андревна?

— Нѣтъ, до тонкости нн знаю... Знаю это, что вызываетъ ужо ночью въ лѣсъ, а всего, какъ что отписываетъ, не знаю... обо всемъ. А вотъ что: ты возьми-ка его, да поди ей и отдай, да скажи, что, молъ, отвѣта просятъ, да выспроси, что онъ-то пишетъ, что и она-то будетъ ему отвѣчать... выспросишь, такъ и мнѣ разскажешь.

— Давай-же, матушка, давай письмо-то... снесу... ахъ, Аксинья Андревна!.. — У Александры отъ такого неожиданнаго событія и отъ радости, что она принимаетъ въ немъ участіе, даже духъ захватило: руки затряслись, въ глазахъ зарябило.

— Эки дѣла! а? Аксинья Андревна! вотъ ужъ дѣла, такъ дѣла!..

— Ну, что говорить-то: всегда она была такая подлая, ни стыда, ни совѣсти, я и батькѣ-то съ маткой давно всѣ ея гадости указывала, да толковала.

— Ахъ, ужъ, ахъ, ужъ, Аксинья Андреевна... такая-то нагрѣшница, да срамница... Что-то онъ въ письмѣ-то отписываетъ? вотъ-бы, кажись, прочиталъ... Подемъ поскорѣе, Аксинья Андревна, отдать

ей: то-то, чай, вспорыхнется, какъ увидитъ... Милый, вѣдь, дружокъ-отъ!.. вѣдь, я вижу, только у нея и думушки-то, что онъ... ужъ я это вижу!..

— Да ужъ что и говорить! отъ сердца что-ли у нея на умѣ-то? одна только пакось на умѣ-то и есть... Такъ-бы, кажись въ рожу-то ей, безстыжей этакой, и нахаркалъ... Вотъ она мнѣ какова сладка, красная смородинка!..

— Ужъ точно, точно, Аксинья Андревна! точно!.. на что это хуже! — Въ такомъ родѣ шла бесѣда между двумя достойными пріятельницами, пока онѣ шли до дому Ивана Прохорыча.

— Ахъ, да, вотъ и позабыла-было спросить-то, Аксинья Андревна, какъ вамъ письмо-то это досталось?.. неравно она спроситъ...

— Какъ досталось? Самъ баринъ Дмитрій Петровичъ, изъ рукъ въ руки подалъ; говоритъ: Аксиньюшка, на, пожалуйста, снеси, да отвѣтъ принеси поскорѣе... Онъ, вѣдь, меня давно знаетъ... такъ самолично и говорилъ... Такъ и скажи. А сама, молъ, не пошла, потому знаетъ, что ты ее не любишь, а она завсегда о тебѣ старается... Такъ и скажи!

— Я-те покажу послѣ, какъ стараюсь-то! думала Аксинья, говоря эти слова.

Аннушка сидѣла въ своей свѣтелкѣ одна-одинешенька, скучная и задумчивая, вся погруженная въ свои мрачныя думы. Надрывалось ея бѣдное сердце тоскою неизвѣстности, тяжелѣла голова отъ смутныхъ, неясныхъ, но страшныхъ представленій. Думала она о Дмитріи Петровичѣ, о его негодованіи на нее за обманутое ожиданіе, припоминала его угрозы никогда не видаться съ нею, убить себя, если она эдѣлаетъ то, что уже она сдѣлала, думала о себѣ,

о томъ, что будетъ съ нею... и страшныя картины возставали предъ ея воображеніемъ... мысли терялись, спутывались, но сердце ныло и болѣло. Аннушка слишкомъ любила Дмитрія Петровича, и не могла повѣрять его слова и поступки, а потому безотчетно боялась послѣдствій протекшей ночи... Не разъ она готова была сама идти въ Горланиху, чтобы только узнать, что дѣлаетъ Дмитрій Петровичъ, но невольно ее удерживали и дѣвическая стыдливость, и робость, и нерѣшительность, и какое-то вообще нравственное безсиліе, овладѣвшее ею вслѣдствіе душевнаго страданія...

Въ такомъ состояніи духа была Аннушка, когда къ ней вошла Александра.

Она вошла съ таинственнымъ видомъ, съ озабоченнымъ и вмѣстѣ лукавымъ выраженіемъ лица, даже особенной какой-то походкой. Аннушка ничего этого не замѣтила.

Александра подсѣла къ ней, и прежде, нежели приступить къ объясненію, заботливо обвела глазами всю свѣтелку, какъ-бы опасаясь постороннихъ слушателей; потомъ придавши лицу своему выраженіе веселое, но все однако таинственное, она сказала:

— А знаете-ли, сестрица, что я вамъ принесла?

— Что? спросила Аннушка равнодушно.

— А-а! а то принесла, что вотъ отдамъ, такъ сейчасъ расцвѣтете, какъ маковъ цвѣтъ, и тоска и заботушка вся пройдетъ...

— Да что такое? повторила Аннушка свой вопросъ опять такъ-же равнодушно.

— А хочется узнать? сказать ужъ развѣ скорѣе, порадовать? скажу, такъ стыдно будетъ, что все скрывалась, отъ меня, да таила, точно я не желаю всѣмъ моимъ серцемъ... А, сказать, что-ли?

Аннушкѣ надоѣло слушать несносную Александру, которая всегда, въ самыя тяжелыя минуты, какъ-будто нарочно приходила мучить и раздражать ее своей пустой болтовней: она ни слова не отвѣчала ей, отвернулась и стала смотрѣть въ окно.

— А? ужъ не мучить, что-ли? сказать? продолжала Александра. Ну, ну... такъ и быть!.. письмо, вѣдь, къ вамъ, сестрица, у меня, отъ милаго дружка, отъ Дмитрія Петровича...

— Какъ письмо? сказала, вдругъ оживившись, Аннушка.

— А, то-то, я говорила: у меня расцвѣтешь какъ маковъ цвѣтъ... Вотъ оно... вотъ... Что. рады, сестрица? Вотъ какова дура-то крестьянская, Александра-то... Никто-же какъ она утѣшила, да успокоила сестрицу свою любезную. Ну, что?.. а?.. что отписываетъ...

Аннушка, ничего не думая въ первомъ порывѣ радости, быстро распечатала и съ жадностію стала читать письмо. Но вотъ она кончила его, и новыя мысли тучей налетѣли на нее. Она успокоилась за существованіе, за здоровье Дмитрія Петровича: душа ея мгновенно отдохнула, но какъ попало это письмо въ руки Александры, какимъ образомъ она вдругъ, безъ ея вѣдома и желанія, сдѣлалась повѣреннымъ ея тайны: сомнѣнія и боязнь овладѣли Аннушкой.

— Какъ-же это письмо попало къ тебѣ?

— Ну, какъ-никакъ, да попало! значитъ, радѣю, да думаю объ васъ, сестрица... Пишите-ка отвѣтецъ, а мы предоставимъ его... Ну, что-же, какъ онъ вамъ отписываетъ-то, сестрица?.. объ чемъ больше?.. чай объ любви все своей?.. а?..

Робость Аннушки еще увеличилась: къ ней присоединилось какое-то негодованіе на чужое вмѣша-

тельство въ ея отношенія съ Дмитріемъ Петровичемъ.

– Какъ же попало это письмо къ тебѣ, сестрица?

— Да ужъ говорю: какъ-никакъ да попало!.. Пишите отвѣтъ.

Александрѣ хотѣлось въ глазахъ Аннушки быть исключительнымъ и единственнымъ орудіемъ и посредницей въ ея любви съ бариномъ, и она умышленно уклонялась отъ прямаго отвѣта, что письмо получено ею отъ Аксиньи, велѣно только передать его, да взять отвѣтъ: такое участіе казалось Александрѣ слишкомъ ничтожнымъ и мало обязательнымъ для Аннушки. Но послѣдняя, находясь въ нерѣшимости, что ей дѣлать въ настоящемъ случаѣ, настоятельно требовала, чтобы она сказала, какимъ образомъ и кто передалъ ей письмо.

— Да на что это вамъ, сестрица? вѣдь ужъ я хлопочу, я стараюся для васъ... вамъ и знать больше никого не надо... А то сказать, пожалуй, скажу, кто и письмо отдалъ, да вѣдь, какъ бы не взялась я, такъ, пожалуй, и передать бы не умѣли, и узнали бы всѣ, а я ужъ такъ сдѣлала, что никто, ни одинъ человѣкъ и въ воображеніи не имѣетъ...

— Да кто же?

— Ну, кто?.. Аксинья... вотъ кто!

— Какая Аксинья?

— Да вотъ эта, что во дворѣ-то живетъ.

Аннушка поблѣднѣла.

— Какъ, мой заклятой врагъ — и та знаетъ о нашихъ отношеніяхъ. Ахъ, Дмитрій Петровичъ, какъ онъ неостороженъ, думала Аннушка. Что же мнѣ дѣлать теперь? отвѣчать — письмо, пожалуй, отдадутъ отцу, а разскажутъ-то о нашей перепискѣ

— это навѣрное... Притомъ Аксинья... эта злая женщина, которая меня ненавидитъ, которая меня всегда порочила — и она все знаетъ... Ахъ, какъ стыдно! неужели унизиться до того, чтобы взять ее въ участницы, чтобы дать ей поводъ злословить себя, унизить себя въ ея глазахъ на самомъ дѣлѣ?.. нѣтъ, нѣтъ!.. это хуже всего на свѣтѣ?.. а не послать отвѣта? что онъ опять подумаетъ?..

Всѣ эти мысли мгновенно пролетали въ головѣ Аннушки: она опять еще разъ не знала, что дѣлать, на что рѣшиться... Впрочемъ, смущеніе ея продолжалось не долго: его побѣдило одно чувство — гордости, которое мгновенно развило въ душѣ Аннушки рѣшимость за-одинъ разъ отстранить отъ себя всякое участіе и вмѣшательство постороннихъ... О послѣдствіахъ этого Аннушка не думала.

— Что же, сестрица, пиши, матушка, отвѣтъ-то: Аксинья-то дожидается...

— Никакого отвѣта не будетъ...

— Какъ, сестрица, никакого?.. Ужъ хошь какую-нибудь писулечку да отпишите. О чемъ онъ къ вамъ пишетъ, то и вы ему отпишите... Тоже, вѣдь, ждетъ: чай, какъ надрывается, отъ васъ-то хочется какую ни-на-есть вѣсточку получить...

— Нѣтъ, я не буду ничего писать...

— Такъ хоть на словахъ-то что-нибудь прикажите: Аксинья-то и перескажетъ... А то, письмо получили, прочитали, а отвѣта никакого не будетъ... Тоже мы старались, а онъ-то что подумаетъ?..

— Я не знаю, къ-чему и письмо мнѣ это принесли... На, возьми его, отдай... Я не хочу...

— Какъ, сестрица, что вы, что вы?.. Да вы не Аксиньи ли чего опаситесь, что она такая дѣвка не надежная и васъ не долюбливаетъ, такъ дай, матушка,

я сама снесу отвѣтецъ-то отъ тебя, изъ рукъ въ руки отдамъ... а то что-йто это будетъ? что баринъ-то бѣдненькій надумается, какъ и письмо-то ему назадъ принесутъ? подумаетъ, что вы совсѣмъ его и разлюбили... сестрица...

— Ну, оставь письмо...

— Такъ и напишите ему, сестрица... Ну, дайте же мнѣ вамъ послужить, Анна Ивановна.

— Нѣтъ, нечего мнѣ и писать ему... Я не знаю, зачѣмъ онъ и писалъ ко мнѣ...

— Да что онъ вамъ писалъ-то? скажите мнѣ это.

— Ничего не писалъ... только... увѣдомляетъ, что пріѣхалъ... Поди, сестрица, скажи Аксиньѣ, чтобы она шла и чтобы въ другой разъ не смѣла носить ко мнѣ писемъ... скажи, что я теперь совсѣмъ чужая Дмитрію Петровичу... Онъ прежде хотѣлъ на мнѣ жениться, а теперь онъ совсѣмъ для меня посторонній... и я не хочу получать отъ него писемъ...

Большихъ усилій стоило Аннушкѣ сказать это: она говорила по чувству гордости и самосохраненія, а не отъ сердца... Она говорила это, рѣшаясь разсказать о письмѣ своимъ родителямъ, чтобы защитить себя такимъ образомъ отъ всѣхъ будущихъ сплетенъ. Она сказала это, и подумала о необходимости вслѣдствіе такого признанія прекратить всѣ сношенія съ Дмитріемъ Петровичемъ. При этой мысли ею снова овладѣла нерѣшительность. Наконецъ любовь восторжествовала.

— А ты, сестрица, ради Бога, не сказывай никому про это письмо! прибавила она.

— Ахъ, ахъ, сестрица, да можетъ-ли это быть, да я подлинно для васъ... да отсохни языкъ!.. А это точно, это хорошо, что вы Аксютки-то опа-

ситесь... Ничего, и безъ нея дѣло сдѣлаемъ... Я сама снесу письмо-то...

— Нѣтъ, нѣтъ, я писать не буду: скажи Аксиньѣ просто, что отвѣта никакого не будетъ...

— Хорошо, матушка, сестрица, хорошо!.. я ей скажу: скажи, молъ, что теперь не досужно, что послѣ, молъ, будетъ писать...

— Нѣтъ, скажи только... нѣтъ, ничего не говори, а вели ей только идти...

— Ну, ну, я ей вотъ что скажу, что, молъ, и письма не прочитала сестрица, и не приняла... ахъ, да какъ же распечатано-то?.. Ну, скажу, что не читавши, молъ, изорвала...

— Да, да, скажи это... Нѣтъ, погоди: лучше ничего не говори... скажи, что я больна и сплю и что ты пожалѣла будить меня, а письмо оставила...

— Вотъ, вотъ, вотъ, такъ и скажу, а послѣ, если что она разболтаетъ, такъ можно запереться, что ничего, молъ, не знаемъ и не слыхали... Кто ей повѣритъ... она извѣстная сплетка... а я послѣ отъ васъ письмецо-то и снесу... ужъ такъ, что никто и духу не услышитъ... Ну, вотъ слава Богу, и придумали!.. Теперя и бояться нечего. Такъ и скажу... Погодите, сестрица, я вотъ сейчасъ ее выпровожу, да опять и приду къ вамъ... Сейчасъ, матушка...

Александра ушла, и Аннушка опять начала читать письмо Дмитрія Петровича.

— Господи, какъ онъ меня любитъ, какъ страдаетъ! думала она, прочитавши письмо. Что-же мнѣ дѣлать теперь? что-то будетъ изо всего этого? Ему скажутъ, что я нездорова, онъ станетъ безпокоиться... Ахъ, зачѣмъ я велѣла это сказать? Онъ поять сегодня будетъ ждать меня, опять мучиться,

если не приду... А какъ идти? Александра еще больше будетъ присматривать за мною!.. Родители узнаютъ о письмѣ: начнутся допросы, станутъ бранить... Нѣтъ, нѣтъ, лучше оставить всѣхъ, бѣжать съ Дмитріемъ Петровичемъ... Ахъ, зачѣмъ я не написала къ нему съ Аксиньей?.. Онъ былъ-бы по крайней мѣрѣ покоенъ за мое здоровье... Теперь онъ, пожалуй, считая меня больною, не пріѣдетъ уже ночью, и я не буду знать что онъ дѣлаетъ, не сердится-ли онъ на меня?.. Что еще ему скажетъ Аксинья?.. ахъ, Господи! развѣ не попросить-ли Александру снести письмо къ нему?.. просить его, чтобы онъ любилъ меня и не требовалъ невозможнаго... или чтобы позабылъ, оставилъ меня, но зналъ, что я вѣчно буду любить его... Но какъ разстаться съ нимъ, не видавшись еще разъ?.. нѣтъ, я не въ силахъ рѣшиться на это... Но если послать Александру, надобно признаться ей во всемъ, просить ея помощи?.. нѣтъ, не могу, стыдно! Господи, защити меня, помоги мнѣ!.. Нѣтъ, лучше пошлю ее; она, можетъ быть, никому не скажетъ, а я увѣрю, что пишу что-нибудь другое... Нѣтъ, нѣтъ, узнаютъ: тогда что будетъ?..

Эти сбивчивыя, противорѣчащія одни другимъ размышленія Аннушки были прерваны приходомъ Александры.

— Ну, сестрица, на-силу на-великую отъ нея отдѣлалась, отъ этой Аксютки, отъ проклятой... заговорила Александра. Не вѣритъ, да и все тутъ: не можетъ статься, говоритъ, чтобы она — это вы-то, не прочитала письма... Я и такъ и сякъ... Богомъ божусь ей... не вѣритъ!.. Коли такъ, говоритъ, подай письмо назадъ, а то какъ-же, гово-

ритъ, я письмо отдала, я отвѣта не принесу... Я ей говорю: скажи, молъ, такъ и такъ... и слушать не хочетъ... да начала меня ругать, да срамить, да и васъ-то тутъ-же... Ну, ужъ!.. я только молчу, да уговариваю: тѣмъ и уломала, что я говорю: какъ-же, я говорю, я тебѣ теперь письмо отдамъ... для чего? а лучше, я говорю, вотъ она проснется, да прочитаетъ письмецо, и, если что надумаетъ такое написать, такъ я тотчасъ тебѣ и принесу... а если, я говорю, такъ, чтобы тебѣ теперь взять письмо, а ужо опять приходить, да отдавать, такъ тоже не ладно: еще, говорю, увидятъ... Тѣмъ только и уломала... а то, и во вниманіе ничего не беретъ... такая!.. да ну ее, теперь ушла... плети послѣ, что хошь... Такъ ну же, матушка, сестрица, пиши-же письмецо-то — я снесу поскорѣе...

— Мнѣ нечего писать! отвѣчала Аннушка.

— Какъ нечего, сестрица? а станетъ сумлѣваться, выходить-ли ему, али нѣтъ сегодня ночью-то?

— Какъ выходить-ли? спросила Аннушка, у которой отъ послѣднихъ словъ Александры вдругъ какъ будто захватило дыханіе.

— Такъ какъ-же, вѣдь, онъ вызываетъ васъ... ну, повидаться-то: Аксинья-то мнѣ, вѣдь, сказала.

— Это вздоръ: она лжетъ.

— Ну, полноте, сестрица, что все отъ меня таитесь?.. неужто ужъ Аксинья-то лучше меня, что все знаетъ: какъ онъ и сегодняшнюю-то ночь всю, до самаго свѣта, все васъ въ рощѣ поджидалъ...

— Господи, все знаютъ! подумала Аннушка.

— Саша, голубушка, сестрица, не сказывай никому! совершенно растерявшись и со слезами на глазахъ стала Аннушка упрашивать Александру.

— Ахъ, сестрица, такъ неужто вы такъ обо мнѣ думаете, да оборони меня... Полно, матушка, сестрица, да я для васъ... да отсохни языкъ, на семъ мѣстѣ провалиться!.. Вотъ ты только попробуй: напиши письмо, да пошлите со мной, и увидишь, люблю-ли я тебя, да жалѣю-ли всей душой... Ужъ мнѣ не помолчать? кто-же и помолчитъ-то, коли не я?..

— Лучше признаться во всемъ, попросить ея помощи, тогда она лучше ничего не скажетъ, а теперь все равно, все знаетъ! Ей жалко будетъ сказать про меня: она меня, кажется, любитъ, да и за что ей не любить меня? а скрывать теперь отъ нея: она хуже разсердится! думала Аннушка, и рѣшилась побѣдить свою гордость предъ силою обстоятельствъ.

— Ну, сестрица, если я напишу: какъ-же ты отнесешь? спросила она наконецъ.

— А такъ и отнесу!.. взяла, да и отнесла.

— А тебя здѣсь хватятся: спросятъ, гдѣ была, куда ходила?

— Ахъ, батюшки мои, ужъ и отъ дому не отойди. Эки еще грѣхи какіе!.. Да на господской дворъ ходила... ну, нужда была... А если и будетъ что, такъ развѣ поругаютъ только, головы, вѣдь, не снимутъ-же?..

— Ну, а тамъ увидятъ, да послѣ скажутъ, что приходила съ письмомъ?..

— Увидятъ!.. Никто́ меня не увидитъ, ни одинъ человѣкъ... выжду такой часъ: около дома буду ходить, на полѣ одного поймаю, да ужъ всучу письмецо одному: никому и въ разумъ не придетъ подумать... Да ужъ положитесь на меня сестрица... ужъ подлинно дѣло говорю: что другой этакой

слуги вамъ не найдти . . . ай, батюшки мои . . . ужъ вамъ-то бы я не послужила . . . кто-же и послужитъ-то, какъ не я? . . Садитесь, садитесь, сестрица, пишите. . . Да вотъ какъ: ужо и въ рощу-то васъ провожу: такъ уйдемъ, что никто и знать не будетъ . . . только вы на меня положитесь . . . ужъ проведу и выведу . . . А больше того мнѣ хочется вамъ услужить потому, чтобы вы знали, жалѣю-ли я тебя или нѣтъ . . , да какова дура необразованная крестьянская Александра, умѣетъ-ли она цѣнить и чувствовать! . . Пишите, сестрица, пишите, будьте въ спокоѣ.

— Хорошо, сестрица, я, пожалуй, напишу . . . ты не выдашь меня . . . не погубишь . . . никому не разскажешь? . .

— Ахъ, ужъ . . . да ужъ не будь я мать дѣтямъ, мужу жена, коли что. . . Что вы это, сестрица? какъ все такъ ибо мнѣ думаете? . . да не надо мнѣ ничего, только-бы какъ васъ успокоить, потому вижу. . . не съ вашимъ ученьемъ вамъ съ нами жить. . .

— Такъ ужъ я напишу, сестрица. . .

— Пиши, матушка, пиши. . . Ничего не думай, пиши. . .

Аннушка робко взялась за перо и собиралась съ духомъ, чтобы начать письмо, а Александра усѣлась рядомъ съ ней, приготовляясь съ любопытствомъ смотрѣть на то, какъ будетъ писать ученая сестрица, какъ вдругъ двери въ свѣтелку отворились, и въ нихъ показалась голова Зосимы.

— Эй, Александра, ты тута что-ли? . . подь-ка сюда. . . сказалъ онъ и опять скрылся, затворивъ двери.

— Ахъ, сестрица! . . спрячь, матушка, чтобы

какъ не вошелъ онъ, да не увидѣлъ! торопливо заговорила Александра, приготовляясь идти на призывъ мужа.

Зосима, видѣвшій, какъ Аксинья вызывала съ поля жену, и догадываясь, что дѣло касалось любимой имъ сестры, рѣшился идти посмотрѣть что дѣлаютъ онѣ, тѣмъ болѣе, что Александра долго не возвращалась назадъ.

— На-что тебя звала Аксинья?.. что она тебѣ говорила? спросилъ онъ.

— Аксинья-то? проговорила оторопѣвшая отъ неожиданнаго вопроса Александра.

— Ну . . . слышала?

— Аксинья-то?.. да она ничего не говорила... она такъ только...

— Какъ ничего?.. Начто-же ты съ поля-то ушла съ ней?..

— Да, право, ничего. . . и не припомню что. . . да, вотъ что... корова наша отъ стада отшиблась... такъ она приходила сказать . . . я и бѣгала . . . корову-то загнала на вагонъ.

— А какъ къ Аннушкѣ-то попала?

— А такъ шла оттолѣ-то, да и забѣжала: дай, молъ, провѣдаю, что сестрица-то у насъ? . . одна сидитъ! . . а то больше съ Аксиньей у насъ ничего и разговоровъ никакихъ не было. . .

— А объ Аннушкѣ что говорили?

— Ничего, ничего! . . провалиться на семъ мѣстѣ, ничего. . . забормотала Александра, окончательно растерявшись при послѣднемъ вопросѣ мужа; лице ея, впрочемъ, товорило совсѣмъ другое.

— Врешь. . . дѣло говори! . .

— Право слово: и помину не было, глазамъ лопнуть, хоть у самой у сестрицы спроси. . .

Зосима съ первыхъ словъ жены видѣлъ, что она скрываетъ что-то.

— Сейчасъ сказывай!.. вымолвилъ онъ, грозно взглянувши на жену.

— Да право...

— Ну!..

— Да что ты, батька?.. заговорила Алаксандра плаксивымъ голосомъ. Что я тебѣ стану сказывать, коли ничего и не было?.. поди допытайся у самой Аннушки... Чѣмъ я-то виновата...

— Сказывай добромъ, коли не хочешь...

— Да ничего и не было, только что письмо приносила?

— Отъ кого?..

— Ну, извѣстно отъ кого!.. изъ Горланихи. А вотъ тутъ я-же стала виновата, а все изъ-за своего усердія, что хотѣла послужить...

— Гдѣ-же то письмо?

— Аннушкѣ отдала.

— Объ чемъ-же онъ пишетъ?

— Ну, объ-чемъ? на свиданье зоветъ!..

— А Аннушка что?

— Хотѣла письмо писать... да отступись ты отъ меня... спрашивай ее... Я то же заклятье дала ничего не говорить... продолжала Александра слезливымъ голосомъ.

— А не послала она къ нему того письма?

— Нѣту... Охъ, Господи, эка жисть моя... все изъ-подъ побой дѣлай, да подъ страхомъ живи...

— Ну, пошла на поле... да коли ты у меня другорядь въ эти дѣла пустишься, али объ этомъ кому хошь видомъ покажешь... такъ я тебя... не то что... живаго мѣста не оставлю... слышь ты: никому ни слова... безстыжая твоя рожа!..

Зосима говорилъ грознымъ голосомъ; въ глазахъ его былъ страшный гнѣвъ. Александра, сама того не понимая, всегда находилась подъ сильнымъ нравственнымъ вліяніемъ мужа и боялась его какъ огня, хотя онъ рѣдко, весьмо рѣдко прибѣгалъ къ матеріальнымъ внушеніямъ. Когда еще Зосима былъ въ обыкновенномъ расположеніи духа, Александра могла съ нимъ спорить, пожалуй, и браниться, но стоило только Зосимѣ сказать свое внушительное: „ну!“ грозно посмотрѣть — и ужъ слишкомъ много — прикрикнуть, чтобы у Александры прилипъ языкъ къ гортани, или, какъ говорится, душа въ пятки ушла. И никогда, никто, кромѣ мужа, не умѣлъ однимъ словомъ обуздать ея болтливость.

Такъ и въ настоящемъ случаѣ: Александра совершенно сробѣла предъ мужемъ, и, не смѣя ни слова вымолвить напротивъ ему, пошла молча вонъ изъ избы, гдѣ происходилъ весь разговоръ, и только въ-тихомолку хныкала.

Зосима отправился въ свѣтелку къ Аннушкѣ.

— Что ты дѣлаешь? спросилъ онъ сестру по возможности ласковымъ голосомъ.

— Ничего! отвѣчала она.

— Аннушка, не томи меня: разскажи мнѣ всю правду, что у тебя съ тѣмъ бариномъ, какое ты письмо отъ него получила?

Голосъ Зосимы звучалъ такою любовью, такимъ сочувствіемъ, что Аннушка, сердце которой переполнено было отъ тревогъ и волненія настоящаго дня, не выдержала и съ горькими слезами бросилась на шею брата, при его прямомъ, неожиданномъ вопросѣ.

— Ахъ, братецъ, помоги ты мнѣ, спаси меня! говорила она, рыдая.

— Да что, что, голубушка ты моя, молви мнѣ все... давно вижу твое горе... давно мекалъ спросить, да все какъ-то...

И Аннушка, увлеченная искреннимъ участіемъ брата, которое пришло очень во-время, разсказала ему обо всемъ: о нечаянной встрѣчѣ своей съ Дмитріемъ Петровичемъ, о томъ, какъ онъ уговаривалъ ее бѣжать съ нимъ, какъ она рѣшилась-было, и что ей помѣшало, разсказала содержаніе настоящаго письма и о намѣреніи своемъ отвѣчать ему на него.

— Что-же мнѣ теперь дѣлать? Научи меня, братецъ! спросила она въ заключеніе, и въ этомъ вопросѣ просто, но ясно выразилась вся ея душевная тревога.

— Охъ, тяжкое дѣло, Аннушка... Не знаю, что и молвить тебѣ... Больно ты его жалѣешь, крѣпко любишь-то?

— Да, братецъ...

— Да онъ-то, кажись, мало тебя жалѣетъ?

— Нѣтъ, и онъ меня очень любитъ, я это знаю, братецъ, навѣрно знаю...

— О-охъ!.. не знаю ужъ какъ... Какъ-же ты насъ-то покинешь?

— Мнѣ жалко тебя, братецъ...

— Передъ Богомъ-то больно грѣшно, Аннушка... не по закону, вѣдь, жить-то будете... Охъ, грѣшно передъ Царемъ Небеснымъ, больно грѣшно...

— Что-же мнѣ дѣлать, братецъ? мнѣ тошно безъ него... очень скучно...

— Что бы ему жениться-то на тебѣ, коли любитъ-то онъ тебя?..

— Вѣдь я говорила тебѣ, братецъ, почему онъ не женился на мнѣ: ему стыдно будетъ, что у него родные будутъ...

— Эхъ, да, кажись, мы бы и близко-то къ нему не стали подходить, и на тебя-то изъ-за-уголка стали смотрѣть, только-бы онъ счастливой тебя сдѣлалъ... Ахъ, ужъ не знаю... А больно тебѣ тошно... нѣтъ тебѣ житья съ нами?..

— Да, братецъ... я вотъ ужъ какъ люблю тебя, а какъ подумаю объ немъ, такъ-бы, кажется, и убѣжала къ нему.

— Вотъ что, Аннушка, молись-ка ты милостивому Богу, а я вотъ что надумалъ: схожу я къ нему, пожалюблюсь ему на всю твою судьбу горькую... Неужто ему не жалко будетъ тебя? Человѣкъ вѣдь тоже онъ, не звѣрь, сердце-то есть-же, не каменное... можетъ онъ и женится на тебѣ... а я ему молвлю, чтобы объ насъ-то онъ и думать забылъ, что мы ему не помѣху... Сходить, что-ли?

— Пожалуй.,. Только какъ-то стыдно, точно я навязываться ему буду?

— Какъ? нѣтъ, онъ первый желаніе возъимѣлъ жениться на тебѣ, такъ на-что же онъ обманулъ? На что онъ тебя разстраивалъ?.. Ничего, я схожу къ нему... авось, прямь, не лютой-же онъ звѣрь.

— Пожалуй, братецъ, сходи... только, Господи, какъ стыдно!

— Ничего, Аннушка, ничего... Если, вѣдь, онъ что мнѣ и сгрубитъ, такъ ко мнѣ не пристанетъ.

— Какъ-же, братецъ, ты къ нему пойдешь-то?

— А что?

— Да такъ... можетъ быть... мало ли что можетъ случиться, что онъ тебя не приметъ?..

— Это ты мекаешь, что не допуститъ-то онъ меня къ себѣ... это можетъ статься!.. такъ мы вотъ какъ дѣло поведемъ: онъ, вѣдь, чай, безпремѣнно будетъ тебя ждать сегодня ночью-то въ

рощѣ... Вотъ я тамъ его и перейму... еще и лучше: никто и не увидитъ, и гордости у него меньше будетъ, что съ мужикомъ по душѣ покалякаетъ: ночное дѣло, темное, никто не видитъ, ни передъ кѣмъ не стыдно... и меня-то, каковъ я есть мужикъ, въ потемкахъ не разглядитъ... Такъ прощай-ка, Аннушка, доколева... пойду на поле... да не тужи ты, не плачь, не надрывайся!.. Може, все дѣло сдѣлается: лучше не надо...

Аксинья, разставшись съ Александрой и отправляясь назадъ на господскій дворъ, всю дорогу придумывала, почему ей не отданъ отвѣтъ Аннушки на письмо Дмитрія Петровича. Она не вѣрила разсказамъ Александры, и остановилась на двухъ предположеніяхъ, что либо Аннушка побоялась, или, вѣрнѣе, погордилась отдать письмо свое въ ея руки — и при этой мысли въ сердцѣ ея клокотала злость, — либо Александра нарочно отклонила участіе Аксиньи, чтобы самой похлопотать какимъ-нибудь образомъ въ этомъ дѣлѣ — при этомъ предположеніи Аксинья считала необходимостью во что бы-то ни было удержать за собой поле дѣятельности и не показать, что она не умѣла исполнить возложеннаго на нее порученія.

И такъ, пришедши къ Василью, она сказала ему, что письмо передано Аннушкѣ, что она непремѣнно обѣщалась быть ужо ночью въ рощѣ, и не написала потому, что нельзя было: боялась, что застанутъ, впрочемъ обѣщалась написать, и тогда либо сама Аксинья принесетъ письмо, коли можно будетъ отойдти, либо она пришлетъ съ Аннушкиной невѣсткой — Александрой.

— Ну, ужъ только и дѣвка, эта Анютка, заключила Аксинья: такой безстыжей я и не привидывала: такъ безъ совѣсти и говоритъ, что придетъ на свиданье, хошь бы закраснѣлась, хошь бы потупилась... Эка безстыжая рожа, ничего нестоющая дѣвка, никакого вниманія... А ужъ какъ меня благодарила... такъ благодарила, а вѣдь послѣ поди и не вспомнитъ, да — чего добраго — скажетъ, что меня и въ глазахъ не видала, совсѣмъ запрется... благодарности ужъ не жди отъ нея никакой... Вы, Василій Иванычъ, однако, вашему барину про мою послугу скажите... пусть же онъ знаетъ... ужъ я на васъ надѣюсь...

— Да ужъ, Аксинья Андреевна... у меня только и заботушки-то, что вы...

— Ну, полноте вы насмѣхаться-то надо мной...

— Могите на меня положиться... Одначе прощайте, Аксинья Андреевна: время къ домамъ, заждался здѣсь васъ, совсѣмъ соскучился...

— Да ужъ, чай, все съ Лизкой балагурили... знаю я васъ... прокуратъ этакой!

— И въ воображеніи не имѣлъ!.. Будьте счастливы да веселы, Аксинья Андреевна, и насъ не забывайте.

— Вы-то насъ не забывайте, а мы не забудемъ! сказала Аксинья кокетливо.

Василій изъ слова въ слово передалъ барину отвѣтъ Аннушки на письмо, сообщенный ему Аксиньей, и въ слѣдующую ночь знакомая коляска опять была на извѣстномъ мѣстѣ въ рощѣ, подлѣ Тужиловки, и опять Дмитрій Петровичъ, выходя изъ нея, строго наказывалъ людямъ не дремать и подавать экипажъ по первому его требованію, и опять по уходѣ его, кучеръ началъ задавать вопросы камердинеру о томъ,

что еще задумалъ баринъ, и долго ли еще придется имъ караулить.

— А что, Василій Иванычъ, письмо-то снесъ? спросилъ между прочимъ кучеръ.

— Снесъ! отвѣчалъ камердинеръ.

— Что же она?

— Обѣщалась быть.

— Значитъ, безпремѣнно будетъ?

— Обѣщалась безпремѣнно.

Между тѣмъ Дмитрій Петровичъ, также какъ и въ прошедшую ночь, ходилъ взадъ и впередъ по дорогѣ, пролегавшей черезъ рощу, и такая же, какъ вчера, прекрасная ночь окружала его и такое же нетерпѣніе чувствовалъ онъ, и тѣ же мечты лелѣялъ въ душѣ своей.

И вотъ вдругъ онъ слышитъ приближающіеся шаги. Сердце его сначала замерло, потомъ ускоренно забилось. Быстро пошелъ онъ впередъ въ полной надеждѣ встрѣтить Аннушку, и уже готовился протянуть руки и сказать нѣжное и радостное привѣтствіе... но передъ нимъ стоялъ совершенно незнакомый мужикъ. Дмитрій Петровичъ хотѣлъ пройдти мимо, внутренно пославши проклятіе нежданному прохожему, но къ величайшему его удивленію, мужикъ обратился къ нему съ такимъ вопросомъ:

— Твоя милость, Дмитрій Петровичъ?

— Что тебѣ надобно? вовсе неласково спросилъ въ свою очередь Дмитрій Петровичъ.

— Къ твоей милости...

— Что ты? кто таковъ? чей ты?.. еще болѣе удивленный встрѣчей, спрашивалъ Губовъ.

— Я Аннушкинъ братъ, Зосима...

Глава XII.

Братъ и другъ — велико дѣло.

Аннушка не спала всю ночь, съ трепетомъ нетерпѣнія дожидалась Зосимы. Она издали заслышала его шаги и поспѣшила встрѣтить его на самомъ порогѣ дверей. Но не радостную вѣсть несъ Зосима: Аннушка отгадала это при первомъ взглядѣ на его сумрачное, унылое лице.

— Что, братецъ? робко спросила она его.

— Что, Аннушка... Недобрый онъ человѣкъ... Ни души, ни сердца въ немъ нѣтъ... И жалости къ тебѣ нѣтъ никакой... Позабудь ты его: совсѣмъ онъ тебя не любитъ...

— Что ты говоришь, братецъ?

— Охъ, самому мнѣ тяжко вымолвить... да лучше правду тебѣ сказать, нечѣмъ обманомъ тебѣ жить... Сгубить только онъ хотѣлъ тебя... срамъ напустить и на твою и на нашу голову... Богомъ тебя прошу: выкинь ты его изъ свово сердца... Ворогъ онъ тебѣ, а не другъ...

Польно, братецъ, не говори такъ: онъ любитъ меня!..

— Ахъ, Аннушка... Неужто ужъ я бы сталъ не дѣло говорить про него, знамши, какъ онъ тебѣ милъ, да дорогъ... Неужто бы я самъ не порадовался, коли бы видѣлъ, что есть у него какое ни на есть чувствіе въ его грѣшной душѣ?.. а у него одинъ грѣхъ на умѣ... Пропащій онъ человѣкъ!.. Плюнь на него, да и выкинь изъ своей головушки... Родная ты моя.... тяжко тебѣ...

— Братецъ, да что же онъ говорилъ съ тобою?. разскажи мнѣ!..

— Что ему говорить? ничего не говорилъ, а только обругалъ, какъ я его сталъ усовѣщивать... не губить тебя, а по закону Христову: обжениться на тебѣ... Я лаской говорилъ, Богомъ просилъ, твоей душой заклиналъ, а онъ только ругалъ, да срамилъ меня.

— Тебя, братецъ?.. Дмитрій Петровичъ... не думала я... Господи!.. сказала Аннушка съ тяжкимъ вздохомъ.

Грудь ея высоко поднялась и потомъ медленно опустилась, слезы, выступившія-было на глазахъ, вдругъ остановились, лице ея вдругъ сдѣлалось блѣдно и выражало твердую рѣшимость, руки крѣпко сжались на груди.

— Братецъ, я не люблю его болѣе... сказала она... Я не хочу даже и помнить о немъ!.. И она съ какою-то судорожною поспѣшностью достала съ груди послѣднее письмо Дмитрія Петровича, разорвала его и бросила на полъ, потомъ отыскала его прежнія письма и также разорвала..

Зосима смотрѣлъ на сестру съ какимъ-то благоговѣніемъ: онъ понималъ своимъ воспріимчивымъ сердцемъ что дѣлается въ душѣ Аннушки, и слезы невольно текли изъ его глазъ.

Аннушка какъ будто обезсилѣла послѣ такого рѣшительнаго движенія. Она смотрѣла на разбросанные лоскутки дорогихъ для нея писемъ, потомъ вдругъ грудь ея начала трепетно и неровно колебаться, горло ея спазматически стѣснилось...

— Уйди отсюда, братецъ!.. едва проговорила она.

— Нѣту, я не уйду отъ тебя... тошно тебѣ!..

— Нѣтъ, уйди, уйди! . .

Зосима повиновался и вышелъ, а Аннушка съ страшными истерическими судорогами и громкими рыданіями бросилась на остатки писемъ Дмитрія Петровича, и цѣловала ихъ и обливала слезами, а Зосима, стоя у дверей свѣтелки и прислушиваясь къ рыданіямъ сестры, втихомолку утиралъ свои слезы.

Когда рыданія Аннушки затихли, Зосима пріотворилъ потихоньку двери въ свѣтелку, чтобы посмотрѣть что дѣлаетъ сестра. . . Она стояла на колѣняхъ и горячо молилась. Зосима не помѣшалъ этой молитвѣ, но перекрестился и опять затворилъ дверь въ свѣтелку.

— Авось Богъ милостивъ! подумалъ онъ, и на сердцѣ у него стало покойнѣе.

Между тѣмъ проснулись всѣ въ домѣ и пошли на работу. Зосима отправился вмѣстѣ съ другими, но и съ поля раза два приходилъ къ сестрѣ. Она сидѣла скучная, унылая, улыбалась ему, казалась покойною, но лице ея было блѣдно, а глаза красны и опухли отъ злезъ.

Александра улучила минутку забѣжать къ сестрицѣ, но ничего не могла узнать отъ нея. На всѣ ея разспросы Аннушка отвѣчала только, что она не любитъ больше Дмитрія Петровича, и просила не говорить съ нею о немъ.

— Эка неблагодарная! думала Александра съ неудовольствіемъ. За всѣ-то мои послуги слова не хочетъ сказать . . . Видно, не нужна стала Александра, такъ и говорить съ ней не надо. Эка совѣсть!.. Дѣло Аксинья-то говоритъ. . .

Арина, имѣвшая обыкновеніе почти каждое утро, вставши со сна, заходить къ Аннушкѣ, чтобы посмотрѣть, какъ спитъ она, погладить ей спину и

благословить, и въ это утро зашла къ дочкѣ и удивилась, найдя ее не спящею.

— Что ты, Аннушка, рано поднялась? спросила Арина.

— Такъ, матушка.

— Да что ты ничто какая невеселая... Христосъ съ тобой!.. Недомогается что ли?.. Вишь цвѣтная какая!..

— Да, немножко нездоровится.

— То-то родная. . . Берегися, матушка ! . . Вона и глазки-то какіе красные, да опухлые . . . да ужъ ты не плакала ли? . .

— Нѣтъ.

— Ну, Христосъ съ тобой! . .

И ни материнское чувство Арины, ни суетливое участіе Александры не помогли имъ отгадать что происходило въ душѣ бѣдной дѣвушки, какая страшная драма разыгрывалась въ ней.

И судьба какъ будто хотѣла, чтобы Аннушка выпила до дна чашу гора и оскорбленій, или, можетъ быть, она въ этой чашѣ подносила ей противоядіе той отравѣ, которую внесла къ ней въ душу любовь къ Дмитрію Петровичу. Вечеромъ того же дня, когда вся семья возвратилась домой къ ночному отдыху и приготовлялась ужинать, Аннушка также пришла въ избу и сѣла за общую скудную трапезу, не для того, чтобы ѣсть, а чтобы хоть сколько-нибудь отдохнуть въ родной семьѣ отъ той тоски и тревогъ, которыя она перенесла въ теченіе этого дня. Лице ея было покойно, но печально, и улыбка, которую она старалась вызвать на него, тотчасъ же исчезала, какъ только появлялась. Иванъ Прохорычъ смотрѣлъ на дочь какъ-то недоброжелательно и сердито; мать посматривала то робко на мужа, то заботливо на дочь.

— Что не весела? спросилъ Аннушку отецъ, послѣ нѣсколькихъ суровыхъ взглядовъ на нее.

— Ничего, батюшка!

— Ничего?.. али по своемъ-то стосковалась? али давно не видѣлись?

Аннушка поблѣднѣла и вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

— Что? опять что ли подешь къ нему на ночь-то?.. нечестивая!.. Говорилъ ли я тебѣ...

— Батюшка, не замай ее... не трожь! Дѣло прошлое!.. сказалъ угрюмо Зосима.

— Что прошлое?.. И тогда ты глотку-то дралъ, какъ я ей, ровно зналъ, говорилъ напередъ... Она думала у отца съ матерью подъ носомъ распутничать такъ же, какъ у нѣмцовъ-то живучи... Таково твое ученье, такова твоя совѣсть!..

— Батюшка, я-те говорю: не трожь ты ее, не изобижай... Не будетъ ничего этого...

— Да что ты, дуракъ, учишь-то меня? Не знаю — что я говорю! даромъ я ее ругаю?.. Кто по ночамъ-то кажную ночь въ рощу-то ходитъ? къ кому письма-то носитъ твоя негодница?..

— Такъ вотъ ее учи, коли она письма носитъ, прибей, коли досадна тебѣ она... А Аннушку не трожь! говорю тебѣ дѣло: може и было єво, да теперь прошло и ничего этого нѣтъ... Послушай меня хошь единово.

— Слушай тебя!.. будетъ путь, коли послушаешь тебя... Всегда ты учить-то меня суешься, да кто уменъ-то бывалъ отъ твоей науки... За всякую сволочь всегда ты вступаешься... Прошло?.. давно ли прошло-то, коли она сегодня всю ночь съ тѣмъ въ лѣсу была... Слышь ли, безстыжая, ты думала ничего я и не узнаю...

— Да не была она совсѣмъ!.. возразилъ Зосима.

— Я знаю, что была: вся деревня мнѣ въ глаза тыкаетъ, что какую дочку выростилъ, да выучилъ... Нашла и повѣстить-то съ кѣмъ, съ Аксюткой; та и кричитъ по всей деревнѣ, какъ она письмо приносила и какъ въ лѣсъ-то ее вызывала... а?..

— Вотъ, батюшка, умный ты человѣкъ, а Аксюткѣ вѣришь: въ первой ли она тебя въ грѣхъ вводитъ?..

— Да теперь-то ей не изъ чего врать-то: вся деревня видѣла, какъ лакей-то изъ Тужиловки приходилъ къ Аксюткѣ съ письмомъ, и какъ назадъ пошелъ съ отвѣтомъ... Теперь ей и врать-то нельзя: сама была въ дѣлѣ этомъ... Такъ что же ты мнѣ толкуешь? башка ты безшабашная...

— Такъ вретъ же Аксютка... управителю на нее пожаловаться... Дѣвка анаѳемская... Я про то знаю, что вретъ... Вотъ тебѣ истинный Богъ — дѣло тебѣ, батюшка, докладываю... Коли не вѣришь, вотъ тебѣ всю правду молвлю: самъ я ходилъ сегодня ночью къ барину въ рощу... усовѣщалъ его.

— Ты?..

— Я...

— Зачѣмъ же онъ-то въ рощѣ былъ?

— Ну ужъ зачѣмъ онъ былъ, то прошло, про то и говорить нечего: хотѣлъ онъ нашу Аннушку погубить, да Богъ спасъ... Сама она теперь отъ него отреклась...

— Не знаю я, что ты городишь... ни слушать тебя, ни нѣтъ... и не пойму. Чудно̀ ты говоришь!.. Она сама-то сидитъ, что-то не по твоей рѣчи смотритъ: ровно совѣсть не чиста...

Аннушка молчала впродолженіе всего спора о ней между отцомъ и братомъ. Горько, очень горько было ей слушать незаслуженные укоры и грубую

брань, особенно послѣ той рѣшимости пожертвовать самымъ дорогимъ чувствомъ, на которую она принудила себя еще такъ недавно. Ей не хотѣлось даже и защищать себя: она рѣшилась перенести съ покорностію и терпѣніемъ это новое испытаніе, тѣмъ болѣе, что она считала его послѣднимъ.

— Что молчишь-то? продолжалъ Иванъ Прохорычъ, обращаясь къ дочери. Али говорить-то нечего: кругомъ въ грѣхахъ?

— Батюшка, прости меня за все? Больше я не буду виновата передъ тобой.

— Простить? А тотъ говоритъ, что ты и не виновата ни въ чемъ.

— Не виновата и есть! отозвался Зосима. Батюшка, посмотри ты на нее: вѣдь, голубь она у насъ. . . Грѣхъ тебѣ и зло-то на нее имѣть. . . Подумай ты: вѣдь дѣвка она молодая, любила она его всей душой, а теперь, только чтобы грѣха одного бѣжать, вовсе реклася отъ него. . . Може сердце-то у нея теперь все изныло, а ты обижаешь ее. . . Грѣхъ, вѣдь, это, батюшка, тяжкой . . . жалости, вѣдь, она стоитъ, а не то что ругательства. . . Подумай и то: училась, вѣдь, она наукамъ, жила въ нѣгѣ, да въ холѣ, а теперь Богъ привелъ ее съ нами жить, а мы хоша родные-родные, а все какова наша жисть, привычна ли ей? а видалъ ли ты отъ нея какое непочтеніе, слыхалъ ли хошь одно слово неласковое. А ты, батюшка, обними-ка ты ее лучше, да поцѣлуй, да благослови своимъ родительскимъ благословіемъ на ея тяжкое тѣрпѣніе.

Иванъ Прохорычъ съ удивленіемъ слушалъ сына и не вѣрилъ ушамъ своимъ: отъ роду не приводилось ему и подумать, чтобы его пьянчуга-Зосима, всегда молчаливый, кажись бы и не больно умный,

могъ говорить такія рѣчи. Откуда что взялось? .. Правда, что съ тѣхъ поръ, какъ Зосима пересталъ пить, Иванъ Прохорычъ много измѣнился въ своемъ расположеніи къ нему, и лучше сталъ объ немъ думать, и ласковѣе смотрѣть на него, но все-таки услышать отъ Зосимы такую умную, складную и длинную рѣчь была для старика диковинка не малая — и онъ все еще смотрѣлъ на сына, и какъ будто слушалъ его даже и тогда, какъ тотъ кончилъ. За то Арина давно уже плакала, обнимала и цѣловала Аннушку, и причитывала ей ласковыя слова. За нею заплакала и Александра.

— Да разскажи ты мнѣ, разскажи все путемъ и по порядку, какъ было дѣло . . . сказалъ наконецъ Иванъ Прохорычъ.

Зосима началъ разсказывать, но уже рѣчь его не была такъ складна и кругла: онъ началъ по обыкновенію выражаться угловатыми, отрывочными фразами, особенно когда говорилъ о Дмитріи Петровичѣ, Аксиньѣ и женѣ своей.

— Такъ-то вотъ мы всегда ее изобижаемъ, Иванъ Прохорычъ, изъ напраслины, сказала Арина, когда Зосима пересталъ говорить. Все-то она, моя голубушка, терпитъ отъ насъ одну обиду, да поруганье, за свое смиреніе великое. . .

— Нѣтъ, матушка, я сама виновата! сказала растроганная Аннушка, простите вы меня, а я знаю, вы не отъ злобы это дѣлали, вы любите меня и желали мнѣ добра. Я сама виновата: хотѣла бѣжать отъ васъ, да братецъ остановилъ меня. . . Теперь ужъ не уйду . . . простите меня! . .

— Ну, Господь тебя проститъ и помилуетъ. . . Насъ-то ты тоже прости! сказалъ Иванъ Прохорычъ.

— И меня, сестрица, простите, коли я чѣмъ досадила вамъ! прибавила Александра.

— Ну, вотъ, слава те Господи, ровно прощальные дни пришли, всѣ мы попрощалися. . . Дай намъ Господи жить теперь въ мирѣ, да въ радости! промолвилъ старикъ и перекрестился.

— Батюшка, а всѣмъ мы обязаны братцу! Богъ знаетъ, что бы со мной было, если бы не онъ! сказала Аннушка, какъ дитя утѣшенная и успокоенная тѣмъ веселымъ выраженіемъ, которое свѣтилось на лицахъ всѣхъ ее окружавшихъ, тѣмъ миромъ, который вдругъ водворился между ними.

— Если вы любите меня, вы должны благодарить братца, потому что онъ меня спасъ! продолжала она.

— Ну вотъ! . . Что я-то? . . тебѣ-то каково? . . отозвался Зосима.

—Вотъ ужъ и я скажу: не чаялъ, братъ, я, Зосима, отъ тебя экой удали. . . Спасибо тебѣ! сказалъ весело Иванъ Прохорычъ.

Но какъ ни старалась Аннушка увѣрить себя, что она не любитъ, какъ ни было въ ней охлаждено чувство благоговѣнія къ любимому существу, зерно любви, эта болячка сердца, все-еще и надолго оставалась на днѣ ея души. Она старалась не говорить, не думать о Дмитріи Петровичѣ, но иногда образъ его невольно возставалъ передъ ея воображеніемъ, и мысль переносилась въ былое время, когда этотъ образъ былъ такъ чистъ, свѣтелъ и благороденъ, и тогда ей жалко было разставаться со своими мечтами, и грустно возвращаться къ печальной дѣйствительности.

Такъ шли дни за днями. Аннушка старалась быть веселою, но на душѣ у нея было тяжело. О Дмитріи Петровичѣ она не спрашивала, и ей ничего не говорили, только разъ какъ-то Александра разсказала, что встрѣтила его на полѣ; кромѣ этого она ничего не слыхала о немъ. Она никуда почти не выходила изъ дома, боясь встрѣтиться съ Дмитріемъ Петровичемъ.

Она не ходила и къ Августу Карлычу, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время онъ постоянно находился въ разъѣздахъ, по случаю дѣлъ, касавшихся имѣнія и порученныхъ владѣтелемъ его ходатайству.

Однажды, впрочемъ, Августъ Карлычъ, только-что возвратившись изъ города, прислалъ за Аннушкой, и, когда она пришла, сказалъ ей:

— Вотъ, Анхенъ, тебѣ открывается прекрасное мѣсто въ гувернантки въ одномъ довольно богатомъ семейномъ домѣ. Говорятъ, прекрасное семейство: живутъ постоянно въ усадьбѣ, отсюда верстъ 80, предлагаютъ жалованья полтораста рублей серебромъ; хочешь-ли взять это мѣсто?

— Не знаю какъ, фатеръ; я ужъ привыкла къ роднымъ: мнѣ трудно будетъ въ чужомъ домѣ... Впрочемъ я поговорю съ родителями.

— Поговори, а я совѣтовалъ-бы воспользоваться этимъ случаемъ... Что ты живешь теперь: скучаешь, не приносишь пользы ни себѣ, ни роднымъ, а тогда-бы ты могла и имъ помогать... Притомъ ты исполнила-бы желаніе Амаліи... она любила тебя и совѣтовала непремѣнно идти въ гувернантки...

Августъ Карлычъ вздохнулъ; брови его угрюмо сдвинулись при воспоминаніи о женѣ.

— Подумай!.. я совѣтовалъ-бы...

Аннушка сама чувствовала, что жизнь гувернантки,

давши ей опредѣленное назначеніе и дѣятельность, много помогла-бы освободиться отъ постоянной тоски и забыть недавнее горе.

— Благодарю тебя, фатеръ! сказала она. Я поговорю съ родными, и, если они согласятся, я поѣду.

Когда Аннушка передала дома предложеніе своего благодѣтеля, Иванъ Прохорычъ задумался, Зосима мрачно насупился и молчалъ, одна Арина тотчасъ-же подняла голосъ.

— Полно, Аннушка, матушка, по-что тебѣ въ чужіе люди йдти? Развѣ нѣтъ у тебя родной семьи? Развѣ не любимъ мы тебя, не жалѣемъ? То-ли, кажись, не жись тебѣ у насъ? .. развѣ чѣмъ не угодили мы тебѣ?

— Я благодарна вамъ, матушка, только мнѣ совѣстно, что я такъ живу у васъ, безъ всякаго дѣла, ничѣмъ не помогаю вамъ; а если я буду жить въ гувернанткахъ, я и вамъ могу помогать, потому что мнѣ не много нужно.

— Нѣту, дочка, ты не то говоришь, и Арина не то калякаетъ: ты намъ тяготы не дѣлаешь, не чужое дѣтище, свое, и отъ насъ ты притѣсненія никакого не видала, — коли и была какая межъ нами ссора, такъ не отъ сердцовъ, а ужъ такой грѣхъ былъ, да и тотъ, слава Господу, прошелъ, дай Богъ, чтобы и никогда не приходилъ. А надо то молвить, что тебѣ жись-то у насъ не сподручна: не такъ ты учена, не къ тому, къ чему наше житье принадлежитъ, такъ вотъ по этому самому тебѣ лучше въ домъ идти жить въ эти . . . какъ ихъ? и не выговорю, а не то, что для того — намъ помогать будешь: намъ твоего не надо, своимъ проживемъ, намъ только молиться, кабы тебя-то Господь какъ устроилъ, чтобы тебѣ не вѣкъ въ дѣвкахъ си-

дѣть... Вотъ мое какое разсужденіе, а и то сказать: свой умъ — царь въ головѣ. Мое благословеніе на всю твою волю, какъ хошь: хошь — у насъ живи — радехоньки, хошь — въ люди пойди — и то не худо: самъ я вижу, тебѣ съ нами жить — нечего ждать, да и дѣлать нечего.

— Дѣло ты сказалъ, батюшка, самое дѣло! примолвилъ Зосима, — и ты, Аннушка, слушай родительскаго святаго слова... Поѣзжай, наша голубка, съ Богомъ!.. авось тамъ... — Голосъ у Зосимы порвался, онъ не договорилъ своей мысли: ему тяжело было разставаться съ Аннушкой.

Послѣ такого рѣшительнаго согласія главныхъ членовъ семейнаго совѣщанія, Аринѣ нечего было возражать болѣе: она ограничилась только слезами. Кстати заплакала и Александра.

Начались сборы, приготовленія къ отъѣзду. Августъ Карлычъ вызвался самъ отвезти Аннушку.

Наконецъ насталъ и канунъ отъѣзда, послѣдній вечеръ, послѣдняя ночь, которую Аннушка должна была провести подъ родной кровлей, приготовляясь вступить въ новую для нея жизнь, слѣдовательно страшную, всегда пугающую воображеніе. Въ этотъ вечеръ вся семья собралась вмѣстѣ.

Всѣ лица были печальны, а лицо Зосимы мрачно, какъ глухая осенняя ночь; вся бесѣда шла какъ-то отрывочно, несвязно, а Зосима и вовсе ничего не говорилъ.

— Вотъ, Аннушка, уѣдешь ты отъ насъ въ чужіе люди, говорила Арина, всего, можетъ, натерпишься, и насъ вспомянешь. Каковы не будутъ, а все не родные отецъ съ матерью, не ихъ теплая грудь...

— Да, въ чужихъ людяхъ жить, надо умъ знать!

замѣчалъ Иванъ Прохорычъ. Ко всему надо привыкать, на все присматривать: какъ ступить, какъ стать, какъ себя повести во всемъ . . . Правда, не живалъ я въ чужихъ людяхъ, не приваживалось, а такъ какъ по разуму своему домекаю . . . Охъ, куда мудреное дѣло, коли только хочетъ человѣкъ себя соблюсти, чтобы всѣ любили, да не брезгали . . . Всякому почти, всякому угоди! . .

— Ужъ на что хуже въ чужихъ людяхъ жить! подтверждала съ своей стороны и Александра. Ужъ подлинно, намаетесь вы, сестрица . . .

— Полно-ка, Александра, что молвила, ровно каркнула: намается? дай Богъ въ радости, да въ спокоѣ жить, къ тому говорятъ! замѣтила Арина.

— А я-то, матушка, не къ тому что-ли говорю? И я къ тому-же самому.

— Пиши къ намъ, доченька! отписывай обо всемъ, начинала опять Арина, какова твоя жись будетъ, кто твои будутъ други-ли, не-други.

— И насъ, сестрица, не забывайте, подхватила Александра, и на нашу долю иной разъ приписочку припишите: какова-бы ни была, худа-ли, хороша-ли, а всегда вамъ всей душой стараюсь. Обиды, чай, отъ меня не видали никакой.

— А пуще того Богу молись, говорилъ Иванъ Прохорычъ, чтобы помиловалъ тебя Творецъ Небесный, соблюлъ отъ всякаго соблазна и искушенія . . . На льстивыя слова не поддавайся, добро твори разсуждаючи, а то одному подашь, а другому и ничего, а ему и больше-бы того нужно. Себя содержи въ чистотѣ — и Богу угодна будешь. Родителями не гнушайся, какъ-бы тебя Господь ни возвеличилъ: Онъ возвеличитъ, Онъ и умалитъ . . . Вотъ что помни, Аннушка, такова моя тебѣ родительская заповѣдь.

— Слушаю, батюшка, и не забуду твоихъ словъ! отвѣчала Аннушка.

Въ такомъ духѣ шла бесѣда до глубокой ночи.

— Ну-ка, Аннушка, тебѣ, чай, и спать пора! сказала наконецъ Арина. Завтра, вѣдь, рано поѣдете.

— Да, поди-тка, Аннушка, ложись. Ужъ и у меня ничто глаза слипаются. Умаялся день-то деньской.

— Ложись, батюшка, ложись и ты, матушка; прощайте, а я еще посижу: мнѣ что-то не хочется спать.

— И я съ вами посижу, сестрица, и мнѣ что-то не до сна! говорила Александра.

— Ну-ка полно, что за сидѣнье: завтра головушка разболится, тоже дорога не малая. И мнѣ не уснуть, коли ты не ляжешь! возразила Арина.

— Ну такъ я, пожалуй, лягу, матушка.

— Пойдемъ, я тебя остальной разъ уложу, мою косатку . . .

— Радость ты наша, уѣдешь ты отъ насъ! . . не съ кѣмъ мнѣ будетъ и слово ласковое перемолвить, не на кого и посмотрѣть, порадоваться . . . Уѣдетъ моя красавица-писаная! приговаривала Арина, усѣвшись на кровати дочери и поглаживая по обыкновенію ея спину.

На другой день наступили и проводы.

— Закатается мое красное солнышко, отлетаетъ моя голубка сизокрылая, отрывается отъ моего сердца моя радость ненаглядная, моя доченька сердечная! причитала Арина, прощаясь съ дочерью и громко рыдала.

— Ну, старуха, перестань! говорилъ Иванъ Прохорычъ. Отпущай ее: пора — управитель-то, чай,

дожидается. Что, вѣдь, дѣлать-то: видно, такъ Богу угодно; хошь все плачь, а разстаться надобно... Дай Богъ въ радости! Прощай, Аннушка! Будь надъ тобой Богъ!

— Прощайте, сестрица! насъ не забывайте, а мы васъ не забудемъ! говорила Александра и плакала.

Ни слова не говорилъ одинъ только Зосима, но лицо его было еше мрачнѣе, нежели вчера. Не плакалъ онъ до сихъ поръ, но когда пришла его очередь прощаться съ Аннушкой и та бросилась къ нему на шею со слезами и словами:

— Прощай, прощай, братецъ!.. благодарю тебя!.. — Зосима не выдержалъ и горько заплакалъ.

— Прощай! вымолвилъ онъ, прощай!.. Охъ, Аннушка!.. прощай!..

— Братецъ, ты не забудь безъ меня своего слова! сказала Аннушка на ухо брату.

— Нѣту!.. отвѣчалъ Зосима, и уже не въ силахъ былъ удерживать слезы, которыя старался скрыть.

Долго провожала глазами вся семья тарантасъ, въ которомъ поѣхала Аннушка съ Августомъ Карлычемъ, но вотъ онъ повернулъ въ сторону, скрылся изъ глазъ, и даже облако пыли, поднятое имъ по дорогѣ, разсѣялось. Тогда, уныло опустивши головы, какъ-бы осиротѣлые, поплелись домой Иванъ Прохоровъ, Арина и Зосима, и принялись за свои обычные труды.

Послѣ отъѣзда Аннушки Зосима сталъ угрюмъ и неразговорчивъ попрежнему. Тяжело у него стало на душѣ, опять подъ сердцемъ засосало, но во-время подоспѣло письмо отъ Аннушки, которое она писала уже изъ новой семьи, принявшей ее въ число своихъ членовъ. Очень хвалила она все это семейство, увѣдомляла, что ее приняли очень ласково, и

что она надѣется быть счастливою въ своемъ новомъ положеніи. Въ этомъ-же письмѣ она напомнила Зосимѣ данное имъ ей слово . . . О чемъ было дано это слово, Зосима не сказалъ ни женѣ, ни отцу, ни матери, но исполнилъ его, и каждый день молился о здравіи и спасенія Аннушки.

1853 г.

Глава изъ романа.

Семенъ Семенычъ Карандышевъ съ самаго дѣтства отличался необыкновеннымъ добродушіемъ, простотою и безхитростностію. Въ пансіонѣ, гдѣ онъ воспитывался, хотя и не окончилъ своего воспитанія, его называли пузаномъ, тетерей, соней, букой — и Семенъ Семенычъ, тогда еще Сеня Карандышъ, нисколько не обижался. Онъ былъ скроменъ и уступчивъ до крайности, дикъ до глупости, сонливъ до невѣроятности. Такія достоинства и недостатки пріобрѣли ему даже расположеніе нѣкоторыхъ изъ его наставниковъ, не любившихъ бойкости и живости въ дѣтяхъ, весьма опасной и не обѣщающей ничего добраго, по ихъ мнѣнію; но не смотря на то Сеня долженъ былъ возвратиться вспять съ пути къ образованію за неоказательствомъ достаточныхъ способностей, впрочемъ со свидѣтельствомъ объ отличномъ поведеніи. Скоро Сеня сдѣлался Семеномъ Семенычемъ и поступилъ въ военную службу, но и здѣсь не измѣнилъ себѣ: великодушно встрѣчалъ всѣ насмѣшки, которыми любили осыпать его товарищи, такъ что они часто говаривали ему: „послушай, Карандышевъ, у тебя, вѣрно, нѣтъ сердца?“

— Нѣтъ, есть, господа! — отвѣчалъ Семенъ Семенычъ.

— Ну, а если есть, такъ, навѣрно, куриное.

— А что? съ улыбкою спрашивалъ Семенъ Семенычъ.

На это ему отвѣчали громкимъ смѣхомъ.

А Семенъ Семенычъ говорилъ весело, безъ упрека:

— Экіе, вы какіе, насмѣшники, господа!

Успѣхи Карандышева въ службѣ были также не велики, потому что невозможность этихъ успѣховъ лежала въ самой натурѣ его: онъ былъ лѣнивъ, неисправенъ, тяжелъ, сыръ, наклоненъ къ толстотѣ, не говоря уже о прочихъ нравственныхъ недостаткахъ его. Къ тому же Семенъ Семенычъ, по врожденной дикости своей, не любилъ общества, разнообразія, подвижной жизни и чувствовалъ непреодолимое призваніе къ деревнѣ — и вотъ онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ подпоручика, и, не заставъ въ живыхъ своихъ родителей, сдѣлался полнымъ хозяиномъ большаго, хорошо устроеннаго имѣнія. Онъ поселился въ своей усадьбѣ — Крутихѣ. Усадьба эта совершенно удовлетворяла вкусу Семена Семеныча. Она стояла на Волгѣ и давала ему возможность предаться рыбной ловлѣ, къ которой онъ чувствовалъ, можетъ быть, единственную страсть, городъ былъ недалеко, слѣдовательно Семенъ Семенычъ въ зимнее время могъ всегда найдти для себя холостую партію въ вистъ или бостонъ, который также составлялъ для него не малую, хотя и не необходимую потребность, наконецъ, опять не малое удобство, для Семена Семеныча — въ сосѣдствѣ не было ни одного семейнаго дома, съ которымъ бы онъ обязанъ былъ познакомиться по законамъ общежитія, а женское общество чрезвычайно тяготило его. Всѣ другія достоинства Крутихи не имѣли особеннаго значенія въ глазахъ ея владѣтеля. Онъ не зналъ цѣны тому

очаровательному мѣстоположенію, среди котораго расположена была эта усадьба. Онъ не видѣлъ особенной красоты въ томъ, что усадьба лежала на высокомъ крутомъ берегу великолѣпной Волги, что прекрасный тѣнистый садъ сбѣгалъ отъ самой террасы дома, по скату берега, почти до самой рѣки, волны которой весною, во время широкаго разлива, крутились среди деревьевъ. Онъ не любовался изъ своего прозаическаго мезонина тѣмъ очаровательнымъ, поэтическимъ видомъ, который представляли Волга и ея берега; онъ не понималъ, какая красота въ этомъ разнообразіи береговъ, которые, виднѣясь на далекомъ пространствѣ, то поднимались отвѣсными песчаными возвышенностями, съ торчащимъ по нимъ ельникомъ, то разстилались гладкимъ зеленымъ лугомъ, оттѣненнымъ пробѣгавшимъ по немъ березнякомъ, то щетинились густой сосновой рощей. Семенъ Семенычъ никогда не вставалъ до разсвѣта, чтобы полюбоваться изъ того же мезонина великолѣпной картиной восходящаго солнца, не прислушивался къ соловьиной трели, раздававшейся въ саду подъ самыми окнами, не слѣдилъ мыслью за бѣгомъ окрыленныхъ барокъ, цѣлыми стаями несущихся по Волгѣ, не внималъ чудному мотиву бурлацкой пѣсни. Семенъ Семенычъ видѣлъ въ Волгѣ только рѣку, въ которой можно ловить рыбу; на противоположномъ берегу ея онъ видѣлъ только дорогу, которая вела въ большое торговое село, но не замѣчалъ, какъ прихотливо извивалась эта дорога по скату горы, какъ рѣзко отдѣлялась она отъ зелени луговъ, среди которыхъ проходила, какъ картинно уходила она и скрывалась въ чащѣ лѣса. По правую руку усадьбы, рядомъ съ нею, западалъ глубокій оврагъ, усаженный отъ верху до низу соснами и

елями, а по дну его шумно катился ручей холодной ключевой воды и каскадомъ ниспадалъ въ Волгу. Семенъ Семенычъ не любовался этимъ ручьемъ, не прислушивался къ его клокотанью — онъ заботился только о томъ, чтобы весною, когда и широкая Волга мутится, грѣли ему самоваръ изъ воды этого ручья, всегда холодной, какъ ледъ, и чистой, какъ хрусталь. Позади усадьбы тянулись широкія гладкія поля, покрытыя зеленѣющейся или золотой жатвой, разстилались безконечные луга, красовавшіеся всѣми возможными цвѣтами: и фіолетовымъ, и желтымъ, и малиновымъ, и розовымъ, и зеленымъ. Сельская жизнь придавала этимъ полямъ, этимъ лугамъ, всегда разнообразное движеніе, дѣятельность, создавая прелестныя картины: вотъ при утренней или вечерней росѣ, когда солнце или выплываетъ на небосклонъ и косыми лучами прорѣзываетъ густой туманъ, поднимающійся съ поля и гонитъ его, или скрывается за сосѣднимъ лѣсомъ и кидаетъ длинныя тѣни на освѣщенныя еще и охваченныя розовымъ полусвѣтомъ части земли, шеренги косцовъ съ веселымъ говоромъ, смѣхомъ или пѣсней совершаютъ свою самую легкую полевую работу и каждымъ взмахомъ своего блестящаго оружія кладутъ цѣлыя полосы скошенной травы или, остановившись и выстроившись какъ бы по командѣ, точатъ эти орудія, и какъ то пріятно щекочетъ слухъ звукъ отъ этого точенья; или вотъ въ разныхъ точкахъ поля движутся крестьяне, вооруженные лукошками, которыя наполнены какимъ нибудь житомъ и привычной рукой раскидываютъ зерна — свою надежду, свое богатство, свое счастіе — и усердно молятся, какъ при началѣ, такъ и при концѣ работы, и съ любовью смотрятъ на свою мать — землю и сладкими мечтами лелѣютъ свою простую

душу, представляя себѣ въ будущемъ году хорошій урожай и полные черезъ край сусѣки; или вотъ среди колышущихся волнъ желтаго моря жатвы тѣ же шеренги веселыхъ косцовъ, въ потѣ лица, собираютъ свой насушный хлѣбъ и уже не оглашаютъ воздуха веселой пѣсней, а только развѣ, утомившись, подъ ненадежной и слабой тѣнью сосѣдняго куста даютъ себѣ получасовой отдыхъ и забываются въ тяжелой дремотѣ . . . во всемъ этомъ Семенъ Семенычъ видѣлъ не болѣе, какъ сѣвъ, навозницу, сѣнокосъ, да жнитво. Изъ этого очевидно, что онъ былъ человѣкъ самый практическій, нисколько не мечтатель, нисколько не худощавый поэтъ: и дѣйствительно, съ каждымъ мѣсяцемъ, деревня и спокойная жизнь награждали его тѣло благодатной тучностью. Поселившись въ деревнѣ, Семенъ Семенычъ былъ доволенъ и собою и своей жизнію. Годы шли — и онъ забывалъ о прошедшихъ и не думалъ о будущихъ. Кругъ его знакомыхъ былъ очень ограниченъ и преимущественно состоялъ изъ холостяковъ: онъ ѣздилъ только въ тѣ семейные дома, представители которыхъ сами начинали съ нимъ знакомство, и своею предупредительностію и частыми посѣщеніями, заставляли и его пріѣхать къ нимъ почти по неволѣ, изъ одной вѣжливости. Такимъ образомъ Семенъ Семенычъ въ деревнѣ еще болѣе отвыкъ отъ женскаго общества и не думалъ о женитьбѣ, а если и думалъ, то какъ то неопредѣленно и робко, какъ будто считалъ бракъ для себя невозможнымъ. Но совсѣмъ иначе думали объ этомъ предметѣ во всѣхъ тѣхъ домахъ, гдѣ знали Семена Семеныча и гдѣ были взрослыя дочери-дѣвицы. Семенъ Семенычъ былъ достаточно богатъ, достаточно толстъ и простъ для семейнаго счастія, а потому

всякій родитель съ удовольствіемъ протягивалъ ему руку, звалъ къ себѣ на чай, старался залучить въ свою партію виста, заботился намекнуть, какъ онъ любитъ свою дочь и какой бы онъ былъ прекрасный тесть; всякая матушка, забывая свою обычную спѣсь и гордость, позволяла себѣ подсѣсть поближе къ Семену Семенычу и не смотря на его нелюбезность, неловкость и незнаніе обращенія, заговаривала съ нимъ объ его хозяйствѣ, времяпровожденіи, скукѣ одиночества, безпрестанно привлекая въ разговоръ свою Сонюшу, Наташеньку, Сашеньку и т. п.; каждая невѣста, перешедшая въ тотъ періодъ, когда уже не ее ищутъ женихи, а она ищетъ жениховъ, не забывала ненарочно пройдти иногда съ особенной граціей мимо Семена Семеныча, играющаго въ карты, и бросить на него неумышленно взгладъ — конечно самый равнодушный. Но Семенъ Семенычъ или не понималъ, или худо сдавался на эти маневры: его нужно было завоевать не хитростью, а силой. И вотъ наконецъ онъ встрѣтилъ такихъ опасныхъ враговъ, и былъ побѣжденъ. . .

Въ сосѣдствѣ съ нимъ, въ усадьбѣ Груздково, обитало семейству Бульбулькиныхъ, состящее изъ старика-отца, старухи-матери и двухъ, не первой юности, дочерей-дѣвицъ. Бульбулькинъ слылъ за одного изъ богатыхъ помѣщиковъ, какъ по числу крестьянъ, находившихся въ его владѣніи, такъ и по тому, что онъ со всѣмъ своимъ семействомъ, (а иногда и одно семейство, безъ него), часто совершалъ поѣздки въ Москву и Петербургъ: обстоятельство, которое имѣло особенную важность въ глазахъ провинціаловъ. Между тѣмъ, въ сущности дѣла, Бульбулькины были въ весьма плохомъ состояніи, вслѣдствіе этихъ самыхъ частыхъ поѣздокъ и безалаберности въ образѣ

жизни и хозяйствѣ. Правда, въ былое время, когда они только что поселились въ своемъ Груздковѣ и до тѣхъ поръ, пока не подросли ихъ дочери, они вели жизнь самую патріархальную, не выѣзжали изъ своей усадьбу далѣе уѣзднаго города, были гостепріимны, но это гостепріимство не могло исчерпать того добра, которое давали имъ ихъ владѣнія, были плохіе хозяева, но и при дурномъ управленіи незаложенное имѣніе давало имъ много средствъ къ жизни: и тогда-то укрѣпилось въ уѣздѣ убѣжденіе объ ихъ благосостояніи и богатствѣ. Бульбулькины, при всей своей простотѣ и наивности, имѣли огромное тщеславіе и дорожили общественнымъ мнѣніемъ, но поддержать его въ то время было для нихъ легко и не разорительно, потому что самое общество, среди котораго они жили, было весьма нетребовательно. Но вотъ подросли дочки: нужно дать имъ воспитаніе. Какъ же это сдѣлать? Пансіона ближе Москвы нѣтъ, въ Москву везти далеко, и страшно, и жалко разстаться съ дѣтьми. Чего же лучше: нанять гувернантку — тѣмъ болѣе, что и такой-то Харлампій Павлычъ и такой-то Яковъ Алексѣичъ воспитываютъ дѣтей своихъ посредствомъ гувернантокъ? Стали отыскивать, и наконецъ выписали изъ Москвы какую-то Шарлоту Карловну, полу-француженку, полу-нѣмку, особу весьма живую, бойкую, дѣвицу лѣтъ 25. Этотъ чуждый элементъ произвелъ сильный переворотъ въ семейномъ быту Бульбулькиныхъ. Шарлота Карловна весьма скоро поняла характеръ родителей своихъ воспитанницъ, она замѣтила, что самая слабая струна ихъ — мелочное тщеславіе, что, затронувши за эту струну, она можетъ устроить жизнь весьма пріятную для себя. Бульбулькины, сами люди простые, не получившіе

даже порядочнаго, даже первоначальцаго образованія, смотрѣли на свою гувернантку съ подобострастіемъ, во первыхъ уже за то, что она француженка или, по крайней мѣрѣ, иностранка, что она говоритъ на разныхъ языкахъ, что она пріѣхала изъ Москвы, и вѣроятно была въ Петербургѣ, а, можетъ быть, чего добраго, бывала и въ самомъ Парижѣ, и сверхъ того, она такая ученая, такая образованная. Шарлота Карловна, какъ нельзя лучше, поняла свое положеніе — и вотъ она смѣло и свободно начала разсказывать Бульбулькинымъ о Парижѣ, котораго никогда не видала — и они ее слушали, розиня ротъ и съ благоговѣніемъ, о свѣтской жизни высшаго общества, которой никогда не раздѣляла, о блескѣ и роскоши, среди которой она жила у генерала такого-то, у графини такой-то, милліонера такого-то — и Бульбулькины, робко осматривали свой довольно уже пожившій на свѣтѣ домикъ, окрашенныя простой краской стѣны, занавѣшенныя коленкоромъ окна, обитую какой-то грязной кожей мебель, продранные локти въ костюмѣ лакеевъ — и имъ дѣлалось стыдно, ихъ самолюбіе страдало до тѣхъ поръ, пока, замѣченныя неисправности, или недостатки и неудобства, не были устраняемы. Такимъ образомъ мало по малу былъ передѣланъ домъ, въ нѣкоторыя комнаты куплена новая, въ другихъ исправлена старая мебель, выписанъ дорогой рояль. Въ образѣ жизни Бульбулькиныхъ также произошла большая перемѣна: по настоянію Шарлоты Карловны, они для ознакомленія дочерей съ обществомъ каждую зиму стали ѣздить въ губернскій городъ, гдѣ посѣщали собранія, дѣлали ненужныя знакомства, давали большія вечера у себя. Конечно, трудно было бы повѣрить возможности такой рѣшительной перемѣны въ об-

разѣ жизни Бульбулькиныхъ, если бы на ихъ несчастье въ сосѣдство къ нимъ не пріѣхалъ какой-то промотавшійся богачъ изъ Петербурга, который пустилъ пыль въ глаза всѣмъ бѣднымъ провинціаламъ и жилъ дѣйствительно такъ, какъ разсказывала о свѣтской жизни, Шарлота Карловна. Къ тому же милыя дочки Бульбулькиныхъ быстро развивались, какъ физически, такъ и нравственно. Шарлота Карловна умѣла привязать ихъ къ себѣ и развить въ нихъ свой вкусъ, свои привычки, желанія, такъ что впослѣдствіи дѣйствовала на родителей уже черезъ нихъ и еще съ большимъ успѣхомъ. Шарлота Карловна понимала, что когда-нибудь долженъ же кончиться курсъ образованія дѣвицъ Бульбулькиныхъ и что онъ кончится тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе она будетъ надоѣдать своимъ воспитанницамъ уроками и наставленіями. Но ей очень не хотѣлось потерять такого выгоднаго мѣста, и вотъ она прекратила почти совершенно свои занятія съ ними. Она дѣлала еще болѣе, что-бы удержать за собою выгодный постъ: она стала знакомить своихъ воспитанницъ съ своими тайными секретами, не совѣстилась развивать въ нихъ страсти, которыя могли бы спать еще крѣпкимъ сномъ юности. Дѣвицы Бульбулькины дошли до вожделѣннаго возраста невѣстъ и уже начали затѣвать интриги. Родителямъ ихъ казалось, что присутствіе гувернантки при нихъ было почти уже лишнее, и какъ то однажды рѣшились было даже отказать ей, но встрѣтили со стороны дочерей такую сильную оппозицію, что должны были оставить Шарлоту Карловну еще на неопредѣленное время.

— Что же? — говорили между собой старики Бульбулькины, пусть живетъ у насъ: въ самомъ

дѣлѣ, видно, она умѣла же привязать къ себѣ дѣтей, что они такъ ее любятъ. Пусть живетъ, все-таки практика для дѣтей.

И вотъ Шарлота Карловна по прежнему стала ѣздить по зимамъ въ губернскій городъ вмѣстѣ съ своими воспитанницами, но уже и губернскій городъ началъ надоѣдать ей. Она разсказывала дѣвицамъ Бульбулькинымъ о прелести столичной жизни и возбудила въ нихъ сильное желаніе побывать въ Москвѣ, или Петербургѣ. Она стала намекать и самимъ родителямъ, что только въ столицѣ ихъ дочери могутъ составить себѣ приличную партію, а что въ губернскомъ городѣ нѣтъ порядочныхъ молодыхъ людей. Но старикъ Бульбулькинъ, вполнѣ довѣряя во всемъ Шарлотѣ Карловнѣ, еще морщился при мысли о такой дальней поѣздкѣ, супруга же его, вполнѣ увѣренная въ красотѣ своихъ дочерей, надѣялась, что онѣ и въ губерскомъ городѣ могутъ составить себѣ отличную партію, при томъ онѣ такъ молоды, такъ хорошо образованы. Но увы, дѣвицы Бульбулькины только на глаза ихъ маменьки могли показаться красавицами. А такъ какъ въ ихъ уѣздѣ и въ ихъ губерніи ходили уже очень опредѣленные слухи о томъ, что имѣніе Бульбулькиныхъ въ послѣднее время значительно разстроилось; — то и неудивительно, что никто изъ порядочныхъ молодыхъ людей не рѣшался просить довольно некрасивой руки дѣвицъ Бульбулькиныхъ, зная, что кромѣ этой руки врядъ ли получатъ они что либо особенно привлекательное. Тѣ же женихи, которые выпадали на долю ихъ, только оскорбляли самолюбіе всего семейства, возраставшее прогрессивно съ уменьшіемъ его матеріальнаго благосостоянія. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ въ напрасномъ ожиданіи жениховъ и въ по-

стоянныхъ поѣздкахъ въ губернскій городъ, и съ каждымъ годомъ дѣвицы Бульбулькины стали замѣтно дурнѣть, и съ каждымъ годомъ онѣ одѣвались все наряднѣе, и съ каждымъ годомъ онѣ все чаще и чаще сидѣли во время танцевъ неприглашенными, все рѣже и рѣже слушали любезности. Наконецъ это сдѣлалось нестерпимо какъ для родителей, такъ и для дочерей, начались серьезные разговоры о поѣздкѣ въ Москву. Шарлота Карловна дѣйствовала тутъ съ особенной энергіей, подстрекала своихъ бывшихъ воспитанницъ и — послѣ долгихъ сборовъ состоялась наконецъ первая поѣздка въ Москву, за ней, на другой годъ, другая, на третій — третья.

. . . Но что же? Имѣніе Бульбулькиныхъ разстраивалось, долги увеличивались, лица дѣвицъ старѣлись, гордость и тщеславіе росли, а жениховъ все не было. Москва была очень гостепріимна къ провинціаламъ, ихъ принимали почти всюду, гдѣ они хотѣли явиться, но втихомолку вездѣ надъ ними посмѣивались . . . На четвертый годъ надумали ѣхать въ Петербургъ, тогда уже и въ губерніи и даже въ уѣздѣ осмѣлились иносказательно улыбаться надъ путешественниками, хотя по видимому, съ большимъ любопытствомъ разспрашивали ихъ о столицахъ и съ особеннымъ уваженіемъ слушали ихъ разсказы. Но никто, даже изъ прежнихъ жениховъ не рѣшился вновь предложить имъ своей руки и сердца. Впрочемъ одна изъ слѣдующихъ поѣздокъ увѣнчалась наконецъ вожделѣннымъ успѣхомъ. Бульбулькины встрѣтились въ Петербургѣ съ однимъ полковникомъ Мурыгинымъ, человѣкомъ уже пожилымъ, но еще довольно бодрымъ. Цѣль жизни этого человѣка была по преимуществу пріобрѣтеніе, обогащеніе, цѣль, къ которой онъ постоянно стремился и

которой не могъ однако достигнуть, въ той мѣрѣ, какъ бы желалъ. Яковъ Захарычъ Мурыгинъ предпринималъ много средствъ, чтобы обогатиться, но все какъ то безуспѣшно, можетъ быть и потому, что былъ довольно честенъ для средствъ предосудительныхъ. Наконецъ мысль его остановилась на выгодной партіи. Онъ сталъ искать ее. Жизнь Бульбулькиныхъ въ Петербургѣ была довольно роскошна — это обстоятельство остановило на нихъ вниманіе Мурыгина. Номеръ въ одной изъ лучшихъ гостинницъ, постоянно у подъѣзда извощичья карета, частые выѣзды, частые пріемы — все это имѣло въ глазахъ Якова Захарыча особенное значеніе. Онъ навелъ справки о приданомъ, и 200 душъ, обѣщанныя за каждою изъ дочерей, окончательно покорили его. Оставалось выбрать одну изъ двухъ. Старшую дѣвицу Бульбулькину звали Варварой Николаевной: ей было слишкомъ 25 лѣтъ, если не полныхъ 30, младшую называли Надеждой: ей считали 17, хотя въ сущности она была моложе старшей только пятью годами, старшая была очень мала ростомъ, черезъ-чуръ любезна, не въ мѣру говорлива, отличалась большимъ носомъ и большими глазами, которымъ она всегда придавала какое-то страстное, жгучее выраженіе, младшая была не много повыше старшей, гораздо лучше ея лицомъ, и, хотя отличалась какъ будто нѣкоторою застѣнчивостію, но въ сущности была очень разговорчива, бойка и любезна. Больше ничего не могъ замѣтить Яковъ Захарычъ и рѣшился просить руку послѣдней. — Правду говорятъ опытные люди, что дѣвушку-невѣсту нельзя узнать и разгадать до замужества. И въ самомъ дѣлѣ ея жизнь и истинный характеръ до тѣхъ поръ скрываются въ уборной, въ дѣвичей, въ

спальной, въ мѣстахъ, недоступныхъ для наблюденія, при людяхъ онѣ не живутъ, а только маскируются и разыгрываютъ ту или другую роль, смотря по ихъ положенію и обстановкѣ. И дѣвицы Бульбулькины казались далеко не тѣмъ, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. А такъ какъ авторъ изстари пользуется правомъ проникать въ самые сокровенные тайники души и изучать характеръ описываемыхъ имъ лицъ не только снаружи, не только во внѣшнихъ, или, такъ сказать, общедоступныхъ его проявленіяхъ, но и входить въ его сущность, разбирать и анализировать его до мелчайшихъ подробностей, смотрѣть на людей не только съ той стороны, которую они показываютъ, но и съ той, которую они тщательно скрываютъ, изучать ихъ не только на сценѣ, но и за кулисами, входить къ нимъ и съ передняго, п съ задняго крыльца, имѣть доступъ и въ гостинную, и въ кабинетъ и въ спальню, подглядывать въ плохо занавѣшенное окошко, въ худо притворенную дверь, въ замочную скважину, въ каждую щелочку, поэтому и я считаю себя въ правѣ разсказать читателю правду про дѣвицъ Бульбулькиныхъ.

Обѣ онѣ много были испорчены излишнею любовью родителей и воспитаніемъ Шарлоты Карловны, и Варвара Николаевна, какъ болѣе любимая дочь и по годамъ болѣе приближенная къ Шарлотѣ Карловнѣ, была и испорчена болѣе младшей сестры. Впрочемъ обѣ сестры чрезвычайно походили одна на другую съ тѣмъ только различіемъ, что Надежда Николаевна была какъ бы копіей съ Варвары, но такой копіей, въ которой темныя краски тѣ же самыя, только положены гораздо свѣтлѣе. Тщеславіе, самоувѣренность и самолюбіе были какъ бы отличительнымъ признакомъ всего семейства, но въ Варварѣ Нико-

лаевнѣ они дошли до крайности. Самыми любимыми ея фразами были слѣдующія: „мы, Бульбулькины! Нашъ родъ Бульбулькиныхъ! Вся губернія знаетъ Бульбулькиныхъ! . . .“ и пр. Въ разговорахъ она всего чаще и всего охотнѣе говорила о себѣ, своемъ имѣніи, своемъ значеніи въ уѣздѣ. Нельзя сказать, чтобы Варвара Николаевна была глупа: напротивъ языкъ ея былъ очень остеръ, ѣдокъ, во многихъ случаяхъ она доказывала умъ свѣтлый, находчивый, но увлеченіе своимъ Я доходило въ ней до крайности, до смѣшнаго — и не мало забавляло многихъ московскихъ и петербургскихъ ея знакомыхъ. Варвара Николаевна была очень хитра и уважала хитрость, какъ самое высшее, по ея понятіямъ, доказательство ума, но излишняя самоувѣренность ослѣпляла ее и дѣлала подъ часъ черезъчуръ простою и недальновидною. Конечно нельзя сказать, чтобы насмѣшки, которыми весьма часто и въ глаза осыпали Варвару Николаевну, никогда не были ею поняты и никогда не оскорбляли ея, но, встрѣчаясь съ ея самоувѣренностью и слѣпой любовью къ себѣ, онѣ производили въ Варварѣ Николаевнѣ нѣкоторое сомнѣніе о своихъ достоинствахъ, подъ часъ тяготившее ее, но разлетавшееся въ прахъ при первой похвалѣ истинной или ложной, — а потому она весьма любила лесть, охотно поддавалась ей и даже напрашивалась на нее. Далѣе — баловство, которымъ пользовалась она отъ родителей и гувернантки, сдѣлало ее капризною, требовательною, нетерпѣливою и раздражительною, а природа вложила мало доброты въ сердце ея: и потому всѣ близкіе къ ней люди терпѣли отъ нея много горя. Сверхъ того она была завистлива именно опять потому, что слишкомъ вѣрила въ свое преимущество предъ

людьми, и весьма мстительна; впрочемъ и расположеніе ея заслужить было не трудно: стоило только вооружиться лестью и угодничествомъ. Можетъ быть, дурное направленіе характера Варвары Николаевны измѣнилось бы въ хорошую сторону или по крайней мѣрѣ не развилось бы до непріятныхъ размѣровъ, если бы она помоложе вышла за-мужъ и сдѣлалась женою человѣка умнаго и съ твердой волей, но теперь шло наоборотъ: съ каждымъ годомъ продолжительнаго дѣвства ея характеръ дѣлался хуже, несноснѣе. И это объяснить не трудно: все дурное въ характерѣ Варвары Николаевны проистекало преимущественно изъ самолюбія, и чѣмъ сильнѣе затрагивалось, возмущалось это самолюбіе, тѣмъ рѣзче выступали всѣ дурныя его послѣдствія. А когда самолюбіе дѣвицы страдаетъ болѣе, какъ не при холодности, невниманіи къ ней молодыхъ людей, которые ей нравятся, что можетъ болѣе возмутить и раздражить ея сердце, какъ не постоянная, безотрадная, неудовлетворяемая надежда, томительное ожиданіе?.. Варвара Николаевна доходила уже до той зрѣлой поры, когда не только смутно чувствуютъ потребность любви, но уже вполнѣ сознаютъ необходимость брака и ищутъ не сердца, а жениха... Она уже очень ясно и положительно искала своего суженаго: любезничала и преслѣдовала каждаго молодаго человѣка, который казался ей выгоднымъ женихомъ, легко поддавалась иногда даже насмѣшливому вниманію, часто видѣла любовь тамъ, гдѣ была свѣтская вѣжливость — и постоянно ошибалась... Само собою разумѣется, что каждая такая неудача все болѣе и болѣе раздражала Варвару Николаевну и дѣлала изъ нея то, что называется вообще злою дѣвкой. Надобно впрочемъ ска-

зать къ чести ея, что она умѣла иногда скрывать недостатки своего характера и давала ему полную свободу только въ дѣвичей съ своими горничными, которыя ненавидѣли ее всей силой души своей. Но этотъ характеръ высказался вполнѣ, ясно и опредѣленно при сватовствѣ Мурыгина, которое было самымъ сильнымъ, самымъ чувствительнымъ ударомъ для самолюбія Варвары Николаевны.

Какъ только Мурыгинъ задумалъ просить руки одной изъ дѣвицъ Бульбулькиныхъ, проницательная Варвара Николаевна тотчасъ поняла его намѣреніе. Яковъ Захарычъ съ своимъ полковничьимъ чиномъ, съ своими густыми эполетами, съ крестомъ на шеѣ, могъ вполнѣ удовлетворить самолюбіе ея. Къ тому же онъ былъ еще не очень старъ и весьма бодръ для мужа. Быстро сообразивши все это и увѣренная, что исканіе Мурыгина должно было непремѣнно относиться къ ней, какъ къ старшей сестрѣ, Варвара Николаевна начала преусердно любезничать съ нимъ и уже заранѣе мечтала о томъ эфектѣ, который произведетъ въ ея провинціальныхъ знакомыхъ такое завидное супружество. Каково же было ея разочарованіе, до какой степени оскорбилось ея самолюбіе, когда она узнала свою новую ошибку!

Мать Бульбулькиныхъ, которая въ эту поѣздку одна безъ отца сопровождала дочерей, была также вполнѣ убѣждена, что Мурыгинъ будетъ просить руки старшей дочери и не мало удивилась, когда въ секретной бесѣдѣ съ нею онъ сдѣлалъ предложеніе Надеждѣ Николаевнѣ. Старуха растерялась, не знала что отвѣчать ему: была рада такому видному жениху и вмѣстѣ съ тѣмъ боялась дать согласіе, потому что, по ея понятіямъ, выдать младшую дочь прежде старшей значило обречь послѣд-

нюю на вѣчное дѣвство, или по крайней мѣрѣ жестоко огорчить ее, а она страстно любила свою Вариньку. Наталья Алексѣевна, (такъ звали мать Бульбулькиныхъ), второпяхъ, нашлась только высказать благодарность Якову Захарычу за честь, которую онъ сдѣлалъ своимъ предложеніемъ, и просила его лучше взять старшую дочь, потому что младшая еще очень молода и они не могутъ еще съ нею разстаться. А потомъ, сама испугавшись своего нелѣпаго предложенія, и опасаясь, чтобы Мурыгинъ и вовсе не отказался отъ своего намѣренія, просила его подождать рѣшительнаго отвѣта до тѣхъ поръ, пока она успѣетъ переписаться съ мужемъ, а теперь сдѣлать ей честь откушать съ ними. — За обѣдомъ Мурыгинъ говорилъ любезности Надеждѣ Николаевнѣ, а Варвара Николаевна, которая видѣла секретное объясненіе матери съ женихомъ и приняла его на свой счетъ, конфузилась, опускала глаза при встрѣчѣ съ глазами жениха и показывала видъ, какъ-будто находилась въ страшной тревогѣ, хотя въ сущности душа ея была преисполнена восторгомъ и торжествовала: очевидное же смущеніе матери, тѣ грустные взоры, которые бросала она на нее, Варвара Николаевна объясняла тоскою, которая закралась въ сердце матери при мысли, что она скоро должна разстаться съ любимой дочерью.

Мурыгинъ просидѣлъ долго еще послѣ обѣда и уѣхалъ вечеромъ; Варвара Николаевна подъ конецъ уже пришла на самомъ дѣлѣ въ дѣйствительно тревожное состояніе духа отъ нетерпѣнія услышать отъ матери предложеніе жениха и изъявить на него полное свое согласіе, а потому даже съ нѣкоторою радостію, но впрочемъ съ самымъ страстнымъ взоромъ, проводила Якова Захарыча, и ожидала, что

мать позоветъ ее одну къ себѣ въ спальню, если предположеніе ея о сватовствѣ Мурыгина основательно. Дѣйствительно Наталья Алексѣевна оставила Варвару Николаевну одну, у себя въ спальнѣ, когда она прощалась съ нею, чтобы идти спать. Все существо Варвары Николаевны преисполнилось тогда истиннымъ блаженствомъ.

— Милый другъ, Варинька, начала мать, я должна тебѣ сказать, что Яковъ Захарычъ дѣлаетъ намъ честь: проситъ руки . . .

Варвара Николаевна готова была уже броситься на шею къ матери, разрыдаться и сказать ей свое: „да!“ какъ вдругъ имя Надиньки поразило ее въ самое сердце. Сначала она поблѣднѣла при этомъ имени, потомъ вся кровь бросилась ей въ лицо, дыханіе ея сперлось въ груди и вся желчь прилила къ сердцу . . . Впрочемъ не ослышалась ли я? подумала Варвара Николаевна, не ошиблась ли маменька?

— Чьей руки-съ? спросила она Наталью Алексѣевну.

— Надежиной, мой другъ . . . Но я, право, не знаю, что мнѣ дѣлать, Варинька . . .

— Что жъ отдавайте-съ, отдавайте съ Богомъ! . . Давно пора! . . сказала Варвара Николаевна язвительно и задыхаясь отъ злобы.

— Какъ же мнѣ ее отдать, Варинька? Какъ же ты-то, мой дружечикъ?

— Что же, всегда такъ дѣлаютъ: младшую дочь отдаютъ, а старшая пусть остается въ дѣвкахъ . . . Добрые родители всегда такъ дѣлаютъ! . .

— Душа моя, да что же мнѣ дѣлать-то: я, право не знаю . . . Я вотъ еще напишу отцу, какъ онъ хочетъ: можетъ быть, онъ и не согласится еще . . .

— Охъ, полноте, пожалуста, какъ не согласиться?

какъ не выдать любимую дочь за полковника, за такого выгоднаго жениха? съ горечью возразила Варвара Николаевна и готова была заплакать, но самолюбіе удержало ея слезы.

— Да научи ты меня, Варинька, что же мнѣ дѣлать: я, право, совсѣмъ растерялась . . . Отказать ему я полагаю не ловко . . .

— О, какъ можно отказать, нѣтъ, нужно выдать младшую сестру, чтобы на старшую всѣ пальцами указывали, да смѣялись надъ ней. Да, это родительская любовь! Охъ, Господи! . . Выдавайте, выдавайте свою любимицу . . .

— Ахъ, Варинька, да что же мнѣ дѣлать, когда онъ не твоей руки проситъ, а Надежиной? . .

— Ну, конечно! . . Да если бы, кажется, онъ и ко мнѣ-то сватался, такъ вы бы не меня, а сестру за него отдали . . . Вы ужъ доказываете и теперь свое расположеніе; конечно, еслибъ вы сами не захотѣли, такъ онъ не сталъ бы дѣлать предложеніе Надинькѣ, право, ему все равно, что я, что она, потому онъ не по страсти женится, а, значитъ, это вы ужъ сами ему навязываете . . .

— Ахъ, Варинька, Варинька, вотъ и неправда! Вѣдь, не скажешь же ему, что возьми молъ вмѣсто одной дочери другую, тоже, вѣдь, не ловко, мой другъ.

— Ну да какъ же! разумѣется неловко сказать, что прежде старшей младшую не отдаютъ, и что онѣ у насъ обѣ равны, ни чѣмъ не обдѣлимъ . . . Какъ это можно сказать! . .

— Да я и то говорила, Варинька, только . . .

— Да, полноте, сдѣлайте милость, не думайте: я, вѣдь, не дура какая. Еслибъ вы хотѣли мнѣ счастья, такъ могли бы и обѣщать за мной больше: право, онъ не по любви женится. . .

— Да я говорила, но. . .

— Ахъ, Господи! Да къ чему вы все это говорите мнѣ! На смѣхъ что ли? Отдавайте кого угодно и кому угодно — мнѣ, право, все равно. Ужъ видно хотите, чтобы я въ монастырь шла, такъ такъ бы давно и говорили! . . Оставайтесь съ своей возлюбленной дочкой. . .

— Что ты, что ты, Варинька, не боишься ты Бога: еще ли мы тебя не любимъ и добра не желаемъ. . .

— Эхъ, да полноте! . . Скучно даже стало. . Дѣлайте что хотите! . .

И Варвара Николаевна, чтобы скрыть слезы, выбѣжала изъ комнаты матери, крѣпко хлопнувши дверью. Ничкомъ бросилась она на постель свою и громко рыдала, но вспомнивши, что горничная слышитъ ея рыданія, съ бѣшенствомъ вскочила съ постели, и новый приливъ желчи мгновенно изсушилъ ея слезы, и, чтобы выместить на комъ нибудь свою злобу, она осыпала бѣдную дѣвку цѣлымъ градомъ брани и колкостей, и когда та осмѣлилась было что то возвразить ей, Варвара Николаевна ударила ее. Горничная вскрикнула и заплакала, Надежда Николаевна, которая спала уже, при этомъ проснулась,

— Что, Варя, о чемъ ты разговаривала съ маменькой? . . Вѣрно о Мурыгинѣ? . . спросила она сестру.

— Ну да, конечно! О комъ же больше, какъ не о вашемъ возлюбленномъ.

— Полно, полно, развѣ о твоемъ.

— Сдѣлайте милость, не хитрите! Вы воображаете, что вы всѣхъ умнѣе, что никто не понимаетъ, какъ вы ухаживали за нимъ. . . Чуть колоши не подавала. . . ха, ха, ха! . .

— Да что ты, что ты, Варинька? Что сердита очень. . . Или не беретъ онъ тебя, что очень разстроена? . .

Надежда Николаевна сказала это безо всякаго злаго умысла, а просто только изъ невиннаго желанія подразнить сестру и колкостью заплатить за колкость, но эти слова попали въ самое сердце Варвары Николаевны: она задрожала отъ злобы.

— Безстыдница, гадкая, я ненавижу тебя съ сихъ поръ! Въ тебѣ чувствъ сестриныхъ нѣтъ: ты готова бы задушить меня, ты рада бы была. еслибъ я умерла на твоихъ глазахъ. . . Противная этакая! . .

Надежда Николаевна знала раздражительность сестры и сама, хотя и въ меньшей мѣрѣ, была также раздражительна, но теперь она не могла понять за что такъ разсердилась на нее сестра и вглядѣвшись попристальнѣе въ ея физіономію даже испугалась: до такой степени она была искажена — злобой и ненавистью. Надинька встала съ постели и хотѣла было ласково объясниться съ сестрой, но та ее оттолкнула и, ни слова не сказавши болѣе, улеглась спать. Надежда Николаевна спросила у горничной, не знаетъ ли она отчего сестра такъ сердита, и та, подслушавши весь разговоръ маменьки съ дочкой, могла удовлетворить любопытство своей барышни: она отвела ее въ сосѣднюю комнату и шепкомъ объяснила въ чемъ дѣло. Надежда Николаевна поцѣловала горничную и бросилась въ постель съ самыми сладкими мечтами и съ сердцемъ, полнымъ неожиданной радости.

На другой день Варвара Николаевна не выходила уже, когда пріѣхалъ Мурыгинъ, не хотѣла было выходить и на третій, но передумала: разрядились въ пухъ и прахъ, перетянула платье до нельзя,

сколько было возможно открыла шею и грудь, подщипала брови, любезничала съ Мурыгинымъ, разсыпалась въ комплиментахъ, строила глазки, старалась быть остроумною, но женихъ занимался болѣе своею невѣстою, нежели ею; на слѣдующій день Варвара Николаевна повторила то же и еше въ большей мѣрѣ, а за обѣдомъ пила здоровье Якова Захарыча и въ это время своей ножкой крѣпко пожала его ногу, но Мурыгинъ какъ то полусердито, полу-вопросительно, полу-насмѣшливо посмотрѣлъ на Варвару Николаевну и послѣ этого сдѣлался съ нею весьма сухъ и холоденъ. Тогда и Варвара Николаевна перемѣнила свою тактику: она стала держать себя гордо, недоступно, съ устъ ея не сходила презрительная улыбка и она отвѣчала на вопросы Якова Захарыча не иначе, какъ колкостями и обидными двусмысленностями.

Между тѣмъ Наталья Алексѣевна писала къ своему мужу:

„Милый другъ мой

Николай Евстигнѣвичъ!

„Спѣшу увѣдомить тебя, одинъ здѣшный полковникъ Яковъ Захарычъ Мурыгинъ дѣлаетъ намъ честь проситъ руки Надеженьки. Человѣкъ онъ петербуржской съ обращеніемъ, изъ себя еще не старъ лѣтъ этакъ сорока съ небольшимъ; изъ разговора уменъ, политиченъ, обходителенъ, состоянія говорятъ хорошаго, не пьющій, партія во всемъ видная, приданаго обѣщано 200 душъ, впрочемъ впередъ не требуетъ, потому можно подумать послѣ; упускать бы не надо такого человѣка, только не знаю какъ на счетъ Вариньки, она обижается, да и правду сказать, выдать младшую дочь — старшая пожалуй засидится въ дѣвкахъ. Только и женихъ-то видной,

отказать-то никакъ нельзя; какъ твое будетъ благословеніе, если согласишься на счетъ свадьбы — гдѣ играть? здѣсь ли? такъ пришли денегъ, или дома въ деревнѣ? полагаю и ты захочешь его видѣть. Человѣкъ хорошій и по чину смотритъ въ генералы; не стыдно хоть-кому показать; пусть знаютъ наши деревеньщина, да не смѣютъ надсмѣхаться, что въ Петербургъ ѣздимъ жениховъ искать, обо всемъ этомъ отпиши обстоятельно, о себѣ скажу, мы всѣ славу Богу здоровы, только Варинька огорчена, похудѣла — ну, да что же дѣлать, видно не судьба, все ли у насъ благополучно во дворнѣ и въ деревняхъ? давно ужъ не получала отъ тебя писемъ, прощай, мой милой другъ.

„Твоя преданная жена Наталья
Бульбулькина."

Недѣли черезъ двѣ былъ полученъ отвѣтъ такого содержанія:

„Милая и безцѣнная моя
Наталья Алексѣевна!

„Письмо твое отъ 7 сего декабря пущенное я получилъ и очень обрадованъ, что Надинькѣ выходитъ судьба, чего же лучше, коли хорошій человѣкъ, надо Бога благодарить, по крайности не даромъ ѣздили, а Варѣ не надо убиваться — и ей выйдетъ судба, если то Богу будетъ угодно, конечно она дочь первородная, но что же дѣлать — у другаго судьбы не отнимешь, а отказывать полагаю не хорошо и потому: человѣкъ большаго чина, особливо же и приданымъ не притѣсняетъ, да и намъ будетъ полезенъ; держись его крѣпче и приглашай и угащивай: онъ и Варинькѣ можетъ жениха предоставить, коли человѣкъ въ знакомствѣ — внуши ей это отъ меня- На счетъ свадьбы лучше бы дома, потому

первое: расходъ все равно, а нашимъ будетъ въ диковинку, да и временемъ можно оттянуть — съ деньгами собраться, а вы лучше поскорѣе пріѣзжайте домой и господина Мурыгина съ собой зовите, а если останется, то для крѣпости обручи, на то посылаю свое благословеніе и дѣтей цѣлую; въ усадьбѣ все благополучно и новаго ничего нѣтъ, только помнишь вороной меринъ, что Щеголемъ звали, околѣлъ, и то ужъ старъ былъ. О себѣ скажу, слава Богу здоровъ, чего и вамъ желаю.

„Твой искренній другъ и мужъ

Н. Бульбулькинъ.“

Такимъ образомъ судьба Варвары Николаевны совершилась: Мурыгину объявлено было согласіе родителей и невѣсты на его нредложеніе. Въ этотъ годъ Наталья Алексѣевна должна была уѣхать изъ Петербурга раньше обыкновеннаго, чтобы приготовиться къ свадьбѣ и передъ отъѣздомъ не позабыла обручить жениха съ невѣстой.

Варвара Николаевна боялась всего болѣе встрѣчи съ насмѣшливыми деревенскими знакомыми. Что ей сказать, какую роль разыграть, какъ защитить свое самолюбіе? Она думала, передумывала, сочиняла, наконецъ рѣшилась притвориться веселою, довольною бракомъ сестры, показывать видъ и при случаѣ разсказать кому будетъ можно и нужно, что она сама не захотѣла идти за Мурыгина, хотя онъ къ ней и сватался, а просила его лучше взять, вмѣсто нея, младшую сестру. Варвара Николаевна такъ и дѣлала: веселилась, танцовала на свадьбѣ, хотя сердце ея часто обливалось желчью, а глаза горькими, злыми слезами, особенно когда она слышала похвалы Муры-

гину и видѣла уваженіе, которое оказывали ему, а черезъ него и Надеждѣ Николаевнѣ; она ласкала, обнимала, цѣловала сестру при людяхъ, а оставаясь съ нею наединѣ не могла говорить равнодушно и выискивала случая сдѣлать ей что нибудь непріятное. Впрочемъ Яковъ Захарычъ, который весьма скоро понялъ что происходило вокругъ него, отгадалъ и дурное положеніе дѣлъ своего тестя, и снова рушившуюся надежду на обогащеніе посредствомъ выгодной партіи, которую онъ надѣялся сдѣлать бракомъ съ Бульбулькиной: какъ человѣкъ практическій, разсчетливый и дальновидный, совѣтовалъ женѣ своей быть какъ можно ласковѣе къ старшей сестрѣ и великодушно прощать ей ея болѣзненную, по его словамъ, раздражительность. Яковъ Захарычъ сдѣлалъ большую ошибку, не оградивъ ничѣмъ своихъ правъ на приданое жены, но понялъ эту ошибку уже очень поздно — послѣ брака, а замѣчая то вліяніе, которое имѣла на родителей Варвара Николаевна, онъ видѣлъ, что ея нерасположеніе много можетъ повредить ему и въ будущемъ.

Послѣ брака Мурыгинъ вскорѣ отправился съ женою въ Петербургъ и просилъ Варвару Николаевну ѣхать съ ними, но та отказалась. Впрочемъ, когда она осталась одна, буря постепенно смолкла въ ея сердцѣ, по временамъ лишь вспыхивая и разражаясь градомъ колкостей и ѣдкихъ намековъ, обращенныхъ на головы бѣдныхъ стариковъ — родителей. Скоро скука деревенской жизни и уединенія овладѣла Варварой Николаевой: съ отъѣздомъ сестры она не имѣла никого, съ кѣмъ бы могла подѣлиться словомъ, чувствомъ, мыслью: изъ числа деревенскихъ барышень-сосѣдокъ она не могла найдти себѣ пріятельницъ, потому что всѣ онѣ ненавидѣли ее за гор-

дость, чванство и злой языкъ, а Шарлота Карловна оставила домъ Бульбулькиныхъ въ одну изъ поѣздокъ ихъ въ Петербургъ. Между тѣмъ Надежда Николаевна продолжала писать къ сестрѣ и звать ее въ Петербургъ. Варвара Николаевна наконецъ рѣшилась ѣхать — и миръ такимъ образомъ былъ заключенъ. Но она не долго наслаждалась удовольствіями столичной жизни. Практическій Яковъ Захарычъ разсчиталъ: генеральскій чинъ онъ получитъ, и въ такомъ случаѣ, если выйдетъ въ отставку, а между тѣмъ тесть ничего еще не отдѣлилъ ему, будущее же въ рукахъ Божіихъ, такъ не лучше ли оставить службу и поселиться на всякій случай поближе къ тестю. У Якова Захарыча исполненіе быстро слѣдовало за намѣреніемъ: онъ пріѣхалъ къ тестю въ Груздково и волей-неволей, посредствомъ просьбъ, и угрозъ, и упрековъ, и ласкъ, и даже небольшой подлой лести, успѣлъ заставить тестя отдѣлить ему обѣщанныя 200 душъ и тогда поселился въ усадьбѣ Пыжихѣ.

Старикъ Бульбулькинъ впрочемъ долго, какъ говорится ломался, просилъ зятя подождать еще годикъ — другой, пока онъ приведетъ имѣніе въ порядокъ, но Яковъ Захарычъ зная весьма умную пословицу: „не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руки!“ просилъ отдать ему имѣніе въ томъ видѣ, какъ оно есть, представляя съ своей стороны тѣ доводы, что онъ человѣкъ еще съ силами, свѣжій, слѣдовательно и самъ сумѣетъ поправить свое состояніе и еще скорѣе, нежели тесть-старикъ. Такимъ образомъ Варвара Николаевна осталась одна на рукахъ своихъ родителей въ жертву томительной скуки дѣвичьяго одиночества. Она начала терять довѣріе и къ Петербургу: проживши въ немъ у брата без-

выѣздно полтора года, она любезничала на пропалую, но женихъ все не являлся; а потому она рѣшилась снова обратить вниманіе на презрѣнныхъ провинціаловъ, и когда отецъ, огорченный отдѣленіемъ приданаго дочери, жаловался на безденежье и однажды робко выразилъ своей милой Варенкѣ, что для нынѣшней поѣздки въ Петербургъ врядъ ли найдутся деньги безъ новаго займа или залога мнѣнія, она, къ удивленію его, весьма великодушно отказалась отъ этой поѣздки и просила, съ насмѣшливой улыбкой, показать ей нынѣшней зимой ихъ прелестныхъ сосѣдей, которыхъ она совсѣмъ уже позабыла.

Въ это время Семенъ Семенычъ обращалъ на себя общее вниманіе, какъ выгодный, но кто его знаетъ, какой-то безтолковой женихъ.

На немъ-то остановилась мысль Варвары Николаевны, когда однажды при ней разсказывали о богатствѣ, о добротѣ и простотѣ Семена Семеныча: она рѣшилась попытать счастья — покорить это дикое созданіе. Усадьба Семена Семеныча находилась всего верстахъ въ пяти отъ Груздкова, но Семенъ Семенычъ не былъ у Бульбулькиныхъ, именно потому, что чуждался всѣхъ вообще семейныхъ домовъ. Самолюбиваго же Николая Евстигнѣича оскорбило такое невниманіе: онъ не умѣлъ его объяснить ничѣмъ другимъ, какъ гордостью и сердился на Семена Семеныча; особенно же въ послѣднее время, возвышенный въ собственныхъ глазахъ зятемъ генераломъ, онъ считалъ себя однимъ изъ первыхъ помѣщиковъ уѣзда, а потому и гордость Карандышева казалась ему дерзостью. Оскорбленный старикъ часто говаривалъ:

— Что онъ думаетъ обо мнѣ, молокососъ? что я очень дорожу что ли его знакомствомъ? такъ онъ

ошибается, онъ еще мальчишка и рыломъ не вышелъ, чтобы играть этакую роль: нами ни пренебрегали ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ — и мой Яковъ Захарычъ тоже не изъ послѣднихъ — худъ ли, хорошъ ли, а все-таки генералъ. А ему вѣкъ свой не видать и поручичьяго-то чина. Что у него 500 душъ, такъ онъ и важничаетъ: ѣздитъ, знакомится съ какой-то дрянью, вонъ съ приказными, да съ разной мелкотой, а хорошихъ людей знать не хочетъ, такъ я самъ плевать на него хочу. Да еще не пьяница-ли какой: все больше холостежь у него? . . . Я еще и въ домъ-то его не пущу къ себѣ. . . Да, право! Мальчишка, молокососъ, а что о себѣ думаетъ, хочетъ роль играть! . . . Ха, ха, ха! Да и дуракъ, говорятъ набитой.

А Семенъ Семенычъ въ простотѣ духа рѣшительно и не подозрѣвалъ, что на него имѣютъ такія претензіи.

Въ видахъ Варвары Николаевны было между тѣмъ необходимо, чтобы отецъ познакомился съ Семеномъ Семенычемъ. Просить отца, чтобы онъ первый ѣхалъ къ нему съ визитомъ, было какъ-то не ловко, да и старику тягостно бы было согласиться на эту жертву. Надобно было придумать другое средство залучить Семена Семеныча къ себѣ въ домъ. — Впродолженіи зимы — Варварѣ Николаевнѣ удалось видѣть Карандышева только два раза у знакомыхъ за карточнымъ столомъ: она хорошо замѣтила его тучность, его простоту, очевидное добродушіе, не пропустила безъ вниманія и то уваженіе, которое ему оказывали: въ душѣ ея образовалось рѣшительное намѣреніе побѣдить непреклоннаго. Настало лѣто, Семенъ Семенычъ совершенно скрылся отъ общества въ своей усадьбѣ, но Варвара Николаевна знала

опредѣленно образъ жизни его, пріобрѣтая свои свѣденія всѣми возможными путями. Впрочемъ она не открывала никому своей тайной мысли, ни даже матери, но послѣдняя не меньше дочери думала о Семенѣ Семенычѣ, а потому весьма была довольна, когда замѣтила, что и дочь интересуется имъ.

Однажды Варвара Николаевна сказала матери, съ насмѣшливой улыбкой, что ей очень хотѣлось бы познакомиться съ этимъ чудакомъ-сосѣдомъ и вывести его изъ той дикости, въ которой онъ живетъ.

Наталья Алексѣевна тотчасъ, по женскому инстинкту, отгадала заднюю мысль дочери и безъ дальнѣйшихъ околичностей отвѣчала ей:

— Да, мой другъ, и я все думаю: славный бы это былъ женихъ для тебя. Хоть онъ и не генералъ, да за пазухой то у него по-генеральски!

— Ахъ, маменька, я развѣ къ тому говорю? возразила Варвара Николаевна, немного смутившись. Мнѣ только хочется посмотрѣть что это за человѣкъ такой странный, да мнѣ и досадно, что онъ до сихъ поръ не бывалъ у папеньки.

Наталья Алексѣевна, разумѣется, нисколько не повѣрила послѣднимъ словамъ дочери, но довольная пріятнымъ для нея открытіемъ, не почла за нужное оспаривать Варвару Николаевну и ограничилась только скромной улыбкой родительской любви.

— Чтожъ мой другъ, и папенька бы не прочь отъ его знакомства, да чтожъ съ нимъ дѣлать, коли не начинаетъ? вѣдь, согласись, не папенкѣ же, въ его лѣта, ѣхать первому. Къ тому же онъ, какъ человѣкъ пріѣзжій, обязанъ бы первый пріѣхать.

— Нѣтъ, да я и не хочу, маменька, чтобы папенька къ нему первый ѣхалъ: это слишкомъ будетъ много чести. А знаете ли что я придумала какъможно сдѣлать?

— Какъ?

— Очень просто. Говорятъ, онъ каждый вечеръ ловитъ рыбу на Волгѣ, такъ намъ очень можно ѣхать какъ-будто бы кататься, а, вѣдь, папенька все-таки по обществу знакомъ съ нимъ, хоть сколько нибудь, онъ можетъ заговорить съ нимъ. У него садъ хорошъ, такъ попроситься въ саду погулять. Онъ, разумѣется, знаетъ же хоть сколько-нибудь обращеніе: попроситъ къ себѣ въ домъ... Ну, тутъ и можно ему выговорить, что онъ не бывалъ у насъ и взять съ него честное слово пріѣхать.

— Что же? конечно это очень можно. Я скажу отцу: онъ согласится. Этакъ и говорить не станутъ, что вотъ, молъ, ломался, ломался, да самъ первый и поѣхалъ; видно, дочь хочется выдать... вѣдь, ты знаешь нашихъ!...

— А, маменька, да вы не думайте въ самомъ дѣлѣ, что я очень интересуюсь имъ. Мнѣ, право, только хочется посмотрѣть на этого чудака... Вы, пожалуйста, не думайте!

— Да, я и не думаю!.. отвѣтила мать опять съ тою же скромной, полной любви улыбкой...

Онѣ обѣ весьма хорошо понимали другъ друга, но почему Варвара Николаевна не хотѣла говорить съ матерью прямо и откровенно о такомъ предметѣ, который очень опредѣленно и въ настоящемъ свѣтѣ представлялся ея разуму, — это секретъ женскаго сердца, можетъ быть, женской стыдливости...

Намѣреніе Варвары Николаевны было дѣйствительно осуществлено. Дня черезъ три послѣ вышеприведеннаго разговора Николай Евстигнѣичъ, Наталья Алексѣевна и Варвара Николаевна отправчлись къ усадьбѣ Семена Семеныча. Близъ усадьбы Карандышева, выѣхавши на Волгу, они вышли изъ экипажа и берегомъ

рѣки пошли пѣшкомъ. Вечеръ былъ ясный, тихой, воздухъ охлаждался легкимъ, отраднымъ вѣтеркомъ, былъ насыщенъ испареніями растеній. Солнце закатывалось огненнымъ, лучезарнымъ ядромъ и какъ бы тонуло въ волнахъ рѣки, и на далекое пространство позлащало или, зажигало своими лучами и эти волны, и небо, и землю. И чудно было смотрѣть, какъ по этой рѣкѣ плыли окрыленныя парусами и также какъ будто позлащенныя суда, кидали отъ себя длинную тѣнь и въ своемъ стремленіи увлекали за собой огненный слѣдъ въ голубое пространство рѣки, - какъ побережные лѣса и кустарники отражались въ водѣ, какъ будто опрокидываясь въ нее, какъ диковатыя, съ опаловыми окраинами облака, бѣжали по золотому и свѣтлосинему небу; и сладко было внимать въ это время простому и несложному пѣнью ласточекъ, шнырявшихъ надъ водою и не менѣе простому, но сладкому напѣву бурлацкой пѣсни. — Вниманіе Бульбулькиныхъ впрочемъ нисколько не было занято красотами природы: оно все было устремлено сначала на усадьбу Семена Семеныча, каменный господскій домъ которой, окрашенный лучами заходящаго солнца въ пурпуровый цвѣтъ, виднѣлся среди роскошной зелени на самой вершинѣ крутаго высокаго берега, потомъ на самого Семена Семеныча, который наблюдалъ за рыбной ловлей. Карандышевъ былъ одѣтъ въ какой то фантастическій архалукъ и въ нанковыя широкія шаровары; на головѣ его красовалась голубая вязаная ермолка съ черной кисточкой. Очевидно было, что Семенъ Семенычъ никакъ не ожидалъ къ себѣ посѣтителей и не женировался своимъ костюмомъ: архалукъ его былъ растегнутъ, и жирная мясистая грудь Семена Семеныча не совсѣмъ аккуратно прикрывалась довольно толстой

полотняной рубашкой. — Онъ отдавалъ какія-то приказанія и былъ совершенно поглощенъ своимъ дѣломъ, такъ что замѣтилъ Бульбулькиныхъ только тогда, когда одинъ изъ его дворовыхъ тянувшихъ по берегу бредень, мотнулъ головой и сказалъ: „вона какіе-то господа идутъ, кажись, грузковски: знать, къ вамъ, сударь!“ — Семенъ Семенычъ хотѣлъ бы скрыться куда нибудь, но было уже поздно, и онъ ограничился только тѣмъ, что поспѣшно сталъ застегивать архалукъ, который былъ ему узокъ и никакъ не уступалъ его усиліямъ. Между тѣмъ, Бульбулькины приближались и Семенъ Семенычъ не зналъ что ему дѣлать: привѣтствовать ли ихъ, какъ хорошихъ знакомыхъ, поклониться ли сухо и небрежно, какъ людямъ, которыхъ онъ встрѣчалъ гдѣ-то, но хорошенько не помнитъ, или показать видъ, что онъ ихъ вовсе не знаетъ, — впрочемъ Николай Евстигнѣичъ вывелъ его изъ затрудненія.

— Мое вамъ почтеніе, любезный сосѣдушка, сказалъ онъ ему: что, или охотку имѣете къ рыбной ловлѣ?

— Да-съ, отъ скуки, отвѣчалъ Семенъ Семенычъ, приподымая свою ермолку и подавая руку Николаю Евстигнѣичу, а потомъ тщательно придерживая полу архалука, недоходившую до другой и позволявшую видѣть безпорядки его костюма.

— А вотъ мы поѣхали прогуляться, да вечеръ то чудесный, такъ вышли пройтись по Волгѣ, шли, шли, да вотъ и къ вамъ пришли... Ха, ха, ха... любезный сосѣдушка! примолвилъ Николай Евстигнѣичъ благосклонно, но съ достоинствомъ пожимая руку Семена Семеныча.

— Очень благодаренъ-съ! — отвѣчалъ послѣдній, нѣсколько смущенный привѣтствіемъ почти незнакомаго человѣка.

— Да, а вотъ ко мнѣ такъ до сихъ поръ не завернете, а, кажется, ближайшій сосѣдъ. . .

— Помилуйте, я съ своей стороны. . .

— Да нечего, нечего, любезный другъ, горденекъ: ужъ надо сказать правду; старика ждалъ къ себѣ. . .

— Нѣтъ-съ, какъ это можно, я всегда. . .

— А хорошо у васъ мѣсто — нечего сказать, весело!. .

— Да-съ, привольно очень. . .

— Чудное мѣсто! очаровательныя какія картины! Посмотрите! — Здѣсь можно вполнѣ наслаждаться природой... Отсюда не захочется никуда ѣхать. . . Вы, вѣроятно, много гуляете? — спросила Варвара Николаевна съ сладкимъ выраженіемъ въ глазахъ.

Да-съ... нѣтъ-съ... какъ придется... Я больше за рыбой-съ. . . это!. . проговорилъ еще болѣе смущенный Семенъ Семенычъ.

— И усадебка хороша... барская! — сказалъ Николай Евстигнѣичъ.

— Да-съ. . . родовая-съ, наслѣдственная.

— А какой должно быть чудной садъ! Какъ пріятно, я думаю, гулять въ немъ въ теперешнее время?. .

— Не угодно ли? сдѣлайте милость, пожалуйте!. . Николай Евстигнѣичъ, пожалуйте: много одолжите!. .

— Да! А вотъ ко мнѣ такъ до сихъ поръ не бывалъ! а? грѣхъ, грѣхъ! ужъ признайся, что грѣхъ!. .

— Непремѣнно постараюсь. . .

— Мы будемъ надѣяться, что Семенъ Семенычъ не измѣнять своему слову! сказала Наталья Алексѣевна.

— Будьте увѣрены.

— А отчего же до сихъ-то поръ не удостоилъ? а?

— Да, право, какъ-то... То по хозяйству, то то, то другое... Вѣдь, знаете, въ деревнѣ много занятія. Что же въ садъ-то угодно-съ?...

— Съ удовольствіемъ, только смотрите своему слову господинъ: на этой же недѣлѣ будемъ ждать.

— Непремѣнно, непремѣнно-съ!

Отправились въ садъ. Бульбулькины любовались видомъ изъ него, хвалили старинныя тѣнистыя аллеи, густую рощу, удивлялись обилію ягодъ, но всѣхъ болѣе восхищалась всѣмъ, что попадалось на глаза, Варвара Николаевна. Семена Семеныча осыпали любезностями, комплиментами, похвалами его хозяйству, его умѣнью жить, его прекраснымъ качествамъ, даже его дикости, которую превратили въ благоразумную разборчивость въ отношеніи выбора знакомыхъ, причемъ нечувствительно сказали и самимъ себѣ, какъ исключеннымъ изъ круга его знакомыхъ, не совсѣмъ лестный комплиментъ. Семенъ Семенычъ, можетъ быть, очаровался, а можетъ быть, просто былъ сбитъ съ толку, ошеломленъ тѣмъ градомъ любезностей, который сыпался на него со всѣхъ сторонъ и самъ, чтобы не показаться невѣждой, старался быть любезнымъ, предупредительнымъ и даже просилъ послѣ прогулки въ саду зайти къ нему откушать чаю. Впрочемъ на это предложеніе никто не согласился подъ разными предлогами, но уѣзжая Бульбулькины взяли съ него самое честное слово непремѣнно пріѣхать къ нимъ въ слѣдующее же воскресенье. — Такимъ образомъ вся семья отправилась домой необыкновенно довольная успѣхомъ своего предпріятія, и когда въ слѣдующее воскресенье Семенъ Семенычъ дѣйствительно явился съ визитомъ, тогда Варвара Николаевна, какъ умный и прозорливый стратегикъ, считала дѣло совершенно выиграннымъ. Не

больше какъ черезъ недѣлю и Николай Евстигнѣичъ отправился платить визитъ Семену Семенычу, и съ тѣхъ поръ между Груздковымъ и Крутихой образовалось постоянное сообщеніе. Бульбулькинъ, понуждаемый своимъ семействомъ, сталъ очень часто ѣздить къ Карандышеву, и если случалось, что послѣдній не такъ аккуратно платилъ визиты, то Николай Евстигнѣичъ нарочно ѣхалъ за нимъ и тащилъ его къ себѣ волей и неволей.

Сначала Семенъ Семенычъ хотя и ѣздилъ въ Груздково, но дичился, по своему обыкновенію, дамской бесѣды и старался преимущественно разговаривать съ Николаемъ Евстигнѣичемъ, но не было такого разговора, въ который бы не умѣла вмѣшаться и не захватить себѣ самую выгодную позицію Варвара Николаевна. Очень часто случалось, что старикъ Бульбулькинъ совершенно оставлялъ Семена Семеныча одного въ бесѣдѣ съ своей дочерью, и тогда-то несчастный владѣтель Крутихи чувствовалъ всю тяжесть своего положенія, ничѣмъ не защищеннаго отъ восклицательныхъ фразъ и выразительныхъ взглядовъ Варвары Николаевны . . . Но къ чему не привыкаетъ человѣкъ? . . Семенъ Семенычъ весьма искусно былъ поставленъ въ необходимость часто встрѣчаться съ Варварой Николаевной и оставаться съ нею, если не наединѣ, то при такихъ свидѣтеляхъ, которые не имѣли никакого голоса, никакого значенія. Напримѣръ: Варвара Николаевна была въ восторгѣ отъ сада Крутихи, она не могла говорить о немъ равнодушно, казалось, душа ея страдала, не наслаждаясь тѣми очаровательными видами, которые раскрывались изъ него; все это слышалъ очень часто Семенъ Семенычъ своими собственными ушами и не могъ же онъ быть столько не деликат-

нымъ, чтобы не предложить Варварѣ Николаевнѣ гулять въ его саду, когда только ей угодно.

Потомъ въ Варварѣ Николаевнѣ вдругъ развилась непреодолимая страсть къ рыбной ловлѣ — и Семенъ Семенычъ долженъ же былъ просить Варвару Николаевну присутствовать при этой охотѣ какъ можно чаще. На прогулки въ Крутиху Варвара Николаевна отправлялась или вмѣстѣ съ своей маменькой или въ сопровожденіи одной горничной дѣвушки. Такимъ образомъ Семенъ Семенычъ по неволѣ долженъ былъ привыкнуть къ ея присутствію, къ ея бесѣдѣ, но мысль о бракѣ почти никогда не являлась къ нему въ голову, а если и являлась, то тотчасъ же и изгонялась, какъ ложная, нелѣпая, неосуществимая. Впрочемъ это нисколько не значило, чтобы натура Семена Семеныча не имѣла вовсе никакой наклонности къ семейной жизни, напротивъ, еслибъ можно было химически разложить душу Семена Семеныча, то въ ней нашлось бы очень много элементовъ, необходимыхъ для счастія семейнаго человѣка, такъ что казалось бы, судьба зло шутила надъ Семенымъ Семенычемъ, оставляя его до сихъ поръ холостякомъ. Можетъ быть и самъ Карандышевъ смутно чувствовалъ всю прелесть женитьбы и брачной жизни и безсознательно понималъ, что онъ могъ бы сродниться съ этой жизнью и полюбить ее, но только самъ собою онъ никогда не рѣшился бы подвигнуться на такое важное дѣло: нужна была посторонняя сильная воля, чтобы заставить его выйти изъ той улитки, въ которой онъ такъ долго жилъ и перейти въ другую для него незнакомую, таинственную и оттого страшную. Къ счастію или несчастію Семена Семеныча такая воля явилась для него въ лицѣ коллежской секретарши, вдовы Любо

мирской. Вслѣдствіе своего шаткаго и не совсѣмъ состоятельнаго положенія на бѣломъ свѣтѣ, эта вдова Любомирская не имѣла опредѣленнаго пристанища, а скиталась изъ дома въ домъ всегда добрыхъ или, по крайней мѣрѣ, всегда гостепріимныхъ помѣщиковъ. Такимъ образомъ съ нѣкотораго времени она пребывала у Бульбулькиныхъ, развлекая ихъ своею назидательною бесѣдою, раздѣляя ихъ домашнія заботы, хозяйственныя хлопоты и даже семейные секреты. Часто она сопровождала Варвару Николаевну въ ея прогулкахъ по саду Крутихи и на рыбную ловлю и, какъ женщина опытная, бывалая, да къ тому же и наблюдательная, скоро отгадала тайныя надежды Варвары Николаевны, легко поняла характеръ Семена Семеныча и, чуя хорошую поживу, рѣшила сама въ себѣ, что она должна принять участіе въ такомъ важномъ дѣлѣ. Не много труда ей стоило пріобрѣсти полное довѣріе и откровенность Варвары Николаевны, которой нуженъ былъ такой хорошій помощникъ, а еще того менѣе заслужить нѣкоторую терпимость со стороны Семена Семеныча и завоевать себѣ право входить къ нему иногда въ домъ на чашку чая; Семенъ Семенычъ не боялся женщинъ, имѣвшихъ уже такія пожилыя лѣта и такое шаткое существованіе, какъ вдова Любомирская, не боялся потому, что ея присутствіе не тяготило его, онъ могъ не женироваться при ней и вести себя по обыкновенію.

И вотъ однажды въ воскресенье пріѣхавши изъ церкви къ Семену Семенычу поздравить его съ праздничкомъ и выпить чашку чая, вдова Любомирская начала съ нимъ такой разговоръ:

— Ну-ка батюшка, Семенъ Семенычъ, я все смотрю: чего.— чего у васъ нѣтъ, чего — чего тебѣ

не достается, полная благодать, полной чашей живете . . .

— Слава Богу, Прасковья Ивановна! отвѣчалъ равнодушно Семенъ Семенычъ.

— А вотъ чего-то и не достаетъ... а я и знаю чего не достаетъ!..

— Чего же это, Прасковья Ивановна?..

— А супруги не достаетъ, друга сердцу нѣтъ: вотъ чего нѣтъ!..

— Ну ихъ, матушка!..

— А отчего же бы это: ну ихъ, батюшка, отчего жъ бы и не обзавестись хозяюшкой?

— Ну!.. стоитъ ли съ ними возиться!..

— Да еще какъ стоитъ-то: я тебѣ скажу, какъ стоитъ-то . . . Другая жизнь совсѣмъ: Богомъ благословлена, людьми почтена . . . А въ хозяйствѣ-то порядокъ другой, а дѣтки-то, а наслѣдники-то, а утѣшеніе-то родительскому сердцу . . . Прасковья Ивановна съ разсчетомъ остановилась на этихъ словахъ. Семенъ Семенычъ не могъ воздержаться отъ сладкой улыбки, но не отвѣчалъ.

— А что же, не правду что ли говорю?.. Такое ли дѣло женатому человѣку?.. Невѣстъ что ли нѣтъ? Есть невѣсты. Я бы и посватала, такую бы посватала, что сама души въ васъ не слышитъ . . .

— Кто же бы это?

— Ну, да ужъ я про то знаю, а посватала бы и пошли бы, потому знаю сама сердца какова, такъ только вамъ вмѣстѣ и жить.

— Да кто же это? скажите!..

— Сказать! Что безъ пути-то говорить, а ужъ знаю, что любитъ, и сердцемъ и думкой — всѣмъ любитъ.

— Да ну, скажите же!

— Извольте скажу . . . А хоть бы Варвара Николаевна у Николая Евстигнѣича.

— Вотъ! . . Да она не пойдетъ.

— Нѣтъ, пойдегъ.

— Нѣтъ, не пойдетъ!

— А, право, пойдетъ!

— Право, не пойдетъ!

— Ну, ей Богу, пойдетъ!

— Ей Богу, не пойдетъ!

— А вотъ посмотри: я ее спрошу, такъ сами увидите.

— Полно, полно! Что ты, Прасковья Ивановна. Я въ шутку только, а она точно дѣло считаетъ.

— Что за шутки: я вамъ дѣломъ докажу.

— Да нѣтъ, нѣтъ, и не начинай ты этого: что, сраму что ли мнѣ захотѣлось. Да и что за женитьба такая; мнѣ и въ умъ никогда не приходило.

— Ничего, и въ умъ придетъ, какъ женишься то. Ничего, это дѣло житейское! Да что это? Виданное ли это дѣло: человѣкъ въ настоящихъ годахъ, здоровый, при богатствѣ, съ образованіемъ, и не женится, такъ живетъ, безъ всякаго дѣла и заботы . . . Нѣтъ, жива быть не хочу: сосватаю!

— Да что ты, Прасковья Ивановна, я и жениться-то не хочу и не думаю.

— Ничего . . . Я умѣю чувствовать: если кто мнѣ благодѣтельствуетъ, такъ я хочу доказать . . . Ничего! всѣ вы женихи такъ сначала: не хочу, да не хочу, а послѣ сами благодарятъ!

— Да что ты, что ты, Прасковья Ивановна, я и не воображаю. Не надо, не надо, и не хлопочи.

— Ну, ладно, ладно, хорошо! . .

Тѣмъ разговоръ этотъ и кончился. Вдова Любомирская спѣшила оставить Семена Семеныча и

какъ только пріѣхала отъ него въ Груздково тотчасъ таинственно и торжественно объявила старикамъ Бульбулькинымъ, что такой-то, дескать, Семенъ Семенычъ Карандышевъ, дѣлаетъ формальное предложеніе Варварѣ Николаевнѣ, и чувствительно проситъ осчастливитъ его. Формальное предложеніе дѣло великое и серьезное: должно было встрѣтить его, какъ слѣдуетъ, подумать, обсудить и потомъ осторожно объявить его невѣстѣ, чтобы не очень напугать ее и приготовить къ желанному отвѣту. Варварѣ Николаевнѣ тоже надобно было, услышавши это предложеніе, сначала перетревожиться, а если возможно, то и сконфузиться, потомъ заплакать, а наконецъ, упавши на грудь родителей, изъявить свое согласіе. Конечно, все это было исполнено, но довольно быстро, такъ что на другой же день вдова Любомирская могла отправиться къ Семену Семенычу съ рѣшительнымъ отвѣтомъ.

— Ну, батюшка, Семенъ Семенычъ, сказала она ему, имѣю честь поздравить: просьбу я вашу исполнила, предложеніе передала, и невѣста, Варвара Николаевна, согласіе свое изъявила.

— Какъ, что такое?

— Да такъ такое! Теперь веселымъ пиркомъ да и за свадебку. Хороша ли, плоха ли сваха, а дѣло свое сдѣлала. Конечно, и ломки и уговоровъ много было — ну, нельзя, тоже дѣло дѣвичье, невѣста, а все таки любовь нашимъ хлопотамъ помогла . . . Теперь заживете, Богъ дастъ, съ хозяйкой и насъ не забудьте.

— Да кто же васъ просилъ, Прасковья Ивановна? Съ чего ты это взяла?

— Вотъ тебѣ на! Да кто же вчера просилъ, да кланялся, да опасался, что не пойдетъ. Вѣдь, не на

понятной же дворъ теперь въ самомъ дѣлѣ! Что ты голубчикъ, Семенъ Семенычъ? Вѣдь, теперь ужъ весь городъ знаетъ, да каковъ городъ — весь округъ, что предложеніе дѣлалъ и невѣста согласилась. Да и что ты, батюшка, Семенъ Семенычъ, Господь съ вами! пришло ему этакое счастіе, что другой бы подлинно слезы пролилъ, а вы что это? Невѣста — красавица, лѣта самыя настоящія, состояніе — Богъ благословилъ, кажется, душа на рѣдкость, любить будетъ — то и говорить нечего: теперь души не слышитъ. Чего же вамъ еще больше! Пойдутъ дѣтки, заживешь съ хозяюшкой . . . Господи Боже мой, да что же еще нужно человѣку . . . Полноте-ка, полноте, батюшка. Снаряжайтесь-ка, да и къ невѣстѣ: она-то, чай, моя родная, теперь сама не своя, сердечко-то выпрыгнуть хочетъ. Ахъ, ужъ душа-то какая, такъ это только я знаю: днемъ съ огнемъ наищешься. Ну же, мой родной, собирайтесь, да поѣдемъ.

Семенъ Семенычъ сначала хотѣлъ сердиться и наотрѣзъ отказаться отъ женидьбы, а Прасковью Ивановну спровадить не честью изъ дому, и затѣмъ прекратить всякія сношенія съ Бульбулькиными, но длинная рѣчь вдовы Любомирской, построенная весьма умно, скоро потушила въ немъ этотъ порывъ, размягчила его душу и заставила серьезно подумать о такомъ важномъ дѣлѣ. Впрочемъ надобно сказать правду: Семенъ Семенычъ былъ не мастеръ думать и обдумывать свои поступки и намѣренія: онъ либо упирался на какой нибудь одной мысли, на какой нибудь привычкѣ. либо совершенно отдавался въ распоряженіе чужой воли, если она во время умѣла овладѣть имъ. Онъ и самъ того не замѣтилъ, какъ душѣ его сдѣлалось тепло и отрадно при мысли о

семейномъ счастіи, какъ сердитое выраженіе лица смягчилось въ веселую улыбку при словахъ Прасковьи Ивановны, какъ потомъ вдругъ онъ, рѣшительно махнувъ рукой, сказалъ: „такъ и быть!“ и отправился къ Бульбулькинымъ вмѣстѣ съ вдовой Любомирской.

Чрезвычайно конфузно было Семену Семенычу, когда Бульбулькины встрѣтили его съ распростертыми объятіями, цѣловали, благодарили за честь, а особенно, когда вышла Варвара Николаевна съ потупленными взорами, но съ улыбкой на устахъ и протянула ему свою руку. Но Семенъ Семенычъ скоро привыкъ къ своему новому положенію, потому что всѣ обходились съ нимъ ласково, угодительно и въ то же время просто, по родственному. Варвара Николаевна, казалось, слѣдила за каждымъ его желаніемъ и необыкновенно искусно умѣла поддѣлаться подъ его вкусъ.

Семенъ Семенычъ скоро и самъ сталъ чувствовать къ ней что-то въ родѣ любви, а, можетъ быть, и самую любовь, къ какой только доступно было его сердце. — Сватьбу не откладывали въ долгій ящикъ: чрезъ три недѣли послѣ перваго сватовства Семенъ Семенычъ сталъ мужемъ. Послѣ брака, казалось, онъ совершенно измѣнился, сталъ другимъ человѣкомъ! не дичился женскаго общества, не конфузился, былъ необыкновенно веселъ и ласковъ съ своею женой до приторности: казалось, послѣ брака, женщина потеряла все свое страшное значеніе для Семена Семеныча: онъ не боялся ея болѣе.

Измѣнилась послѣ свадьбы и Варвара Николаевна, только въ дурную сторону: стала еще болѣе горда, капризна; на все ее окружающее, не исключая, и самаго мужа, она смотрѣла съ какимъ-то отталки-

вающимъ презрѣніемъ; считала себя въ полномъ правѣ властвовать надъ мужемъ, надъ всѣми его привычками и самымъ вкусомъ. И скоро увидѣлъ Семенъ Семенычъ какъ жестоко ошибся онъ въ своемъ выборѣ, но онъ не возмутился духомъ и легко подчинился вліянію жены: такова была его натура! Между тѣмъ претензіи Варвары Николаевны были совершенно противны привычкамъ Семена Семеныча и его предположеніямъ объ удовольствіяхъ семейной жизни. Напр. Варвара Николаевна непремѣнно хотѣла поддѣлаться въ деревнѣ подъ петербургскій образъ жизни: вставала въ 12 часовъ утра и смѣялась надъ Семеномъ Семенычемъ, который привыкъ подниматьса отъ сна вмѣстѣ съ солнышкомъ, обѣдала въ 5 часовъ, между тѣмъ, какъ Семенъ Семенычъ въ это время, бывало, пилъ вечерній чай послѣ сладкаго трехъ-часоваго отдыха, а свой послѣобѣденный чай Варвара Николаевна пила въ то время, когда Семенъ Семенычъ привыкъ отходить на ночной покой, наконецъ, что всего тяжеле было для бѣднаго Семена Семеныча, ему не хотѣли давать ужинать изъ уваженія къ модѣ, между тѣмъ какъ онъ не могъ уснуть, не закусивши порядкомъ на сонъ грядущій. Далѣе, Семенъ Семенычъ смотрѣлъ на бракъ, какъ на успокоеніе отъ всѣхъ житейскихъ треволненій, какъ на право предаться сладскому dolce far niente и не знать болѣе тяжкой обязанности ѣздить съ визитами и начинать новыя знакомства, а Варвара Николаевна, напротивъ, мечтала имѣть открытый домъ, играть первую роль, если не въ губерніи, то по крайней мѣрѣ въ уѣздѣ, собирать вокругъ себя всю лучшую молодежь, окружить себя блескомъ и роскошью, ѣздить каждую симу мѣсяца на три въ Петербургъ и тамъ позна-

комиться съ блестящею знатью. Много доставалось Семену Семенычу за его неумѣнье жить, за его дурныя манеры, за его несвѣтскость, любовь къ халату, за простую обстановку дома, даже за отсутствіе ливрейныхъ фраковъ у дворовыхъ людей. Все это великодушно переносилъ онъ, и однажды полюбивши жену, не перестовалъ любить ее, и его простодушіе иногда даже благоговѣло предъ затѣйливыми претензіями жены.

Наступила зима. Варвара Николаевна захотѣла непремѣнно ѣхать въ Петербтргъ. Изъ Крутихи двинулся огромный обозъ со шляпками, платьями и разными принадлежностями гардероба Варвары Николаевны. Въ Петербургѣ наняли большую, весьма дорогую квартиру. Съ сокрушеннымъ сердцемъ и съ нѣкоторымъ страхомъ отправился Семенъ Семенычъ вмѣстѣ съ женою дѣлать визиты ко многимъ значительнымъ лицамъ, съ которыми Варвара Николаевна иногда встрѣчалась въ знакомыхъ домахъ при прежнихъ поѣздкахъ своихъ въ столицы для отысканія жениховъ, но которые впрочемъ, вѣроятно, никогдя даже и не замѣчали ея. Но увы! горькое разочарованіе! нигдѣ не приняли неизвѣстныхъ Карандышевыхъ, никто не заплатилъ имъ визита, не смотря на то, что на визитныхъ карточкахъ имена ихъ были оттиснуты золотомъ и украшены хитро придуманнымъ, великолѣпнымъ фантастическимъ гербомъ! Даже прежніе знакомые Варвары Николаевны сдѣлались съ ней холодны, когда замѣтили ея претензіи. Когда же она, отгадавши причину этой холодности, перемѣнила тактику и стала заискивать, даже унижаться — ей отвѣчали просто презрѣніемъ и вовсе прекратили съ ней знакомство. Варвара Николаевна надѣялась на молодежь, къ которой ле-

жало ея сердце послѣ брака еще болѣе, нежели до дамужества. Молодежь дѣйствительно явилась, но какая злая, насмѣшливая, либо какая грубая, неотесанная, точно по сосѣдству съ Крутихой, а не петербургская! Но что всего досаднѣе: никто не открывалъ своего сердца для Варвары Николаевны, хотя всѣ ухаживали за нею очевидно со злою заднею мыслью. Скоро домъ Варвары Николаевны превратился какъ бы въ въ трактирное заведен;е: молодежь пріѣзжала, шумѣла, кричала, позволяла себѣ вольности съ Варварой Николаевной, явно смѣялась надъ Семеномъ Семенычемъ, пила, ѣла безъ зазрѣнія совѣсти и снова разъѣзжалась, покидая сердце Варвары Николаевны не тронутымъ. Досадно становилось гордой своимъ происхождеоіемъ, урожденной Бульбулькиной; смиренно смотрѣлъ на все это и молча страдалъ Семенъ Семенычъ. Варвара Николаевна полюбила прогулки по Невскому, но вотъ чѣмъ окончились онѣ, а съ ними и вся петербургская жизнь ея. Однажды Варвара Николаевна отправилась по обыкновенію въ 2 часа прогуливаться по Невскому, и возвратилась домой поздно вечеромъ, разстроенная, перезябшая, съ подброженнымъ салопомъ, и сердито объявила мужу, что завтра же желаетъ оставить ненавистный Петербургъ. Семенъ Семенычъ обратился было къ ней съ вопросомъ что такое случилось и отчего она такъ долго прогуливалась, но получилъ такой колкій отвѣтъ, что почелъ за лучше разспросить человѣка, сопровождавшаго Варвару Николаевну въ ея прогулкѣ, но и отъ него не могъ добиться тодку. Отвѣтъ былъ [простой.

— Отчего долго гуляли? — Не могу знать-съ. Видно такое было желаніе. Гдѣ гуляли-то? — Из-

вѣстно гдѣ: по прешпекту. А отчего прозябли такъ. — Не могу знать-съ: видно холодно было! А салопъ подбродили — эвто ихное дѣло: знать, снѣжно что ли было!

Между тѣмъ Семенъ Семенычъ сталъ безпокоиться: не причинилъ ли кто его Варинькѣ какого оскорбленія, не случилось ли съ нею какого несчастія? Для разрѣшенія этого недоумѣнія онъ рѣшился разспросить кучера извощичей кареты, которая сопровождала Варвару Николаевну въ ея прогулкѣ, и вотъ что онъ разсказалъ ему, вѣроятно, не предупрежденный о молчаніи:

— Съ барыней-то несчастіе? Нѣтъ, несчастія никакого не было, а такъ: этакіе случаи у насъ часто бываютъ, на такого хвата наскочила! Вѣдь, я не знаю, что у нихъ тамъ было. Барыня гуляли, я ѣхалъ сзади; встрѣтились на Полицейскомъ мосту они съ какимъ-то бариномъ, баринъ такой бравой, молодецъ, переглянулись что ли они между собой, баринъ къ вашей-то барынѣ — и заговорили, только вдругъ барыня вашему человѣку и говоритъ: подождите, говоритъ, здѣсь: я сейчасъ пріѣду, да ты говоритъ, молчать! Это человѣку-то. Тутъ баринъ-то кликнулъ свои сани, лошадь, ухъ какая, огонь! шепнулъ что-то своему кучеру, да потомъ посадилъ вашу барыню; „пошелъ“ крикнулъ своему кучеру, на Галерную гавань: я сейчасъ, говоритъ, за вами! „Лошадь понесла, а онъ засмѣялся, да пошелъ назадъ: мы только переглянулись съ вашимъ-то человѣкомъ. — Куда же, молъ, барыню-то повезли? Не ѣхать ли, молъ, и намъ за ней? — Нѣтъ, говоритъ, не велѣно ѣздить, а велѣно туть дождаться. — Ну, молъ, не велѣно, такъ и то дѣло! — Только ждемъ часъ, другой, а барыни нѣтъ; человѣкъ-то вашъ

весь перезябъ, ну, а наше дѣло привычное: по цѣлымъ днямъ на морозѣ. Только вдругъ видимъ, ужъ газъ зажгли, барыня ваша подъѣхала на извошикѣ, такая сердитая, сѣла въ карету, да и велѣла домой ѣхать. Вотъ и все. Не знаю тамъ, что у нихъ было, а такъ полагаю, что ее вывезли на взморье, да и высадили, она и шла пѣшкомъ до извощика, а баринъ-то надъ ней шутку подшутилъ. Этакіе случаи у насъ часто бываютъ! . .„

— Экой шельмецъ, экой озорникъ петербургскій! Ужъ только бы его узнать, ужъ, кажется бы! . . съ сердцемъ выговорилъ Семенъ Семенычъ, обиженный тѣмъ оскорбленіемъ, которое нанесъ его женѣ какой-то незнакомый негодяй, но вмѣстѣ съ тѣмъ его какъ-то тревожило и возмущало это обстоятельство. Зачѣмъ было женѣ связываться съ незнакомымъ человѣкомъ? думалъ самъ съ собою Семенъ Семенычъ. А ну, какъ знакомый какой этакую шутку сдѣлалъ: вѣдь, ихъ здѣсь, точно собакъ! Дай, пойду попробую: разспрошу жену какъ нибудь: авось разскажетъ, все легче будетъ.

— Варенька, другъ мой, родной мой! такъ началъ Семенъ Семенычъ. Кто это тебя обидѣлъ, какой шельмецъ?

— Какъ, обидѣлъ? Какой это дуракъ сказалъ тебѣ? Развѣ меня можетъ кто обидѣть? спросила его Варвара Николаевна съ презрѣніемъ.

— А что на Галерную-то гавань велѣлъ свести?

— Это кто вамъ сказалъ?

— Да ужъ я узналъ: ты мнѣ только скажи: кто это, такъ ужъ я ему покажу. . .

— Да кто это вамъ далъ право наблюдать за моими поступками, да лакеевъ разспрашивать обо мнѣ? Что вы нянька что ли ко мнѣ приставлены?

Лакеевъ разспрашиваетъ о женѣ! Да, что, будете-ли вы хоть когда нибудь умнѣе? Въ Петербургѣ то поглупѣлъ еще больше. Тюлень этакой! ни стать, ни сѣсть не умѣетъ: мужикъ мужикомъ, а тоже вздумалъ женнины поступки разбирать. Зналъ бы себя то, да хоть немного облагородилъ, а то вѣдь смѣшно смотрѣть, стыдно въ люди показать: изъ-за васъ всѣ знакомые то меня оставили. Подите отсюда, не раздражайте меня; я и безъ того нездорова черезъ васъ. Приготовляйтесь лучше домой ѣхать. Чтобы завтра же выѣхать изъ Петербурга... Еще вздумалъ меня повѣрять. Ха, ха, ха! каковъ?

Смущенный вышелъ Семенъ Семенычъ изъ комнаты жены, но утѣшилъ себя мыслью, что скоро возвратится въ свою милую Крутиху.

Варвара Николаевна мечтала окружить себя въ деревнѣ формами свѣтской жизни, но надобно сказать правду: она вовсе не знала и не понимала ее а потому что̀ она ни дѣлала, все это выходило пошло, смѣшно и угловато. Сверхъ того она не имѣла природнаго такта и вкуса, да къ тому же была чрезвычайно лѣнива, прихотлива и капризна, думала, что настоящая свѣтская барыня не должна ничего сама дѣлать, но должна сидѣть сложа руки, быть окружена безчисленной дворней и ждать, чтобы всѣ ея малѣйшія желанія были отгадываемы и тотчасъ же исполняемы, однимъ словомъ она была въ полномъ смыслѣ провинціальная барыня съ нелѣпыми претензіями на аристократизмъ, а потому была смѣшна даже въ глазахъ своихъ деревенскихъ сосѣдей. Проживши годъ — другой безвыѣздно въ деревнѣ, Варвара Николаевна съ досадой замѣчала, что изъ богатыхъ сосѣдей помѣщиковъ никто почти не только не уважалъ ее и не поклонялся ей, но даже и не

удостоивалъ ея своимъ посѣщеніемъ; а ей нужны были лесть, похвалы, благоговѣніе; самолюбіе и тщеславіе ея требовали, чтобы всѣ окружающіе слушали ее со вниманіемъ, удивлялись ей, преклонялись передъ ея претензіями: въ этомъ отношеніи ее могли удовлетворить только очень бѣдные сосѣди-помѣщики и извѣстный классъ людей, вся жизнь которыхъ есть не болѣе какъ поклоненіе чужому богатству и чужой пошлости: и домъ Варвары Николаевны мало по малу сдѣлался мѣстомъ пристанища для подобныхъ личностей. Такимъ образомъ Варвара Николаевна, сама того не замѣчая, стала вести самую грязную провинціальную жизнь, и претензіи ея на свѣткость просыпались только изрѣдка при особенно важныхъ обстоятельствахъ, каковы напримѣръ: знакомство съ какимъ-нибудь новымъ значительнымъ лицомъ, первый пріемъ къ себѣ въ домъ какого-нибудь молодаго человѣка, на котораго Варвара Николаевна имѣла виды, имянины обѣды, большіе праздники и т. п. Молодежь по прежнему была въ большой милости у Варвары Николаевны: въ уѣздѣ часто товаривали, что не было ни одного холостаго мужчины, за которымъ не ухаживала бы Варвара, Николаевна. Но съ каждымъ годомъ она старѣлась и съ каждымъ годомъ, казалось, расло въ ней желаніе нравиться, и съ каждымъ годомъ Варвара Николаевна становилась пошлѣе и смѣшнѣе... А что же между тѣмъ Семенъ Семенычъ?... Само собою разумѣется, его не любила жена, но онъ привязывался къ ней все болѣе и болѣе, онъ не могъ не любить свою жену. Много терпѣлъ онъ отъ нея горя, но терпѣлъ великодушно и доволенъ былъ тѣмъ, что его не теребили по крайней мѣрѣ по прежнему и давали ему свободу по

цѣлымъ днямъ лежать въ халатѣ съ трубкою, или играть въ карты.

Вотъ вся сумма жизненной дѣятельности Семена Семеныча за нѣсколько лѣтъ: онъ пилъ, ѣлъ, спалъ, курилъ трубку, игралъ въ карты и наконецъ былъ разбить параличемъ, послѣ чего охромѣлъ... Сильно желалось ему наслѣдника, сладкая мечта объ этомъ никогда не оставляла его и постоянно поддерживала въ немъ любовь и нѣжность къ Варварѣ Николаевнѣ, и она мечтала объ этомъ, но судьба не исполняла ихъ желанія...

1852 г.

Два охотника.

По особому, еще не названному и неопредѣленному чутью, народъ ждалъ рекрутства. Предчувствіе сбылось: манифестъ объявленъ. Взволновался и потревожился всегда спокойный весь крестьянскій людъ. Какъ ни велики казались новыя льготы, данныя солдатской службѣ, какъ ни радовался народъ слухамъ о томъ, что царская служба стала много легче, и понятнѣй, и срокомъ короче, но вѣсть о новомъ наборѣ всегда будетъ одной изъ самыхъ важныхъ и тревожныхъ въ жизни крестьянина. Засуетились волостные старшины и все сельское начальство, живо и шумно заговорилъ и захлопоталъ всегда апатичный, повидимому, русскій крестьянинъ, задумались больше семейные — и было о чемъ. Временно обязанные, почти вездѣ, избрали очередной порядокъ рекрутства, отвергнувши жеребьевой: здравой мірской умъ не хотѣлъ сдѣлать судьбу человѣка жертвой слѣпаго случая, и рѣшилъ, чтобы шелъ на службу тотъ, кому было резоннѣе: у кого не оставалась дома жена съ малыми дѣтками безъ отца кормильца, или мать старуха безъ сына-работника; хотѣлъ, чтобы семья безпомощная не тяготила міра, у котораго своей заботы много, а жалости, да радѣнья къ чужому горю мало. Не даромъ задумались большесемейные мужики: четвер-

ничные и тройники, и двойники. Съ болью въ сердцѣ, хоть и молча, посматривали отцы на сыновей, взвѣшивая въ сердцѣ свою любовь къ каждому, а разумомъ раскидывая: кто для дома и къ работѣ способнѣе, за кѣмъ меньше горя останется, кто для службы сподручнѣе. Начались интриги и споры на сходахъ; но это такъ только: съ тоски да съ горя, а всякій напередъ зналъ свою судьбу и свою долю. Нельзя, чтобы не пошумѣть, и не покланяться, и не забѣжать туда и сюда по старой привычкѣ, да нѣтъ, видно не тѣ порядки. Теперь, вѣдь ужъ не прежнее время; нѣтъ барской власти и барскаго приказа, нечего ждать и гадать на кого господскій гнѣвъ опрокинется, кого господская милость счастливымъ сдѣлаетъ, нечего загадывать: сколько господинъ возметъ, чтобы освободить отъ некрутчины. Ни къ начальству поддѣлываться не зачѣмъ: дѣло пошло на чистоту, ничѣмъ не возьмешь, отъ міра не скроешься, не умолишь его и не укланяешь. Начали очередные денежные пріискивать зачетныхъ квитанцій и охотниковъ, покорились очередные бѣдные предстоящей участи и молча, тоскливо, ждали судьбы своей. Иной, правда, подумывалъ: авось, молъ, чѣмъ и отнесетъ Богъ, авось чѣмъ и не выйду; а то, говорятъ, еще тамъ лекаря да пріемщики, чу, еще по старому закону оставлены, какъ и отойду, и не большимъ чѣмъ по нашей бѣдности: есть, вѣдь, добрые лыди и изъ ихъ званія, можетъ и не большимъ чѣмъ на мужицкія слезы оборотятся.

Въ деревнѣ Аришкинѣ, да въ деревнѣ Барашихѣ одной и той же барыни были назначены въ очередь двѣ семьи: въ Аришкинѣ Порфира Макарыча, а въ

Барашихѣ роднаго брата его Михайла Макарыча. Богатый мужикъ Порфиръ Макарычъ: торговый, промышленный, хозяинъ хорошій; первымъ мужикомъ слыветъ. Четыре у него сына, всѣ на возрастѣ, всѣ годны въ рекруты, одинъ старшій только годами ушелъ. Кабы прежнее время, за господами, не зналъ бы Порфиръ Макарычъ этой кручины. Сколько было рекрутствъ, сколько разъ міръ указывалъ со злобой и завистью на его многолюдную семью; да благодаря барскимъ милостямъ, проходило это горе мимо его. Подросъ у него первый сынъ — пришло рекрутство — другія дѣти были еще малютки, а Порфиръ мужикъ исправный, работящій; баринъ и не подумалъ трогать его семью, только головой сахара и поблагодарилъ Порфиръ господина и то изъ чести, не по принужденью. Подросъ второй сынъ — опять рекрутство — и прочія дѣти были ужъ на возрастѣ, ну тогда былъ другой разговоръ, да баринъ былъ человѣкъ добрый, къ богатымъ мужикамъ радѣльный и разговоръ былъ милостивый.

— Ну что, Порфиръ, вѣдь по всему слѣдуетъ твоего отдавать.

— Помилосердуйте, батюшко, я ли вамъ не слуга, живу своимъ домомъ справно, художествъ, али чего прочаго, за моими ребятами нѣтъ, недоимка за мной отродясь не стояла, и вашей милости, и дѣткамъ вашимъ, и внукамъ, и правнукамъ слуги вѣчные...

— Такъ-то такъ: я тебя люблю, и мнѣ трогать твою семью жалко: люди вы хорошіе богобоязненные, господамъ своимъ слуги покорные..

— Да что угодно, батюшка...

— Погоди, не перебивай... А все таки, братецъ, по всему тебѣ чередъ: не хочется, вѣдь, мнѣ

изъ за тебя и другихъ обижать: всѣ, вѣдь, вы мнѣ равны, всѣ вы мои дѣти...

— Батюшка, кормилецъ, и дѣтки у матки бываютъ разныя: одни послушливые, да какъ бы все ей въ угоду да въ удовольствіе сдѣлать, а другія наровятъ на грѣхъ себя навести, да только сердце родительское на нихъ глядя кровью обливается... А я тебѣ, кормилецъ, послужу...

— Чѣмъ же ты мнѣ послужишь? Вѣдь, какъ никакъ, а все мужикъ то у меня уйдетъ изъ за твоего сына: все я долженъ потерять изъ за тебя или оброчника, или барщинника...

— Да что, благодѣтель, отецъ родной, время нынче тяжкое, самъ изволишь вѣдать: возьми сто рубликовъ: послѣдніе отдамъ.

— Ну, если ты мнѣ станешь говорить: послѣдніе, такъ я съ тебя тысячу возьму. Ты забылъ мои милости, забылъ, что я за Петрушку копѣйки съ тебя не взялъ, даромъ тебѣ его подарилъ, а сколько онъ тебѣ съ тѣхъ поръ наработалъ: сто рублей что ли?.. Такъ этакъ-то ты помнишь мои милости...

— Ну, кормилецъ, ну, инъ ладно: возьми что угодно твоей милости, ты самъ мужицкой крови пить не захочешь... Извѣстно, мнѣ не замолить за тебя.

— То-то!.. этакъ-то лучше... Ну, триста рублей принеси...

— Тяжело ужъ очень будетъ... Ужъ очень...

— Ну, ну, опять заговорилъ... Что я торговаться съ тобой что ли буду... Купецъ я что ли?.. Товаръ ты что ли у меня какой покупаешь, а не сына?..

— Ну, инъ ладно, инъ ладно, кормилецъ... Не гнѣвись только...

И приносилъ Порфиръ триста рублей барину, и оставался покоенъ, и дѣйствительно благодарилъ своего добраго господина, потому что вонъ сосѣдъ же да еще и генералъ, а поди-ка, меньше пятисотъ не бралъ, а чуть побогаче мужикъ, такъ и тысячу.

Но вотъ подросъ и третій сынъ — опять наборъ, а и младшему брату ужъ 15 лѣтъ. Опять зоветъ баринъ Порфира.

Ну, Порфиръ, теперь ужъ, судьба, видно, твоя: не хотѣлъ я тебя трогать, да нѣтъ, братъ, всей вотчинѣ твоя семья глаза деретъ. Собирай Ванюшку. . .

Помилосердуйте, батюшка. . . Я ли вамъ не слуга. . . Да не то, что вамъ, и дѣткамъ вашимъ, и внучкамъ, и правнучкамъ всѣ мы, всей семьей, слуги вѣчные. . . Чѣмъ мы провинились передъ вашей милостью? недоимка ли за нами стоитъ, али бездомки мы какіе, али художествомъ какимъ мои ребята занимаются? . . Кажись живемъ всѣ однимъ домомъ: у самихъ ребятъ свои ребята есть, да ни одинъ въ отдѣлъ идти не подумалъ. . . Ровно телята слушаются, даромъ, что старъ становлюсь. . . За что тебѣ мою семью зорить? . .

— Такъ-то, такъ, да нѣтъ, братъ, я ужъ и то тебѣ двоихъ сыновей простилъ, а этого не могу. . . Знать судьба. . . Вы, вѣдь, у меня всѣ равны, мнѣ не хочется и вотчины обижать изъ за тебя. . .

— Отецъ родной, кормилецъ, что до насъ вотчинѣ за дѣло: мы твои слуги, а не мірскіе. . . Міръ на насъ нападку дѣлаетъ, что мы ему не трафимъ, съ нимъ за одно нейдемъ ни въ какомъ дѣлѣ, а все нарохтимся какъ бы для твоей милости лучше дѣлать. . . Вотъ онъ на меня и упираетъ. . . Да вѣдь, вся твоя власть-то, кормилецъ ты нашъ; никто у

насъ, окромя Бога, какъ ты... Помилосердуйте, а мы ваши вѣковѣчные слуги, заслужимъ...

— Да чѣмъ же вы мнѣ заслужите: вотъ у тебя три сына работника, домъ-то какъ чаша полная, а вѣдь если я тебѣ Васютку оставлю, я вѣдь долженъ Михайла поставить, а онъ одинъ въ дому кормилецъ: уйдетъ, вѣдь, за нимъ трое ребятишекъ останется на моихъ рукахъ, малъ-мала меньше: всѣхъ ихъ нужно поднять, а корысти-то отъ нихъ мнѣ мало;

— Батюшка, вѣдь мои то ребятишки всѣ обребятились; вотъ и Ванюшку о запрошломъ году женилъ, тоже чего свадьба стоила, и твоей милости сто рублей отдалъ за невѣсту.

— Сто рублей!.. это ты помнишь... А изъ какого дома я невѣсту тебѣ далъ: это забылъ... Что, я тебѣ невѣсту-то навязалъ что ли, а не самъ ты выбралъ?.. Что, на нищей что ли женилъ Ваньку-то? Одинъ сарафанъ, чай, взялъ за ней, а не на пятьсотъ, приданаго-то?.. Нѣтъ, вотъ видишь: кабы я другой баринъ былъ, да содралъ съ тебя за эту дѣвку пятьсотъ, такъ ты бы помнилъ и чувствовалъ... Скоты вы, вотъ что!..

— Да, вѣдь, я не къ тому молвилъ... Помилосердуйте, батюшка... Я вѣдь, только про раззоренье-то мое, что раззорился очень этимъ годомъ.

— А, раззорился!.. Ну такъ, коли хочешь, чтобы сына не отдалъ, двѣ тысячи серебромъ принесешь, а то отдамъ...

— Ну, это какъ вашей милости угодно, а такихъ денегъ у меня нѣтъ. Видно, ужъ судьба моя такая.. Пусть будетъ власть Господня... Будемъ вѣкъ плакаться... Видно, не заслужили у вашей милости... А, кажись, служили вѣрой и правдой, вѣкъ-то жи-

вучи... И на предки не отрекаемся: завсегда ваши слуги и дѣткамъ вашимъ и правнукамъ...

— Ну, то-то правнукамъ... говори поменьше. Вотъ что: такъ мнѣ освободить тебя... передъ вотчиной не хочу этого сдѣлать.... Ропотъ будетъ, да и тебѣ прохода не дадутъ. А вотъ что: поваръ у меня старикъ становится: такъ Степу твоего, меньшого, я возьму во дворъ и отдамъ въ ученье, въ повара... Мастеровой будетъ. А ты принеси триста рублей...

— Хоть...

— Ну, молчи, братъ... Знаешь: не люблю. Что я купецъ что ли?.. Что я торговаться съ тобой стану за Михайла-то?.. Что онъ у меня послѣдній мужикъ что ли? не нуженъ мнѣ?.. А что, какъ бы Михайла вольный былъ, не далъ бы ты ему съ радостью этихъ денегъ, чтобы онъ шелъ за твоего Ваську?.. Али жалко того, что деньги барину пойдутъ?.. Этимъ ты что ли слуга-то вѣрный?..

— Такъ... а Степку то какъ же?

— А Степку завтра же привести... Да смотри не нагишомъ отпусти... Не забудь, что изъ богатаго дома опускаешь... Отъ меня не жди одежи: я его сейчасъ же въ ученье отдамъ...

— Батюшка ужъ Степку то увольте... Какой ужъ онъ...

— Слушай, Порфиръ, я тебя считалъ мужикомъ порядочнымъ, честнымъ и благодарнымъ... А ты выходишь свинья, и только сердишь меня. Ну, неужели бы съ тебя другой баринъ взялъ только триста цѣлковыхъ; когда у тебя три работника въ домѣ остается. Ступай, братецъ, вонъ, и не серди меня...

— Слушаю-съ...

И приносилъ Порфиръ деньги, и приводилъ Степку,

снабдивши его что ни на есть хуже шубенкой и двумя рубашенками, за что и получилъ отъ барина строгій выговоръ и наставленіе о любви къ дѣтямъ. . .

Степка оказался парень рослый, толстый, рыжій. Отдали въ ученье сначала къ своему повару, но тотъ только билъ его, и ходилъ пить водку къ Порфиру за ученье сына; потомъ его нашли нужнымъ отдать къ повару сосѣдняго помѣщика на выучку, тамъ его тоже болѣе били, нежели учили; но черезъ три-четыре года Степка, еще болѣе рослый, еще болѣе толстый, и такой же рыжій, уже дѣйствовалъ въ качествѣ повара на кухнѣ своего барина. Поваръ онъ былъ плохой, но нрава оказался оригинальнаго: съ веселостью и сонливостью соединяя кровожадность, чувствовалъ особенное удовольствіе при видѣ чужихъ страданій; спать же могъ до 20-ти часовъ въ сутки. Рубя котлетки, или отбивая мясо, онъ всегда въ тактъ припрыгивалъ и подпѣвалъ; забѣгавшихъ въ кухню собакъ и кошекъ ошпаривалъ кипяткомъ, а курицъ всегда щипалъ живыхъ и потомъ уже рѣзалъ; однажды совсѣмъ живого, но и совсѣмъ ощипаннаго индѣйскаго пѣтуха, посадилъ на ворота, къ общему удовольствію всей дворни, хохотавшей надъ этой штукой до упада. Барыня разъ брала его съ собой въ Москву: тамъ его ничто не удивило, не заняло и не поразило; все время пребыванія барыни въ столицѣ онъ проспалъ и только два раза куда-то пропадалъ: оказалось, что онъ ходилъ смотрѣть какъ наказывали преступниковъ плетями и потомъ разсказывалъ объ этомъ зрѣлищѣ съ особеннымъ удовольствіемъ и веселымъ смѣхомъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Барина не стало. Степка наспалъ себѣ такую рожу, возмужалъ и выросъ такъ, что на него страшно было взглянуть, но въ характерѣ

не измѣнился нисколько. Между тѣмъ насталъ 1861 г.; былъ объявленъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ. Степка въ томъ же году возъимѣлъ желаніе жениться на курносой и безобразной горничной: бракъ состоялся и счастливый супругъ почти ежедневно колотилъ свою жену, хотя и любилъ ее по своему. Объявленъ былъ наборъ, въ который Порфирій уже не видѣлъ возможности освободить семью отъ рекрутства. Попробовалъ было поискать охотника или купить квитанцію — показалось дорого; торговался — не уступаютъ; наконецъ и ихъ уже не осталось, а роковое время близилось. Ему надо было разстатьсясъ третьимъ сыномъ, Иваномъ, который уже женился, имѣлъ дѣтей, и былъ любимъ всей семьей. Степанъ, какъ дворовый, пользовался льготой отъ рекрутства. Въ очередь его отдать было нельзя. Но Порфиръ и старшіе сыновья рѣшились уговорить Степана идти за братьевъ.

Степанъ вскорѣ послѣ женитьбы оставилъ свою прежнюю барыню. Барыня эта была женщина добрая и характера робкаго. Напуганная мгновеннымъ освобожденіемъ изъ подъ ея власти всего подвластнаго ей міра, она, зная кровожадныя наклонности Степана, смотрѣла на него, какъ на разбойника и сильно боялась его, хотя онъ и былъ человѣкъ совершенно безвредный и неопасный, хотя и рыжій и атлетическаго тѣлосложенія. Желаніе Степана, внушенное ему супругою, отойти отъ старой барыни, помѣщица приняла даже съ нѣкоторою радостью, и хотя надо было нанимать новаго повара и платить ему деньги, — не испытанная доселѣ странность положенія, — она отпустила Степана на всѣ четыре стороны, прежде истеченія двухлѣтняго срока. Степанъ пошелъ за женою въ чужіе люди не потому, чтобы былъ недоволенъ жизнью, къ которой привыкъ, не потому,

чтобы влекло охватившее всѣхъ дворовыхъ людей желаніе искать счастья въ новой жизни и новыхъ отношеніяхъ на свободѣ, внѣ всякихъ воспоминаній о минувшемъ противномъ рабствѣ, а шелъ потому, что ему казалось все равно гдѣ бы ни спать, гдѣ бы ни щипать живыхъ курицъ, разница только въ томъ, что чужіе люди будутъ еще платить за это жалованье. Супруга же, кромѣ всякаго рода иныхъ побужденій, чувствовала еще потребность жить гдѣ-нибудь подальше отъ мужа, куда бы не доставала до нея его жирная и тяжелая рука. Съ удивленіемъ увидѣлъ Степанъ, что его ни гдѣ не держатъ по-долгу, и хотя жалованье дѣйствительно платятъ, но требуютъ какой-то чистоты и какого-то вкуса въ кушаньяхъ, да еще сверхъ того наваливаютъ какія-то новыя обязанности, совершенно не согласныя съ его желаніемъ лежать на печкѣ. Потерявши мѣсто, Степанъ приходилъ обыкновенно къ отцу и жилъ у него до тѣхъ поръ, пока его почти насильно не выталкивали изъ избы, говоря, что такому парню, да еще и мастеровому, не приходится валяться безъ дѣла на печи, да ѣсть припасеной хлѣбъ. Тогда Степанъ снова нанимался къ кому-нибудь изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, или въ городъ въ харчевнѣ, откуда въ скоромъ времени его опять прогоняли, и онъ опять, знакомой дорогой, шелъ подъ родительскую кровлю, гдѣ снова переносилъ великодушно брань и попреки отца и братьевъ до тѣхъ поръ, пока снова не выгонятъ. Когда мѣста долго не открывалось, а дома допекали до того, что выспаться путемъ не давали, Степанъ отыскивалъ жену, билъ ее и отбиралъ заработанныя ею деньги, на которыя покупалъ сладкой водки, пряниковъ, орѣховъ, и добродушно, весело угощалъ ими, его же руками избитую супругу.

Но вотъ однажды, передъ наборомъ, живетъ Степанъ у родителя недѣлю, живетъ другую и третью, и не нарадуется на свое житье: и спать ему даютъ въ волю, и кормятъ, какъ на убой, и еще не то, что попрекать кускомъ, а подчуютъ, ни на какую работу не посылаютъ, отецъ не ругается, братья не ропщутъ, и не бормочатъ себѣ подъ носъ про лѣнтяя, дармоѣда брата, а жены ихъ, сношки любезныя, не только не клянутъ, не только не гонятъ съ каждаго мѣста, на которое бы ни легъ — вишь ты, оно имъ непремѣнно понадобилось! — не только не подбиваютъ противъ него всячески отца и мужьевъ, но еще — вотъ диво! — ухаживаютъ за нимъ, и подчуютъ, и на печь посылаютъ, и одежду подъ голову постелютъ, особливо двѣ молодыя снохи. Живетъ Степанъ, и не нарадуется на свою жизнь привольную.

Однажды за обѣдомъ, въ простой воскресный день, даже не въ праздничный и не престольный, на столѣ стоялъ штофъ водки: это было невиданное дѣло въ скупой, разсчетливой и строгой жизни Порфирова семейства.

— Выпьемъ-ка, ребята, праздничнымъ дѣломъ, сказалъ Порфиръ, поднесъ всѣмъ сыновьямъ по стакану и самъ выпилъ, а Степану, какъ гостю, поднесъ два и наливая ихъ съ краями ровно, и выпивать просилъ до дна, чтобы зла не оставалось. Отъѣли щи; передъ кашей опять Порфиръ угощаетъ Степана и ужъ заставляетъ его выпить три стакана, а самъ и другіе братья опять пьютъ только по одному. Повеселѣлъ Степанъ, разговорился и сталъ разсказывать, какіе гдѣ видывалъ въ разныхъ домахъ порядки, и какія онъ кушанья можетъ готовить, что ни какъ во рту не удержишь и не разжуешь, а само все растаетъ, и какъ онъ однажды на барскомъ дворѣ за-

платилъ дурачку-Пантюшкѣ послѣдній двугривенный, чтобы тотъ далъ себѣ усы выщипать, и какъ Пантюшка послѣ перваго волоска было и назадъ, да вся дворня уцѣпилась и держала его за руки и за ноги, и какъ всѣ бы онъ, Степка, ему усища вытаскалъ, да ужъ очень, братецъ, ревѣть сталъ, такъ дворня сжалилась и вытолкала его въ за-шей...

— И какъ это онъ, братецъ, уходилъ на утекъ: я сѣрку уськалъ, нагнать не могъ... Послѣ никогда и за милостинкой не ходилъ... Усадьбы нашей боялся!.. окончилъ Степанъ съ веселымъ смѣхомъ...

Кончился обѣдъ, и Степанъ смекалъ-было ужъ отправиться на полати, какъ вдругъ отецъ подсѣлъ къ нему, причемъ вся семья какъ-то тревожно и напряженно сосредочила на Степанѣ свое вниманіе.

— Что Степанушка, заговорилъ Порфиръ, положивши руку на плечо сына, не красна твоя жизнь, какъ посмотрю я....

— А что такъ? спросилъ Степанъ съ недоумѣніемъ.

— Какъ что, братецъ: вотъ мастерство плохое, мѣста себѣ не можешь обогрѣть хорошенькаго... жалованье маленькое получаешь: только бы на одежду стало... землицы у тебя нѣтъ, угла своего ты не наживешь... Ну, а вотъ безъ мѣста останешься али боленъ сдѣлаешься: чѣмъ кормиться, куда голову приклонить?.. Извѣстно, покамѣсь я живъ, такъ идешь ко мнѣ: знаешь, что сынъ... Да вѣдь, вотъ и я, братъ, ужъ при старости, и мнѣ можетъ скоро предѣлъ Господь положитъ... Братья подѣлятся, да и у каждаго своя забота; только бы про нее заработать... На братьевъ тебѣ надѣяться — заслужить имъ нужно...

— Что-жъ, заслужимъ. . . не пропадемъ. . . возразилъ Степанъ, которому сильно спать хотѣлось и который не совсѣмъ ясно понималъ то что, говорилъ отецъ.

— Да надо тебѣ заслужить, Степушка, семьѣ, надо заслужить, чтобы и ты не былъ оставленъ отъ нея на старости лѣтъ. . . Вотъ еще слава Богу дѣтокъ у тебя нѣтъ, самъ ты парень молодой и здоровый, отъ родного дома давно отсталъ, къ чужимъ людямъ тебѣ не привыкать-стать. . . дома да заботы у тебя нѣтъ, ни передъ тобой, ни за собой! . . вольный казакъ. . .

— Это точно: жизнь наша такая теперь стала привольная. . . дворянская. . . потому мы дворовые, батюшка. . . Люди говорятъ: нѣтъ теперь человѣка на свѣтѣ вольнѣе двороваго. . . Ровно птицы: летай съ мѣста на мѣсто и гнѣздышка себѣ не вей. . .

— То-то вотъ и оно. . . Опять жилъ ты все по господскимъ домамъ: всего насмотрѣлся, все тебѣ въ легкость, хоть бы и порядокъ какой новый перенять. А вотъ братья-то родились мужиками и выросли. . . ничего не видали, ничего не знаютъ. . . народъ не ломанный. . . Да всѣ вотъ семьями большими обложились. . . Опять же ты и съ женой живешь не то, чтобы больно ладно. . .

— Нѣтъ что же, мы съ женой, батюшка, живемъ ничего, ладно. . . изъ почтенія моего она невыходитъ. . .

— Ну, да ужъ какая жизнь: все вы врозь. . . Извѣстно, нашему брату не за-пазухой жену носить, нельзя завсегда при себѣ держать. . . А все оно, какъ врозь-то живешь, такъ ужъ и привычки къ ней нѣтъ такой. . .

— Да это точно, батюшка. . . Ужъ наше такое дѣло. . .

— Такъ вотъ то-то, Степушка, я потому и говорю... Послужилъ бы ты за братьевъ-то...

— Это на счетъ солдатства-то ты, батюшка?.. Такъ вѣдь, мы, дворовые, отъ царя освобождены...

— Экой ты! такъ я про то тебя и прошу: ты охотой-то... пожалѣй животовъ своихъ... А я, за то тебя награжу... да и братья послѣ не оставятъ.

При этихъ словахъ вся семья, всѣ братья и ихъ жены, до тѣхъ поръ молчавшіе, подошли къ Степану и поклонились ему въ ноги... Бабы при сей вѣрной оказіи захныкали.

— Не оставь, братецъ... пожалѣй своихъ животовъ... А мы тебя тоже не оставимъ... говорили братья.

Степка былъ озадаченъ и не зналъ что гоорить, но видя, что старшіе братья кланяются ему въ ноги, подбоченился. Братья и снохи стояли передъ нимъ на колѣняхъ, ожидая отвѣта...

— Что же, Степанушка, право... Парень ты ловкій... за-разъ ундеромъ будешь... Служба нынче легкая... Прослужишь годокъ-другой! въ побывку придешь... встрѣтимъ тебя тогда ровно ангела-хранителя. Въ нуждѣ твоей тебя не оставимъ и жену твою также... Награду тебѣ дадимъ хорошую... А изъ службы, Богъ дастъ, воротишься, въ дому большакомъ будешь... Право, пожалѣй-ка своихъ животовъ родныхъ... и ихъ дѣтокъ малыхъ...

— Не оставь, братецъ... Заставь за себя вѣчно Бога молить... говорили братья, кланяясь. Бабы хныкали все громче и громче!

— Да, вѣдь, это конечно... началъ Степанъ въ раздумьи. — животовъ своихъ точно... какъ не пожалѣть... Да, вѣдь, это дѣло такое... Это

видишь ты что: какая награда-то, батюшка, будетъ отъ тебя?...

— Да какая награда? Вѣдь, ты мнѣ не чужой, не наймистъ... Я тебя не обижу, а ты насъ не захочешь зорить... Одежи тебѣ дамъ въ волѣ...

— Одежа — это конечно... Это что... само собой... А вотъ, вѣдь, теперича, если мнѣ себя за какого богатаго мужика запродать, вѣдь, пятьсотъ, али шестьсотъ дадутъ... Да прогулять можно рублей съ двѣсти... Эти я порядки слыхалъ... знаю...

— Ну, Степанушка, такихъ денегъ мнѣ взять негдѣ... Опять ты то помни, что не за кого другого, не за чужого человѣка пойдешь, а за своего кровнаго брата... Чужой-то тебя найметъ; да только бы какъ сбыть съ рукъ, а послѣ и знать не будетъ, и спасибо тебѣ не скажетъ... А вѣдь тебя мы и въ службѣ, и опосля службы, не оставимъ... Ты то помни... А ты возьми триста рублей... Вѣдь триста рублей, Степанъ, ныньче деньги большія... вѣдь это больше тысячи... Ну, а гулять... извѣстно, ужъ гуляй, какъ тебѣ угодно... только дуростей не дѣлай, да насъ не больно зори... Ну-ка, Степа, перекрестись, да и давай молиться... Господь тебя за это не оставитъ...

А братья все стояли передъ Степаномъ на колѣняхъ и то и дѣло кланялись, приговаривая: не оставь братецъ... заставь за себя вѣчно Бога молить... Двѣ изъ бабъ, помоложе, уже начинали вполголоса привывать.

Степанъ сидѣлъ насупившись и молчалъ... Всѣ ждали отвѣта, притаивши дыханіе: нѣсколько секундъ въ избѣ слышалось только всхлипыванье бабъ.

— Ну, инъ и вправду, сказалъ вдругъ Степанъ.

Видно, такъ и быть, жалѣючи животы свои... Изволь батюшка, иду...

Братья бросились обнимать и цѣловать Степана. Отецъ благословилъ его. Всѣ помолились Богу. Лица братьевъ повеселѣли и сіяли радостью; слезы женщинъ мгновенно высохли. Порфирій казался доволенъ, но былъ какъ-то сосредоточенъ и задумчивъ. На лицѣ Степана не выражалось ни малѣйшей борьбы, никакого внутренняго движенія.

— А это вотъ что, батюшка, началъ Степанъ послѣ минутнаго молчанія: первое дѣло теперича ты мнѣ одежду новую сшей и непремѣнно гармонику вели купить... потому я теперь гулять стану: мнѣ безъ новой одежи нельзя въ люди показаться... А гармонику это чтобы непремѣнно... Ну, а теперь на радость братцы мои любезные, надо водочки купить... Вы чувствуете ли что я для васъ могу теперь сдѣлать... жизнью своей могу пожертвовать... А теперича надо мнѣ гулять...

— Слушай, Степанъ, зтмѣтилъ отецъ серьезно: гулять ты гуляй, сколько твоей душѣ угодно... Одежи я тебѣ понашью, изволь... только смотри, чтобы слово было крѣпко... Если же ты только сказалъ свое рѣшенье такъ, на вѣтеръ, чтобы только погулять, да пьянствовать на мои деньги, такъ знай ты: ходу тебѣ ко мнѣ въ избу не будетъ, сыномъ считать не стану, и не надѣйся ты на меня, и умру, благословенья своего не оставлю... Слышишь ты это, Степанъ... Помни же, что я молвилъ.

— Да это, батюшка, что говорить пустое... Ужъ, значитъ, судьба моя рѣшенная... Царскій солдатъ!.. Эхъ, Степанъ Порфирычъ, послужимъ братъ, покажемъ себя: каковы мы есть... Только чтобы, батюшка, на счетъ награды, чтобы было вѣрно...

— Ужъ объ этомъ нечего и говорить: къ посреднику и деньги снесу.

— Ну, а теперь, нашему брату — охотнику гулять нужно... Эй, Васютка, твоей бы головѣ подъ красной-то шапкой горѣть: у меня, чтобы къ завтрему гармоника была... Ну, покамѣся, давайте мнѣ суконный тулупъ. да теплую шапку, и денегъ цѣлковыхъ съ два хоть... Я гулять пойду...

И началъ, Степанъ Порфирычъ гулять и чего-чего не выдумывалъ онъ для своего увеселенія! На дворѣ осенняя слякоть, дождь, или изморозь, грязь, по колѣно, колесо телѣги едва въ ней оборачивается, а Степанъ Порфирычъ прикажетъ заложить себѣ тройкой кибитку, навѣшать побольше колокольцовъ и бубенцовъ, завалится въ кибитку съ неразлучной гармоникой, а одного изъ братьевъ посадитъ на козлы кучеромъ и гонитъ во всѣ лопатки... Лошаденки взмокнутъ, задохнутся, изъ силы выбиваются, а Степанъ то и дѣло кричитъ изъ подъ кибитки: „пошелъ!“ и хлещетъ мужикъ лошаденокъ изъ всей мочи, а у самаго сердце надрывается... Проносится кибитка черезъ деревню, горланитъ Степанъ пѣсни, вытягиваетъ изъ гармоники дикіе звуки, летятъ во всѣ стороны комья грязи, съ бѣшенствомъ и лаемъ бросаются на лошадей собаки, останавливаются середи улицы мимоидущіе мужики, высовываются въ оконца крестьянскихъ избенокъ любопытныя бабьи лица и всѣ съ улыбкой приговариваютъ: „охотникъ гуляетъ... аришкинскій Степанъ гуляетъ... за братьевъ охотой идетъ!...“

Заходитъ Степанъ въ кабакъ. Поитъ тамъ каждаго встрѣчнаго, или переколотитъ всѣхъ, кто подъ силу пришелся, или пойдетъ цѣловаться съ кѣмъ нибудь, да и укуситъ до крови — за все это от-

вѣчай какъ знаютъ отецъ и братья, а его дѣло гулять: онъ охотникъ, за братьевъ охотой идетъ.

Вся семья глазъ не сводитъ со Степана, кто нибудь изъ братьевъ слѣдитъ за каждымъ его шагомъ, чтобы, храни Богъ, какъ не набѣдилъ да не попалъ подъ судъ, тогда и въ солдаты не примутъ: и вся семья исполняетъ каждую его прихоть, чтобы какъ не прогнѣвался, да не раздумалъ идти за братьевъ. А Степанъ это чувствуетъ, понимаетъ и ломается надъ семьей сколько разуму стаетъ. Идетъ пьяный изъ кабака, нарочно повалится въ самую грязь, въ лужу, пересрамитъ всю одежду, да и не встаетъ, самъ идти не хочетъ: неси братъ на себѣ. И тащутъ эту тушу братья на себѣ — дѣлать-то нечего: охотникъ, за нихъ охотой идетъ. — Еще на другой день новаго платья потребуетъ: это не хорошо, все выгрязнилось. Подходитъ Степанъ къ забору, рядомъ калитка. Не хочу идти въ калитку: разбирай заборъ — и разбираютъ. Пріѣхалъ Степанъ съ катанья, съ пѣньемъ и музыкой подкатилъ къ крыльцу, братъ кучеръ промокъ до костей, лошаденки подводятъ бока, раздышаться не могутъ, качаются, а Степанъ изъ кибитки нейдетъ: пусть снохи на рукахъ вынутъ и на лѣстницу внесутъ. Нечего дѣлать: тащатъ бабы десятипудоваго парня, а братья скоса только посматриваютъ на замученныхъ лошадей да вздыхаютъ, а говорить нельзя: разсердится братецъ — охотникъ.

Пришелъ Степанъ домой, въ избу — пошелъ дымъ коромысломъ. Все не по немъ, все не такъ и не этакъ, и вся семья ему служитъ съ подобострастіемъ и раболѣпствомъ: заставитъ братьевъ и ихъ женъ плясать — и пляшутъ, заставитъ пѣсни пѣть — поютъ, вздумаетъ ни съ того ни съ сего

за волосы потаскать, или поколотить — даются, только развѣ про себя бормочутъ: „вонъ, дьяволъ, куда и сонъ прошелъ, и не дрыхнетъ теперь: и день и ночь куралеситъ!“ Отецъ ужъ отъ грѣха изъ дома уходитъ, чтобы какъ изъ терпѣнья не выдти, да не поколотить охотника. А тому и на руку: видитъ, пришло его время. Созоветъ со всей деревни и изъ сосѣднихъ всѣхъ назначенныхъ въ рекрута — и пьянствуетъ съ ними, оретъ пѣсни цѣлую ночь — а вся семья служитъ; спать никто уйти не смѣетъ. Не узнаешь мирнаго, скромнаго и скупого Порфирова дома.

Подморозило какъ-то, выпалъ снѣжокъ. Вздумалъ Степанъ кататься. Братья осмѣлились сказать, что лошади смучены, ногъ не волочатъ.

— Лошади смучены... Ну, ладно, лошадей и не надо. Злакладывайся въ салазки, тройкой, снохи... да гусемъ, слышь ты... а мнѣ чтобы кнутъ гусевой...

Братья стали было лошадей закладывать.

— Нѣтъ, не хочу: пусть снохи катаютъ... Я за ихъ мужей свою голову ставлю.

Нечего дѣлать, запряглись снохи въ салазки, — сѣлъ въ нихъ Степанъ и кнутъ пастушій взялъ въ руки. Ѣдетъ, покрикиваетъ, кнутомъ щелкаетъ; бѣгутъ снохи въ припрыжку, боятся, чтобы по нимъ кнутомъ не задѣлъ. Вся деревня высыпала смотрѣть на эту потѣху. Вся деревня хохотала, и теперь еще смѣется, вспоминая эту затѣю. Братьямъ глаза стыдно было показать на улицу... Снохи сначала было смѣялись, хотѣли повернуть все дѣло на смѣхъ, а послѣ и плакать стали, зазорно показалось, что цѣлая деревня на ихъ зубы скалитъ, а нечего дѣлать: катали... Да и народъ разсуждалъ потомъ велико-

душно: что ты съ нимъ станешь дѣлать-то?... Тутъ до кого ни доведись: дѣлать съ нимъ нечего: охотникъ, братецъ, охотой за братьевъ, идетъ!... Только выдумалъ же окаянный: на снохахъ кататься!... Поди жъ ты!...

Степану это катанье пришлось по нраву: онъ повторилъ бы его не разъ, да на бѣду оттепель опять вышла и грязь развело, снѣгъ растаялъ.

Среди гульбы и попоекъ вспомнилъ Степанъ о женѣ, которая. жила въ городѣ, въ работницахъ. Принарядился онъ и поѣхалъ къ женѣ. Брата изъ города отпустилъ домой и велѣлъ пріѣзжать за собою на другой день.

Ахнула Матрена и руки развела, когда супругъ разсказалъ, на что рѣшился.

Повѣсилась было она въ попыхахъ мужу на шею и заплакала, да скоро спохватилась.

— За сколько же, за сколько же они покупаютъ то тебя? Велику ли награду то даютъ? спросила она.

Степанъ разсказалъ.

— Только-то? За триста то рублей ты голову свою продаешь и жену бросаешь? Ахъ ты дуракъ, дуракъ!...

Степанъ за послѣдніе дни избаловался и такихъ словъ не любилъ! вмѣсто отвѣта онъ погрозилъ женѣ кулакомъ.

Та спохватилась.

— Да Стефанъ Порфирычъ, Бога ты не боишься... Чего ты отца то жалѣешь. У него что ли, скареда, денегъ мало? У кого же и деньги то, коли не у твоего отца. Онъ жилъ вѣкъ-то свой съ троими-то братьями: вѣдь, они всѣ на него работали, деньги то всѣ онъ получалъ... А много ли они тебя не

оставляли? много ли помогали? На господскомъ-то дворѣ жилъ, много ли отъ нихъ видѣлъ?.. И свадьбы то нашей путемъ не хотѣли сыграть... Небось рады, что изъ семьи тебя выпихнули, а теперь нужда пришла, такъ и къ тебѣ... Твоей головы имъ никогда не жалко... Триста рублей... Ну-те-ка, да чтой-то это!.. На долго ли тебѣ этого станетъ?... Нѣтъ, какъ хочешь: меньше пяти сотъ не бери... Это стыдно и въ люди сказать: за что себя продалъ поваръ, мастеровой человѣкъ... Да за этакаго молодца всякій пятьсотъ-то съ раопстью дастъ... А имъ бы стыдно... Кажется не чужого нанимаютъ... родного сына... А еще богачи считаются... Нѣтъ Степанъ Порфирычъ, меньше пяти сотъ не бери: такъ и скажи: пять сотъ, молъ, давайте, а то отказываюсь, нейду...

— А что жъ ты полагаешь: такъ и скажу...

— И дадутъ... повѣрь Богу: дадутъ...

— Извѣстно дадутъ...

— На кого же меня-то покидаешь? Куда же я-то дѣнусь? Какъ же я-то вѣкъ буду коротать?

— А я такъ думаю: тебя съ собой взять... Я, вѣдь, въ деньщики пойду, поваромъ буду у полковника, а ты въ горничныхъ... Вотъ и будетъ ладно. Э, да это что говорить... Не пропадемъ. А теперь собирайся-ка, да поѣдемъ, гулять надо. Я брата домой отпустилъ, сказалъ, чтобы завтра пріѣзжалъ. Надо теперь сходить да ямщика нанять: хочется его обогнать, пока до деревни не доѣхалъ... Ты поди отъ мѣста-то откажись, а я пока за лошадьми сбѣгаю, да за тобой и заѣду. Такъ покатимъ: смотри только.

Братъ Степана былъ еще на половинѣ дороги къ деревнѣ, когда мимо его проскакала ямская тройка

и изъ кибитки съ хохотомъ и крикомъ раскланялся ему братецъ охотничекъ съ женою.

— Вотъ еще разоренье: за лошадей плати! Теперь повадится, пожалуй, каждый день кататься на ямскихъ... подумалъ братъ Степана, любуясь въ то же время изчезающей вдали лихой тройкой.

Жена научила Степана до послѣднихъ дней не говорить ничего отцу о прибавкѣ, а теперь потребовать только, чтобы Порфиръ одѣлъ ее, Матрену, сшилъ бы ей два платья и шубу. Степанъ такъ и сдѣлалъ. Матренѣ нашили одежи. Охотникъ продолжалъ гулять, пьянствовать и дурить.

Наконецъ за нѣсколько дней до открытія набора, Степанъ объявилъ отцу, что меньше пятисотъ не возьметъ, чтобы сто рублей ему отдать на руки, а четыреста посреднику. Порфиръ сначала разсвирѣпѣлъ, прибилъ и вытолкалъ изъ дома Степана, а тотъ, чтобы душу отвести, приколотилъ жену. Но Матрена не струсила, увела мужа къ своимъ роднымъ и просила подождать только до другого дня: опомнятся, дескать, сами придутъ кланяться; тогда ужъ ты и меня не забудь, и на мою долю припроси сколько нибудь.

Матрена не ошиблась въ разсчетѣ. Какъ ни ругался Порфиръ, какъ ни клялъ сына, а дѣлать было нечего: искать другого охотника некогда, да и негдѣ. Послалъ старшаго сына сказать Степану, чтобы шелъ дѣло кончать. Старшій братъ, зная, что у Степана болитъ голова съ похмѣлья, а выпить ему не на что, принесъ за пазухой полштофа водки, разсчитывая этимъ скорѣе задобрить Степана. Но тотъ былъ уже пьянъ: онъ въ тотъ же день заложилъ женинъ платокъ, имъ же наканунѣ подаренный. На просьбу брата отвѣтилъ, что пойдетъ

только тогда рѣшать дѣло, если отецъ дастъ кромѣ пятисотъ рублей еще пятьдесятъ женѣ, а то она не подпишетъ подписки, что можетъ сама себя содержать безъ помощи мужа. Этому его научили родные жены. Нечего дѣлать: скрѣпя сердце согласился Порфиръ и на это послѣднее требованіе.

И пошла опять прежняя потѣха: пьянствовалъ и куралесилъ Степанъ до послѣдняго дня, когда сельскій староста объявилъ, чтобы всѣ очередные собирались въ городъ.

Михайло Макаровъ, на семейство котораго пала очередь, былъ родной братъ Порфиру. Его не было уже на свѣтѣ, но имя его жило еще въ деревнѣ и о троихъ сыновьяхъ его, которые жили вмѣстѣ, нераздѣльно, въ деревнѣ, иначе не говорили, какъ Михайла Макарыча семья. Старикъ, при жизни своей пользовался общимъ почетомъ и уваженьемъ. Онъ не былъ образцомъ необыкновенныхъ добродѣтелей и нравственной чистоты: до сихъ поръ въ деревнѣ живетъ преданіе, что Михайло Макарычъ отъ живой жены находился въ постоянной связи съ одной дѣвицей, крестьянкой, теперь уже старухой; слылъ онъ также человѣкомъ умнымъ, не безъ грѣха хитрымъ и изворотливымъ; давалъ деньги въ ростъ и умѣлъ ихъ получать назадъ, что̀ не совсѣмъ простое и не совсѣмъ располагающее къ мастеру дѣло въ крестьянскомъ быту; но не смотря на то всѣ любили, всѣ уважали и говорятъ даже побаивались Михайла Макарыча. Необыкновенный здравый смыслъ, особенное умѣнье жить и благоразумная доброта, можетъ быть исходящая не столько изъ сердца, сколько изъ ума — были тому причиной. Михайло Макарычъ умѣлъ

жить въ ладу и съ міромъ, и съ бариномъ, умѣлъ соблюдать свои выгоды, но никто не могъ на него пожаловаться, чтобы онъ кого нибудь обидѣлъ или притѣснилъ, бѣдняки до сихъ поръ помнили добро, которое онъ имъ дѣлалъ, хотя это добро самому ему иногда ничего не стоило. Изъ связи его съ дѣвушкой никогда не выходило никакого скандала: ни жена, ни семья на него за это не роптали, да правду сказать: живи онъ не въ деревнѣ, гдѣ каждый шагъ человѣка извѣстенъ, никто бы и не зналъ объ этихъ отношеніяхъ. Баринъ и барыня его любили. Жена Михайла Макарыча была кормилицей господскаго первенца и наслѣдника, и это обстоятельство послужило къ особому сближенію Михайла Макарыча съ господами, которое онъ умѣлъ поддерживать въ продолженіи всей своей жизни. У него было три сына, но рекрутская очередь всегда миновала ихъ, и баринъ никогда не бралъ ничего съ Михайла Макарыча за это снисхожденіе; и даже міръ какъ-то благосклонно смотрѣлъ на эту льготу: врядъ ли кто роптал на это даже втихомолку. Но теперь мірской сходъ временно обязанныхъ указалъ изъ первыхъ очередныхъ на семью Михайла Макарыча и объявилъ старшимъ двумъ женатымъ братьямъ, чтобы они кинули между собою жеребей; младшій братъ еще не вышелъ годами. Сходка требовала, чтобы жеребей былъ сейчасъ же кинутъ, въ ея присутствіи. Робко переглянулись между собою братья Павелъ и Алексѣй и нерѣшительно переступали съ ноги на ногу, не двигаясь съ мѣста. У Павла было уже двое дѣтей, Алексѣй недавно женился и дѣтей еще не имѣлъ. Павелъ былъ извѣстенъ на міру, какъ бахвалъ и кутило, но хорошій мастеръ — штукатуръ, ходившій въ Петербургъ и приносившій

иногда хорошія деньги, не смотря на то, что пропивалъ половину выручки. Въ деревнѣ его не очень долюбливали за бахвальство и грубость нрава. Алексѣй жилъ всегда дома, былъ не рѣчистъ и на сходки изъ-за брата никогда не ходилъ; слылъ парнемъ смирнымъ, работящимъ, но не больно умнымъ. Міръ лучше бы хотѣлъ отдать въ солдаты Павла, но у него были дѣти, а у Алексѣя еще нѣтъ, и потому имъ дали жеребей.

— Ну, что же. Либо сами кидайте, либо выберите кого кинуть, сказалъ староста смущеннымъ братьямъ.

— Жеребей дѣло великое: то Божья воля, отозвался Алексѣй. Погодите православные, мы пойдемъ домой, Богу тамъ помолимся, да и жеребей тамъ кинемъ промежъ себя, а завтра вамъ и скажемъ: кому выпадетъ.

— Ну, инъ ладно, порѣшилъ міръ.

— Только чтобы завтра рѣшенье, прибавилъ староста, потому мнѣ въ волость надо повѣстку дать.

Пошли братья домой, молча и уныло. Притихъ и разговорчивый обыкновенно Павелъ. Вошли въ избу и сѣли молча на лавку. Жены испуганно и вопросительно смотрѣли на нихъ.

— Ну, что, Алексѣй, заговорилъ старшій братъ: какъ же быть-то?

— Да тебѣ, братецъ, лучше знать: ты большничаешь. Коли имѣешь достатки, коли еть деньги, такъ можетъ охотника купишь. али квитанцію разыщешь. У меня, ты знаешь, собины нѣтъ: что есть, нажито, все у тебя...

— Да какія у меня деньги? Самъ знаешь: что приносилъ изъ Питера, такъ все въ домъ уходило;

залежныхъ пятидесяти рублевъ нѣтъ. Послѣ родителя что осталось, такъ тоже все прожили: вотъ тебя женилъ, свадьбу сыграли: то, другое; а послѣдніе годы, знаешь ты самъ, дѣла стали: въ Питеръ только даромъ ходилъ, да проживался... Божья власть...

— Ну, а коли нѣтъ денегъ, такъ стало быть мнѣ надо идти, и жеребья нече кидать... У тебя дѣти, а я простъ, одинъ...

— Какъ же такъ, Алеха, заговорилъ старшій братъ видимо обрадованный и въ то же время, какъ будто сконфуженный: — и тебя-то жаль... Извѣстно, у меня дѣти... да вотъ и ты тоже только что женился, и съ женой-то не пожилъ... Жена-то у тебя тоже...

Въ это время изба огласилась воемъ жены Алексѣя. Онъ поблѣднѣлъ.

— Что же жена... быстро и отрывисто заговорилъ Алексѣй. — Видно, ужъ такова моя судьба... Отъ нея не уйдешь... У тебя дѣти... Только слушай, братецъ, съ тѣмъ я иду, что если чѣмъ ни на есть Господь отведетъ, чтобы ужъ на тотъ наборъ — жребей... На томъ уговоръ...

И поспѣшно крестясь, отворачиваясь отъ жены, которая со всхлпываніями и причитаньями подходила къ нему, Алексѣй выбѣжалъ изъ избы, бѣгомъ прибѣжалъ на сходъ, который еще не расходился и объявилъ, что жеребей палъ на него.

— Меня и пиши, прибавилъ онъ, обращаясь къ старостѣ. Пиши: Алексѣй Михайловъ Горевъ...

— Что-й-то, Горевъ? отозвался староста. Развѣ такое твое прозванье?

— Да, такъ и пиши: Горевъ, молъ, Алексѣй Михайловъ.

И ни слова не говоря болѣе, онъ ушелъ со схода.

— Пересмякъ же, парень, перетрусилъ... замѣтили нѣкоторые изъ мужиковъ, смотря вслѣдъ уходящему Алексѣю.

— Какъ, братъ, не пересмякнуть... Это дѣло такое — жеребей... Кому лестно! отозвались другіе.

Алексѣй машинально пошелъ со схода къ себѣ домой, но подойдя къ избѣ, остановился, скоса посмотрѣлъ на окна, глянулъ вдоль по улицѣ и медленнымъ шагомъ побрелъ дальше, видимо безъ опредѣленной цѣли. Что именно происходило въ душѣ Алексѣя мудрено опредѣлить, только было ему тяжело и неловко; боялся онъ увидѣть опять слезы жены, не хотѣлось видѣть и брата, точно стыдился онъ чего, точно что недоброе сдѣлалъ. Прямо дорогой прошелъ Алексѣй во вновь открытый въ ихъ деревнѣ питейный, гдѣ, какъ человѣкъ трезвый, былъ всего только одинъ разъ и то изъ любопытства. Теперь онъ спросилъ себѣ косушку водки, всю ее выпилъ и какъ будто ободрился, повеселѣлъ. Смѣлѣе пошелъ онъ домой. Братъ, невѣстка и жена Алексѣя слышали уже отъ возвратившихся со схода мужиковъ о томъ, что Алексѣй объявилъ себя очереднымъ по жеребью.

— Какой жеребей, никакого жеребья не метали: охотой идетъ за брата, разсказывала всѣмъ со слезами и стонами Палагея, Алексѣева жена. Слезами, причитаньями и упреками встрѣтила она и мужа, когда тотъ воротился.

— Что ты съ собой дѣлаешь? Куда самъ лѣзешь? говорила она мужу. Пускай бы ужъ по жеребью выпало: все бы, кажись, легче, зналъ бы ужъ

хоть, что власть на то Божья, судьба выпала, отъ судьбы не уйдешь, а то ну-ка, самъ?.. Что, али отъ жены бѣжишь, али ужъ я тебѣ надокучила?.. Не мила, видно, жена старая, нехорошая...

Палагея дѣйствительно была нѣсколькими годами старѣе Алексѣя и нехороша собой; вышла она за него уже вдовою; но женщина была работящая и добрая, мужа любила безъ памяти.

— Ну, полно, Палаша, полно... отстань... уговаривалъ ее Алексѣй. — Слышь: перестань... Ну что, слышь ты, душу вытянула... На что э́то... полно... Ну, что дѣлать: развѣ не тотъ же жребій, коли у брата трое дѣтей, а я бездѣтный... Все таже судьба... Нишкни, болѣзная... Не томи меня... Неужто мнѣ, думаешь, не тяжко?.. Ну что дѣлать-то...

— Батюшка, солнышко ты мое красное, болѣсь ты моя сердечная, завопила еще громче Палагея, вѣшаясь на шею мужа: да что же я стану безъ тебя дѣлать то? На кого ты меня то, горемычную, покидаешь?..

— Братецъ тебя не оставитъ...

— Не оставимъ сестрица, не оставимъ, говорили Павелъ и жена его.

— Какъ мать родную будемъ почитать... Хоть, большухой будь у насъ...

— Батюшки мои, да какъ же мнѣ жить-то безъ моего сокола яснаго?.. Не милъ бѣлый свѣтъ мнѣ будетъ безъ него... Пожалѣйте вы меня горемычную...

— Да отстань, Палаша, отстань для Бога... Подемъ, братецъ, разгуляться маленько... Заходилъ я, да нѣту, видно, надо еще прибавить... Шально ничто...

— Подемъ, подемъ... отозвался обрадованный Павелъ, которому тоже неловко чувствовалось отъ причитаній Палагеи.

— Я тебя всѣмъ успокою и жену твою не оставлю... не бойся, говорилъ онъ дорогою къ кабаку. — Коли Богъ нашлетъ: примутъ тебя... завсегда пиши ко мнѣ: послѣдній рубль раздѣлю за то, что ты моихъ дѣтей пожалѣлъ...

Алексѣй молчалъ.

— Вѣдь и мнѣ... что?.. дѣтей, вѣдь, только жалко, продолжалъ Павелъ. — А то я бы и самъ пошелъ охотой, истинный Богъ, пошелъ бы... Да чтой-то нынче нейти-то? Нынче солдатское-то житье не въ примѣръ лучше мужицкаго... Теперь вонъ въ нашемъ мѣстѣ что однихъ поборовъ пошло: то на то, то на другое... только успѣвай — поворачивайся... А солдатская служба нынче что?.. гулянка... я въ Питерѣ-то жимши довольно насмотрѣлся, особливо какъ въ казармахъ работали: бить нынче заказано, ученья большого нѣтъ, ѣдятъ сладко, заботы никакой не знай... все про тебя начальство припасетъ, приготовитъ... Да, право, не будь у меня дѣтей, я бы съ радостью... да только что вотъ дѣти нашего брата заминаютъ.

Павелъ продожалъ говорить все въ томъ же родѣ и въ кабакѣ, гдѣ послѣ сходки собралось, какъ водится, много народа. Алексѣй же пилъ и молчалъ.

— Вы всѣ дураки, обратился охмѣлѣвшій Паяелъ къ назначеннымъ въ рекруты: — чего вы боитесь, о чемъ горюете?.. Вы меня спросите: кто бывалъ, да видалъ... Нѣтъ на свѣтѣ житья лучше солдатскаго.

— Такъ вотъ самъ бы и шелъ, чѣмъ на братѣ-то выѣзжать... отозвался кто-то изъ мужиковъ.

— Такъ я просилъ, что ли?.. я не просилъ его: онъ самъ захотѣлъ... А пади мнѣ жеребей: и пошелъ бы, съ радостью бы пошелъ, потому въ нашемъ мѣстѣ что выслужишь? ничего... А тамъ меня за-разъ бы унтеромъ, либо офицеромъ сдѣлали...

— Сдѣлали-бы тебя прохвостомъ... Вишь ты, офицеръ еще какой выискался!.. съ сердцемъ проговорилъ рыжій мужикъ, у котораго міръ назначилъ сына не въ очередь за дурное поведеніе. И прямое бы дѣло тебѣ солдатскую-то лямку тянуть, бахвалишкѣ... а то проворовался совсѣмъ, въ Питеръ-то ходимши... Питерецъ прожженый!..

— Ты что пристаешь, рыжая собака?.. Али обиждаешься, что не въ острогъ сажаютъ, а въ службу отдаютъ сынка-то любезнаго... Извѣстно, лучше бы васъ обоихъ туда посадить... Тамъ компанія-то васъ давно ждетъ... Что, говорятъ, они загулялись, долго къ намъ не жалуютъ... у насъ чу, имъ и честь, и мѣсто...

Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ захохотали. Рыжій мужикъ озлился и полѣзъ было на Павла съ кулаками, но ихъ во время розняли. Алексѣй увелъ брата изъ кабака.

— И ничего ты не бойся... И иди ты смѣло... И служи Царю вѣрой и правдой... И надѣйся ты на меня... бормоталъ Павелъ, идя по улицѣ, обнявшись съ братомъ и пошатываясь. — А я тебя во всемъ устрою и успокою... и останешься ты доволенъ... А рыжаго я еще поколочу...

Алексѣй затянулъ унылую пѣсню, Павелъ сталъ ему вторить, насколько слушался голосъ.

Какъ охотникъ, какъ назначенный въ рекруты, Алексѣй, по обычаю освобождался отъ всякихъ до-

машнихъ работъ и заботъ и гулялъ за урядъ съ другими назначенными къ поставкѣ, но гулялъ какъ-то тихо, уныло: никто его не замѣчалъ, никто о немъ не разсказывалъ, никакихъ штукъ онъ не выкидывалъ, пьяные ребята рѣдко заходили звать его въ свою компанію, но и не гнали прочь, когда онъ приставалъ къ нимъ и тянулъ съ ними общую водку и пѣсню. Мало было даже и разговоровъ въ деревнѣ о томъ, что вотъ Алеха идетъ охотой за братьевъ: всѣ смотрѣли на это просто и безъ удивленья, безъ похвалъ, точно какъ-будто такъ и быть слѣдовало. Въ деревнѣ, какъ и въ городѣ, скромность рѣдко оцѣнивается: и на сходкѣ, міромъ больше тотъ ворочаетъ, у кого глотка шире, да за словомъ, хоть и не больно умнымъ, въ карманъ не полѣзетъ. Даже въ семьѣ своей поступокъ Алексѣя скоро потерялъ свою цѣну: Павелъ и жена его, убѣдившись въ неизмѣнности намѣренія Алексѣя и не видя съ его стороны ни малѣйшей требовательности, ни малѣйшаго желанія напомнить о своемъ самопожертвованіи, почти не считали себя ничѣмъ ему обязанными, по крайней мѣрѣ не думали объ этомъ.

Съ женою своею Алексѣй велъ себя какъ-то странно: смотрѣлъ на нее ласково, привѣтливо, какъ будто съ сожалѣніемъ, но говорилъ съ ней вообще меньше, нежели съ кѣмъ-нибудь; иной разъ подсядетъ къ ней, положитъ руку на плечо, погладитъ по головѣ. „Охъ ты, скажетъ, сухота моя“! но какъ только жена повѣсится къ нему на шею, начнетъ плакать, или заведетъ рѣчь о будущемъ житьѣ своемъ, такъ Алексѣй и наровитъ, какъ бы помягче отъ нея отдѣлаться, да уйти прочь поскорѣе, и не жалость была видна при этомъ въ его лицѣ и гла-

захъ, не горе предстоящей разлуки, а точно стыдно ему становилось чего, точно мучило его какое угрызеніе совѣсти. Но ни люди, ни самъ Алексѣй, никто не зналъ за нимъ никакой вины, за которую могла бы его мучить совѣсть. А между тѣмъ онъ мучился, бѣдный, и мучила его совѣсть. Дѣло-то было простое: Алексѣй не любилъ жены своей, но цѣнилъ ея привязанность къ себѣ и доброту души ея. Женился онъ на ней не то, чтобы по своей волѣ, не то, чтобы по принужденью: не одна дѣвушка нравилась ему, не одна пошла бы за него, какъ за парня красиваго, смирнаго и работящаго, на одной ослобливо хотѣлось бы ему жениться, да, вѣдь, какъ такъ сдѣлать, чтобы самому идти да посвататься, или выбрать жену по мысли, своей волей, коли этого не водится: не ему заводить новые порядки. Жива была еще въ ту пору старуха-мать; братъ Павелъ послѣ отца большничалъ: Алексѣй привыкъ слушаться. Вотъ они и выбрали ему въ жены вдову Палагею. Резоны ему были сказаны для такой свадьбы настоящіе: послѣ отца дѣла пошли плохо, деньги зсѣ прожиты, семья обѣднѣла; вдова была женщина честная, жила скромно, дѣтей не имѣла, былъ у нея свой домъ, послѣ покойнаго мужа одежи много осталось: она ихъ не прожила, ни одной шапки, ни одного кафтана мужнина не продала, а жила хорошо, хлѣба занимать въ чужіе люди не бѣгала, на вдовью судьбу свою не плакалась, значитъ и денежки еще водились у нея. Извѣстно, противъ такихъ резоновъ говорить было нечего... Ну, а что лицомъ не хороша, да годами осмью старше жениха — это не бѣда: на рожѣ не горохъ молотить, бываютъ и хуже, а постарше-то жена еще лучше: постепеннѣе будетъ, а то самъ-то

больно молодъ, да и жена-то молодая, пожалуй, и работать забудутъ.

Такъ и женился Алексѣй. Привязалась къ нему жена всей своей доброй душой; но онъ не былъ отъ этого счастливъ, хотя и на мысль ему никогда не приходило жаловаться, или роптать на судьбу. Правда, посматривалъ онъ иногда изподтишка на молодыхъ н красивыхъ дѣвокъ и бабъ, идя въ церковь или смотря издали на хороводы, и щемило что-то у него въ сердцѣ, но онъ тотчасъ же отворачивался и гналъ изъ головы непутныя мысли, вспоминая какая у него жена добрая, да какъ его любитъ и ему угождаетъ. Можетъ быть, какъ бы не такая была Палагея, да у него было поменьше совѣсти, повеселѣлъ бы и разговорился Алексѣй, и не считали бы его небольно умнымъ. Прожилъ Алексѣй безъ мала полтора года съ женою, и всѣ видѣли, что живетъ эта парочка душа въ душу, и не нарадуется, бывало, мать Алексѣя смотря на то, какую она судьбу устроила; и самъ Алексѣй, по совѣсти, не могъ назвать себя несчастливымъ: онъ не сознавалъ хорошенько, чего ему не доставало. Но вотъ онъ рѣшился идти въ солдаты за брата, и запала ему на совѣсть мысль, что будь другая у него жена получше, да покрасивѣе, которую бы онъ любилъ побольше, не рѣшился бы онъ такъ скоро идти за брата въ солдаты, что, значитъ, ужъ онъ совсѣмъ не любитъ жену; а какъ не грѣхъ ему не любить ее, этакую добрую и къ нему радѣльную? Совѣстно стало Алексѣю и мучился онъ, мѣста не находилъ отъ упрековъ совѣсти, когда жена начинала о немъ плакать и рваться: жалко ему было ее, только смутно чувствовалъ Алексѣй, что не той жалостью, какою бы онъ сталъ

жалѣть жену любимую. Не умѣлъ Алексѣй успокоить себя мыслью, что онъ не властенъ въ своемъ сердцѣ; онъ зналъ только одно непреложное правило, что мужъ обязанъ любить жену свою, особливо такую добрую и преданную. Правда, онъ не билъ, не притѣснялъ Палагею, но этому хорошему сердцу нужно было, чтобы не упрекалъ его неблагодарностью тотъ, кто такъ крѣпко любилъ его, чтобы былъ тотъ человѣкъ счастливъ, а между тѣмъ онъ видѣлъ, что жена догадывается объ его нелюбви къ ней... Вотъ онъ для брата что дѣлаетъ: для брата онъ не пожалѣлъ себя; а что ему братъ, много ли онъ отъ него добра видѣлъ? А женѣ, которая за него въ огонь рада идти, онъ зло дѣлаетъ...

Откуда такая тонкость, такая деликатность чувства въ простомъ неразвитомъ мужикѣ; можетъ ли та среда, въ которой онъ выросъ, имѣть такіе элементы? да, вѣдь, не даромъ онъ и слылъ на міру чуть не дурачкомъ, не даромъ во многихъ русскихъ сказкахъ, что ни дуракъ, то и умнѣе, и лучше всѣхъ... Притомъ Алексѣй думалъ о томъ, что у него дѣлается въ душѣ, очень просто: экой грѣхъ, эка бѣда, думалъ онъ, жены-то я не люблю: пускай бы непутная какая была, а то баба-то добрая, хорошая, души во мнѣ не слышитъ, жалко мнѣ ее, все бы для нея сдѣлалъ, а поди вотъ ты: сердце къ ней не лежитъ... Не потерпитъ мнѣ Богъ за это!.. Вѣдь вотъ передъ Богомъ, въ церкви, давалъ обѣщаніе любить ее, а что дѣлаю?.. Сидитъ она, молчитъ, не глядитъ, работаетъ — ну, ничего, взгляну на нее, даже жалость возметъ: такъ бы и обнялъ, и приголубилъ; а начнетъ она ко мнѣ ластиться, да цѣловаться, либо теперь плакать да при-

говаривать — ну, противно, не глядѣли бы мои глаза... Что ты станешь дѣлать? И жалко мнѣ ее, и совѣсть зазритъ, а нѣтъ вотъ, не люба, не тянетъ меня къ ней...

Быстро, незамѣтно, прошло для будущихъ рекрутовъ гулящее время. Наконецъ изъ волости пришла повѣстка, чтобы послѣзавтра рекрутамъ подниматься. Наканунѣ, рано утромъ, на разсвѣтѣ, былъ се ьскій сходъ, на которомъ староста объявилъ приказъ изъ волости; съ ранняго же утра канунняго дня всѣ рекрута загуляли. Всѣ собрались они въ питейномъ домѣ. Скоро всѣ охмѣмѣли. Начались пѣсни, пляска слезы, хохотъ, причитанья, крикъ и гамъ. Былъ здѣсь и Степанъ въ сюртукѣ и красной рубахѣ, сверхъ штановъ. Онъ больше всѣхъ кричалъ и паясничалъ; больше всѣхъ пилъ и угощалъ присутствовавшихъ. По лицу его видно было, что онъ таки погулялъ на свой пай: распухъ весь, воспаленные глаза едва смотрѣли, рыжіе бакенбарды ощетинились и торчали на отекшемъ лицѣ. Алексѣй сидѣлъ молча, въ сторонѣ, уныло подперши голову рукою. И онъ не оставалъ отъ другихъ и былъ подъ хмѣлькомъ, но не говорилось ему и не пѣлось. Тоска одолѣла его: жалко было ему родного мѣста, гдѣ родился и выросъ, хоть и ничего особенно радостнаго не видалъ онъ здѣсь на вѣку своемъ; жалко было ему жены своей, хоть онъ и не любилъ ее.

Степанъ, угощая другихъ, со штофомъ въ рукахъ подошелъ и къ Алексѣю, своему двоюродному брату.

— Ну, что же, братецъ, выпей еще, по солдатски... сказалъ Степанъ.

— А какъ пьютъ по солдатски? Развѣ ты знаешь? спросилъ Алексѣй, улыбаясь.

— Ну, какъ намъ не знать: значитъ, однимъ глоткомъ косушку, не отдыхая полштофа... Эка, ну, что горевать-та... Идешь охотой, а горюешь... Смотри на меня: ишь ты!.. Ну-ка, выпей...

— Не будетъ ли?

— Ну, что за будетъ... Сегодня нашъ день: гуляй...

— Слушай-ка, Степа, пойдешь ты къ барынѣ прощаться?

— А коего лѣшаго я не видалъ у нея?

— А проститься-то надо же?.. Пойдемъ, братъ, и я пошелъ бы съ тобой...

— Да развѣ только то, что чаемъ или кофеемъ напоитъ; а то плевать я хотѣлъ, прощаться-то съ ней...

— Да что она? вѣдь, она тебя не обижала? Тебѣ грѣхъ на нее жаловаться... Подемъ-ка, полно... Мнѣ одному-ти идти, ровно какъ не того... Да я же и небывалъ николи... А сходить-то надо... Пойдемъ...

— Ну, пойдемъ.

Они отправились къ господскому дому. Вошли въ прихожую съ передняго крыльца: тамъ никого не было.

Внѣшній характеръ жизни въ помѣщичьихъ домахъ много измѣнился за послѣднее время. Бывало, какъ бы ни былъ бѣденъ помѣщикъ, или помѣщица, а ужъ въ прихожей непремѣнно торчитъ какое нибудь небритое, полу-пьяное чучело, хоть въ лохмотьяхъ, да лакей, или по-крайней мѣрѣ босоногій, выросшій изъ сертучишка и штановъ, казачекъ, или просто мальчишка; а отъ горничныхъ въ трапезныхъ,

набойчатыхъ платьяхъ, босыхъ и съ растрепанными, по обыкновенію, волосами, больно вострыхъ или вѣчно сонныхъ — и проходу не было. Бывало, въ каждой комнатѣ, кромѣ залы да гостиной, сидитъ по одной, да еще сверхъ того у ногъ барыни два или три звѣрка, чуть не нагіе, съ коротко остриженными волосами и съ грязными чулками въ рукахъ, а въ дѣвичьихъ имъ и счета не было. Теперь прислугу въ господскомъ домѣ не скоро и отыщешь: осталась какая нибудь дряхлая старуха изъ прежнихъ дворовыхъ, которая, какъ сошла съ лежанки, такъ и озябла, да живетъ другой или третій мѣсяцъ на одномъ мѣстѣ горничная — и славу Богу, хозяйка счастлива и довольна. Дома у насъ любили строить въ деревняхъ большіе, просторные, со множествомъ комнатъ: нужно, чтобы была и зала, и гостиная, и столовая, и неизбѣжная угольная, и спальня, и дѣтская, и дѣвичья и еще нѣсколько комнатъ, которымъ и названія, и назначенія придумать не могли, но которыя были необходимы и строились на случай; а мало ли бываетъ такихъ случаевъ въ жизни: гости съѣдутся — надо ихъ размѣстить на ночлегъ, дѣти подростутъ — одной дѣтской мало будетъ; гувернантку можетъ быть понадобится нанять — и ей нужна комната; билліардъ можетъ быть вздумается купить — надо, чтобы и для билліардной была особливая комната. И все это, бывало, наполнялось, и вездѣ бывало тѣсно, кромѣ привилегированныхъ залы и гостиной, и вездѣ было грязно и мало порядка, несмотря на множество суетившейся, вѣчно хлопотавшей и вѣчно ничего не дѣлавшей прислуги. И теперь стоятъ эти дома: некогда еще имъ состарѣться, некогда ихъ передѣлать, да и не на что; и стоятъ они пустые и скучные, а зимой на половину

комнатъ нетопленые, потому что и дровъ нарубить и къ дому привести — все нужны деньги, а гдѣ ихъ взять? И прежде мало было чистоты и порядка, а теперь и совсѣмъ его нѣтъ: поддерживать и соблюдать ихъ некому, прислуги мало, а сама хозяйка ни за что взяться не умѣетъ, да еще, по старой памяти, и не хочетъ. Кушать стали помѣщики гораздо скромнѣе, и умѣреннѣе, а ужъ о вкусѣ и спрашивать нéчего: у насъ повара всегда точно обязанностью своею считали быть пьяницами: это ужъ такой порядокъ испоконъ вѣка былъ заведенъ. И бывало помѣщикъ суровый, нравъ котораго размягчался хорошо свареннымъ супомъ или удачно испеченой кулебякой, поощряя своего повара, всегда бывало скажетъ: „вотъ вѣдь, пьяница, можетъ же готовить хорошо или: мастеръ вѣдь, пьяница, какъ захочетъ!.. „Нынче и такихъ поваровъ не стало: всѣ куда-то скрылись изъ деревень. Говорятъ, что ихъ наперерывъ стали нанимать купцы въ городахъ, желающіе стать на дворянскую ногу и очень скучавшіе до сихъ поръ тѣмъ, что у нихъ готовили кухарки. Теперь, если придетъ въ деревню наниматься поваръ, такъ ужъ надо знать впередъ, что это горе одно и гибель всякаго рода провизіи, а не поваръ. И сидятъ наши помѣщики иной разъ за такимъ обѣдомъ, которымъ въ былое время, посовѣстились бы угостить дьячковъ въ престольный праздникъ, когда они съ женами и дѣтьми наполняютъ заднія комнаты господскаго дома. — Но вотъ чѣмъ хорошъ или дуренъ, по крайней мѣрѣ не похожъ на другихъ русскій человѣкъ: всѣ эти лишенія онъ переноситъ безъ ропота и великодушно, а если и сердится, то какъ-то по дѣтски: больше смѣшно, и совсѣмъ ужъ не страшно; даже среди этихъ лишеній онъ сдѣлался какъ будто лучше: и

умнѣе, и смирнѣе, и доступнѣе, и человѣчнѣе. Но оттого ли это, что до сихъ поръ у насъ не было настоящихъ потребностей, а были только затѣи, что отъ нечего дѣлать, какъ дѣти довольныя и безпечныя, у которыхъ живы папенька съ маменькой, мы играли въ жизнь, какъ въ игрушки; а теперь, какъ тѣ же дѣти, на которыхъ въ первый разъ надѣли сюртучекъ вмѣсто рубашки, или длинное платье, вмѣсто коротенькаго съ панталончиками, и которымъ сказали: „ну теперь вы дѣти большія, вамъ стыдно въ куклы играть, а надо быть умницами, не шалить, не буянить, нужно взять книжку, сѣсть и читать“, — мы сѣли и читаемъ, и хоть очень намъ скучно, а все таки мы сидимъ и читаемъ, плохо, правда, понимаемъ что въ книжкѣ напечатано, а все таки читаемъ, потому что стали большія и играть намъ въ куклы стыдно...

Степанъ съ Алексѣемъ постояли нѣсколько минутъ въ прихожей, но ихъ присутствія никто не замѣчалъ.

— Да что стоять-то здѣсь? сказалъ Степанъ: тутъ никого нé дождешься... Подемъ туда: онъ указалъ на внутреннія комнаты.

— Погоди...

— Да нечего годить-то!.. Я знаю, барыня теперь, надо быть, въ столовой, чай пьетъ... Мы туда прямо, значитъ, и пойдемъ...

Алексѣй смущенно и нерѣшительно пошелъ вслѣдъ за Степаномъ.

Барыня дѣйствительно сидѣла въ столовой, за самоваромъ. Она чуть не закричала отъ испуга, когда въ отворенныхъ дверяхъ неожиданно показалась распухшая, рыжая, всегда для нея страшная рожа Степана. Впрочемъ онъ, хотя и смѣло, но очень вѣжливо подошелъ къ барыниной ручкѣ.

— Пожалуйте ручку, сударыня: пришли попрощаться съ вами... Завтра въ городъ поднимаемся... сказалъ Степанъ.

Барыня успокоилась, а отъ этого неожиданнаго къ ней вниманія совсѣмъ растаяла.

— Прощай, Степанушка, прощай... Спасибо, что вспомнилъ... не забылъ мою хлѣбъ-соль... говорила она ласково.

— Какъ мо́жно, сударыня, чтобы забыть ваши милости... отвѣчалъ Степанъ, модно отступая къ дверямъ.

— Ну, прощайте... заговорилъ Алексѣй, неловко подходя къ барынѣ и подбирая лѣвою рукою длинный рукавъ тулупа на правой. Прощайте... И я тоже пришелъ...

На глазахъ Алексѣя были слезы. Онъ упалъ барынѣ въ ноги. Та окончательно растрогалась.

— Ахъ, батюшки, да, вѣдь, это Алексѣй, кажется, Михайла Макарыча.. Ты Алеша...

— Такъ точно...

— Ахъ, ты, голубчикъ мой... Вотъ кто меня вспомнилъ... Вотъ хорошаго-то отца дѣти...

Барыня расплакалась. Обняла Алексѣя и поцѣловала его.

— Слышала я, слышала... Что это тебѣ вздумалось?.. Пускай бы братъ-то шелъ: однимъ бы буяномъ въ деревнѣ меньше было... хоть я тебя и мало видала, а помню... Что это тебѣ вздумалось, Алеша?.. Говорятъ, охотой идешь?..

— Да такъ ужъ... Видно судьба...

— Ну, Господь тебя за это наградитъ... Вотъ и видно, что по отцѣ пошелъ... Я знаю, вѣдь, ты за племянниковъ идешь: ихъ жалѣешь... Ахъ, Алеша, Алеша... А молодецъ-то какой! обратилась она къ сидѣвшимъ тутъ же дочерямъ своимъ.

— Жену безъ меня не оставь... проговорилъ Алексѣй... Можетъ быть, нужда какая пристигнетъ...

— Будь увѣренъ, будь увѣренъ... Отъ всей души рада... Да хочешь я ее къ себѣ возьму: въ прислугу?.. Жалованье будетъ получать...

— Ужъ это какъ тамъ она сама... какъ сама пожелаетъ... По мнѣ, пожалуй... Вы господа добрые; у васъ можно жить...

— Да что же вы, налейте ему чаю-то... обратилась она къ дочерямъ. Садись, Алеша, садись вотъ тутъ... Вотъ чаю тебѣ сейчасъ нальютъ... Алексѣй сѣлъ, не стѣсняясь.

Степанъ стоялъ у косяка и выставляя то ту, то другую ногу впередъ, ставилъ ее на каблукъ и повертывалъ. Онъ видимо хотѣлъ казаться молодцомъ. Ему было непріятно особенное вниманіе барыни къ Алексѣю.

— Вотъ и ты, Степанъ, тоже, вѣдь, охотой идешь?... обратилась барыня и къ нему.

—Да-съ... Вѣдь, извѣстно вамъ: мнѣ бы не слѣдовало, такъ какъ мы на льготѣ... Конечно... жалѣя только животовъ своихъ...

— Ну, что же, это хорошо... Тебя за это Богъ не оставитъ... Вѣдь, скоро привыкнешь...

— Конечно... мнѣ эта линія больше прилична... потому братья — народъ не ломаный... гдѣ-жъ имъ?.. А вѣдь только что... конечно... животовъ своихъ жалко... а то бы, вѣдъ, я могъ бы жить... и безъ этого... Ну, да такъ какъ братья... пожалѣлъ своихъ животовъ...

— Ты, Степанъ скоро выслужишься... какъ разъ генераломъ будешь!.. замѣтила одна изъ барышень, подавая ему стаканъ съ чаемъ...

— Гдѣ-жъ, сударыня, генераломъ... хоть бы ка-

питаномъ изволили сказать... Братъ, братъ, ты встань... нехорошо... обратился онъ къ Алексѣю, который усѣлся пить чай у того стола, гдѣ сидѣли и господа... Ты, братецъ, знай... свое мѣсто...

— Нѣтъ, ничего, не тронь его... Сиди, сиди, Алеща...

— Да, вѣдь, потому, сударыня, гдѣ-жъ ему?.. онъ не знаетъ ничего... потому надо знать свое мѣсто...

— Да я вотъ и чаю-то, признаться сказать, не умѣю пить, простодушно отозвался Алексѣй. Дѣло не привычное... Ужъ не обезсудьте... Я только что вотъ хотѣлъ... что надобно, молъ, съ господами попрощаться...

— Да, полно ты, Алеша, голубчикъ... Я и не знаю какъ тебѣ рада и благодарна... Вѣдь, ты знаешь какъ мы всѣ твоего отца любили...

— Да, вотъ не далъ Богъ батюшкѣ пожить... съ глубокимъ вздохомъ и грустью сказалъ Алексѣй.

— Конечно, какъ мы теперь... должны свое мѣсто знать... продолжалъ Степанъ, желая снова обратить на себя вниманіе. А, вѣдь, тоже... неизвѣстно... можетъ быть, конечно... и мы... на свой стулъ сядемъ, какъ Богъ приведетъ послужить... Человѣческая судьба закрыта...

— Да ты Степанъ непремѣнно будешь офицеромъ... Тогда пріѣзжай къ намъ въ гости... говорили барышни. Ты, вѣдь, я думаю, въ гвардію попадешь...

— Ужъ конечно, что... по росту буду въ гвардію проситься... или въ кавалерію, потому — въ службѣ по росту и по корпусу человѣку отличка бываетъ... Опять же я ломку имѣлъ... во дворѣ служилъ... стало быть я все скорѣе мужика могу

перенять . . . Конечно . . . я какъ теперь иду, жалко своихъ животовъ. . . а то вѣдь, я и самъ къ этой службѣ завсегда пристрастіе имѣлъ . . .

— Чай, тошно тебѣ, Алешка? а? спрашивала барыня. Тоже вотъ жену оставишь, а вы, говорятъ жили хорошо . . .

— Да, извѣстно, ужъ тошно. . . Что дѣлатьто? . .

Алексѣй облокотился на столъ и положилъ голову на руку. Степанъ подошелъ къ нему.

— Братъ . . . братъ . . . не хорошо . . . Отпусти руку . . . не хорошо . . .

— Да полно, ты оставь его, Степанъ! замѣтила ему барыня съ неудовольствіемъ.

— Нельзя, сударыня . . . Надо ихъ учить, потому они глупы . . . ничего не знаютъ . . .

— Ужъ послѣ, братъ Степанъ, въ службѣ насъ съ тобой обучатъ всему . . . съ добродушною улыбкою проговорилъ Алексѣй, снова принимая прежнюю позу.

— Тошно, матушка барыня, больно тошно, и самъ не знаю отчего, а на сердцѣ тяжко . . . А кажется бы, не по принужденью иду, своей доброй охотой . . .

— Когда тебя назначатъ въ полкъ, такъ ты напиши, въ какой полкъ попадешь: можетъ быть не будетъ ли знакомыхъ офицеровъ кого: я напишу имъ объ тебѣ . . .

— Ладно, напишу . . .

— А ты поблагодари . . . Скажи: покорнѣйше благодаримъ за ваше . . . подсталъ Степанъ.

— Эхъ, Степанъ, не трожь-ка ты меня . . . Я съ барыней-то теперь равно съ матерью родной сижу . . .

— Ахъ, другъ ты мой, родной ты мой. . . Вотъ ужъ истинно Михайла Макарыча душа въ тебя пе-

решла... Что же это ты прежде-то никогда не ходилъ ко мнѣ?..

— Да дѣла-то у меня особливаго къ тебѣ не было, ну, а такъ-то безъ дѣла ужъ не приду... нѣтъ, не приду...

— Отчего же?..

— Да нѣтъ... смѣлости этой нѣтъ у меня... Я, вѣдь, васъ люблю... Знаю, что вы и батюшку любили, и господа вы были для насъ добрые... Вотъ, когда иду, бывало, мимо-то крыльца господскаго... или вижу васъ гдѣ это, и подумаю: вотъ бы подойти къ господамъ, да поговорить съ ними... А нѣтъ, не станетъ у меня этого духа, ужъ не приступить мнѣ къ вамъ, нѣтъ!..

— Да отчего же это?

— Ужъ не знаю я! такой ужъ я человѣкъ!..

— Онъ у насъ, сударыня, простъ... такъ ужъ... конечно человѣкомъ... Онъ себѣ и фамилію такую взялъ — Горевъ... Пойдемъ-ка, Алексѣй... Надо и честь знать... Ты, чай, ужъ и господамъ-то надоѣлъ...

— Нѣтъ, нѣтъ... посиди Алеша.

— Ну, такъ ты поди коли и есть, Степа, а я коли маненько еще посижу, повожусь съ господами-то...

— Оставайся... Конечно... занятіе отъ тебя большое господамъ-то!.. Ну, прощайте, матушка, за хлѣбъ за соль... Сегодня у насъ самый гулящій день... ужъ останный... Тамъ когда еще Богъ приведетъ...

— Прощай, прощай Степанъ... Спасибо, что вспомнилъ... Дай Богъ тебѣ счастья...

— Покорнѣйше благодаримъ... Ну, а ты оставайся коли... Да смотри: помни себя... знай

свое мѣсто... Понимаешь!.. Степанъ сдѣлалъ какой-то многозначительный, ему одному понятный, жестъ рукою, и вышелъ.

— Да вотъ, мнѣ бы и давно къ вамъ ходить, началъ Алексѣй, когда Степанъ ушелъ, у меня вотъ здѣсь ровно и сердце растаяло, ровно и легче стало на душѣ, какъ съ вами-то я поговорилъ... Вотъ давно бы мнѣ къ вамъ придти... а я нѣтъ... Вотъ только сегодня, что ужъ, молъ, надо проститься съ господами...

— А ты въ самомъ дѣлѣ взялъ себѣ фамилію Горевъ?

— Взялъ: Горевъ.

— Отчего же?

— Отчего?.. Эхъ, матушка барыня!.. Радости-то я мало видѣлъ на свѣтѣ... Все, ровно, я какой живу... не знаю ужъ какъ тебѣ и сказать... Никѣмъ я больно чтобы не изобиженъ, а все мнѣ не въ удачу... все не въ удачу...

— Да, что же такое?

— Сказать тебѣ?.. Изволь... Первое горе: батюшка меня покойный любилъ, ужъ какъ любилъ, я про то знаю — ну, не привелъ мнѣ Богъ съ нимъ пожить: померъ, на четырнадцатомъ году я остался. Вотъ первое горе... А ужъ онъ бы меня устроилъ, знаю: не этакъ бы устроилъ... Остался я мальчишкой, ничего не зналъ, мастерству никакому обученъ не былъ... Наѣзжалъ молодой баринъ, показался я ему, знаете: кормилицынъ сынъ, хотѣлъ мнѣ добро сдѣлать, мастерству какому обучить... Видитъ парнюшко болтается. А въ тѣ поры въ селѣ колокольню строили. Вотъ и отдалъ онъ меня мастеру, чтобы каменьщикомъ меня обучить... Знаю, баринъ мнѣ хотѣлъ добро сдѣлать, благодарю я его

за то, а вышло-то не такъ. Мастеръ-то плутъ оказался: барину-то наобѣщалъ обо мнѣ и невѣсть что, а на мѣсто того чуть было меня въ чахотку не вогналъ. И что я отъ него вытерпѣлъ: сказать не возможно. Парень-то я былъ смирный, робкой, пословной: онъ на мнѣ два года ровно на лошади и ѣздилъ. Только я у него и дѣлалъ, что песокъ, да воду, ведрами таскалъ. . . Ну-ка подумай, въ селѣ-то изъ-подъ горы, а какова гора-то? ведеръ по тридцати въ сутки принашивалъ — доброй лошади въ пору. Бывало ноги трясутся, плеченьки ломитъ, въ грудкѣ духъ сопрется, а нечего дѣлать: реву да тащу. Итакъ бы онъ меня, кажись, и уморилъ: потому никому я не жаловался, да и боялся: не послушаютъ, скажутъ — балуюсь, особливо братъ-то Павелъ, а сталъ такъ худать: кости, да кожа. Спасибо прикащикъ увидалъ, какъ я маюсь, да и спросилъ меня: чему же я выучился, да видитъ, что меня и не принимались учить-то и велѣлъ мнѣ домой идти, а подрядчика разругалъ. Такъ тѣмъ все мое ученье и кончилось; а дома все попрекали послѣ, что два года даромъ шлялся, а ничему не выучился. Вотъ и другое мое горе. . . Ты думаешь: не горе что ли? Нѣтъ выучи-ка меня мастерству-то какому, я бы завсегда могъ быть человѣкомъ, и для дома вдвое бы сподоблялъ. Вотъ братецъ Павелъ, хоть извѣсно иной годъ и даромъ въ Питеръ сходитъ, а вѣдь иные годы тоже и приносилъ: воротится съ деньгами-то тоже и нужду всякую домашнюю справитъ, и выходитъ, что всѣ мы изъ-за него живемъ, а я все около сохи, да около дома, моя работа и невидна. Братецъ-то частенько и молвитъ: что вы де тутъ безъ меня подѣлаете на печи-то лежа, я у васъ одинъ доставальщикъ. . . Ну, извѣстно мнѣ

это прискорбно, а кабы у меня мастерство-то въ рукахъ было, да принесъ бы я въ домъ заработанныя-то денежки, всѣ бы и видѣли, что и я доставальщикъ... А теперь мнѣ и показать нечего, кромя одной моей работы, а работа не деньги: всякъ ее по своему цѣнитъ... Живу я теперь весь свой вѣкъ подъ началомъ; братецъ въ дому большничаетъ и всѣмъ распоряжается. Ну, извѣстно, кабы былъ я самъ большой въ дому, не такъ бы я домъ повелъ, не такіе бы у меня пошли порядки; можетъ справилъ бы не на смѣхъ, да на зазоръ добрымъ людямъ... Ну, да это куда ни шло: не мой домъ, не моя воля, не на меня и люди показываютъ... Конечно, оно прискорбно другой разъ бываетъ... ну, да наше мужицкое сердце изъ-за этого сносливо: мало ли бы ты что своимъ-то умомъ раскинулъ, да изъ-за старшихъ въ дому высовываться нечего, никто тебя за это не похвалитъ, да ничего и не подѣлаешь... У насъ, матушка барыня, въ крестьянствѣ, знаешь-ли ты, нѣтъ ли, въ дому одинъ вожакъ — кто въ дому большой, а тѣ всѣ слѣпые: куда вожакъ поведетъ, туда и идемъ, что большакъ прикажетъ, то дѣлаемъ... Такъ, вѣкъ-то и живемъ, а старики насъ за то хвалятъ: благодать-де Господня въ дому, коли младшіе старшаго слушаютъ, изъ его воли не выходятъ... Вотъ теперь хоть бы женили меня... Конечно, что говорить, жена у меня добрая душа, на рѣдкость — поискать... Знамо, какъ бы я самъ выбиралъ, такъ, можетъ статься, выбралъ бы себѣ и помоложе, и попригожѣй... ну, да ужъ это, коли далъ Богу обѣтъ, такъ долженъ ее любить... про то что говорить... это ужъ Божье дѣло: Ему значитъ такъ надо... А вотъ это... Женилъ меня на ней братъ: домъ у нея свой былъ...

хозяйство... ничего, вѣдь, у меня изъ того не осталось... Говоритъ братъ, послѣ свадьбы: изъ-изъянился, говоритъ, я на твою свадьбу, задолжалъ, — ты, говоритъ, домъ-то продай: надо расплатиться... Ну, и продали... А одежа да что прочее, что у жены было, я ужъ и не знаю: куда что пошло... Вотъ и погулять-то братнинъ тулупъ-то суконный надѣлъ: своего-то нѣтъ... Ну, что, матушка, барыня, скажи ты мнѣ: справедливо я Горевъ прозываюсь, али нѣтъ?.. Еще у меня есть горе... Ну да про то и поминать нечего... На то Господня власть... Въ томъ горѣ, можетъ, я и самъ виноватъ...

Алексѣй сидѣлъ задумчиво, все въ той же позѣ, облокотясь на столъ и положивши голову на руку. Нѣсколько мгновеній всѣ молчали въ комнатѣ.

— Бѣдный ты, Алеша, проговорила наконецъ барыня. Ну, не тоскуй... что горевать?.. Богъ тебя невидимо утѣшитъ...

Алѣксѣй улыбнулся.

— Не надивлюсь я на себя: ну-ка, что я вамъ наговорилъ, откуда у меня столько рѣчей-то набралось... Не говаривалъ, кажись, столько отродясь... а вы все сидѣли, да слушали меня... Дай вамъ Богъ за то радости, а мнѣ ровно пооблечало... Ну, прощайте... Пора ужъ мнѣ... Вотъ что, матушка, попросилъ бы я тебя, да не знаю какъ... не прогнѣвалась бы ты...

— Что, что такое? Говори, Алеша: я рада-радостью...

— Погости ты у меня ужо... Приходи ко меня въ гости, вотъ и съ дочками: всѣ приходите... а? Будь мать родная... Я сегодня выпрошу у брата, чтобы мнѣ хоть одинъ денёкъ побольшничать въ

дому, а ты и приходи ко мнѣ... Али тебѣ непригоже?

— Изволь, изволь, непремѣнно приду... Всѣ придемъ...

— Ну, вотъ ужъ покорнѣйше благодарю... Вотъ благодарю... Ужъ буду радъ — приходите... Ну, а теперь прощайте пока.

Барыня проводила Алѣксѣя со слезами и благословеніями.

Отъ барыни Алексѣй прошелъ прямо домой.

Ты, чу, у барыни былъ? спросилъ его Павелъ.

— Нечто, отвѣчалъ нехотя Алексѣй.

— Чтой-то это тебѣ сдумалось?

— Попрощаться ходилъ...

— Да что тебѣ съ ней прощаться-то? Ничто милости что ли какія видѣлъ отъ нея? Чай, что не живешь, и не говаривалъ съ ней... Вотъ охота была идти...

— Что же не сходить-то?.. Она намъ зла никакого не сдѣлала; а батюшка завсегда ихъ добромъ поминалъ... Поди-ка ровно роднаго привѣтила... ровно мать родная...

— Да теперь имъ какъ не привѣчать... Теперь они извѣстно рады нашему брату, кто придетъ поклониться... Не прежняя пора: честь-то отошла... Не то, что... рады и тебѣ...

Алексѣй нахмурился: какъ будто обидѣлся. Онъ понялъ, что братъ намекалъ на его убожество. Впрочемъ онъ ничего не возразилъ ему на это.

— А вотъ что, братецъ Павелъ, заговорилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ молчанія: сегодня у меня день останный, прощальный... хочу я тебя попро-

сить: ты дай мнѣ сегодня побольшничать. . . Позову я гостей, самъ отъ себя, какихъ мнѣ надо и угощать самъ стану. . . Ужъ ты мнѣ дай волю . . . чтобы, хоть одинъ-то вечерокъ, я самъ — большой былъ. . .

— Большничай, большничай . . . что мнѣ? . . Да кого же ты звать-то будешь?

— А вотъ, первое дѣло, барыню я позвалъ съ дѣтками. . .

— Ну, вотъ принесетъ ее нелегкая. . . Чего она у насъ не видала? . . .

— Видишь ты, вѣдь, братецъ: сказалъ — большничай. . . А самъ что говоришь. . . И что тебѣ-то барыня сдѣлала? кажись, ничего худаго.

— Да тебѣ-то что! . . Не ты оброкъ-то платишь: все я отдувался. . . Да на насъ и міръ-то насмѣется. . . Еще пожалуй и ругать станутъ: ишь ты, въ прощальный день кого гостей звать нашелъ! . .

— Непутное въ тебѣ сердце . . . проговорилъ съ досадою Алексѣй. Въ останной-то разъ я тебя просилъ . . . и тутъ ты. . . Эхъ, братъ, братъ!

— Да, вѣдь, я, чудакъ, ничего. . . Я, вѣдь, такъ только молвилъ, что молъ міръ не осудилъ бы . . . а то мнѣ что . . . твоя воля: какъ хочешь. . . Ты хоть бы только еще кого позвалъ . . . хоть бы изъ родныхъ кого что ли. . .

— Да кого изъ родныхъ то? . . Порфировы не пойдутъ: у нихъ у самихъ проводы . . . а другихъ-то, которые чтобы близкіе — нѣтъ у насъ. . . Вотъ Парасковью Митревну позову. . .

— Кого? спросилъ съ удивленіемъ Павелъ.

— Парасковью Митревну. . . Она добрая душа, завсегда меня привѣчала. . .

— Чудной ты, право . . . сказалъ Павелъ усмѣхнувшись . . . зови кого хочешь. . . И то сказать:

твое дѣло... Ты сегодня большой... И онъ вышелъ изъ избы, продолжая ухмыляться.

Парасковья Дмитревна была та самая дѣвица — крестьянка, съ которою, по преданію, Михайло Макарычъ будто бы находился въ короткой связи. Это была пожилая дѣвица, умная, степенная и богомольная, считавшаяся въ деревнѣ очень богатой и вслѣдствіе этого пользовавшаяся особеннымъ уваженіемъ. Она жила въ семьѣ роднаго брата, или лучше сказать: семья брата жила на ея счетъ. Парасковья Дмитревна дѣйствительно имѣла небольшой капиталецъ, который очень умно пускала въ оборотъ и съ каждымъ годомъ его увеличивала: скупала по дешевой цѣнѣ пряжу, отдавала изъ нея ткать холсты и салфетки, ткала сама, и потомъ умѣла ихъ продать во время и съ хорошимъ барышемъ. Въ полѣ она считалась первой работницей даже теперь, когда уже ей пошло за пятьдесятъ. Говорила она вообще мало, но любила сказать резонно и разсудительно. Отчего не вышла Парасковья замужъ — это осталось для деревни какой то загадкой. Правда, что отецъ ее выкупилъ изъ господской власти, какъ единственную дочь, и слѣдовательно она не могла быть выдана замужъ по господскому приказанію: но къ ней не разъ сватались хорошіе женихи, и всѣмъ имъ отецъ Парасковьи отказывалъ. Ему разумѣется жалко было разстаться съ единственной дочерью — работницей; но и она — всѣ это знали — не рвалась за мужъ и рада была, что отецъ провожалъ сватовъ ни съ чѣмъ. Связь съ Михайломъ Макарычемъ не помогла разгадать этой загадки, потому что, когда они сошлись, Парасковьѣ было ужъ подъ тридцать, она слыла богомолкой, то и дѣло ходила по церквамъ, и женихи перестали къ ней свататься...

Въ деревняхъ рѣдко проявляется ревность жены къ мужу, если только онъ заботится о домѣ и не тащитъ изъ него къ своей возлюбленной. Въ другихъ сословіяхъ не имѣютъ и приблизительнаго понятія о той необыкновенной терпимости, которая существуетъ въ этомъ отношеніи у простонародья. Зачастую вы увидите, какъ дружелюбно бесѣдуютъ между собою жена и извѣстная всей деревнѣ любовница мужа: на помочь жена позоветъ ее первую, у нея первой займетъ соли, мучки или чего нужно для дома, на посѣдки любовница къ первой пойдетъ, къ женѣ, сама напросится у нея на всякую домашнюю послугу: и ребенка въ люлькѣ покачаетъ, и сынишкѣ волосы причешетъ и рубашенку ему сошьетъ. Но если, избави Богъ, мужикъ началъ зорить домъ для любовницы — ну, тогда ужъ пошла потѣха на всю деревню, и рѣдкая недѣля пройдетъ безъ драки, и ни одна встрѣча безъ ссоры и ругани. Парасковья Дмитревна была всегда въ добрыхъ отношеніяхъ со всей семьей Михайла Макарыча, но больше всѣхъ любила Алексѣя; и она одна во всей деревнѣ не считала его простачкомъ или дуракомъ; онъ былъ съ ней одной откровененъ, къ одной ходилъ и по долгу бесѣдавалъ.

Послѣ разговора съ братомъ, Алексѣй тотчасъ же пошелъ къ ней.

— Тетушка Парасковья, приходи уже ко мнѣ въ гости: останный вечеръ справляю. . .

— Да я бы и безъ того пришла, родимый ты мой. . .

— Да нѣтъ, вѣдь, я сегодня къ себѣ зову, потому что я большничать буду, а не братъ. . . Такъ ужъ для останнаго дня выпросилъ, чтобы мнѣ большничать. . .

—И давно бы тебѣ пора большимъ-то въ дому быть: не этакой бы порядокъ-то былъ. . .

— Ужъ извѣстно я не такъ бы домъ повелъ. . . Ну да про то что говорить. . . Мнѣ ужъ теперь не долго: скоро буду отрѣзанный ломоть. . .

— Я, тетушка Парасковья, только тебя да еще барыню и зову... только у меня и гостей будетъ. . .

— А барыню развѣ звалъ? . .

— Звалъ.

— Ну, доброе дѣло, умно: хвалю за то. У насъ народъ на нее взъѣлся, самъ не знаетъ за что. . . Что барыня? . . Такъ чѣмъ она виновата, что барыня, коли такъ ее Богъ уродилъ. . . Вотъ были и всѣ въ крѣпости, а теперь Царь отмѣнилъ, стала воля. . . Такъ она то въ чемъ тутъ причина? нѣтъ, какъ были крѣпостные, такъ барыни боялись и почитали, а теперь — ругать, да наровятъ какъ обидѣть: не хорошо: я этого не хвалю. . . А ты хорошо сдѣлалъ, умно. . .

— Э, да, вѣдь, ты бы посмотрѣла тетушка Парасковья, какъ меня въ господскомъ-то дому привѣчали . . . ровно я не мужикъ. . . Даже все сердце мое къ барынѣ раскрылось. . .

— Что же? Барыня она добрая, завсегда была. . . И впередъ Алексѣюшка никогда не смотри на людей и не дѣлай за людьми, а дѣлай такъ, какъ Господь тебѣ на душу положитъ. . . Доброе дѣло, голубчикъ. . . Умница ты у меня: люди-то только въ тебѣ пути не знали. . .

— Ну, тетушка Парасковья, что говорить . . . Вотъ теперь самъ по себѣ пойду, безъ людей . . . Такъ приходи. . .

— Ну да ужъ коли же не придти. Знамо, приду. . .

— Только что мнѣ тошно очень . . . проговорилъ Алексѣй послѣ нѣкотораго молчанія.

— Ну, какъ не тошно: все изъ роднаго гнѣзда вонъ. . . А ужъ ты коли взялъ на себя этакой обѣтъ, такъ ты не ропщи и не унывай. . . Больше Богу молись. . .

— Жена, то меня очень сокрушаетъ, что на кого я ее оставляю. . .

— Не оставилъ бы Господь милостивый, а то не пропадетъ. . . Этого не бойся. . .

— Очень ужъ она меня любитъ. . .

— Когда же жены мужей не любятъ. . .

— Да нѣтъ, тетушка Параковья, особливо любитъ. . . Ты видала ли какъ ее всю перевернуло это время? . .

— Такъ, вѣдь, сердечный мой другъ, стало быть ты того стоишь, коли жена этакъ любитъ. . .

— Нѣтъ, тетушка Парасковья, я того не стою. . . Это меня пуще и убиваетъ. . .

— Какъ такъ не стоишь. . . Жена то, вѣдь, не чужой народъ, ей виднѣе что ты за человѣкъ. . . Какъ бы былъ ты какой не путящій, али неразумный — не бось, не стала бы любить. . . А чего этого лучше, коли жена мужа, а мужъ жену крѣпко любятъ: тутъ благословеніе Господне. . .

— То то вотъ и есть, Парасковья Митревна: она-то меня любитъ . . . да я-то ее . . . не люблю. . . Слышала ли ты это? . . Вотъ, вѣдь, у меня грѣхъ-то какой на душѣ. . .

— Какъ такъ не любишь? Что это ты на себя насказываешь? . . Развѣ я не знаю какъ вы съ ней жили. . .

— Да жили-то мы ладно . . . Еще бы десятки, можетъ, лѣтъ этакъ же прожили . . . Я бы и не сдога-

дался... А вотъ теперь пришло время: надо будетъ врозь жить: и вижу, что нелюблю...

— Да полно Алексѣюшка, что ты говоришь...

— Вѣрно, тетушка Парасковья, она ко мнѣ всей душой, а я нѣтъ... Она ко мнѣ рвется, а у меня нѣтъ этого на сердцѣ... только мнѣ жалко, да ровно какъ стыдно ее... а нѣтъ этого, чтобы рвало за сердце, какъ подумаю, что вотъ, молъ, съ женою разстанусь... А почнетъ она ревѣть — мнѣ непріятно. Вотъ, вѣдь, что... Разложи-ко ты это дѣло, метани-ко разумомъ-то...

— Не знаю ужъ что тебѣ и сказать Алексѣюшка... Не пара-то она тебѣ, не пара: извѣстно, ты молодецъ и красавецъ, ну а она ужъ и пожимши, да и изъ себя не очень чтобы сказать красива: да, вѣдь, у мужа съ женой не на томъ любовь стоитъ... Не знаю что тебѣ молвить... А полагаю такъ: больше все это у тебя отъ мыслей... Отставь ты это, не думай: положись на власть Господню. Онъ, Создатель, наше сердце видитъ: въ вину Онъ тебѣ этого не поставитъ... Только помни ты завсегда, что она твоя законная жена, плоха ли, хороша ли, никогда ее не оставляй и изъ мыслей своихъ не выкидывай... Это отъ молодости, другъ ты мой сердечный, а вотъ молодость пройдетъ: воротишься ты къ ней, можетъ и сердце твое къ ней поворотится, и лучше ея на свѣтѣ для тебя не будетъ...

— Ужъ и самъ не знаю какъ, Парасковья Митревна... А стало быть надо на Господа положиться: видитъ онъ всю мою душу: открыта она передъ нимъ. Алексѣй задумался... Парасковья Дмитревна тоже имѣла свои причины задуматься надъ этимъ разговоромъ.

Оба они нѣсколько времени молчали.

— Эх-ма! проговорилъ наконецъ Алексѣй, глубоко вздыхая. Приходи же, тетушка Парасковья. . .

— Ну, неужели. . .

— Можетъ, останный разъ. . .

При этихъ словахъ Алексѣй съ грустной улыбкой и полными слезъ глазами взглянулъ на Парасковью Дмитревну и вышелъ изъ избы. Та долго смотрѣла вслѣдъ ему съ любовью и утирала глаза.

Грустно и какъ то не складно прошелъ у Алексѣя послѣднiй вечеръ въ родномъ домѣ. Пришла къ нему барыня со всей семьей, пришла и Парасковья Дмитревна. Алексѣй угощалъ ихъ, хлопоталъ, распоряжался въ домѣ, какъ старшiй; но бесѣда не клеилась, жена то и дѣло плакала, чувствительная барыня отъ нея не отставала. Алексѣй былъ смущенъ и печаленъ, за то Павелъ пьянъ, веселъ и говорилъ одинъ за всѣхъ, причемъ особенно старался объяснить барынѣ, что хоть онъ теперь и вольный, а ее не оставитъ, что вотъ онъ одинъ весь домъ держитъ, и что брату далъ сегодня побольшничать.

Чрезъ нѣсколько дней барыня узнала, что, въ числѣ прочихъ, были приняты въ рекруты Степанъ и Алексѣй, что Степана ставили пьянаго и отецъ не хотѣлъ даже путемъ и благословить его, что Алексѣй ушелъ молодцомъ, а жена его упала безъ памяти, когда узнала, что мужъ принятъ въ солдаты.

1864 г.
